

Аїя Субботина

Простокровка
из Дра'Мора

Бывает, лелеешь мечту поступить в Эльхайм — Высшую школу обучения светлой Материи и Плетению, а оказываешься в Дра'Море — ее полной противоположности. В компании демонов, дьяволов, вампиров, инкубов и прочей проклятокровной братии.

Бывает, наперекор голосу разума, делаешь глупость за глупостью — и остаешься совсем одна против очень недружелюбных однокурсников.

Бывает, проще отступить, чем идти с голыми руками против смертельной стихии, но лучше погибнуть глупой простокровкой, чем встать на колени и принять поражение. Потому что и простокровки не так просты, как кажутся, и некоторые самые обычные на первый взгляд вещи, могут таить в себе самые невероятные секреты.

Однажды в детском сне, Однажды ночью часы пробили двенадцать раз.

И широко распахнулось окно. Однажды детское сердце Достигло возраста, в котором учатся летать, И сделало шаг наружу.

© *Nightwish, «Dark Chest of Wonders»*

— Боюсь, это какая-то досадная ошибка, — повторила нимфа, глядя на Марори поверх сдвинутых на кончик носа очков. — В наших списках не значатся ваши данные, айра.

— Но ведь здесь...

Нимфа пресекла попытку настырной девчонки в который раз сослаться на письмо — единственное доказательство ее правоты. Даже не доказательство — жалкая попытка подлога. Пусть и неосознанного.

— Смотрите. — Нимфа демонстративно постучала длинным пальцем по марке в верхнем левом углу конверта, а для большей убедительности поскребла ее кончиком ногтя. Краска бессовестно слезла, обнажая пустой квадратик — подделка.

— Я не вру, честное слово! — попыталась оправдаться Марори. — Я получила это письмо три дня назад.

По почте. Как и другую корреспонденцию.

Понимающий кивок был ей ответом. Нимфа достала из-под стойки пачку похожих конвертов, поверх которых лег и конверт Марори.

— Очень. Плохой. Розыгрыш. — Она выразительно пожурела невидимых шутников. — Магистресса Флоранция будет в ярости, сегодня вы седьмая.

В голове Марори не укладывалось: как можно шутить такими жизненно важными вещами?!

— Мы подозреваем, что это дело рук старшекурсников из Дра'Мора. В прошлом году они взломали базы данных и устроили путаницу с экзаменами. Та еще была история. — Она наклонилась к девушке и заговорщицким шепотом прибавила: — Мы все думали, что разбирательством займутся солары и высшие демоны, но, слава Рассвету, все обошлось.

Марори рассеянно кивнула.

— И что мне теперь делать?

Ответ читался на полном искусственного сожаления лице нимфы: собирать вещички и возвращаться, откуда приехала. То есть в серую, невыразительную, бесперспективную жизнь. Жизнь, последние годы которой Марори посвятила адскому труду и учебе, лишь бы втиснуться в несчастные пять десятков студентов, для которых ежегодно открываются ворота Эльхайма. Она не давала себе ни малейшей надежды, каждый день просыпаясь с мыслью, что все равно делает недостаточно для того, чтобы приблизиться к мечте, и что нужно стараться намного больше. Она не давала себе малейшей надежды, даже когда садилась заполнять вступительные тесты и когда потянулись бесконечные дни ожидания. Марори помнила, как дрожали ее руки в попытке вскрыть злосчастный конверт. Окажись там отказ — она бы поняла и приняла. Ну, немного взгрустнулось бы. Не больше. Но

положительный ответ заставил ее перечитать письмо трижды, прежде чем девочка осознала суть витиеватых строк. Первый курс Эльхайма! Первокурсница, наконец-то поймавшая мечту за хвост.

Радость и ощущение легкости наполняли ее все то время, пока Марори добиралась до дверей заветной академии. И вот теперь она стоит, не чувствуя под собой ног. В висках пульсирует. А надежда, всего несколько минут назад смело взиравшая в будущее, раздавлена и искорежена.

Но что хуже всего — ради своей мечты Марори пришлось соврать матери. Впервые в жизни. Сейчас по спине девочки пополз холодок, стоило только представить грядущее объяснение.

— Могу я... — Марори кивнула на конверт, — ... повешу над кроватью.

— К сожалению, нет, — нимфа тут же спрятала фальшивые письма обратно, под столешницу, — мы приобщим их к материалам расследования. Виновные будут наказаны по всей строгости.

«Ну и ладно», — мысленно отмахнулась Марори. От одной бумажки ни жарко, ни холодно. Она понятия не имела, что ее дернуло попытаться забрать подделку на память. Разве что в назидание самой себе на случай, если снова захочется взлететь.

Мысли снова и снова возвращались к скорому разговору с матерью. Легко догадаться, что та скажет, когда дочь вернется с полными руками разочарования, позором и признанием в обмане.

«Я ведь предупреждала, Марори, академия Стефании — самое для тебя место! Когда же ты повзрослеешь и научишься прислушиваться к старшим? Позвоню Дарэлу. Может быть, еще не поздно что-то устроить. Ну, надо же додуматься — сунуться в Эльхайм. Почему уж тогда не в Дра'Мор, к этим рогатым кровопийцам?»

Чего уж там, само собой, она заслуживает каждый упрек, потому что, вместо того чтобы поступать в академию Стефании и стать врачом или фармацевтом, решила сунуть нос в элитный закрытый университет Высшей светлой Материи. В Эльхайм, где по определению нечего делать людям — существам, наименее одаренным чувствительностью к Материи и Плетению. Да еще и простокровкам. И вот она осталась у разбитого корыта: тут не ждали, а там уже поздно. И вряд ли даже брату Дарэлу Какой-Же-Ты-Умный-Надежда-Семьи-Милсов удастся воспрепятствовать этому фиаско.

Марори подобрала свою нехитрую поклажу (всего один чемодан на ручке, стыдливо тощий от скудости вещей, да спортивная сумка через плечо) и зашагала к выходу. У нее будет целых двенадцать часов в поезде, чтобы придумать, что делать дальше. Благо, перспектива всего одна: год до следующего набора трудиться в семейной хлебной лавке. Скорее всего, через месяц-другой запас материнской досады иссякнет и упреки останутся лишь дополнением к визитам Дарэла на зимние каникулы. Ведь он, в отличие от младшей сестры, прислушался к мудрым советам родителей, поступил на факультет хирургии и уже через два года станет первоклассным врачом. А лет через двадцать прославит их ничем не примечательную фамилию.

Но что самое обидное — неудачу с поступлением и последующие упреки придется переживать в полном одиночестве. У Марори почти не было подруг: заучкам не очень-то нужны собеседники. Однако Бри, которая поступила в Старшую школу математики, и Тасмит, еще на прошлой неделе приславшей фотку: она сама на фоне громадного здания авиационного института — будет очень не хватать. Девочка представила, что будет

чувствовать, когда обе наперебой начнут постить в социальных сетях свои студенческие селфи, и разочарование захлестнуло с новой силой.

Снаружи подкарауливал дождь. Стоило высунуть нос из-под стеклянного козырька — как на Марори обрушились потоки холодной воды. А зонтик она, как обычно, забыла. Еще одна привычка, которую не под силу искоренить ни силой воли, ни узелками на память — вездесущая рассеянность. Если б, как в поговорке, голова была бы съёмной, то основную часть своего времени Марори проводила бы без нее.

Пришлось дать задний ход, прятаться обратно и использовать чемодан вместо табуретки. К счастью, чего она уж точно никогда не забывала, так это книгу. И одна как раз лежала в сумке, с закладкой на странице, где вот-вот грозила раскрыться основная сюжетная тайна. Чтение было Марори единственной слабостью, точнее сказать — жизненной необходимостью. Она читала везде: за чашкой кофе и в метро, в очереди и в прачечной, — и обязательно пару страниц перед сном.

Итак, книга открыта, дождь барабанит по прозрачному куполу, вокруг ни души. Если бы не разочарование с фальшивым письмом, этот день Марори навсегда бы записала в список памятных. Хотя туда он протиснется и без ее желания, правда, со знаком «минус». Она с трудом представляла, сколько времени должно пройти, прежде чем начнет вспоминать о произошедшем без желания скулить.

Через полчаса колокол на главной башне Собора Извечного света двенадцатью ударами огласили полдень. Дождь прекратился, оставив после себя зеркальную от влаги площадь и запах свежести. Люди, как насекомые, почуявшие, что опасность миновала, споро выбирались из магазинов, кафетериев и наводняли улицу. Марори глазом не успела моргнуть, как площадь и улицы вокруг преобразились, став похожими на встревоженный муравейник. Вот она, столица во всей своей красе, со всеми своими прелестями: много людей, много машин и выхлопных газов, много шума и мало места, чтобы побыть в одиночестве.

«А теперь — на вокзал», — скомандовала себе девушка и тяжелыми шагами устремилась в сторону каменной арки.

* * *

Магистресса Флоранция сидела за письменным столом, разглядывая пухлую пачку писем в самом его центре. В одной ее руке замерло перо грифона с золотым наконечником, в другой — чистый пергамент. Уже битый час она перебирала варианты составления официального уведомления, но до сих пор не нашла оптимальный. Дамиану, будь он неладен, дай только повод узреть нарушение Равновесия — он тут же ухватиться за него, чтобы раздуть конфликт. Флоранции очень не хотелось сковырнуть только-только начавшую заживать старую рану, но произошедшее нельзя оставить без надлежащей реакции. И на этот раз она должна проявить твердость. Видят Светлые, в прошлые разы она нарочно уступала, нарочно закрывала глаза — свои, а после — рты сплетникам, гораздым обсуждать за ее спиной каждый шаг, но сегодня она поступит как должно. Даже если ради этого придется поставить под угрозу Равновесие, которое в последнее время все чаще подвергается испытаниям. Похоже, Дамиан возомнил, что может бесконечно продолжать игру в одни ворота, не обращая внимания на то, что творят его воспитанники. Что ж, он не прав. Пришло

время доходчиво сообщить ему об этом.

Магистресса нарочно выбрала самые жесткие из возможных слов, привела самые нелицеприятные аргументы и, чтобы блюдо вышло особенно жгучим, пригрозила официальным обращением в Ложу с просьбой провести служебное расследование по факту злостного нарушения дисциплины студентами Дра'Мора, что чуть было не привело к целой череде скандалов. Впрочем, почему чуть было? Привело! Только все они до поры оставались сокрытыми под спудом шатких договоренностей. Ох, как непросто было их добиться, пришлось обещать во всем разобраться и все исправить. И сделать это предстояло в крайне сжатые сроки.

Перечитав письмо несколько раз и не сделав ни одной правки, она запечатала его положенным порядком и поместила в транскуб. Лучше бы, конечно, электронкой, но тогда бы она автоматически дала делу официальный ход — любая корреспонденция между Дра'Мором и Эльхаймом визировалась в обязательном порядке. Отправленное электронное письмо лично Дамиану превратилось бы в занесенный над его шеей меч. По совести сказать — этот самый меч давно следовало опустить. Но, в конце концов, даже приговоренным дают право на последнее желание. А она, как один из Хранителей, должна хотя бы попытаться повлиять на зарвавшегося рогатого и тем самым избежать информирования Ложы.

Грохот и яркая вспышка около стеллажей с книгами огласили его визит. Книжки вылетели с полок, словно пробки из бутылок, в воздухе появился насыщенный запах серы и раздражения. Третий Лорд-демон Дамиан вышел из пиктограммы, и та рассыпалась за его спиной снопами искр. Он смахнул с лацкана пиджака пару гарцующих огоньков и тяжелой поступью зашагал напрямик к ней. Флоранция встретила его спокойной полуулыбкой, поднялась и протянула руку для поцелуя. Необходимые формальности, прежде чем они начнут бросаться друг в друга фекалиями.

— Что это значит? — на удивление вежливо поинтересовался Дамиан. Его голос был густым и глубоким, точно древние камни перекатываются. Но от рогатого верзила ростом за два метра и чуть ли не такой же ширины в плечах поневоле ожидаешь громоподобного рыка. А вот в ярко-желтых глазах на вежливость и тем более доброжелательность не было и намека — там плескалось неприкрытое раздражение. Брови гостя сошлись к переносице, а костяное навершие хвоста со стуком опустилось на пол. — К какому ответу ты меня призываешь?

Флоранция ожидала, что он не сразу пойдет в откровенную атаку и заранее спланировала варианты нападения. Вступать в диалог с демоном, не имея при себе пары-тройки заготовленных сценариев этого самого диалога, — поступок не очень умный. Она, Магистресса Эльхайма, душу, разумеется, не потеряет, а вот оказаться сидящей в луже может вполне.

Флоранция глубоко вздохнула. Разговор предстоит непростой. Если Дамиан думает, будто одного его эффектного появления достаточно, чтобы вывести ее из себя, — он ошибается.

— Я бы предпочла, чтобы в следующий раз перед тем, как почтить меня своим вниманием, ты прежде осведомлялся о моем графике у секретаря, — проговорила она ровным голосом. — Не стоит врываться столь внезапно и устраивать в моем кабинете разгром.

Она красноречиво посмотрела за спину гостя, где на полу в беспорядке валялись книги.

— Осведомлялся о графике? — Дамиан резко подался вперед. Излишне — его мощная

аура злобы захлестывала гигантской смертоносной волной, подавляла, находишь он хоть рядом с собеседником, хоть в противоположном углу комнаты. В его глазах пылало пламя самой Преисподней, а под одеждой отчетливо перекачивались литые мышцы. Как ни крути, а ни один костюм не в состоянии скрыть демоническую сущность, даже если скроен лучшими портными Мараабара. — Что это? — Он швырнул на столешницу скомканный пергамент с обугленными краями. Бумаге не поздоровилось.

— Присядешь? — Флоранция продолжала гнуть убийственно-спокойную линию. — У меня есть горький коньяк от «Красноглазого убийцы». Кажется, мы пили его в прошлую нашу встречу.

Вот так, не лишним будет напомнить, что он задолжал ей с прошлого раза. О краткосрочности демонической памяти всем известно, а ей — в первую очередь.

Дамиан перевел взгляд на кресло, потом снова на собеседницу — и снова на кресло. На точеных скулах перекатились желваки. Он будто решал, стоит ли обременять себя разговором, или сразу разнести все вокруг в тлеющие щепки. В конце концов, демон все же уселся в кресло и исподлобья уставился на хозяйку кабинета. Флоранция лично разлила густой пряный напиток по бокалам, сдобрив его щепоткой огненной пыли. Жидкость эффектно вспыхнула, наполнилась сверкающими искрами. Протянув бокал гостю, пригубила из своего. Магистр сделал глоток, но лицо его мягче не сделалось.

— Ты же знаешь, я терпеть не могу угроз, — сказал он.

— Знаю, — охотно согласилась она. А зачем отрицать сущую правду? — Но и ты знаешь, что моему терпению рано или поздно должен был прийти конец. Мне жаль, что все наши встречи случаются сугубо по нелицеприятным поводам, но твои студенты доставили мне массу хлопот и неприятностей. В который раз. Снова. — Она говорила твердо, жестко и уверенно. По крайней мере, надеялась, что слова звучат именно так.

— Я хочу услышать что-то более существенное, чем «доставили неприятности», — потребовал Магистр.

Флоранция подвинула к нему письма, позволила пощупать их, ознакомиться с содержимым. Подсказок не потребовалось — Дамиан сразу распознал фальшивку.

— И? — немного поостыв, спросил он.

— Полагаю, ты понимаешь, что такие вещи недопустимы. Мало того, что твои подопечные своими выходками поставили пятно на безупречную репутацию Эльхайма, так они еще и умудрились отправить подделки парочке детишек весьма влиятельных людей. Не стоит говорить, что объясняться с их родителями пришлось лично мне. Ты понятия не имеешь, какое унижение я испытала.

Дамиан сидел недвижимо, словно окаменел, всем видом демонстрируя полное безразличие к ее унижению.

— Я не посвятила пострадавших во все детали произошедшего, иначе бы об этой, — Флоранция помедлила, — шалости. уже всю трубила пресса. Но официальный запрос в Ложу подготовила.

Она показала письмо, которое Дамиан не счел нужным посмотреть.

— Выходки твоих студентов мне уже поперек горла встали, — она перешла на самый жесткий тон. — Мне это надоело, Дамиан. Клянусь, я заставлю тебя говорить на моих условиях. Или костями лягу, но Ложя превратит Дра'Мор в заповедник лабораторных крыс. Как думаешь, скольким из твоих высокородных избалованных засранцев понравится таскаться по допросам? Кроме того, твоим шутникам не хватило ума даже посмотреть, кому

и что они шлют. Один из пострадавших — единственный любимый сынок Его Пресвятейшества Маверика. Ты представить себе не можешь, с каким удовольствием я скормлю ему тебя со всеми потрохами. Церковь спит и видит, как бы вмешаться во внутренние дела Дра'Мора. И я дам ей такой повод. Да, при этом волной расследования захватит и Эльхайм. Что ж, я готова пойти на это. А ты готов говорить с дознавателями? Готов отдать Дра'Мор в их руки только затем, чтобы прикрыть несколько дырявых голов?

Хозяйка кабинета не первый год знала Магистра Дамиана и достаточно неплохо успела изучить его привычки. В обычной ситуации, будучи уверенным в себе, демон вел себя нагло и расслабленно. Но не теперь. В этот раз ему явно не нравилось, как обернулся разговор. Да, он очень старался не подавать виду, что собеседница нашла аргументы, против которых ему нечего возразить, но все равно выглядел, как вколоченный в стену гвоздь: слишком ровный, слишком напряженный и без малейшего намека на освобождение. Флоранция позволила себе триумфальную улыбку.

Дамиан медленно багровел в течение всей её речи.

— Я готова пойти на уступки, но только на моих условиях. В противном случае, ты не оставляешь мне выбора. И, по правде говоря, я начинаю сомневаться, стоит ли давать тебе еще один шанс. Дра'Мору решительно не хватает орды дознавателей и церковников, чтобы понять — Эльхайм может огрызнуться. Да так, что отхватит руку вместо пальца.

— Ты меня шантажируешь?

— Назовем это деловым разговором, — уклончиво ответила она, хоть собеседник совершенно точно угадал ее непрозрачные намеки. — По правде говоря, давно пора было расставить точки над «i». Вспомни катавасию с оценками накануне выпускных экзаменов! Я замяла это дело только ради Эльхайма, чтобы газетчики не полоскали наше доброе имя. И что? Дарет отделался всего лишь дисциплинарным взысканием! Это недопустимо. Готова спорить на Слезы сирены, что и теперешняя выходка не обошлась без его участия.

— Дарет — один из лучших студентов, — внешне спокойно ответил Магистр, но пламя в его глазах продолжало разгораться. — Я бы не отчислил его, даже разнеси он по камню весь Эльхайм.

— Ты выбрал неудачное время поглумиться надо мной, — с улыбкой отреагировала на его издевательскую прямоту Флоранция. Она слишком хорошо и слишком долго знала Дамиана, чтобы позволить себе наивно думать, будто сломить его будет просто. Но тем вольнее в средствах она становилась. — Не хочу отнимать твое драгоценное время и загружать ненужной тебе информацией. — Она медленно поднялась, некоторое время пристально всматривалась в надменного гостя. — Если тебе начхать на Дра'Мор и надоело кресло Магистра — не стану тебя задерживать. Полагаю, твой бокал пуст. Закончим и разговор. Надеюсь, твой преемник будет более сговорчивым.

— Твои условия? — сквозь зубы процедил Магистр.

Флоранция неуловимым движением одернула пиджак, поправила прическу. Господи, до чего же ломит спину. После нескольких бессонных ночей и несчетного количества примирительных разговоров она ослабла настолько, что даже собственные роскошные крылья чистой аристократки теперь неимоверно тяготили. Будто на спину взвалили пару мешков с песком.

— Дра'Мор должен своим горбом почувствовать послевкусие идиотских розыгрышей его отдельных студентов. Очень надеюсь, когда-нибудь ты поймешь, что, покрывая любимчиков, ставишь под удар всех.

— У меня нет любимчиков.

Ой ли? Она готова была привести свежий пример, но передумала. Сейчас не время ворошить прошлое, когда еще не разрешена текущая проблема.

— Этим юношам и девушкам, — она кивнула на пачку писем, — скажем так — нанесен значительный моральный ущерб. Будет справедливо, если Дра'Мор компенсирует причиненные им неудобства зачислением на свои факультеты на льготных условиях, без тестирования и наличия доказательства проклятой крови.

Все тяготы разговора стоили того, чтобы увидеть, как в непонимании вытянется лицо Дамиана и как его вечно прищуренные глаза округлятся. Он даже немного привстал, словно всерьез думал, что ему послышалось. Справедливости ради, требование было и впрямь нешуточным. Но Флоранция не намеревалась отступать, даже если ради этого придется довести Дамиана до непроизвольного самовозгорания. С демонами, когда те в неопикуемой ярости, такое частенько случается.

— Ты серьезно?

— Конечно.

— Бред, — единственное, что бросил Дамиан спустя некоторое время.

— Мы в Эльхайме называем это ответственностью, — поправила она.

— Ответственность? — Его губы разошлись в подобие злобной улыбки, обнажая идеально белые острые зубы. — Ты действительно думаешь, что таким образом компенсируешь им, как ты выразилась, ущерб?

Магистресса молчала, предоставив гостю выговориться. Отчасти он был прав, она не считала, что возможность попасть в Дра'Мор обрадует всех обманутых. Но говорить об этом вслух вовсе не обязательно.

— Плевал я на ваши светлые заморочки. Ты прекрасно знаешь, что лимит первокурсников установлен не мной и не тобой. И не нам с тобой его менять. Дра'Мор набрал достойных кандидатов, ни одним из них я не пожертвую ради... каких-то приبلуд.

— Тебе придется, если не хочешь оскандалиться и положить голову на алтарь борьбы его Пресвятейшества с проклятокровными. Ну же, Дамиан, дай мне повод.

— Ты не сделаешь этого.

— А ты попробуй.

От плохо сдерживаемой злости его тело окутал темный плотный ореол, а когтистые пальцы сжались в кулаки.

— Ни за что, — был ответ Магистра.

Флоранция безразлично пожала плечами. Что ж, раз по-хорошему не получается, придется воспользоваться планом «Б». Положа руку на сердце, ей не очень хотелось доводить ситуацию до абсурда. По множеству причин. Одна из которых заключалась в том, что не далее, как три года назад Эльхайму и его обитателям пришлось на собственной шкуре испытать, что такое бюрократическая машина и каково это — попасть в ее жернова. Но и уступок больше не будет. Если сейчас она поддастся — с Дамианом уже никогда не получится договориться.

Значит, встречи с представителями Ложи не избежать. Что ж, так тому и быть.

— Тогда прошу тебя покинуть мой кабинет. Я даю ход делу. Советую тебе позаботиться о том, чтобы представителям Ложи и следственному комитету было достаточно комфортно, потому что в ближайшие несколько месяцев они прочно укоренятся в стенах Дра'Мора.

— Хочешь, чтобы я взял мусор только ради какого-то паршивого сожаления и

надуманной справедливости?

— Ради спокойствия студентов Дра'Мора в том числе. Кроме того тебе давно пора понять значение слова «ответственность».

— Решила заняться моим перевоспитанием?

— Даже не начинала, — с вызовом ответила она.

— Сколько? — сквозь зубы процедил он.

— Девять человек.

— Абсурд, — Дамиан откинулся на спинку кресла, из внутреннего кармана пиджака достал портсигар, выудил сигарету и зажал ее в губах. Щелчками пальцев высек искру и нарочито глубоко затянулся, чтобы потом причудливыми фигурами выпустить дым. Флоранция терпеть не могла запах табака, но расценила выходку как слабинку гостя. Когда у противника не остается внятных аргументов, он переходит к показухе.

— Девять человек, — повторила Магистресса.

— Нет, — безапелляционно заявил он.

— Тогда покинь мой кабинет.

Дамиан побагровел, из его глаз потекли струйки дымного пламени. По спине Флоранции побежали мурашки.

Они были равны друг другу — две стороны одной медали, два Хранителя. И все же Дамиан — далеко не из рядовых демонов, выскочка, который выбился из низов. Один его взгляд сеял в душе смуту, навевал страх и подчинял. Такова природа Лордов-демонов — вгонять в сомнения даже самых сильных духом.

Флоранция сжала кулаки, ногти до боли впились в тонкую кожу ладоней. Боль — это хорошо, она отрезвляет.

— Кроме того, ты должен мне за Дарета, — не выказывая признаков дрожи, проговорила Магистресса. — Я пожалела мальчишку, потому что ты просил. Заметь — просил. И я была единственной, кто высказался в пользу куда более мягкого наказания, чем он заслуживал. Что я получаю взамен?

— Ты обещала, что вопрос улажен, — прорычал он.

— Мне и сейчас не хочется ворошить это скверное событие, которое всем нам доставило массу хлопот, но что делать? Я пошла тебе на уступки, я согласилась с твоими доводами, я дала Дра'Мору шанс, но ты продолжаешь вытирать ноги об Эльхайм. Довольно.

— Дра'Мор готов взять двоих, — резко перебил ее Магистр.

Флоранция громко и выразительно фыркнула. Дрожь отпустила.

Она выдвинула встречное предложение:

— Девять.

— Пять, — не сдавался Магистр.

— Девять, — как попугай повторяла она.

— Шесть.

— Восемь человек — и это мое последнее слово. Либо соглашайся, либо... — Она постучала наманикюренным пальцем по аккуратно заполненному прошению в Ложу. — ... я открою этот ящик Пандоры.

— Будь ты проклята! — гаркнул он.

— Я и так проклята, иначе, почему Светлые меня наказывают постоянным общением с тобой?

Дамиан поднялся, подошел к столу, за которым продолжала стоять Магистресса,

протянул ей ладонь. Та скрепила договор рукопожатием. Восемь из девяти — хороший результат, потому что она, по правде говоря, рассчитывала, самое большее, на пятерых.

— У меня есть пара мест на втором и третьем Круге, — крепко держа ее ладонь, осклабился Третий Лорд-демон. В широкой улыбке снова обнажились крепкие зубы — сплошь клыки.

Второй и третий Круг?! Флоранция не смогла скрыть удивления. Невероятно, стоило подумать, что дело в кармане, как он тут же обвел ее вокруг пальца, облапошил, как балаганный фокусник. А впрочем.

— Прости, кажется, в нашей сделке нет ни слова о Круге, специальности и прочих деталях, — с деланным сожалением сказал он. — Что, собственно, дает мне право поступить с этими восемью несчастными по собственному усмотрению. Я ведь сказал, что ни за что не пожертвую новичками. Но ни одна живая душа не упрекнет меня в неумении держать слово. Сегодня же отдам соответствующие указания. — Продолжая держать в плену ладонь Магистрессы, Дамиан разбросал стопку с письмами по столу, наугад выбрал одно и швырнул его в корзину для мусора. Остальные сгреб в свою громадную лапищу. — Думаю, это и есть наши счастливицы, дадим же восторжествовать справедливости. Надеюсь, ты уже поставила их в известность насчет возможности перепоступить в Дра'Мор? Будет крайне досадно, если всем этим чистым душам такая рокировка покажется оскорбительной.

Он галантно чмокнул ее в тыльную сторону ладони и, наконец, выпустил. Затем отступил, поднес конверты к лицу и с шумом втянул ноздрями их запах.

— О, набожный эльф, благородный отпрыск сиротского приюта, дочь земли. — Он на миг запнулся, после чего его губы вытянулись в плотоядную усмешку, — девственница. Эльхайм сделал настоящий подарок моим воспитанникам. Будет досадно, если кто-то из восьми в свете разницы мировоззрений не сочтет возможным согласиться на зачисление в Дра'Мор.

Он наклонился через стол, намереваясь сграбастать петицию Ложе, но Магистресса опередила его и спрятала документ в ящик стола, который нарочито медленно закрыла ключом.

— Думаешь, облапошил меня, Дамиан?

— Думаю, сегодняшнее твое поведение обнажило новые грани характера. Те, о существовании которых я не подозревал. Когда будешь прижимать к груди эту писульку, подумай о том, что рано или поздно тебе придется прийти ко мне за помощью. И попытайся угадать, каким будет ответ?

Он галантно поцеловал ее ослабевшие пальцы, а затем несколькими быстрыми взмахами начертал в воздухе пиктограмму. Невидимые нити налились искрами, завибрировали, в лицо Флоранции пахнуло раскаленным воздухом. Через мгновение о присутствии Магистра напоминали лишь запах серы и стремительно догорающие остатки пиктограммы. Женщина устало опустилась в кресло. Эту битву она записала себе в актив, что бы там ни болтал рогатый стервец.

Новый учебный год может оказаться настоящим испытанием для Равновесия. И дай-то бог, чтобы им всем хватило благоразумия сохранить его нерушимым.

*Любовь, которой ты никогда не дарила,
Я дарю её тебе, Незаслуженно, на самом деле, Но сейчас, ты
ничего не можешь сделать. Поэтому спи в своем единственном
воспоминании*

Обо мне, возлюбленная Мать

© Akira Yamaoka, «Room of Angel»

— Спасибо, что выбрали нашу булочную, — выдала дежурную благодарность Марори и присоединила к ней бумажный пакет, полный еще теплой сдобы.

Довольная клиентка сграбастала покупку. Марори с облегчением перевела дух — наконец-то эта бесконечная очередь закончилась. Каждый день одно и то же: наплыв клиентов к утренней выпечке, потом небольшая передышка перед обеденной волной и массовый наплыв клиентов в конце рабочего дня. И так — целый год. Мягко говоря, не совсем то, о чем она мечтала. Стоило ли учиться на «отлично», не спать ночами ради высшего балла в группе, чтобы закончить накрахмаленным чепчиком и передником? От очевидности ответа внутренний голос гаденько захихикал.

Пользуясь передышкой, Марори переложила часть выпечки на свободный поддон в витрине, а освободившийся поднос отнесла на кухню, где мать вымешивала новую порцию теста. Рядом с ней крутилась Клара — старшая сестра. Как и Дарэл, она была темноволосой, рослой и источала недюжинное здоровье. Полная противоположность бледной, болезненной Марори, которой невесть от кого в роду достались волосы цвета пастельной фуксии. Ни мать, ни покойный отец не любили разговоров на эту тему, из чего Марори давно сделала вывод, что и семейное дерево благополучных Милсов не миновали ураганы дрязг.

— Поддай-ка мне муку, — попросила мать.

Марори послушно поставила на стол кадушку, откуда Налия Милс зачерпнула несколько ложек и снова энергично принялась за дело. Клара как могла подражала матери, компенсируя недостаток мастерства избытком старания.

— Кексы с изюмом и ржаные сырные палочки разобрали еще теплыми, — сообщила Марори.

Мать выразительно выгнула бровь: «Кто бы сомневался?»

— Кексы готовила Клара, — вслух похвалила Марори, отчего та довольно заулыбалась. Она никогда не скрывала, что готова расстелиться ковром, лишь бы заслужить материнскую похвалу.

— Я старалась, мам.

Клара никогда не отличалась острым умом, скорее наоборот — большая часть предметов старшей школы давалась ей туго. Марори, младше ее на два года, приходилось втолковывать сестре способы решения уравнений, особенности произношения эльфийского наречия, разъяснять исторические и политические последствия Разлома веры. Только благодаря этому Клара все-таки закончила старшую школу и обрадовала мать намерением поступить в кулинарный колледж. Закончила его в прошлом году и даже получила наградную медаль из замороженного в Материи шоколада. С тех пор Клара дневала и

ночевала на кухне, недвусмысленно демонстрируя желание продолжить, когда придет время, семейный бизнес.

Перезвон дверных колокольчиков оповестил о приходе покупателя. Марори поправила чепчик и вернулась в магазин. Около витрины крутилась группа молодых чертей, разодетых, как водится, во всякий непонятный хлам. Они громко переговаривались, спорили, кто проголодался сильнее, и смеялись. Четыре штуки, а шума как от сотни.

— Добро пожаловать, — поприветствовала Марори, — чего желаете?

Тот, что был за главного, самый болтливый, с выступающими нижними клыками, облизнулся. То еще зрелище. Марори пришлось окаменеть, чтобы не выдать своего отвращения.

— Самую сладкую булочку, — сказал черт, без зазрения совести разглядывая девушку с ног до головы.

Старая песня — подобные ему гости заходили в булочную чуть ли не каждый день. Попадались и такие, кто буквально раздевал глазами. Вряд ли преследуя цель охмурить невзрачную продавщицу, а так, дабы не терять квалификацию. К таким взглядам привыкаешь, будь по ту сторону прилавка хоть черт, хоть человек. По большому счету — неважно, черт — не черт, если, конечно, не вздумает действительно клеиться, тем более в период линьки, о чем красноречиво говорили колтуны в шерсти на его руках. Марори сделала вид, что не поняла намека, и терпеливо порекомендовала взять кексы или рогалики с вишневым кляром. Дружки умника не упустили случая высмеять его неудачные заигрывания. Они сгребли почти все, что осталось от утренней выпечки, а уходя, клыкастый ухажер пообещал заглянуть вечером. Врет, конечно: о быстротечности чертячьей памяти не слышали только глухие.

На смену громким покупателям в пекарню вошел мужчина. Его размеренным шагам сопутствовал металлический лязг трости, на голове была шляпа с высокой тульей, в опоясывающей ее атласной ленте поблескивала брошь в виде сжатой в кулак ладони. Марори сглотнула, невольно спрятала за спину дрожащие пальцы. Дознаватель Хранителей равновесия, что ему здесь нужно?

Про этих людей ходило много всяких сплетен, правдивых и невероятных, но все, кому доводилось сталкиваться с дознавателями лично, становились на удивление немногословными, когда разговор заходил о подробностях личного общения. Несмотря на благую миссию, поборниками которой они себя провозгласили, за ними закрепилась дурная слава. Отчасти из-за жестокости методов, которые дознаватели, не стесняясь, использовали ради достижения своих целей, отчасти из-за все увеличивающегося количества их прав и возможностей.

Мужчина остановился у витрины, повесил трость на руку и медленно высвободил пальцы из перчаток. Его взгляд блуждал по помещению, ни на чем долго не задерживаясь. Марори, собрав волю в кулак, поприветствовала посетителя и склонилась в почтительном низком поклоне.

— Ты совершенно зря тревожишься, дитя, — произнес незнакомец. Его голос был тише шелеста листьев, но слова оглушали.

— Я. мне. мне бы хотелось, чтобы господин дознаватель был удовлетворен нашей стряпней, — отозвалась Марори.

Г оло с предательски дрожал. С чего бы? Они — добропорядочное семейство без намека на примесь проклятой крови, а значит, не представляют никакого интереса для Хранителей

равновесия. Дознаватель мог явиться просто так, без умысла, как и прочие посетители до него — в поисках «чем бы заморить червячка». Подумаешь, что раньше ни один из этой братии не почтил своим присутствием их лавку, все когда-то случается в первый раз.

— Твое стремление заслуживает похвалы, но беспокоиться не стоит. — Он умолк и какое-то время изучал ее лицо, словно намеревался отыскать там что-то лишнее.

Марори буквально остолбенела под этим взглядом, не в силах сдвинуться с места. Ей казалось, что она попала под воздействие сильнейших чар: ни пошевелиться, ни рта раскрыть. Передохнуть смогла лишь, когда дознаватель снял ее с крючка своего цепкого взгляда.

— Ты довольна своей жизнью, дитя? — осведомился он.

Станный вопрос от человека, который впервые ее видит, но Марори не отважилась произнести это вслух. Она кивнула, пробормотала что-то вроде полного удовлетворения, рассыпалась похвалой в адрес материнской заботы и сожалением по поводу скоропостижной кончины отца. Мужчина слушал и изредка кивал.

— Я вижу, родители не рассказывали обо мне, — сказал мужчина, когда иссяк поток ее слов. — Досадное и совершенно непонятное для меня упущение. Будь так добра, пригласи мать.

Марори была счастлива выскользнуть из-под его внимания. Вне досягаемости пытливых глаз дознавателя перевела дух, прокрутила в голове только что услышанное. Что общего у ее родителей с дознавателем? О чем они не рассказали и почему? В Марори боролись противоречивые чувства: с одной стороны, хотелось узнать причину, с другой — сделать так, чтобы незнакомец больше никогда не появлялся на пороге их лавки. Слишком тягостным было его общество.

Мать вышла ей навстречу, вытирая передником перепачканные сахарной пудрой и кокосовыми чипсами руки. Марори сбивчиво сообщила о госте. Налия Милс побледнела, словно получила послание с того света, и торопливо поправила прическу. Фартук полетел на ящики с заготовленными фруктами. От Марори не укрылась ее дрожь, и любопытство вспыхнуло с новой силой.

— Откуда ты знаешь дознавателя? — шепотом спросила девушка.

Вместо ответа мать окинула ее раздраженным взглядом, велела идти следом и не открывать рта, пока об этом не попросят. Она старалась скрыть волнение, но тщетно. Марори пообещал себе, что так и быть — сейчас она побудет послушной, но, как только дознаватель уйдет — не слезет с матери, пока та не расскажет все. Ведь не просто так этот господин удивился ее неведению.

— Лорд Ардей, ваш визит — большая часть, — Налия Милс замерла в глубоком поклоне. На место строгой женщине с властным характером пришла смиренная законопослушная горожанка. Марори не могла не отметить, что впервые видит мать такой.

— Налия, — ленивым жестом он позволил ей распрямить спину, — сожалею о твоей утрате. Грегори был хорошим человеком, Светлые с радостью раскрыли для него ворота Небесной обители.

— Уповаю на это, лорд Ардей. Желаете чаю или кофе? Прошу простить неучтивость Марори — она с семи утра за прилавком, устала.

— Пустое, это я послал ее за тобой. Признаться, ее неведение огорчило меня.

Марори напрягла слух, боясь дышать, чтобы не упустить ни одного важного слова.

Женщина побледнела и выпятила подбородок, как делала всегда, если чувствовала за

собой вину. Но даже в таком состоянии Налия Милс обычно не оправдывалась, а шла в атаку, если не забрасывая собеседника встречными обвинениями, то резко меняя тему разговора. Но не в этот раз.

— Грегори и я. Мы подумали, что время не пришло, выжидали удобного момента.

— Выжидали? — Он вопросительно вскинул бровь.

— У Хранителей равновесия не было на этот счет конкретных указаний, — поспешно дополнила женщина.

— Удобного момента? — рискнула вмешаться Марори.

Взрослые одновременно наградили ее сердитыми взглядами, после чего дознаватель предложил Налии найти для дочери какое-нибудь занятие, потому что предстоящий разговор не предназначен для ее ушей. Марори попыталась воспротивиться, но мать буквально силой вытолкала ее за дверь.

— О чем мне не сказали?! — зашипела Марори.

Вместо ответа Налия Милс плотно закрыла за собой дверь. После непродолжительной борьбы с совестью Марори припала ухом к дверной щели, силясь услышать хоть что-нибудь, но тщетно. С той стороны будто вакуум образовался: ни звука, ни полслова.

Раздосадованная, Марори уселась прямо на пол, намереваясь дожидаться мать и вытребовать у нее ответы на все вопросы. Даже если ради этого придется окончательно превратиться в самую неблагодарную дочь.

Время тянулось медленно. Настолько, что она успела не единожды прокрутить в голове все мыслимые и немыслимые предположения. Большая их часть пахивала откровенным бредом и чертовщиной, остальные требовали больше информации. Совершенно точно Марори знала одно: у ее совершенно непримечательной семьи в прошлом были дела с Хранителями равновесия. И она, Марори, каким-то образом имеет к ним отношение. Почему дознаватель интересовался, довольна ли она жизнью? Не ради праздной забавы, уж наверняка.

Когда двери, наконец, открылись, Марори пулей влетела в магазин. Мать стояла за прилавком и как ни в чем не бывало пересчитывала наличность в кассе. Дознавателя и след простыл, на двери висела табличка «Закрывается».

— Я хочу все знать, — твердо заявила девушка.

— Что — все? — Налия Милс не потрудилась поднять голову. Ее губы беззвучно шевелились, пока она складывала купюры в стопки. — Кексы Клары сделали дневную выручку.

— Ты уходишь от ответа.

— Нет, я жду, когда ты скажешь, что именно хочешь узнать. Лорд Ардей — давний знакомый твоего отца. Одно время они вместе работали, но это было недолго, и Грегори не любил вспоминать те времена.

— Отец служил Хранителям равновесия?

— Выполнял небольшие поручения, не работал в полном смысле этого слова.

— Что за поручения он мог выполнять для *этих* людей?

— Те, о которых не стоит знать его шестнадцатилетней дочери.

Налия перетянула пачку банкнот резинкой, спрятала ее в карман рубашки и только потом взглянула на дочь. Все вернулось на круги своя: испуганная Налия Милс растворилась без следа, уступив место привычной жесткой, уверенной в себе женщине, с которой бесполезно спорить и которую бессмысленно упрашивать.

— Еще до вашего рождения мы с Грегори договорились рассказать вам обо всем, когда придет время. Пойми меня правильно, Марори, не всем из прошлого хочется гордиться, а еще меньше хочется рассказать об этом детям. Когда Грегори не стало, я решила, что будет неправильно марать его память перед детьми. Я знаю слишком мало, а Грегори в могиле и уже не сможет вставить ни слова в свою защиту. Если тебе дорога память об отце — ты больше никогда не заговоришь о том, что сегодня произошло.

— Но дознаватель.

— Лорд Ардей в некотором смысле твой крестный отец. Он лишь хотел справиться, все ли у тебя хорошо. У него свой взгляд на вещи, которые Грегори делал для Хранителей. Он считает, что я поступаю неправильно, скрывая его заслуги. Ардею и в голову не приходит, что не все считают их поводом для гордости.

— И это все?

— А что ты ожидала услышать? По-моему, тебе пора взрослеть и перестать жить в мире фантазий. И слушаться мать.

В самом деле, а на что она рассчитывала? Узнать страшные, покрытые мхом и плесенью тайны? Реальность банальна и обыденна.

— Прости, я не хотела тебя обидеть. — Марори порывисто подошла к матери, крепко обняла, чего не делала уже очень давно. — Этот человек напугал меня.

— Меня тоже, — призналась Налия и чмокнула дочь в макушку. — И вот еще что — брату и сестре совсем не обязательно знать о сегодняшнем госте. Клара очень впечатлительная, а Дарэл не успокоится, пока не вытрясет из меня все, чтобы потом заниматься самоедством.

— Я — могила, — охотно пообещала Марори.

У нее не было повода сомневаться в правдивости материнских слов, но все же что-то грызло девушку изнутри. Появление дознавателя, его странные вопросы, страх матери. Все это вылилось в большой пшик, хоть обещало чуть ли не взрыв сверхновой. И это-то беспокоило больше всего.

Весь остаток дня Марори провела с тяжелыми мыслями. Ночью ее мучила бессонница, стоило закрыть глаза и попытаться уснуть, как в памяти снова и снова всплывали обрывки фраз, лица, чувства. Чем больше она гнала от себя тягостные мысли, тем более четкими и навязчивыми они становились. Когда же Марори удалось забыться тяжелым сном, ей приснился дознаватель лорд Ардей, который кружился над ней, словно коршун, и все спрашивал: «Как тебе живется, девочка?»

Утром она проснулась словно в воду опущенная, за завтраком едва могла внятно разговаривать. Ощущение все нарастающей тревоги, как голодный пес, преследовало и хватало за пятки. Когда она дважды напутала с заказами, мать велела отправляться в постель. Из нее она выбралась только к вечеру, нервная от усталости и беспочвенного напряжения.

В гостиной Клара перебирала почту и, увидев сестру, вручила ей конверт. Плотная хорошая бумага, с тиснением, с единственной надписью на тыльной стороне: «Для айры Марори Милс». Она, не церемонясь, оторвала край, вытряхнула на колени сложенный втрое совершенно черный пергамент с позолотой на уголках. Девушка покосилась на сестру, но та была всецело поглощена изучением каталога распродажной одежды. Марори наспех сунула письмо обратно в конверт, сослалась на недомогание и поднялась к себе. Для надежности заперла дверь на ключ. Зачем? Зачем эти шпионские игры, она ведь даже не знает, от кого

письмо и о чем в нем речь, но абсолютно уверена, что должна спрятать его от посторонних глаз.

Марори снова достала письмо. Ровные остrokонечные буквы, написанные белыми чернилами и красная размашистая подпись внизу. В груди ёкнуло. Она уже видела что-то очень похожее, в прошлом году, в социальной сети какой-то парень хвастался одобрением своей кандидатуры на зачисление в Дра'Мор. Что? Но. Как?! Взгляд быстро пробежал по строчкам. Уважаемая айра Милс, приносим свои глубочайшие извинения за причиненные неудобства, бла-бла-бла. В связи с причиненным беспокойством, в качестве моральной компенсации администрация Др'Мора предлагает вам одно из вакантных мест, и т. д. и т. п... Марори сглотнула, переместила взгляд ниже. Там значилось: без дополнительных экзаменов и тестирования. И еще ниже: нет, на этот раз не розыгрыш. И еще одна порция извинений. Она сглотнула снова, с удивлением обнаружив, каким громким стало дыхание. Ноги подкашивались, девушка едва добрела до кровати, на которую упала совершенно опустошенная, остервенело прижимая письмо к груди, будто боялась, что оно исчезнет.

Дра'Мор? Университет высшего темного изучения Плетения и Материи? И в страшном сне она не могла представить, чтобы добровольно сунуться в это ужасное место. Та девушка в приемной сказала, что Эльхайм попытается все уладить, но вот так? Марори снова и снова перечитывала письмо, хотела убедиться, что не сходит с ума, что не бредит от недосыпа. Но письмо никуда не исчезало, и было самым что ни на есть реальным доказательством происходящего.

Дра'Мор!

Равно как и в Эльхайм, туда стремились толпы желающих, собственно, все, в ком текла хоть капля проклятой крови. Как и Эльхайм, Дра'Мор набирал всего лишь пятьдесят студентов в год, но если для поступления в Эльхайм требовалось предоставить лишь доказательство своих знаний, то с его темным отражением дело обстояло намного сложнее. В Дра'Мор не принимали посторонних, и для поступления ко всем тестам и экзаменационным документам следовало приложить так же образец собственной крови. Что же получается — ее берут без доказательств? Просто так, можно сказать, с улицы?

Марори перевернулась на живот, положила на голову подушку. Хотелось заглушить все мысли, перестать думать о том, что, вопреки всей абсурдности предложения, она едва сдерживается, чтобы не сорваться, за минуту собрать вещи — и со всех ног нестись в Дра'Мор. Тем более в письме требовали в случае ее согласия явиться в распределительный отдел до двадцатого числа, чтобы уладить формальности. Взгляд упал на календарь — восемнадцатое!

Она долго смотрела на конверт с письмом, перечитывала последнее, всматривалась в каждое слово. Наивный ребенок в ней настаивал на том, что нужно попытаться. Что другого шанса прикоснуться к Плетению у нее не будет. Но чем больше Марори перечитывала, тем отчетливее понимала невозможность этого поступления. Мать и побег в Эльхайм будет вспоминать ей до конца жизни, что уж говорить о Дра'Море, от одного упоминания о котором порядочную айрану Милс перекашивало, как духа от святой воды. Кроме того, для обучения в Дра'Море студентам, не достигшим на момент поступления полных семнадцати лет, требовалось предоставить письменное и юридически заверенное разрешение родителей о том, что они знают обо всех возможных последствиях и не будут иметь претензий к заведению в случае получения их ребенком телесных повреждений различной степени тяжести, инвалидности или даже летального исхода. Семнадцать ей исполнится только в

октябре. Два месяца, пустяк пустяком, но мать никогда не согласится. А как только Марори заикнется об этом — ух, тяжело представить, во что выльется ее гнев. Налия Милс всегда, при случае и без, повторяла, что Плетение и Материя — это кровь и плоть мира. Тот, кто к ним прикасается, кромсает его, убивает то, что не умерло. Она и светлое-то принять не могла, а от темного просто рассвирепеет.

Марори тяжело вздохнула, сложила письмо и быстро, пока не передумала, спрятала его в старый учебник по астрономии, который сунула в глубину книжного шкафа. Некоторым мечтам просто не суждено исполниться. Мать права — ей давно пора повзрослеть, но сделать это можно только отпустив себя прошлую. У нее будет целый год, чтобы заставить себя поверить, будто медицина — ее призвание. Может быть, к тому времени она даже научится ее любить.

Легла она поздно, за полночь. Долго читала, чтобы вытравить из себя желание бросить все, схватить извещение из Дра'Мора и сбежать навстречу мечте. Отчаявшись отвлечься книгой, села за компьютер, чтобы бездумно бродить по всем подряд сайтам из закладок, а потом вдруг поняла, что собирает информацию о Дра'Море и выписывает непонятные ей термины в отдельный файл. Без жалости удалила целых три страницы заметок, вернулась в постель и укрылась одеялом с головой. Все. Вот теперь она ставит большую жирную точку.

Ее разбудил звук разбившегося хрусталя. Марори всегда чутко спала, а уж сегодня тем более не могла крепко уснуть. Ночная тишина наполнилась жалобным плачем осколков. Девушка резко села в постели, жадно ловя каждый звук. Шум шел с первого этажа. Марори протерла кулаками глаза, взглянула на время на телефоне. Без четверти три. Кому приспичило шататься по дому ночью, да еще и разбить любимую мамину вазу — другой хрустальной посуды в их доме отродясь не было.

Дом снова погрузился в тишину. Звенящую, тяжелую. Марори даже на миг поверила, что приняла сон за реальность, если бы вслед за звоном разбившейся вещи не просочился едва слышный глухой шорох. Девушка быстро сунула ноги в кроссовки, подошла к двери и приложила ухо. Так и есть — шорох и стон. От последнего кровь застыла в жилах. Да это же мама!

Ей ответил неопределенного пола сиплый голос, но Марори не разобрала ни слова. Потом снова был материнский стон. Девушка приоткрыла дверь, выскользнула на лестницу и притаилась за колонной. Сердце грохотало за ребрами, к вискам прилила кровь, пальцы похолодели.

«Нужно вызвать Законников», — трепыхалась на задворках сознания разумная мысль, но страх сковал по рукам и ногам.

Мать лежала в тусклом пятне просочившегося в окна лунного света. Неестественно вывернутые руки и ноги придавали ей зловещее сходство с выброшенной за ненадобностью куклой. Ее голову и плечи, словно ореол, обрамляло уродливое темное пятно. Марори пришлось заткнуть рот руками, чтобы не закричать. То, что склонилось над ней, было темным и бесформенным, как скомканная бумага, которую намочили и которой кое-как придали очертания человеческого тела. Существо протянуло руку, сжало неестественно длинные пальцы на материнской шее. Налия Милс выпучила глаза, распахнула рот, издавая судорожные булькающие звуки. Ее губы обагрились темнотой. И именно в этот момент Марори поняла, что мать видит ее, хоть и находится на грани гибели.

— Где она? — прохрипело бесформенное нечто.

Вместо ответа Налия закашлялась, и из ее рта вырвался фонтан крови. Существо

брезгливо утерлось, выпустило жертву.

Мать продолжала смотреть на Марори и слабо качать головой.

«Нет», — говорил этот жест.

Что нет? Не высовываться? Светлые, как же страшно!

— Я нашел девчонку, — раздался другой голос. Совершенно обычный, человеческий.

Со стороны комнаты Клары появился высокий мужчина крепкого сложения, одетый в обыденную одежду. Ни капли сходства с грабителем или головорезом, скорее уж прохожий — один из многих, кто ежедневно забегает в их лавку за свежей выпечкой и любимой сдобой. С одинаковым успехом он мог сойти за школьного учителя или офисного работника среднего звена. Если бы не одно «но»: в одной руке он держал тонкий, как бритва, нож, в другой — волосы Клары, которую волочил за собой. Сестра была без сознания, даже в полутьме был виден внушительный кровоподтек на ее виске.

Незнакомец бросил жертву и заковылял к напарнику. Передвигался он вразвалку, по-утиному, будто ноги были слишком коротки для столь крупного тела.

— Пряталась под кроватью, — сообщил напарник. — Начала визжать, пришлось успокоить. Существо склонилось над Klarой, убрало волосы с ее лба.

— Проверь второй этаж, — наконец, сказала оно. — А эту прикончи.

Марори ущипнула себя за руку. Не может быть, чтобы это происходило вправду. Это всего лишь один из ее многочисленных кошмаров. Дает о себе знать стресс минувших дней. Сейчас она зажмурится, посчитает до пяти — и проснется. Бросит все планы сбежать, побежит к матери, разбудит ее и крепко обнимет. А потом расцелует Klarу, потому что она самая лучшая в мире сестра.

Но проснуться не получалось. Кошмар же окончательно слетел с катушек, потому что тот, что был похож на человека, сгреб волосы Клары в охапку, поднял девушку над полом, словно та ничего не весила, и легким, пустяшным движением очертил ножом ее горло. Клара пришла в сознание, но лишь затем, чтобы породить несколько горловых звуков, задрожать в конвульсиях и безвольно отдать жизнь мяснику. Стараясь не шуметь, мужчина положил ее на пол. Марори перевела взгляд на мать, в глазах которой проступили слезы. Она мотала головой и несвязно мычала. А «обыватель» уже шел к лестнице.

Марори и сама не поняла, откуда взялись силы, но она стремительно поползла в сторону кладовой. Там Милсы хранили старые детские вещи и хлам, которым давно перестали пользоваться, который только и ждал своего часа до продажи на осенней гаражной ярмарке. Клара частенько любила там рыться, вспоминая о существовании какой-то «обалденной кофточки». И частенько получала от матери за беспорядок и открытую дверь. Марори никогда так не радовалась складу коробок, заваленных сверху вещами, которые в эти коробки попросту не поместились. Она забралась внутрь, в самую глубину, где отец когда-то смастерил нишу для спортивного инвентаря: сноуборда Дарэка и лыж дочерей. Девушка втиснулась туда, загородив себя коробками. Сердце едва не выскакивало из груди, глаза щипало от слез. Сознание отказывалось принимать происходящее, часть его елейно уговаривала закрыть глаза и посчитать слонов. Вот только звук скрипнувшей двери ее комнаты был самым что ни на есть настоящим.

Потянулось вязкое ожидание. Внутренности превратились в ледяную глыбу, удары сердца блуждали по телу, словно оно от страха пустилось в галоп в поисках убежища. Минута, другая. Бесконечное ожидание. Если он ее найдет — он тоже перережет ей горло? Как Klаре? И она тоже будет болтаться, чувствуя, как из разреза потоком бьет жизнь со

вкусом крови?

Дверь в кладовую открылась, послышалось шевеление и возня. Марори зажмурилась, вжала голову в колени и принялась в уме что есть силы орать чокнутую поповую песню о красотке Анне, у которой рыжий кот и клевые буфера. Нужно помолиться, попросить Светлых принять ее в Небесную обитель, ведь она так мало жила и наверняка не успела нагрешить. Но девушка упрямо выла песню о красотке, потому что попросту боялась молиться. Казалось, как только она начнет — все и случится.

А потом дверь закрылась, и звук удаляющихся шагов прозвучал как марш спасения. Ее не нашли?

Марори еще долго боялась покинуть убежище. Даже когда стихли все звуки, она боялась, что стоит высунуться — и тот, с ножом, выскочит из-за двери и разрежет ее горло от уха до уха. Но не может же она остаток жизни сидеть и дрожать!

Стараясь не шуметь, Марори осторожно выбралась из кладовки. Светало — значит, она пряталась пару часов, не меньше. Прислушалась, ловя каждый шорох. Ничего, кроме размеренного хода часов. Привычные звуки, которые обезличиваются на фоне повседневной жизни, но превращаются в набат, стоит ситуации резко измениться.

Девушка стремительно сбежала по лестнице. Всюду царил хаос. Все перевернуто вверх дном, выпотрошены книжные шкафы, вспорот диван и стулья, разбиты фотографии. И мертвая Клара на полу. Ее остекленелые глаза смотрели с осуждением. Куда бы Марори ни порывалась пойти — они следили за ней.

Девушка упала на колени, одновременно срывая рубашку, чтобы прикрыть уродливую рану на горле сестры. Слова прощания тонули в рыданиях. За что?

— Не. — раздалось едва слышимое.

Марори попятилась в сторону, едва не обезумев под стремительной волной ужаса. Потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что голос принадлежит матери.

Марори бросилась к ней, трясущимися руками притронулась к ее щекам. Холодные, как у мертвеца. Но глаза широко распахнуты, а губы шевелятся.

— Не. не. — продолжала бормотать Наля.

— Мамочка, — Марори всхлипнула, осмотрелась в поисках телефона. Тот валялся неподалеку — растоптанный в пластиковый мусор чьей-то тяжелой ногой. Ее собственный мобильный остался в комнате. — Я сейчас, потерпи, не умирай, пожалуйста. Я только вызову.

Женщина вцепилась в ее запястье мертвой хваткой, заставила склониться к ней. Девушка стала противна сама себе, что она уже почувствовала сладко-гнилостный запах разложения.

— Ненавижу тебя. — Наля удалось завершить фразу. Ее пальцы причиняли невыносимую боль, выкручивали сустав, словно какой-то средневековый пыточный инструмент. — Они пришли. за тобой. Ненавижу. тебя. Беги, если сможешь.

И женщина выдохнула последний раз в жизни.

Треск только что разлетевшейся вдребезги обыденной жизни Марори оглушил. Жизни, в которой у нее был дом, были брат и сестра, а также пусть не осуществившаяся, но мечта. И мать, которая любила ее, которая бы не сказала перед смертью, что ненавидит. В той жизни она бы не увидела), как ее не слишком умной, но безобидной сестре вспороли горло. В той жизни, где в семейном гнезде Милсов всегда царила безупречная чистота, и каждая вещь лежала на своем месте.

Марори осмотрелась. Она здесь чужая или это место ей чужое? А эта женщина на полу — кто она? Марори смотрела — и отказывалась верить, что это сухое злое лицо, обогрелое засохшей кровью, принадлежит той женщине, которая читала ей сказки на ночь.

Словно в бреду, она медленно поднялась к себе, взяла телефон и даже набрала номер неотложки. Оставалось нажать на вызов, но в голове вертелось: «Беги, если сможешь. Они пришли за тобой». Те двое — они не грабители? Они действительно пришли за ней? И ради этого убили двух невинных женщин, одной из которых едва исполнилось восемнадцать? Марори будто и сама раскололась на множество копий себя, и каждая из ипостасей твердила свое: мать просто бредила перед смертью, их дом ограбили, наверняка, то существо — какой-то опасный одержимый из Норсгейта. Взойдет солнце — и все станет на свои места. В дом придут люди в форме, родных запакут в пластиковые мешки, а санитары вынесут их прочь. Другая же часть ипостасей требовала уносить ноги подальше от этого места. Потому что те двое переговаривались между собой, и они действительно кого-то искали. И, может быть, Клару убили только потому, что приняли ее за младшую из Милсов.

Бежать? Куда? К кому? Отец и прочая взрослая родня давно в могилах, Дарэк по уши зарылся в медицину и ничего дальше препарирования не желает видеть. Да они никогда и близки-то не были.

Но зачем кому-то понадобилось ее искать? Кому она, малолетняя соплячка, нужна? У нее даже прогулов в школе никогда не было, что уж говорить о вещах, за которые запросто могут перерезать горло?

«Беги, — продолжал подначивать внутренний голос, — беги, пока они не вернулись». Куда?!

На полу, под грудой вываленных книг, мелькнул корешок учебника по астрономии. Марори с минуту смотрела на него, соображала. А потом забрала полученное из Дра'Мора извещение. Если она будет зачислена, то получит крышу над головой, какую-никакую еду, и будет находиться в относительной безопасности. Дра'Мор располагался в Мараабаре, территории проклятокровных, куда путь простым смертным и небеснорожденным заказан, если только у них нет на то специально заверенного разрешения. Там можно переждать какое-то время. Пока не станет ясно, что делать дальше.

«И что ты будешь делать, когда приедешь? Прикинешься, что ничего не знаешь? Что убийство произошло уже после того, как ты „уехала“?»

Марори сжала ладонями виски, заставляя себя думать в правильном направлении, не отвлекаясь на отчаяние, которое разинуло над ее головой свою громадную пасть. Если те двое действительно приходили за ней, то они будут продолжать ее искать. Ее комната была перевернута вверх дном, как и остальные в доме. Что искали убийцы — непонятно, но они не тронули ни материнские драгоценности, ни кассу в магазине. Нажива их не интересовала.

Марори не дала мысли сформироваться и окрепнуть. Проблемы нужно решать по мере их возникновения. А сейчас главное — уйти туда, где ее вряд ли скоро хватятся. И ведь одно из первых мест, где ее стоило бы искать, — Эльхайм, потому что вся ее комната была одним огромным свидетельством желания хозяйки туда попасть.

Марори собрала только самое необходимое, чтобы не обременять себя тяжелым чемоданом. Пара книг, сбережения, которые хранила зашитыми в лапу игрушечного зайца. Небольшая сумма, но все, что смогла сэкономить, отказывая себе буквально во всем. Мать придерживалась правила, что лишняя наличность развращает, и за работу в магазине платила символическую сумму. Когда Марори окончательно решила поступать в Эльхайм, то

втайне от матери нашла подработку. Шесть с небольшим сотен — этого на первое время должно хватить, а там будет видно. Взять что-то из кассы или драгоценностей матери не поднялась рука. Получалось, будто она грабит собственную семью.

Но самым тяжелым оказалось выйти из дому. Для этого пришлось снова пройти через первый этаж, снова увидеть мертвые лица матери и сестры. И почувствовать приторный запах разложения. Неужели так быстро? Часа не прошло, но смерть уже начала свою зловонную трансформацию.

«Нет, этого не может быть. Все это только игры воображения. Нет никакого запаха.»

Марори вышла через черный ход, но дверь за собой закрывать не стала. Рядом стоял заполненный контейнер с мусором. Бросила в него подожженный спичечный коробок. Самое большое через пять минут он будет дымить так, что соседи вызовут пожарный расчет. А тот, когда хозяева не откроют, выломает дверь. Остальное сделает государственная машина, которая не дает сбоев.

Нахлобучив пониже капюшон, благо на улице невесть откуда собралась гроза, она запросто слилась со спешащими по делам горожанами. На утренний поезд опоздала, потому пришлось час с лишним околачиваться на вокзале, шарахаясь от собственной тени. За это время Марори успела купить новую сим-карту в телефон, потому что старую из соображений безопасности выбросила в урну еще по дороге. Так она, по крайней мере, выиграет немного времени. По-хорошему бы купить новый телефон, только вот денег и так кот наплакал.

«Шпионские игры какие-то».

В голове не укладывалось, что она в лучших традициях гангстерского боевика замечает следы, будто в самом деле виновата во всем случившемся этой ночью. Убийство скоро обнаружат. Делу будет дан ход. Брата найти проще простого, а ее должны объявить в розыск. Марори только сейчас поняла, что этим побегом оказала себе же медвежью услугу: а что, если ее посчитают причастной?

В поезд она зашла на трясущихся от страха ногах.

Вот и все, пути назад нет. Только что она разменяла свою жизнь на неизвестность.

*Если меня спросят, я солгу. Я дрожу от страха перед правдой.
Если мне поверят, я в безопасности.*

© *Lacrimosa «Alles Luge»*

В Мараабар^[1], точнее в его преддверие — Врата Райзер, поезд прибыл в девять утра. Врата являлись самой древней частью города, созданной Светлыми и Темными задолго до того, как противостояние их отпрысков едва не погубило мир. Тяжело представить, но именно здесь, в ничем не примечательном городишке на окраине мира, находилось сердце Равновесия. Именно здесь, в окруженной горами долине, две сотни лет назад десять небеснорожденных и десять проклятокровных пожертвовали собой, чтобы создать Равновесие.

Врата Райзер представляли собой громадную, необозримо величественную арку из черного хрусталя, чья верхняя часть скрывалась за облака. Марори никогда раньше не приходилось видеть врата вживую, только на фотографиях и открытках по случаю Дня всех святых. Размеры арки превышали все мыслимые и немыслимые границы воображения. Издали хрусталь казался полупрозрачным, но чем ближе девушка подходила, тем явственнее проявлялась его истинная природа. В острых, как бритва, гранях, появлялись и исчезали рунические символы стихий Нижнего мира и лики его прошлых и нынешних Владык. Этакий пьедестал сосредоточения всего присущего проклятокровным. Когда на Марори сверху вниз воззрилась оскаленная демонесса в короне из костей, по спине девушки пополз ужас. Много раз она видела все это на фотографиях, в репортажах по телевизору и была уверена, что готова ко всему. Однако тьма буквально сочилась из стеклянного заточения и пугала своим незримым могуществом.

Как за спасательную соломинку, Марори ухватилась за ручку своего чемодана, выскребла из закров души остатки уверенности и продолжила путь. У подножия арки располагались кубические сооружения из того же темного хрусталя, но куда менее впечатляющие и куда более прозрачные. Внутри сустились мужчины и женщины, одетые в темную униформу обслуживающего персонала. Марори несколько раз прошла назад и вперед, прежде чем нашла нужную дверь. Табличка на ней гласила: «Прием абитуриентов». Сквозь прозрачные панели виднелось скудное убранство кабинета: простая, без изысков мебель, пара компьютеров, кондиционер. За одним из столов сидела женщина неопределенного возраста, с загнутыми назад толстыми рогами. Любопытство Марори не осталось незамеченным: женщина оторвалась от своего занятия, подняла глаза и без интереса окинула девушку взглядом. Марори отпрянула от стекла, мысленно поругала себя за трусость и напонила, что мосты назад сожжены.

Воздух внутри был раскаленным, словно в пустыне. Большое электронное табло на центральной стене показывало плюс тридцать шесть и шесть процентов влажности. Микроклимат под стать сотрудникам, а вот Марори с трудом проталкивала в легкие горячий воздух.

— Добрый день, — она подошла к столу, кашлянула, обращая на себя внимание, — я по поводу поступления.

Женщина еще с минуту что-то энергично выстукивала на клавиатуре, прежде чем уделить внимание посетительнице.

— Письмо о зачислении? — она протянула не по-женски массивную когтистую руку ладонью вверх. Марори положила туда заранее подготовленный документ.

Женщина медленно вышла из-за стола — и девушка увидела вместо человеческих ног покрытые густой рыжей шерстью копыта лесной силены. Та враскоряку процокала к черному стильному сканеру, небрежно подняла крышку, положила на стекло письмо. Считывающий элемент бесшумно отсканировал подпись, раздался короткий звуковой сигнал — проверка подлинности пройдена. Марори невольно вспомнила Эльхайм с его улыбчивыми феями-клерками и пикси, снующими между посетителями с пакетиками порционного меда и цветочной пыльцы. В памяти также отпечаталось, с какой неохотой небеснорожденные используют блага технического прогресса, будто испытывают к бездушным машинам глубокое презрение. Даже в таких вещах проклятокровные и светлорожденные разнятся друг с другом. Так что оба мира остаются всегда разделёнными городишком Ирвуд во избежание стычек.

— Документы, — силенка снова протянула ладонь, куда Марори вложила все необходимое: свидетельство о рождении, медицинскую карту, результаты выпускных экзаменов, метрику со всеми ее учебными достижениями и записями об участиях в различных мероприятиях.

Пока силенка вносила данные в компьютер, девушка мысленно скрестила пальцы. А что если кровь все-таки понадобится? Если у них тут все, как у людей: бюрократическая машина говорит «нет» даже там, где дает согласие решающая организация?

Но обошлось: оформив данные в специальную форму о поступающей, силенка предложила подождать, пока будет готовиться пропуск. И скрылась за дверью, из-за которой доносился шум работающего конвейера.

Марори расположилась на гостевом диване и тут же резко отпрянула в сторону, когда одно из растений, сидящее в большом пластиковом горшке и выглядевшее как высохшая сто лет назад коряга, вдруг потянулось к ней сучковатыми отростками-пальцами. Едва она вскочила, как дверь приоткрылась, и в помещение зашел худощавый парень, по виду — ее ровесник. Светлоглазый, курносый. Чуть выступающие из растрепанных волос заостренные кончики ушей выдавали в нем эльфийскую кровь. За собой парень волочил набитый под завязку туристический рюкзак.

— Привет, — поздоровался он, — я по поводу поступления. С этим к кому?

Марори поздоровалась в ответ, взглядом указала на дверь, за которой скрылась силенка. Парень кивнул и сел на другой край дивана.

— Ты по приглашению? — Марори показала свой конверт.

— Ага.

Он какое-то время с шумом рылся в рюкзаке, пока не извлек оттуда измятый, весь в непонятных пятнах конверт. Складывалось впечатление, что его использовали вместо салфетки, если не сказать хуже.

— Ним ап Дамар, — представился он.

— Марори Милс.

Про себя она отметила, что фамилия у нового знакомого самая что ни на есть высокородная. Вот только сам он совершенно не похож на отпрыска древнего эльфийского рода. Скорее на хипстера без роду без племени. И ведет себя соответственно.

Пока она осторожно изучала Нима ап Дамара, тот снова порывлся в рюкзаке, с победным присвистом достал пакетик с наполовину сжеванным бутербродом толщиной в три пальца и без всякого смущения принялся его жевать.

— Хочешь? У меня один только, но я могу.

— Нет, спасибо! — быстро отказалась она, когда парень уже собирался разломить бутерброд надвое. — Я не голодна. — Вообще-то, Марори зверски проголодалась, ведь последний раз ела еще дома, больше пятнадцати часов назад. Но лучше уж урчащий живот, чем сомнительной свежести угощение.

Эльф не настаивал, пожал плечами и снова набросился на бутерброд. Через минуту вокруг него валялись крошки, куски салата и оберточной бумаги. Только разделавшись с трапезой, он увидел, какой хаос создал. И «исправил» положение, ногой подпихнув мусор под диван.

— Ты решила, какую возьмешь специализацию? — спросил Ним.

— Нет. Хочу сначала убедиться, что это не еще одна шутка.

— А я на материальную трансформацию посматриваю, — Ним откинулся на спинку, заложил руки за голову.

— Хочу плавить алмазы и делать жидкой гранитную пыль.

Марори словно окатили ледяной водой. Она вдруг осознала, что совершенно ничего не знает о месте, куда собирается поступать. Точнее, куда ее приняли, если только письмо — не очередной розыгрыш. То есть она, как и многие, знает, что Дра'Мор — элитное заведение для самых одаренных проклятокровных, что это место — рассадник отпрысков Повелителей бездны, Владык хаоса и Королей тени. Что окончившие его становятся непревзойденными мастерами Плетения и Материи, и знает еще много общей информации, которую можно почерпнуть из интернета или телевизора. Но и только. Она досконально изучила Эльхайм, раздобыла всевозможные рекламные буклеты для абитуриентов, сутками шгудировала тематические форумы и сообщества и, в конце концов, знала все, вплоть до тонкостей оттенков эмблем на форме тех или иных специализаций. Но о Дра'Море Марори не знала совершенно ничего. Предметы, специализации, практические занятия, расписание, особенности жизни в общежитии и правила вступления в студенческие сообщества — над всеми этими элементарными вещами в ее воображении возникли и множились бесконечные знаки вопроса. Светлые, как можно было так забыть?

Девушка почувствовала острую необходимость что-то пожевать, чтобы занять челюсти. Все нарастающая паника вот-вот готовилась выпрыгнуть изо рта многократным воплем.

— А у тебя, случайно, нет буклета для поступающих? — «Спокойно, Марори, веди себя естественно».

— Неа. Мне он не нужен — старший брат перешел на Четвертый круг, он мне кучи всякого книжного хлама привозил. И еще конспекты по наследству передал, — Ним пнул рюкзак ногой, — много конспектов и книжек.

— А ты поступал в Эльхайм?

Догматы Равновесия не запрещали вступать в любовные союзы небеснорожденным и проклятокровным, не запрещали они и людям из одной семьи по-разному изучать Плетение. Хоть в целом, подобные союзы было крайне редким, и негласно не поощрялось.

— Я не проклятокровный, — прояснил эльфее немой вопрос, — я — простокровка. Готовился в Дра'Мор, а когда пошел делать образец крови для подтверждения, оказалось, что я такой один из всех пяти братьев и сестер. Типа, паршивая овца. — Он выглядел

совершенно беззаботным, говоря такие нелицеприятные вещи...

Для поступления в Эльхайм никаких кровных доказательств не нужно, вот я и решил рискнуть. Ну а дальше ты знаешь.

— Понятно. — Что ж, по крайней мере, не одна она будет простокровкой, это не очень, но успокаивало.

— А у тебя что?

Марори напряглась, понимая, что нужно осторожно подбирать слова, чтобы не выдать себя. Часть ее истории, до побега и того, что ему предшествовало, она рассказала как есть. Словно со стороны, слышала собственный наполненный бурными эмоциями голос, видела, как то вспыхивает краской, то бледнеет. Хотя бы так, но удалось выплеснуть напряжение минувших дней. А вот заканчивать пришлось враньем. Или, скорее, недоговорками. Она сказала, что сбежала из дома и никому ничего не сказала, что отчасти было правдой. И все равно не могла отделаться от мысли, что выдала себя. К чести Нима, он не перебивал и выглядел искренне заинтересованным. Когда же она закончила и перевела дух, сунул ей карамельку на палочке. Завернутая в яркую бумажку конфета пришлась очень кстати.

— Я вот всегда делаю, что хочу, — сказал Ним немного погодя, когда буря ее эмоций поутихла. — Иногда в такую задницу попадешь — стыдно и страшно рассказать, а иногда и банк удастся сорвать. Жить по расписанию — это скучно. — Он изобразил зевок.

Их перебила появившаяся из-за двери силена. Должно быть, она услышала голос нового посетителя, потому что нисколько не удивилась его появлению. Женщина передала Марори обычную пластиковую карточку черного цвета с красной эмблемой в виде язычка пламени.

— Пропуск и ваша скретч-карта, — сказала она и переключила внимание на Нима.

Марори поблагодарила спину силены, подобрала вещи и вышла, решив дождаться эльфа снаружи. В место, куда она собирается, лучше пойти с кем-то знающим, что к чему, а Ним казался достаточно осведомленным.

Когда он, наконец, вышел, Марори с облегчением перевела дух.

— Я подумала, раз уж мы такие особенные, то лучше держаться вместе, — выпалила заранее приготовленную фразу.

— Точно, — согласился эльф.

Они двинулись по городу, пока не подошли к своего рода контрольно-пропускному пункту: через него без соответствующих документов не могла просочиться ни одна случайно или намеренно заблудшая душа. Пропускной пункт представлял собой отдаленное подобие ворот в монолитной каменной стене. Монолитной? По крайней мере, никаких швов видно не было. Ворота не имели ни петель, ни створок, но были испещрены непонятными символами. Ни намек на живую охрану — просто нерушимый заслон, уходящий под самое небо.

— Тут все просто, — видя замешательство спутницы, пояснил Ним, — выставляешь карточку перед собой, чтобы было хорошо видно эмблему, и — вот. — Поясняя, он наглядно продемонстрировал процесс. Эмблема вспыхнула, словно язык пламени на миг ожил, последовал непродолжительный гул — и в воротах образовался резонирующий энергией проход ровно для одного человека. — Все просто. Только не вздумай идти за мной, если не хочешь кончить, как они.

Эльф указал на пятно в глубине камня. Марори не сразу поняла, что он имеет в виду, потому что попросту ничего не видела. Вот она, наглядная демонстрация того, что острое эльфийское зрение хоть и встречается все реже, но отнюдь не миф. Впрочем, когда она увидела, сильно пожалела, что трудила глаза. Внутри камня — казалось бы, совершенно не

прозрачного, — четко угадывались очертания человеческой фигуры и замершее в отчаянии лицо. Марори отшатнулась, едва не сбив Нима с ног.

— Смертники, — эльфа зрелище несколько не тронуло, он преспокойно выковыривал из зубов остатки недавно бутерброда. А закончив, похлопал камень, как наездник резвого скакуна. — Три степени защиты, о которых раззвонили на весь свет, но дураки неискоренимы. Естественный отбор.

Не самая человеколюбивая фраза, но, если учесть, в какой семье он воспитывался, — адекватная. Марори же знала, что пройдет много времени, прежде чем из памяти сотрется застывшее в камне отчаяние.

— Встретимся с той стороны, — и Ним шагнул сквозь ворота.

Марори повторила его манипуляции со всей тщательностью, а когда входила в открытый для нее проход, зажмурилась. А вдруг не сработает, и она станет еще одним лицом в камне, смертником, над ошибкой которого так же посмеются? Или уже стала, но еще не знает этого? Девушка приоткрыла один глаз — и вывалилась из вибрирующего тоннеля прямо в каменную арку, чуть не сбив Нима с ног. Собственно, если бы не эльф, она бы грохнулась на мощенную массивным камнем дорогу.

— Долго ты.

— Я вообще. не быстрая. — «Если не сказать — копуша», — добавила про себя.

— Жаль, потому что придется побегать — наш экспресс приедет через три минуты, и, если не успеем на него, будем ждать следующий два с половиной часа.

Не говоря больше ни слова, эльф перехватил у нее ручку чемодана, схватил саму девушку за локоть — и буквально волоком потащил прочь. Марори едва успевала переставлять ноги. Они выбежали на площадь, свернули направо, на широкий проспект, охраняемый гранитными горгульями, а оттуда — на станцию. Экспресс уже прибыл, пассажиры втекали в него тонкой струей. Хромированная черная стрела пестрела вспышками люминесцентных рекламных растяжек самого разного содержания: от декорирования рогов эксклюзивными драгоценными камнями до скидок по случаю открытия нового книжного магазина.

Увидев, как Ним выуживает из кармана пригоршню странного вида монет, Марори в который раз мысленно выругала свою рассеянность.

— Я не разменяла местные деньги, — сказала тихо, заливаясь краской до самой макушки. — То есть я не знала, где и как, и когда.

— Значит, будешь должна мне кофе и пончик.

Эльф подтолкнул ее вперед, а когда подошла их очередь заходить в вагон, бросил пару монет в устройство справа от двери. Из щели в его нижней части выехало два билета, один Ним тут же передал спутнице, получив взамен стыдливое: «Большое спасибо!» Марори стало совестно, что позволила себе обмануться поверхностным суждением. Ведь если бы не Ним, кто знает, сколько дров она успела бы наломать, прежде чем добралась до Дра'Мора.

Они заняли места около окна, за столом, друг напротив друга. Эльф водрузил перед ней несколько потрепанных книг, которые оказались дополнительными учебными пособиями. На обложках значились незнакомые фамилии и титулы, один страшнее другого: адепт учения Асмодея, Тиран де Ворт, жрица темного Плетения Первой степени, ее мрачное сиятельство Кассандра Меллоун, Трансмутация, Основы Материи, Особенности и возможности темного Плетения. От одних названий мурашки по коже. Марори наугад выбрала ученик, пролиставала его: часть иллюстраций и без того весьма откровенного

содержания кто-то дополнил недостающими похабными деталями, разрисованными шариковой ручкой. Девушка захлопнула книгу.

— Я их уже читал, можешь оставить себе, — разрешил Ним. И, будто прочитав ее мысли, пояснил: — Это книги брата, он любит рисовать. Вообще, можно, конечно, почистить, но мне и так нормально, а ты просто не смотри на картинки.

По мнению Марори, рисунками подобные художества язык не поворачивался назвать, но не всякое мнение стоит озвучивать, тем более, если оно касается брата человека, только что заплатившего за малознакомую рассеянную девицу. Да и вообще его помощь оказалась как нельзя кстати. В других обстоятельствах она ни за что бы не согласилась, но сейчас сграбастала книги в охапку и тут же уткнулась носом в одну из них. А картинки и правда можно игнорировать.

Лишь спустя какое-то время, когда она на миг оторвалась от увлекательного чтения и вспомнила о существовании Нима, оказалось, что он успел заткнуть уши наушниками и, развалившись на своем месте, крепко дрыхнет.

В двенадцать тридцать, точно по графику, экспресс прибыл на конечную станцию своего маршрута. К тому времени эльф успел выспаться, а Марори — прочесть четверть учебника «Ядология: первый курс». Вывод по итогу чтения был неутешительный: большую часть изложенного материала она попросту не поняла. Специальная алхимическая терминология в учебниках Эльхайма подавалась на латыни, которую Марори зубрила весь минувший год. В Дра'Море же основная масса понятий была переведена на драклинг — один из древнейших языков Нижнего мира. А в драклинге Марори даже алфавит вспомнила с трудом.

Она с тоской спрятала учебники в чемодан и поплелась за эльфом. С каждым шагом понимание грядущей катастрофы становилось все отчетливее.

Оказалось, кроме них с Нимом на конечной вышло еще с десятков человек: пара молодых демонов, девушка-гаст, дьявольское порождение. Разношерстная компания сразу обогнала их, хотя демоны все время оглядывались и посылали Марори недвусмысленные жесты. Ним предложил забить на их ужимки и не обращать внимания.

— Ты слишком впечатлительная, — с видом знатока сообщил он.

Она пожала плечами, изображая на лице что-то вроде: «Я знаю, но такая уж есть».

От станции вела всего одна дорога — широкая мостовая, на которой запросто разъедутся с полдесятка легковушек. Вдоль нее плотным частоколом возвышались красные клены, в разломах их коры сочилась такого же цвета красная вязкая жидкость, от одного вида которой Марори снова стало не по себе. «Это что — кровь?!» — мысленно кричала она. Ним бодро шагал вперед, проявляя к местной флоре не отвращение, а искреннее любопытство. Он даже сунул в жидкость пальцы, а потом долго изучал ее и, в конце концов, лизнул. Марори затошнило.

— Гадость какая-то, но не кровь, — озвучил результаты изысканий Ним. И прямо о футболку вытер перепачканные пальцы. — Когда увижу Лиама, оторву ему башку, брехло такое.

Дорога устремилась вниз, пришлось быстро-быстро переставлять ноги, чтобы не скатиться под горку. А после стремительного спуска начался утомительный подъем. Марори моментально выдохлась, хотелось остановиться и дать отдых натруженным ногам. И только присутствие энергичного Нима, которой умудрялся бодро насвистывать под нос какую-то мелодию, несмотря на то что тащил еще и чемодан спутницы, не давало позволить себе

слабину. Кроме того, она собиралась поступить в полное опасностей, совершенно незнакомое место, как же она будет там учиться, если не способна выдержать элементарщину?

Когда подъем закончился, ее взгляду открылось удивительное и вместе с тем пугающее зрелище, от одного вида которого Марори думать забыла об усталости. В каменной долине, окруженной грозowymi облаками, в которых то и дело вспыхивали алые молнии, в клубах плотного тумана раскинулся Дра'Мор — величественный и поистине необъятный шедевр архитектурного гения Темных. Говорили, что его возвели первые из них, но никаких подтверждений тому не было. Однако красивая легенда жила и ширилась вопреки своей сомнительной истинности.

Несчетное количество готических шпилей пронзали облака и устремлялись выше. Исполинские витражи, окна в гротескной лепнине, обилие каменных статуй всевозможных размеров и форм — всё поражало воображение. Вспышка молнии озарила центральную, самую большую башню, на самом верху которой располагался поистине непостижимых размеров колокол. Ни одна фотография, ни одна открытка не передавали и малой толики действительности, все изображения блекли перед реальностью, которая, чем больше Марори всматривалась в ее грани, завораживала.

— Круто, да? — В голосе Нима слышался восторг.

— Очень, — согласилась девчонка. И в который раз поблагодарила судьбу за то, что рядом оказался эльф. Сама она очень долго набиралась бы смелости, прежде чем пойти дальше.

Последним препятствием на пути к Дра'Мору стала еще одна стена, ниже предыдущей, сложенной из массивного дикого камня, основательно поросшего красным мхом. Стена уходила влево и вправо, охватывая учебный комплекс сплошным кольцом. А дорога вела к каменным же воротам, закрытым на замок в виде оскаленной пасти цербера. Стоило ребятам подойти ближе, как земля под ногами затряслась, воздух наполнился протяжным воем. Марори схватила эльфа за руку.

— Спокойно, это охранник, — сказал он, но в голосе эльфа тоже чувствовалась неуверенность. — Главное, не делать резких движений, и дать ему себя об.

Он не успел закончить, потому что замок на воротах вдруг ожил и буквально за секунды многократно увеличился в размерах. На землю он соскочил уже на собственные лапы, и все три пасти совершенно не гостеприимно зарычали в лица новоприбывшим. Марори зажмурилась, Ним крепче сжал ее ладонь.

— Хорошая собачка, — пробормотал он, когда центральная морда цербера уткнулась ему в лицо.

Зверюга была настолько огромной, что без проблем перекусила бы любого из них. И выглядела достаточно голодной и свирепой, чтобы поступить именно так. Нима цербер обнюхивал достаточно долго, с оскаленной пасти на одежду эльфа капала мутная зловонная слюна, но тот стойчески терпел и не пытался отстраниться. Когда пришел черед Марори, цербер наострил уши и три головы буквально окружили ее. Носы с шумом втягивали воздух, из пастей несло протухшим мясом и гнилью. Налитые кровью глаза смотрели с нескрываемой злобой.

Цербер зарычал.

— Не дергайся, — предупредил Ним, настолько очевидным было ее желание дать деру.

— Кажется, он хочет меня съесть, — пролепетала она одеревенелым от страха языком.

Губы не слушались, слова застревали в горле. Она физически ощущала собственный страх.

А потом страж внезапно отстранился, хоть продолжал пристально следить за ней всеми тремя парами глаз. Он уступил дорогу к распахнувшимся воротам, в которые Марори и Ним проскочили, как ошпаренные. А потом, поглядев на перекошенные страхом лица друг друга, долго хохотали. Эльф выудил из закров рюкзака новую футболку, наспех переделся. Новая футболка была не менее мятой старой, разве что немного чище.

— Вот же дрянь, испаскудил мою любимую, — сокрушался он.

После непродолжительного колебания сунул испачканную футболку к остальным вещам, а вслух сказал, что прачечные в наше время творят чудеса. Марори сомневалась, что хоть одна прачечная в состоянии отстирать зловоние цербера. К тому же эльф рисковал лишиться и прочей одежды, присовокупив к ней испорченную футболку.

— Нам туда, — Ним указал на левое крыло замка, — там регистрация.

Они прошли в распахнутые двери, украшенные металлическими стяжками в виде колючей лозы, и оказались в просторном зале, из которого вытекали три коридора. Каменная табличка в центре зала подсказывала, что по вопросам регистрации нужно обращаться в такой-то кабинет. Туда они и направились. Ни очереди, ни толчеи.

— Что-то желающих мало, — сказала Марори.

— Потому что вступительная закончилась еще месяц назад, — пояснил Ним, — это мы идем прицепом, последними.

Дальнейшее проходило по знакомой схеме. Они ходили от стола к столу, предоставляли свои данные, отвечали на стандартные вопросы. Последней инстанцией была солидного возраста медуза: серпентарий на ее голове выглядел порядком потрепанным, змеи подслеповато шурились, лениво шевелились и изредка пробовали воздух языками. Вопреки общепринятому запрету, женщина не спрятала их под головой убор. Медуза тщательно изучала заполненные формы и переспрашивала по каждому вопросу.

— Ваш полный физический возраст — семнадцать лет? — переспросила она.

Вопрос, которого Марори боялась. И не просто так, а потому что приписала себе полтора лишних месяца.

Медуза занесла данные в компьютер и передала девушке конверт, расписание и буклеты с разной полезной информацией: перечень корпусов, их назначение и расположение, особенности работы столовой и спального корпуса, как оформить абонемент в обычную библиотеку и к кому обратиться за оформлением спецпропуска в хранилище редких книг.

— Здесь ошибка, — сказал Марори, изучив полученные на руки документы, — мы первокурсники, а здесь стоит Третий круг. Вот, — она пальцем указала на соответствующую строку в документе.

Пара змей удостоила девушку вниманием, но не сама медуза.

— Никакой ошибки, — с убийственным безразличием ответила она. — Личное распоряжение Магистра Дамиана касательно вас.

— И у меня Третий, — подтвердил Ним.

— Личное распоряжение Магистра Дамиана, — монотонно повторила медуза, — для студентов из списка. По всем вопросам вы можете обращаться к старостам групп, их координаты есть в буклетах, — змеи в одночасье повернулись на солидные стопки в их руках. — К ним прилагаются списки необходимого для обучения инвентаря.

Марори сжала документ, чувствуя, что готова взорваться от злости. Да что же это происходит? Третий круг?! Они тут что, совсем с ума посходили?!

— По всем вопросам обращайтесь к старостам, — монотонно талдычила медуза.

Эльф потянул спутницу за локоть, но она грубо выдернула руку.

— У меня есть письмо, и у него, — она ткнула пальцем в грудь эльфа, — где говорится, что из-за причиненных неудобств администрация Дра'Мора готова принять нас на льготной основе на Первый круг обучения.

Медуза с каменным лицом приняла протянутый конверт, водрузила на нос очки и степенно прочитала письмо. Потом передала его Марори.

— Здесь ни слова не сказано о *Первом* круге, — выдала она.

Марори открыла рот, чтобы возразить. и закрыла его, вдруг поняв, что Старый Серпентарий права. Она перечитала письмо еще раз, чтобы убедиться, что в нем действительно нет ни строчки о том, на какой именно курс им предлагают поступить. То есть, формально, должны бы на первый, но ведь это не означает, что.

— Если вы все-таки хотите поговорить со старостами, то собрание групп Третьего круга начнется через четыре минуты двадцать восемь секунд. Корпус Агоранд, третий этаж, лекционные аудитории со сто восемнадцатой по сто двадцать третью, — нудно уточнила медуза. — Названия групп указаны в ваших документах.

Эльф снова потянул ее за локоть, но теперь достаточно твердо и крепко, лишив Марори шанса сопротивляться. В себя она пришла уже в коридоре, за дверью. Кровь прилила к вискам, грохотала, как отбойный молоток.

— Порченокровные, — прошипела Марори сквозь зубы, — как я могла забыть, что им нельзя доверять.

— Ну, это смотря кому, — заметил Ним. Он имел полное право обидеться, ведь ее слова напрямую касались и его семьи. — Предлагаю сначала сходить на собрания групп, а там видно будет. Третий круг — это же здорово, прикинь, на два года меньше грызть гранит науки!

— Даже слышать не могу этот бред. — Она не разделяла его восторга. Но насчет собрания групп Ним абсолютно прав. Может быть, хоть кто-то, наконец, прольет свет на происходящее.

Марори шла за Нимом, который уверенно ориентировался в хитросплетениях коридоров. На улице они свернули направо, прошли мимо центральной башни, за ней еще раз повернули, очутившись на ухоженном кладбище. Древние могилы и склепы стерегли готические статуи, в воздухе дурманяще пахло розами и жасмином, хоть время их цветения уже давно вышло. Тем не менее, Марори увидела несколько облепленных белыми цветами кустов.

Ребята торопливо минули кладбище (Марори впервые заметила на лице эльфа отвращение) и через увитую терновником арку вышли на дорожку, которая привела их к еще одному крылу Дра'Мора. На крыльце толпились студенты, большей частью одетые кто во что горазд. Впрочем, о какой одежде имеет смысл говорить, когда один их вид заставлял чувствовать себя беспомощной бабочкой. Рогатые, хвостатые, клыкастые, с тремя или двумя парами рук и двумя головами, с крыльями и когтями, копытами и шерстью. Новенькие почти сразу привлекли к себе внимание — стоило Марори подняться вслед за эльфом на крыльцо, как студенты одной из сгрудившихся компаний будто по команде повернули к ним головы.

— Эльфом воняет, — пробасил один — гривастый рогатый увалень под два метра ростом. — И простокровкой.

Его спутник, змееглазый инкуб, разодетый хлыщом, в два шага поравнялся с Марори, с

шумом втянул носом воздух. И широко улыбнулся. Ни тени дружелюбия в той улыбке не было.

— Подожди, Кулгард, давай лучше узнаем, кому прилетел этот подарочек? — осведомился он. — Цыпочка, ты кого-то разыскиваешь или ищешь подходящего кандидата? Уверяю, мои таланты не оставят тебя равнодушной.

Он хотел подвинуться еще ближе, но гривастый сграбастал его за шиворот и бесцеремонно оттащил в сторону.

— Далось оно тебе.

Третий из их компании, бледнее ночного кошмара, окинул новеньких скучающим взглядом, под которым Марори почувствовала прилив необъяснимого ужаса, хоть пугающим незнакомцем не выглядел. Тем временем инкуб вырвался, озлобился на гривастого, но в драку не полез. Оно и понятно, гривастый (скорее всего демон с крепкой кровью) был на добрых две головы выше него.

— Милая дева пришла разбавить компанию праздно слоняющихся мужчин, чьи сердца огрубели без женской ласки и любви, — сладко прошептал инкуб. — Может, назовешь свое имя, цыпочка?

Прежде чем она успела отреагировать, Ним втолкнул ее за дверь, которую тут же с грохотом закрыл.

Светлые, что это было?! Снаружи раздался смешок и обещание непременно отыскать прекрасную незнакомку. Когда Марори перевела дух и посмотрела на эльфа, тот как-то странно на нее косился и хмурился.

— Что?! В чем дело? У меня с лицом что-то?

— Нет.

— Тогда что?

— Мы опаздываем, забыла? Нам еще выяснять насчет Третьего круга.

Марори так ошалела от произошедшего, что мысленно махнула рукой на то, как ловко Ним ушел от ответа. Потом, когда все утрясется, она обязательно спросит, что это был за взгляд.

Пришлось буквально пролететь шесть лестничных пролетов, прежде чем они попали на нужный этаж. Двери аудиторий были распахнуты, но студенты не торопились заходить внутрь. Они собирались в группы, что-то бурно обсуждали, над чем-то смеялись. Марори отметила, что как минимум треть голов украшают рога разных цветов, формы и длины, от совсем коротких, девичьих, до огромных и массивных, доставшихся в наследство от предков-минотавров. Кроме того студентки женского пола совсем не стеснялись своих провокационных вызывающих нарядов, напротив — как бы между прочим принимали позы, в которых ткань едва-едва выдерживала напор женских прелестей. Странное дело, но в своем скромном наряде, клетчатой рубашке и джинсах, голой себя почему-то чувствовала Марори. И вообще они с эльфом выглядели облезлыми воробьями в стае расфуфыренных коршунов.

Новоприбывшая парочка забила в угол подальше от любопытных взглядов. Порывшись в выданных медузой документах, выудили указания с названиями групп, в которых им предстояло учиться.

— Четвертая — Адепты Плетения, — сообщил парень. Он довольно улыбался.

— Первая — Темные потрошители, — обреченно выдохнула она. — Скажи, что название ничего не значит, что это просто так, для красного словца.

— Вообще-то, название обозначает специализацию, — разочаровал ее Ним.

— Но в письме. Там же было сказано. Ох, Светлые надо мной насмеваются, как же я могла быть такой наивной и глупой и поверить, что.

Она умолкла, стиснула зубы и кулаки, чтобы не поддаться слезам. Все шло наперекосяк, все шло совершенно не так, как она думала. Хотя разве она думала? С момента прочтения письма и до сих пор все, что она делала — предавалась наивным мечтам, будто бы сможет добиться желаемого. Ну и что, что не в Эльхайме, главное — ее научат чувствовать Плетение, повелевать Материей. Разве задумывалась она о возможных последствиях своей порывистости? Нет, нет и еще раз нет.

— Эй, ты чего? — Ним сжал пальцы на ее плече, возвращая в реальность. — Темные потрошители — это очень круто. Самый престижный факультет. Второй Владыка бездны Асмодеус Кромсатель, Кровавая леди Сюзанна, Господин боли Абадон, — он загибал пальцы, — величайшие воители Проклятой крови — все вышли отсюда. Тебе предстоит познакомиться с мастерами меча, топора, тихого убийства. Отрыжка Темных, если бы я не хотел овладеть Плетением, то обзавидовался бы тебе!

Он выглядел искренне восхищенным, а не как человек, который мелет что попало, лишь бы утешить. Но от такого утешения Марори только сильнее бледнела. Она же хотела изучать Материю и Плетение, чтобы приносить пользу, чтобы беречь Равновесие и послужить ему, если понадобится, но никак не упражняться в мастерстве владения топором и тихом убийстве, и уж тем более не изучать способы выпуска кишок.

— Я никогда не держала в руках ничего опаснее кухонного ножа, — понурился, сказала она, — и все время умудрялась порезаться. Я крови боюсь, тащу домой раненых птиц и бездомных котят.

Ним пригладил вскоченные волосы. На этот раз даже его оптимизм спасовал.

— Адепты Плетения! — разнесся под потолком звучный голос, принадлежащий девушке в обтягивающем темно-красном платье. Ее тонкий, покрытый чешуей хвост украшало несчетное количество драгоценных побрякушек, на высокой прическе лежала диадема из забальзамированных лилий. — Прошу в аудиторию. И будьте так любезны — шевелите задницами.

Эльф сглотнул, взглядом пожелал Марори удачи и пристроился позади группы студентов. Когда пришел его черед, он остановился около хвостатой старосты, они немного поговорили, девушка взглянула на сопроводительные документы — и, вызывающе улыбаясь, пропустила новенького в аудиторию. Дверь захлопнулась. Марори осталась одна, в темном углу, снедаемая паникой и разрываемая между желанием убежать, пока не поздно, или остаться и потерпеть полное, безоговорочное фиаско.

Следующими позвали группу Мастеров Материи, за ними в своих аудиториях закрылись Некроманты и Алхимики. Группы были маленькими, по пять-семь человек, и, как успела заметить Марори, девушек среди них всех не набралось бы и десятка.

Последними позвали Темных потрошителей. К ужасу девушки, среди студентов ее группы она узнала троицу с крыльца, а они узнали ее. На этот раз инкуб опередил товарищей, зажал ее в углу, глядя сверху вниз.

— Эй, так это и есть та сама обещанная цыпочка! — огласил на весь коридор.

— Какая-то она никакая. — Из-за его плеча выглянул бледный. Гаст, скорее всего, иначе откуда эта болезненная худоба, если не сказать — костлявость. Суповой набор, а не парень. — Я надеялся хоть на Третьем круге к нам поделят красотку.

Недовольного гаста оттащила здоровенная лапища гривастого демона. Похоже, в этой компании он был чем-то вроде стоп-крана. Тормозил, когда приятели начинали зарываться. И определенно не из жалости к сирым и убогим, а потому что считал свои действия правильными.

— Мои товарищи никогда не слышали о галантности, обходительности и прочих вещах, которые красят настоящего мужчину, — вмешался змееглазый ловелас. Неуловимым движением пальцев он начертал в воздухе фигуру и буквально из ничего выудил благоухающую розу. Ловко протиснувшись мимо гривастого, вручил Марори цветок и придвинулся вплотную, чтобы шепнуть на ухо: — Ты должна отдать это мне.

— Может, тебе еще и отдельные апартаменты предоставить? — поинтересовался староста.

Все это время он стоял в дверях и, скрестив на груди руки, наблюдал за травлей. Невысокий, едва ли не с Марори ростом, гибкий и весь будто настороженный. Короткие серые волосы, приподнятые уголки глаз, синеватая кожа — темный эльф собственной персоной.

— У нас накопилась куча вопросов — куда более важных, чем невыразительная девственница, — сказал староста.

Марори залилась краской.

Если бы только она хоть чуть-чуть, самую капельку умела обращаться с Материей, то замуровала бы себя в стену, лишь бы скрыться со стыда.

— Пойдем со мной, цыпочка, я никому не дам тебя в обиду, потому что ты — моя, — не унимался инкуб.

Он властно заставил ее взять себя под руку и повел в аудиторию. Марори потащила чемодан следом. Общество змееглазого тяготило, но ей хватило ума не пытаться вырваться. Светлые только знают, как тут принято обращаться с простокровками и какие еще распоряжения насчет новеньких выдал магистр Дра'Мора, чье имя Марори благополучно забыла.

Глава четвертая

Теперь я буду защитником, оберегающим тебя Хотя ты не заметишь, что это я © Within Temptation, «Hand of Sorrow»

Внутри аудитории было просторно и прохладно, тяжелые занавески на окнах едва пропускали солнечный свет, полумрак был наполнен едва слышными шорохами и запахом гари. Внизу располагалась полукруглая площадка для выступлений, массивные резные скамьи лестничными ступенями уходили вверх. Марори, как зачарованная, рассматривала фрески и гобелены на стенах, изображающие события давно минувшего прошлого: Раскол Единого, Кровавую резню в Бездне, затеянную тринадцатую Владыками-демонами за право носить Эбонитовую корону. О большинстве этих событий в ее родном Ирвуде говорить не любили, но из книг можно почерпнуть удивительно много, если знать, где искать.

Инкуб подтолкнул Марори перед собой, заставляя быстрее шевелить ногами. Другие студенты уже расселись кто где. Темный эльф стоял внизу, с недовольным видом облокотившись на кафедру.

— У нас новенькая, — сообщил он, словно на повестке дня это был самый животрепещущий вопрос.

Девушка уселась на первую же скамью, притянув к себе чемодан и вцепившись в него, словно в спасательный круг. Инкуб сел поблизости и как бы между прочим то и дело задевал ее то рукой, то ногой. Марори запретила себе смотреть по сторонам, опасаясь, и не безосновательно, что паника одержит верх, и она с позором побежит напрямиком на вокзал.

— Магистр Дамиан собирал старост, чтобы уладить вопросы насчет этого. Довожу до вашего сведения, что эта простокровка будет учиться с нами. До окончания или пока сама не пожелает уйти.

— Она из Эльхайма, что ли? — выкрикнул с места младший дьявол.

Его Марори рассмотрела лишь мельком. И запомнила, что у него, единственного среди прочих, есть крылья — тяжелые костяные выросты на спине, обтянутые плотной кожей. Пройдет лет десять, прежде чем они сформируются и вызреют, но уже сейчас выглядят устрашающе.

— Она поступала в Эльхайм, но из-за некоторого недоразумения было принято решение предоставить ей место в Дра'Море, и в дальнейшем.

— Это не было недоразумение.

Марори подумала об этом, но через секунду поняла, что слова сорвались с губ. Все присутствующие уставились на нее — кто с пренебрежением, кто с любопытством или плотоядно. Темный эльф сделался буквально серым от раздражения.

— Мне прислали фальшивку о моем якобы зачислении в Эльхайм, — продолжила девушка.

Она уже испортила все, так какой теперь смысл отмалчиваться? Этот их Магистр мог, что угодно наговорить, она же, по крайней мере, вольна рассказать свою версию событий. Единственно правдивую. Сначала она тщательно подбирала слова, старалась говорить аккуратно и сдержанно, но потом эмоции взяли верх. Правда, когда закончила, не нашла на лицах собравшихся ни сочувствия, ни понимания. Инкуб продолжал плотоядно улыбаться, заставляя усомниться, услышал ли он вообще хоть слово.

— Ничего себе, это с какого перепугу такие поблажки? — Недовольство перекосило

бледное лицо гаста. — Мне пришлось задницу рвать, чтобы поступить, и два года надрываться, а тут — сразу в дамки.

— Ну-ка расскажи, где и с кем ты задницу рвал? — подначил его младший дьявол. — Трепло, молчал бы уж, а то я могу вспомнить, кто за мной ползал на коленях и упрашивал дополнительно позаниматься с полуторным.

— А по-моему, она милая, — мурлыкнул инкуб и наконец надумал представиться, — меня зовут Эашу. Рад, что следующие три года мы будем так близко друг к другу.

— Марори, — едва слышно сказала она, — Марори Милс. И я не просила никаких поблажек. Я думала, что буду учиться на Первом круге. Третий для меня полная и не очень приятная неожиданность.

— Но ведь если бы не она, мы бы не встретились? — Инкуб Эашу придвинулся ближе и, упреждая ее побег, схватил за руку. — Иногда судьба сама решает за нас, не нужно ей противиться.

— Хватит! — на удивление громко и зло рявкнул темный эльф и принялся сверлить инкуба тяжелым взглядом, пока тот не отодвинулся на приличное расстояние. — Насчет простокровки Магистр отдал четкие распоряжения — взять на поруки, проявить гостеприимство и показать, что Дра'Мор может утереть Эльхайму нос.

— А чем я, по-твоему, занимаюсь? — тут же огрызнулся Эашу.

— Чем ты занимаешься — все тут знают, но при девственнице мы это обсуждать не будем, — вклинился гривастый демон.

Марори снова покраснела. Светлые, они что, будут припоминать это при случае и без?

— Это звучит как музыка для моих ушей, — плотоядно улыбнулся Эашу. Его змеиные глаза чуть заметно вспыхнули, язык скользнул по нижней губе.

Девушке стоило невероятных усилий преодолеть страх и заставить себя сидеть на месте. Если она даст слабину сейчас, то позволит этим проклятокровным думать, что они могут помыкать ею, издеваться и насмешничать, когда вздумается. И нужно еще выяснить, что это за гостеприимство такое и поруки, о которых говорит эльф. С момента прибытия в Дра'Мор она только и делала, что натыкалась на подводные камни, о которых ее не сочли нужным предупредить. Очень может быть, что слова старосты — очередной камень. И девушка собиралась подготовиться к новым неожиданностям.

Тем временем староста переключился на организационные вопросы. Марори потихоньку достала из сумки блокнот и быстро записывала: адреса магазинов, где можно купить необходимый набор учебников, набор для практикума по анатомии, к кому обратиться на случай пошива или починки формы. Последними были вопросы оружия и загадочных фэлфаэров. От одной мысли о том, чтобы взять в руки что-то острое и причинить кому-то боль у девушки закружилась голова. Пока рука неровным почерком выводила на страницах напоминания, в голове вертелась единственная мысль: почему она до сих пор сидит здесь?

Почему не ищет Магистра, не штурмует его вопросами и негодованием? Вместо того, чтобы добиваться зачисления на Первый круг обучения или, на худой конец, перевода в группу изучения Материи или Плетения, она уговаривает себя остаться.

«Ты не сможешь», — как заговоренный, твердил внутренний голос. Не смогу, соглашалась она — и продолжала записывать.

— В связи с событиями прошлого года. — Эльф прочистил горло кашлем, замолчал. Было видно, что тема ему неприятна. — Было принято решение о невозможности

нахождения фэлфаэров около хозяина нигде на всей территории Дра'Мора, кроме тренировочных залов и, само собой, практических занятий. — Даган, — он перевел взгляд на младшего дьявола, — это тебя в первую очередь касается.

Тот сжал кулаки, нарочито громко хрустнул костяшками, но промолчал и даже согласно кивнул.

— Как дела у Крэйла? — спросил гост.

Образовавшаяся тишина оглушала. Марори позволила себя осмотреться, осторожно скользнуть по лицам проклятокровных. Все, даже приставучий Эашу, выглядели озадаченными и пересматривались, будто ждали, кому же хватит смелости заговорить на щекотливую тему. Кем бы ни был этот загадочный Крэйл, его упоминание возымело большее действие, чем выкрики старосты.

— Я не знаю, — наконец, заговорил эльф, — давно его не видел.

Когда с общими вопросами было покончено, староста напомнил, что занятия начинаются с десятого числа следующего месяца, и несколько раз повторил о необходимости подтянуть «хвосты». Когда студенты начали расходиться, эльф попросил Марори задержаться. Его компания, да еще и один на один, пугала сильнее, чем приставания инкуба, который не преминул предупредить товарища о праве, которое он заявил на новенькую. Эльф оставил предупреждение без внимания.

— Я покажу твою комнату, — сказал эльф, когда они остались одни. — Тебе нужно заказать форму для повседневных занятий, для тренировок и для практических занятий.

— Я записала, — Марори неуверенно подняла блокнот.

Эльф продолжал смотреть на нее с нескрываемым раздражением, но хорошее воспитание запрещало ему дать волю чувствам. Девушке оставалось только догадываться, чем она успела ему насолить.

— На твоем месте я бы не распаковывал вещи, — убийственно холодно и жестко заявил он. Словно нашел лазейку для злобы и тут же выплеснул все до капли. — Очевидно, что все это, — он сделал неопределенный жест рукой, — фарс. Просто какие-то договоренности с Эльхаймом, чтобы замять конфликт. Если ты не круглая дура, то понимаешь всю абсурдность происходящего.

— Понимаю, — кивнула она, — но я рискну.

Вот так. Ее голова еще только переваривает все произошедшее, ищет лучший из возможных вариантов, а сердце все решило за считанные мгновения. Эльф вскинул бровь, поддавшись удивлению, но тут же снова нахмурился.

— У тебя есть фэлфаэр?

Она отрицательно мотнула головой. И подумала, что благоразумнее вообще не заикаться: она не имеет ни малейшего понятия, кто такие фэлфаэры и где их брать.

— Какой вид оружия ты предпочитаешь? — обрушился следующий вопрос. Не дожидаясь ответов, эльф все больше распалялся и напирал, подавляя желанием во что бы то ни стало избавиться от обузы. — Ты, вообще, умеешь пользоваться оружием? Умеешь убивать? Готова убить, если придется?

— У меня нет ответов. — Ничего более приемлемого она не придумала. Марори сделала два шага назад, снова увеличивая расстояние между ними. — Но я не буду сдаваться только потому, что еще не успела их найти.

— Иди за мной, — хлестко, словно дал пощечину, скомандовал эльф и быстрым шагом покинул аудиторию.

Девушка поспешила следом. Она надеялась, что Ним уже свободен и ждет ее снаружи, но в коридоре было пусто. Конечно, с чего бы ему беспокоиться о ней? Он и так сделал для нее больше, чем кто бы то ни было за последние дни.

Староста вывел ее на улицу, оттуда — на север, через густые заросли терновника. Узкая дорожка шла впритык к его колючим веткам, Марори сжалась в комок, чтобы не пораниться, но шипы все равно достали ее плечи и щеку. Девушка стойко выдержал боль, не издав ни звука. Как бы ни обернулось дело, она не даст повода принимать себя за слабачку и тихоню. Даже если ради этого придется пойти на многое.

«Ты готова убить, если придется?» — всплыл в памяти вопрос. Единственный, на который Марори знала ответ. Ответ, который ставил жирный крест на ее месте в Дра'Море. Если, конечно, ничего кардинально не изменится.

Корпус, в котором располагались спальные комнаты студентов, находился в самом дальнем уголке Дра'Мора. Дорога туда оказалась настолько путанной, что уже на половине пути Марори окончательно потеряла представление, в какую сторону они идут. И за все время им не встретилось ни единой живой души. Когда наконец из-за деревьев показались темные гладкие стены, Марори с облегчением перевела дух. Еще немного — и она бы подумала, что ее ведут на какое-то традиционное для вновь поступивших заклятие.

Вход в корпус охраняли големы. Со скрещенными на груди руками, стальные гиганты неподвижно стояли по обе стороны двери. Марори невольно замешкалась, за что тут же получила насмешливый взгляд темного эльфа.

«Испугалась простых железяк, а еще собираешься у нас учиться?» — говорил его прозрачный взгляд.

— Без метки тебе не пройти. Хотя можешь попытаться, и тогда некоторой части тебя повезет просочиться через их кулаки. — Эльф не спешил что-то предпринимать. Он наслаждался беспомощным положением девушки и делал все, чтобы она это поняла.

— Где мне ее получить?

Вместо ответа он извлек из кармана железный, размером со спичечный коробок штамп и задумчиво повертел его в руках. Тем временем Марори пыталась представить процедуру клеймения, и ее передернуло.

— Я все же предлагаю тебе передумать, — настаивал эльф. — Поверь, через неделю, в крайнем случае — две, ты все равно отсюда сбежишь и будешь с ужасом вспоминать все, что связано с Дра'Мором. Это особенное место. То, что ты здесь, — всего лишь насмешка Магистра над Светлыми и их никчемной справедливостью, ответственностью и прочей лабудой, над которой посмеивается весь Мараабар. Метка же останется с тобой на всю жизнь, кроме того — это процедура не из приятных.

— Эльхайд уравнивает Дра'Мор, и именно благодаря этому существует Равновесие.

— Ты меня раздражаешь, — признался староста.

— Ты меня тоже, — ответила Марори. Она боялась, очень боялась, но не могла смолчать. Лучше дать сдачи и получить в ответ, чем прослыть тряпкой.

Эльф, не церемонясь, дернул ее за руку, закатал рукав до локтя, обнажил запястье. Марори очень хотелось зажмуриться, но под взглядом эльфа она не позволила себе слабину. Что за день такой? Приходится постоянно испытывать на прочность собственный характер. Староста быстро приставил клеймо к запястью, надавил. С ужасом Марори смотрела, как железо раскаляется и прожигает кожу. От боли на глаза навернулись слезы, рука

предательски задрожала. Когда пытка окончилась, эльф отнял клеймо и брезгливо откинул ее руку. На запястье образовался ярко-алый ожег в виде остроконечной руны, значения которой Марори не знала. Болело нещадно. Девушка поняла, что плачет, когда капли, обжигая, упали в центр клейма. Она подхватила чемодан и, не оборачиваясь на эльфа, буквально взлетела по ступенькам.

— Пропуск, — прогрохотал левый стальной страж, и из прорезей в шлеме на Марори глянуло тусклое красное свечение.

Она выставила руку перед собой и, решив, что этого достаточно, сделала шаг к двери.

— Пропуск, — повторил за братом-близнецом левый страж.

Марори непонимающе оглянулась. Темный эльф, склонив голову на бок, с триумфом наблюдал за ее реакцией. Понимание обмана обжигающей обидой вонзилось ей в голову. Взгляд опустился на клеймо, которое успело превратиться в набухший уродливый ожог и практически потеряло свой первоначальный вид. А рука тем временем до самого плеча онемела от боли.

— Я буду носить его с гордостью! — в лицо напыщенному эльфу Марори выплюнула все накопившееся за день разочарование.

— Добро пожаловать в Дра'Мор, — прошипел он, развернулся на каблуках и ушел.

Девушке оставалось лишь усесться на ступеньки и ждать, когда кто-то обратит на нее внимание. Сомнительно, что в таком месте есть хоть одна способная на сострадание душа, но что еще остается делать? Ждать пришлось недолго — из здания вышла девушка со стопкой книг под мышкой и потрепанным пергаментом в свободной руке. Она уже спустилась по лестнице, когда вдруг повернулась и спросила, в чем проблема. Марори объяснила про пропуск, но промолчала о клейме. По правде говоря, признаться в собственной доверчивости не давал банальный стыд. Но зато эльф, сам того не желая, преподал ей хороший урок на будущее: никому никогда не верить на слово.

— Новенькая что ли? — студентка лениво выдула из жвачки розовый пузырь, хлопнула его и, собрав языком остатки хлопьев с губ, вздохнула. — На регистрации была?

— Да.

— В конверте должен быть пропуск, смотри в документах.

И пошла по своим делам, вслух сетуя на то, какие бестолковые пошли первокурсники и куда подевалась старая добрая система испытаний стихиями.

Среди полученной кипы документов действительно оказался запечатанный конверт, внутри которого лежал простой кожаный браслет, шириною в палец, по внутренней стороне испещренный символами. К нему прилагалась краткое руководство: надеть символами внутрь и дожидаться слияния. От предположения, чем может грозить это слияние, ожог заныл с новой силой. К счастью, все обошлось безболезненно. Стоило нацепить браслет на руку, как тот стянулся точно по размеру запястью. На этот раз, когда Марори протянула руку, Стражи молчали.

Внутри, в зале рядом с дверью, висела доска. С одной стороны имена и фамилии студентов, напротив — номер их комнаты. По комнате на человека, роскошная жизнь. Вот только, вопреки всем стандартам и принятым нормам, в Дра'Море было одно общежитие и для парней, и для девушек. Марори тут же придушила воображение, которое охотно подкинуло пригоршню всяких нехороших мыслей по этому поводу.

За ней значилась комната номер сорок девять. Девушка довольно улыбнулась, радуясь пусть маленькой, но победе — по крайней мере, хоть с чем-то она разобралась

самостоятельно. Правда, тут же нарисовалась новая проблема: полное отсутствие ступеней и дверей, кроме тех, что вели на улицу. Вместо этого в противоположном конце зала пульсировал желтым ряд световых столпов, возле каждого из которых значились цифры этажей: первый, второй и так до пятого. Стоящие особняком два красных столпа не имели никаких опознавательных знаков.

Марори выбрала четвертый и, не мешкая, вошла в него, крепко прижимая вещи к себе. Столп налился светом, стал плотным, и на несколько мгновений девушка перестала видеть дальше его границ. Когда же все успокоилось, она оказалась в просторном коридоре, по обе стороны которого в шахматном порядке располагались двери. Тяжелые и массивные, из темно-красного дерева, с коваными ручками и петлями. Девушка нашла свою, с радостью обнаружив, что ее комната находится в самом конце коридора, рядом с выходом на террасу.

На двери не оказалось замков, зато стоило подойти, как поверхность браслета засветилась, и дверь со щелчком открылась. Марори шмыгнула внутрь, перевела дух — и замерла, с отвисшей от удивления челюстью. Сказать, что комната была роскошной — не сказать ничего. Резная мебель, бархат, шелк, вышитая вручную тюль на окнах, драпированная мягкими складками. Подобрав челюсть, девушка избавилась наконец от чемодана и отправилась в путешествие по своему новому жилищу. Оказалось, что комнат не одна, а целых две: главная, обустроенная как гостиная пополам с учебной комнатой, и спальня, к которой примыкала гардеробная и ванная. Все, конечно, компактных размеров, но меблировано со вкусом. Двухспальная кровать под балдахином манила в свои шелковые объятия.

Эта сторона гостеприимства Дра'Мора Марори понравилась значительно больше всего остального, что ей пришлось пережить за день. Правда, она по-прежнему не могла отделаться от мысли о возможном подвохе. Но не может же, в самом деле, везде и во всем быть одна только ложь и западня?

Час спустя, вымытая и переодетая с дороги, она распаковывала чемодан. Большая часть книг и конспектов остались с неудачной поездки в Эльхайм, здесь они без надобности и потому перекочевали на самое дно. Вещам в шкафу было явно сиротливо: пара джинсов, несколько рубашек и футболок, три пары удобной обуви для каждодневной носки и единственные туфли на приземистом каблуке. Одно-единственное платье.

Письменные принадлежности — а вот этого добра было действительно много, она щепетильно разместила на столе. Каждая вещь лежала именно там, где нужно, чтобы в любой момент взять ее, не глядя.

Последними на полку встали безделушки: морская раковина, привезенная с единственного в жизни Марори морского путешествия; пара гладких камней причудливой формы и цвета; кукла с головой-тыквой. Вещи, которые будут напоминать о доме.

Доме. В груди снова зародился комок тоски и сожаления об ушедших днях. Теперь они казались такими спокойными, такими счастливыми. Мама, сестра.

За всеми этими заботами Марори пропустила вечер. Когда выглянула в окно, оказалось, что на небо высыпали первые звезды. Живот громко заурчал, требуя еды. В документах нашелся буклет о внутреннем распорядке. В нем значились часы работы столовой, согласно которым Марори впритык, но успевала к ужину. Вот только куда идти?

Все тем же порталом она спустилась на первый этаж, где на этот раз оказалось довольнолюдно. Из обрывков фраз Марори поняла, что и другие студенты направляются в столовую. Молодежь группами входила в правый красный портал и исчезала, уступая место

следующим. К одной из таких групп она и пристроилась, о чем тут же пожалела: рогатые, хвостатые и клыкастые обитатели Дра'Мора громко и весело обсуждали клеймо, которое Марори даже не перевязала. Аптечку она, как положено, по рассеянности забыла. Судя по разговорам студентов, темного эльфа звали Аситаро, и он успел прославиться тем, что направо и налево клеймил тех, кого считал ниже себя. Ощущение, что она не одинока в своем позоре, не слишком успокаивало, но хотя бы давало надежду найти союзников в лице таких же обиженных.

Портал вывел в самый центр столовой, на платформу, от которой во все стороны расходились лестницы. Студентов было немного, поэтому, стоило Марори спуститься в поисках свободного стола, как на нее тут же, словно черт из табакерки, налетел Эашу. Как добычу, змееглазый тут же сграбастал девушку в охапку и смачно чмокнул в щеку. Марори только сейчас заметила широкую ленту татуировки, опоясывающую его шею. Символы вперемешку с орнаментом — что-то о том, что он всегда свободен.

— Устроилась уже, моя цыпочка? — плотоядно улыбаясь, осведомился Эашу.

— Да, — ответила она в промежутках между попытками избавиться от его объятий.

Но чем сильнее дергалась, тем крепче на ней сжимались руки инкуба. При этом сам Эашу не скрывал, что наслаждается процессом. В конце концов, она едва могла пошевелиться и, когда в последней отчаянной попытке выпростать хотя бы руку зацепила свежую рану, вскрикнула от боли. Эашу перехватил ее руку, посмотрел на клеймо.

— Вот гад, — прошипел сквозь стиснутые зубы.

— Я не знала, что это. Он сказал, что нужен пропуск, иначе Стражи меня не пропустят. — Марори сама не знала, для чего объясняет свою очевидную глупость и доверчивость.

— Не ты первая на это повелась. — Эашу осмотрел клеймо, покачал головой. — Болит?

Она утвердительно кивнула. Инкуб усадил ее за ближайший стол, где Марори оказалась в уже знакомой ей компании. Младший дьявол осклабился.

— Этот урод ушастый испортил мою цыпочку, — довольно грозно известил собравшихся Эашу, тыкая в запястье девушки. Марори с трудом, но все же смогла высвободиться из его хватки. — Тупые шутки.

— Не кипятись, Эш. — Гаст лениво приоткрыл один глаз, громко втянул через трубочку остатки содержимого пластикового стакана. — Сколько их уже было.

— Но это — моя цыпочка! И никто не будет ее трогать. — Эашу, как змей-искуситель, буквально обвился вокруг девушки, водрузив голову ей на плечо. — Нужно придумать, как проучить ушастого урода.

— Не заводился бы ты с ним, — поддержал гаста младший дьявол. Потом, как бы между прочим, перевел взгляд на Марори. — И она пусть его стороной обходит. Если не давать Аситаро повода — он скоро сам отвалится, как известно, что с сапог.

Девушка собиралась напомнить, что говорить о человеке в третьем лице в его отсутствии неприлично, но вместо этого заговорил ее живот. Громкое урчание услышали все. Гаст брезгливо отодвинулся, будто боялся заразиться.

— Моя цыпочка проголодалась, — Эашу скорчил расстроенную мину, снова чмокнул Марори в щеку и ушел, пообещав принести что-то «вкусненькое».

Странное дело, но освободившейся, пусть и ненадолго, от приставаний инкуба, девушке стало неуютно. Три пары глаз молча и без стеснения рассматривали ее. Если бы не данное себе обещание больше никогда и ни от кого не бегать, Марори бы уже и след простыл.

Теперь же оставалось только сверлить взглядом столешницу и умолять желудок потерпеть с новыми воплями.

— Устроилась уже? — не открывая глаз, спросил гаст. В ее списке тех, от кого можно ждать вопросов, он значился последним.

— Вроде того, — осторожно, словно ступала по тонкому льду, ответила она. Вдруг, если вести себя дружелюбно и спокойно, получится избежать конфликтов и новых насмешек?

— Ты проиграл, — гаст щелкнул пальцами и в мгновение ока из сомнамбулы превратился в живчика. Громко насвистывая, он с ногами взобрался на стул и бросил в демона пустым стаканчиком. — Кулгард, ты проиграл.

Среди них этот был самым высоким, если не сказать — огромным. Настоящая двухметровая гора мышц. От ушей вверх росли массивные рога, точнее — рог и половина его собрата. Густые темные волосы спускались от шеи вниз по позвоночнику. Кулгард был самым неразговорчивым из всех, за их короткое знакомство Марори не услышала от демона и десятка слов.

Кулгард достал из кармана пригоршню монет и небрежно швырнул их на стол. Гаст тут же сгреб добычу.

— Погодите, — девушка будто очнулась от наваждения, возмущенно уставилась сначала на одного, потому на другого, — вы что — спорили, уйду я или останусь?!

— На это и на многое другое, — подтвердил гаст. Обогащение сделало его разговорчивее, он даже стянул с головы капюшон, обнажил свои рыжие торчащие во все стороны лохмы. На вид они казались жесткими и неопрятными, как старая половая щетка.

— И на что же еще насчет меня вы поспорили?

— Если мы скажем — спор будет нечестным.

То есть говорить условия — нечестно, а биться об заклад на чужую судьбу — это нормально? Именно когда она начала думать, что вряд ли удивится чему-то еще, эти бесстыжие проклятокровные преподнесли новый сюрприз.

Нет, нельзя так скоро расслабляться и принимать происходящее вокруг, как должное. Она только переступила порог нового для нее мира, и впереди ожидает много, очень много открытий. Причем неприятных, надо думать, ожидает куда больше.

Девушка подбирала слова, чтобы дать достойный ответ, когда появился Эашу с полной тарелкой еды. Вполне ожидаемо, основную ее часть составляли мясные блюда, причем очень слабой прожарки. Гарниром служили какие-то темно-красные стручки, напоминающие мутировавшую спаржу.

Марори и думать забыла о споре и обиде, тут же схватила вилку, нож и отрезала внушительный ломтик от куска мяса. Слабая прожарка — это сказано очень слабо: из отбивной сочилась кровь. Девушка задержала вилку в сантиметре от куска. Компания за столом любопытно ожидала ее решения.

— Это что, тоже спор? — предположила она.

Молчание. Если они и спорили, то не собирались признаваться в этом. Эашу делано погрозил товарищам кулаком, потом погладил «свою цыпочку» по волосам, словно малого ребенка, и в самое ухо шепнул, что если она не поест, то ему придется кормить ее самому. Девушка тут же сунула мясо в рот и, не разжевывая, проглотила. Плохая идея. Следом пришлось влить в себя полстакана воды, чтобы протолкнуть вставшую комом еду. Второй кусок она все-таки прожевала, а следом и третий. От вкуса крови сделалось плохо, но голод и упрямство одолели тошноту. К счастью, красные стручки оказались действительно каким-

то гибридом спаржи, и вперемешку с гарниром мясо пошло лучше.

— Моя цыпочка, — Эашу с триумфальным видом постучал пальцем по столу, в ответ все остальные скинулись ему выигрышем. — Я знал, что ты меня не разочаруешь. Держи, заработала.

Он вложил ей в ладонь монету. Марори с удивлением обнаружила, какая она тяжелая. Темная, то ли из камня, то ли из железа, то ли из какого-то совершенно другого, неизвестного ей материала, монета оказалась гладкой и теплой. С одной ее стороны была скрученная а-ля уроборос надпись, с другой — мудреная пентаграмма.

«Может быть.»

От пришедшей мысли, Марори стало не по себе. С другой стороны, она ничего не теряет, но может получить значительно больше.

— А я могу предложить спор? — спросила она, не обращаясь ни к кому конкретно. Младший дьявол хохотнул, брови гаста удивленно поползли вверх.

— Это не запрещено?

— И на что же хочет спорить моя цыпочка? — Заинтересованный Эашу на время даже перестал ее тискать.

Марори повертела монету перед глазами. Ее воображаемое отражение в зеркальной грани махало руками и беззвучно требовало одуматься. С кем она, простокровка, вздумала спорить? С демоном и дьяволом, чья природа есть чистейшая суть обмана и хитрости; с гастом, которого и за руку не схватить без должной сноровки; с инкубом, мастером навевать другим угодные ему мысли и желания?

— На то, что продержусь до конца Третьего круга, — выпалила на одном дыхании. Несуществующее отражение в зеркальной глади сокрушенно махнуло рукой, показало спину и растворилось.

— Смелая, но очень глупая цыпочка, — Эашу выглядел разочарованным. — Прости, милая, но здесь я точно против тебя.

Парни принялись бурно обсуждать сроки, а Марори тем временем разделалась с еще одним ломтем мяса, благо от ужаса начисто перестала чувствовать вкус еды.

— Ставлю сотню эпер, что она сбежит через три месяца, — озвучил ставку гаст.

— Две сотни на пять, — без особого азарта поднял младший дьявол.

Инкуб развел руками, изображая фальшивое раскаяние, поднял до трех сотен и шести месяцев.

— Мне безумно хочется увидеть мою цыпочку наряженной к Балу Равновесия, но. — Эашу погладил девушку по голове, и его змеиные глаза тут же плотоядно сверкнули, зрачки вытянулись в ниточки, — ты ведь и так покажешься мне во всей девичьей прелести?

Марори, как ни клялась себе больше никогда и ни за что не реагировать на его сальные подначки, снова залилась краской. Что за хлыщ, как бы его отвадить?

Демон Кулгард мрачно обозвал всех безмозглыми идиотами.

Таким образом, получалось, что ей достаточно продержаться хотя бы полгода, чтобы выиграть приличную сумму. Марори не смыслила в тонкостях здешних расценок, но чутье подсказывало, что выигрыш будет приличным. Правда, она рассчитывала выиграть что-то большее, чем деньги. Уважение, например.

— А что поставишь ты?

Вопрос гаста (остальные звали его Ниваль) застал Марори врасплох. Действительно, а что поставит она? Денег у нее нет, кроме мизерных личных сбережений, на которые она

планировала худо-бедно существовать. Нет и других равносильных по ценности вещей. Что простокровка может предложить проклятокровным существам, искушенным во множестве пороков?

За нее ответил приглушенный, болезненно шелестящий голос.

— Она может поставить душу.

Девушка повернулась, чтобы взглянуть на хозяина голоса, а вместо этого наткнулась на закутанную в черные лохмотья сухую сгорбленную фигуру. Из темноты надвинутого до самого носа капюшона на нее посмотрели два тускло-серых огонька. По спине девушки пополз страх, она невольно шарахнулась в сторону на радость Эашу, в объятия которого как раз угодила.

— Крэйл? — будто не веря собственным глазам, спросил гаст Ниваль.

Фигура в лохмотьях придвинула свободный стул, развернула его спинкой к столу и оседлала, будто коня. Он носил драные кожаные перчатки, фаланга одного пальца торчала в сторону, будто после неправильно сросшегося перелома.

— Вроде в последний раз меня звали именно так, — прохрипел голос. Он мог принадлежать столетнему старику, но никак не ровеснику парней за столом.

— Выглядишь хреново, — сказал Кулгард в свойственной ему безучастной манере.

— Бывало и хуже, — отозвался голос. И тут же вернул разговор в прежнее русло: — Так что с душой?

— Брось, ты же несерьезно, — отмахнулся инкуб.

Он старался казаться беззаботным, но пальцы крепче схватили плечо Марори, тело напряглось. Над столом повисло плотное, почти физически ощутимое напряжение.

— Почему нет? У девчонки на лбу написано, что ничего достойнее души она предложить не может.

— Душа неприкосновенна, *ты* знаешь. — В том, как младший дьявол надавил на слово «ты», звучал двойной подтекст. — Мы рады, что ты вернулся, но не начинай.

— Начинать? — Тусклые огни в глубине капюшона на миг вспыхнули ярче. — А разве что-то закончено?

— Некоторые вещи нужно оставить прошлому, — будто не слыша его, продолжал младший дьявол. — Все наказаны, все сделали выводы. Остынь.

— Все ли?

— Даган, оставь его, — вмешался Ниваль, — видишь же, Крэйла понесло.

— Так заклад в силе? — Хриплый повернул лицо к Марори. — Или тебе слабо?

— Я не очень понимаю, о чем речь.

В поисках защиты Марори непроизвольно прижалась к инкубу и с немой благодарностью приняла его опеку, хоть он и сам выглядел встревоженным. С лица Эашу сползла маска показной соблазнительности и бесшабашности, обнажились тяжелые скулы, широкие крылья носа и тонкие губы.

— Как тебя зовут? — Хриплый наклонился к ней настолько близко, что ледяное дыхание опалило ей щеку. Но и сейчас, когда, казалось бы, ближе уже некуда, она не могла рассмотреть его лица. Ничего, кроме серых огней в пустоте.

— Марори Милс.

— Ты не знаешь, что такое душа и для чего она дана, Марори Милс?

Ниваль попытался встрять, но хриплый выставил перед ним ладонь, приказывая гасту умолкнуть. Тот насупился, скрестил руки на груди и буквально вдавил себя в спинку стула.

— Душа делает нас теми, кто мы есть, — повторила Марори отрывок из Книги создания.

— Душа — сущность того, кем мы являемся. — Он взял стакан. — Душа — квинтэссенция всего, что в нас живо и что заставляет нас чувствовать, понимать, прощать и ненавидеть, страдать и любить. Без души мы — ничто.

— Стекло лопнуло в его кулаке, черными каплями брызнуло на пол. На звук обернулись все, даже те, кто сидел за самыми дальними столами. — Каждая душа бесценна, для проктокровных и небеснорожденных нет ничего ценнее души, потому что она делает их живыми.

— Небеснорожденным не нужна душа. — Марори чувствовала необходимость опровергнуть хоть что-то из сказанного. — Они — дети Светлых.

— Кто же вбивает вам в голову эти дурости, — устало пробормотал Даган.

— Мне кажется, или разговор исчерпал себя? — Эашу попытался увлечь девушку за собой, но хриплый поднялся следом, загородил ему путь.

С ним произошла удивительная метаморфоза. Горб исчез, плечи распрямились, а сам он оказался на добрых полголовы выше инкуба.

— Мне кажется, нет.

— Я не буду ставить душу, — ответила Марори. Может быть, хоть теперь он отстанет?

— Ты всегда начинаешь то, чего не можешь достойно закончить, а? — Хриплый сделал резкий выпад, схватил ее за руку и буквально вырвал из объятий Эашу.

Он был холодным. Даже нет — ледяным. Девушку будто вморозили в вековой айсберг. Марори остолбенела, ужас сковал по рукам и ногам. Она даже не удивилась вылетевшему изо рта облачку пара. Пальцы хриплого схватили ее за подбородок, заставили до боли в шее задрать голову и встать на цыпочки, но и тогда она едва доставала ему до плеча. Тусклые огни налились ртутным пламенем, они пугали и заволакивали одновременно. Кем бы ни был этот загадочный Крэйл, Марори совершенно точно знала, что никогда прежде не встречала никого страшнее.

Хриплый склонился к ее уху и так, чтобы слышала только она, прошептал:

— Я помогу тебе закончить Третий круг, если ты дашь мне прикоснуться к твоей душе. Мое пари. Принимай или проиграй, потому что самой тебе не справиться, Марори Милс. Потому что здесь в одиночку ты сдохнешь. Через день, через неделю или через месяц, но тебя уничтожат и растопчут.

— Я тебя боюсь, — так же шепотом призналась она.

Казалось, мир перестал существовать, растворился за пределами его голоса и всепоглощающего цепящего ужаса, который проник ей под кожу и лишил возможности сопротивляться.

— Меня многие боятся, но если ты согласишься — я тебя не трону.

— А если нет?

— Ты знаешь ответ на этот вопрос. — Последнее он произнес едва слышным шепотом.

Она твердила себе, что откажет. Это же так просто: открыть рот и произнести всего одно короткое «нет». Но ртутный взгляд пытал и подчинял, вытравливал остатки храбрости, сковывал смелость. Светлые, да что же он такое?!

Но если он в самом деле поможет?

«В Дра'Море ты в безопасности», — голосом ночного убийцы прошамкал внутренний голос.

— Иди ты к черту! — был ее ответ.

Она скорее почувствовала, чем услышала разочарованный стон.

— Мы еще вернемся к этому разговору, потому что тебе здесь не место, и я — твой единственный шанс.

Крэйл с силой сжал ее пальцы, отчего руку до плеча прожгло ледяной иглой. Марори дернулась — и оказалось, что ее больше никто не держит. Она свободна. После холодной хватки обычное тепло столовой обдало жаром. Девушка обвела вокруг невидящим взглядом: только тени, бесформенные и пустые, словно она и сама тень, по случайности забредшая в эту реальность.

— Что он тебе сказал? — словно сквозь толщу воды донесся голос Эашу.

Что сказал? Разве они не слышали?

— Я сказал, что меня не нужно бояться, — за нее ответил хриплый.

Марори продолжала барахтаться на грани сознания и беспамятства; дальнейший разговор ускользал от нее, как песок сквозь пальцы. О закладе никто и не вспоминал. Эашу смотрел на нее так, будто она кролик на заклании. Когда мир вернул себе прежние очертания, Марори увидела удаляющуюся фигуру Крэйла. Снова сторбленную и тщедушную, в сопровождении натужного кашля древнего старика.

А уже через секунду перед носом замаячило знакомое лицо Нима. Он широко улыбался, источал тепло и доброжелательность. Удивительно, как быстро она заскучала по таким простым, но чуждым этому месту эмоциям.

— Привет! Вижу, ты успела тут кое с кем познакомиться!

— Это что за чучело? — зевнул Ниваль.

Эльф не подал виду, что слова его задели (или в самом деле не придавал им значения?). После пары общих фраз он предложил Марори прогуляться. Та согласилась. Прогулка на свежем воздухе — то, что сейчас нужно. Эашу царским жестом отпустил «свою цыпочку» и пообещал открутить «ушастому» голову, если тот хоть подумает разинуть рот на его собственность.

Снаружи окончательно стемнело, темно-красный рог луны выглядел зловещим оголовьем серпа, которым ночь вот-вот примется пожинать кошмарные сны. После произошедшего в столовой Стражи у двери казались лишь бледной тенью страха. Просто два стальных увальня, поставленных нести свою службу.

Ним ни о чем не спрашивал, но Марори и без его вопросов исторгала бурный поток эмоций. Она кричала, проклинала свое безрассудство, придумывала новые и новые ругательства для своего простодушия и глупости. А потом, уткнувшись эльфу в плечо, долго и громко ревела.

— Какая же я дура, Ним, — всхлипнула она, до боли сжав в кулаках ткань его куртки. — Я совершенно не думала о последствиях. Я обманула всех, но себя — прежде всего. Подумала, будто теперь все кончено и...

Она вовремя остановилась, чуть не выболтав самое страшное.

— Что мне теперь делать? — Она вытерла нос рукавом, отодвинулась, ругая себя за слабость. — Тот оборванный сказал, что я и месяца не протяну — и это правда.

Эльф поднял было руки, чтобы обнять ее, но тут же опустил, и они безвольно повисли вдоль тела. Он выглядел озадаченным, как человек, который хочет сказать «Ну так сама же приехала?», но природная вежливость и чувство сострадания явно мешали ему вколотить последний гвоздь в крышку ее гроба.

— Я постараюсь узнать, что за тип этот Крэйл, — пообещал Ним. — Узнать, что они все за личности.

— Разве это что-то изменит?

— Врага нужно знать в лицо, — рассудительно сказал он, — чтобы найти против него подходящий прием. Эй, ну хватит рыдать.

Он поделился пачкой одноразовых салфеток, половину которых Марори тут же истратила.

— Забывай о слезах, тут этого не любят, — наставлял эльф. — Знаешь поговорку: с волками жить, по-волчьи выть? В Дра'Море либо ты такая, как все, либо тебя заклюют и растопчут. Никто не будет церемониться с простокровками, не жди сочувствия и понимания. Твой спор — это ведь, с одной стороны, и хорошо. Ты показала характер.

Марори не удержалась от нервного смешка.

— Но и плохо, — Ним не преминул добавить ложку дегтя, — неизвестно, что это за тип и насколько он серьезен. Хотя я думаю, это все простые понты. Душа — неприкосновенное табу.

— Этот. Крэйл, — имя не желало выходить наружу, встало в горле и мешало дышать. Она сипло втягивала прохладный ночной воздух. — Он обещал помочь. Как думаешь — вранье?

— Я бы не сильно полагался на его помощь, хотя, может быть, если обстоятельства. — Эльф вконец заблудился в собственных словах, отмахнулся от них. — В общем, есть повод для паники, но нет повода опускать руки.

— Что означает «прикоснуться к душе»?

Было видно, что Ниму очень не хочется отвечать на этот вопрос. Он поскреб затылок, пошамкал губами и постоянно уводил взгляд в сторону, но Марори спрашивала снова и снова, пока он не сдался.

— Формально, он бы получил кусочек твоей души. Но это только в теории. Сомневаюсь, что он настолько псих, чтобы натравливать на себя дознавателей.

— И что потом?

— Скорее всего, он хочет получить силу для каких-то своих целей. Душа, даже маленькая ее часть, — огромный источник энергии. Карманный ядерный реактор. — Ним смешно выпучил глаза, пытаясь ее отвлечь, но Марори оставила ужимку без внимания.

— То есть, если бы я согласилась, то он бы. меня убил? — напрямую спросила она.

Ответ Нима утонул в долгой сирене. Как будто набат, она пронеслась над всем Дра'Мором. Марори вопросительно уставилась на собеседника — он же тут все обо всем знает, что это за новая напасть?

— Публичное наказание, — сухо сказал эльф, — всем студентам нужно собраться на Пыточной площади.

Пыточной площади? Марори передернуло. Что это за кровавое забытое средневековье? На миг она подумала, что это розыгрыш, но эльф взял ее за руку и повел за собой. Не похоже, что шутит. Он шел быстро и поторапливал ее.

Пыточная площадь находилась за главным учебным корпусом. У Марори сбилось дыхание, когда оказалось, что место в самом деле оборудовано соответственно названию. Посредине подножие, уставленное всякими пыточными приспособлениями, но хоть без гильотины и плахи. Здесь уже было не протолкнуться, а студенты все продолжали прибывать. И не только студенты, но и преподаватели. Ним смог протолкнуться в первые

ряды, несмотря на то, что Марори, наоборот, хотела остаться как можно дальше. «Ты должна увидеть, чтобы понять», — серьезно зыркнув на нее, пояснил он свою настойчивость. Пришлось довериться.

На помосте стояли двое. Один в почтенной седине, с багровым испещренным морщинами лицом и короткими витыми рогами.

— Декан Халар, правая рука Магистра Дамиана, — шепнул ей на ухо Ним. — Редкостная бездушная тварь. Проще у Магистра выпросить прощения, чем смягчить этого. Ему только дай повод устроить показательную порку — он своего не упустит.

Второй был молодым инкубом, старостой группы провинившегося. Ним сказал, что по местному уставу именно староста приводит наказание в исполнение. Инкуб стоял в рубашке с закатанными по локоть рукавами и с плеткой в руках. А потом вывели провинившегося: крепкого обнаженного по пояс горгула. Пока староста пристегивал его к пыточным столбам, декан зачитывал провинность и наказание.

— Потерял пропуск? — переспросила Марори, подумав, что ослышалась. — Его будут пороть за то, что он потерял кусок пластика?!

Ним кивнул.

— И не кусок пластика, а ключ от двери в самое сердце Темных, — поправил он. — Наверное, какой-то благородный мажор, потому что за такое обычно исключают без права повторного поступления и восстановления. С такими вещами тут строго.

В заключение декан огласил наказание провинившемуся — двадцать ударов плеткой — и прочел короткую мораль о безалаберности студентов и о том, что безопасность Дра'Мора находится в руках каждого из них. Марори в оцепенении таращилась на плетку — громадное орудие для наказания в руках инкуба. Да она же в полруки толщиной, как можно выжить после двадцати ударов вот ЭТИМ?

К счастью, сама порка длилась меньше прелюдии. После трех ударов на спине горгула вздулись красные полосы, после шестого кожа не выдержала истязаний и лопнула. После девятого избиваемый перестал дергаться в цепях, и его окатили холодной водой. Правда потом он снова вырубился и остаток порки провел в благословенном для него беспамятстве. Все это время декан стоял с безучастным видом и лично производил счет ударов. Несчастливого горгула освободили из петель и потащили в лазарет. После экзекуции его спина превратилась в кровавое месиво.

— И это всех вот так? — Марори не была уверена, что хочет услышать ответ.

— В смысле — высекут ли девушку? Бывает. Но порка — это мягкое наказание. Есть еще.

— Не хочу знать, — перебила его Марори. Что-то подсказывало, что после полного перечня она сгребет вещи в охапку, плюнет на все пари и страх попасться в руки головорезам, расправившимися с ее семьей, и убежит, куда глаза глядят.

Девушка поблагодарила Нима за экскурс в тонкости драморской дисциплины и за поддержку, пожелала добрых снов и на негнущихся ногах вернулась в свою комнату. Роскошь, которой она совсем недавно упивалась, больше не радовала. Все тяготило, каждая мелочь напоминала о безысходности. Даже холодный душ не привел в чувство.

Переодевшись, она, наконец, сделала то, что давно пора было сделать, — открыла несколько популярных информационных порталов Ирвуда и перечитала новости за последние дни. Ожидаемо, первые полосы занимали кричащие заголовки о жутком двойном убийстве добропорядочной семьи. Опубликованные статьи не обнародовали самые жуткие

сцены, но щедро мусолили снимки кровавых пятен и разводов, беспорядка в доме и тому подобных вещей — завуалированный страх, чтобы не шокировать нежную психику обывателей. На части снимков на фоне обгоревшей стены дома позировал Дарэк. Брат выглядел изможденным, под его глазами появились темные круги. На одном снимке он держал сигарету, хоть Марори точно помнила, что брат всегда резко высказывался против вредных привычек. В одном из интервью он сказал, что понятия не имеет, кому могла помешать его семья, и поддержал версию Управления гражданской безопасности о том, что это не может быть сведение личных счетов.

«Мы добропорядочные, законопослушные граждане, — говорил он в своем видеообращении, — мы никогда не имели дел с криминалом. Это зверское жестокое убийство должно быть раскрыто, а виновные наказаны по всей строгости».

Их дом превратился в место странного поклонения. К нему приходили люди, приносили цветы, игрушки и свечи в стеклянных колбочках, плакали и обнимали своих родных.

Ничего необычного, если бы ни одно «но» — ни в одной новости Марори не услышала ни полслова о себе. Ее как будто не существовало вовсе. На семейных снимках, которые газетчики выставляли для жалости, ее тоже не было. И Дарэк ни разу не заикнулся о младшей сестре.

Девушка захлопнула крышку ноутбука, перекатилась на спину и спрятала лицо в ладонях. Что происходит с ее жизнью? Какой винтик вышел из строя, из-за чего шестеренки начали вертеться в разные стороны? Человек не может просто так исчезнуть. Она же не нитка на рукаве, в кулаке ее не спрятать, не сбить пальцем, будто и не было. Означает ли это, что вокруг нее просто не хотят поднимать шумиху, чтобы не спугнуть, как одну из главных подозреваемых? Нонсенс. Она же не какой-то наркобарон, чтобы ее тайно разрабатывали, боясь спугнуть. Где снимки пропавшей девушки? Где призывы помочь найти ее как возможного свидетеля или соучастника? И Дарэк ни словом не обмолвился о ней. Ее просто отовсюду вычеркнули, стерли ластиком. Зачем?

Марори долго без сна лежала в постели. Перед глазами проносились картины, одна другой мрачнее. С одной стороны, выглядит все так, будто ее не ищут. Совсем не ищут. И это должно бы облегчить постоянный страх быть обнаруженной. Если бы не сопутствующие обстоятельства: нельзя просто так убрать человека из его же жизни. Она — реальна, а жизнь — не фантастический фильм, где можно перестать существовать по одному нажатию клавиши.

Что-то происходит. Мать сказала, что они пришли за ней. Она что-то знала, но ее уже не спросить об этом.

Глава пятая

Утро следующего дня началось грозой и шквалом. Под напором ветра деревья гнулись чуть не до земли, в окно сверкали то красные, то неоновно-синие молнии, шум ливня заглушал все звуки вокруг. Погода словно взбесилась, и к обеду Марори была готова поверить, что ненастье сотрет с лица земли и Дра'Мор, и его проклятокровных обитателей.

Спасением оказались наушники и заряженная до отказа батарея плеера. Это хоть немного, но заглушило грохот ненастья. Девушка планировала провести день за приготовлениями всего необходимого, но не решилась и нос наружу высунуть. Так и просидела до вечера в компании книги, любимой музыки и гнетущих мыслей. Ночь, проведенная в полудреме, сделала голову тяжелой, а размышления — вязкими и неповоротливыми. Она будто видела себя со стороны, барахтающейся в пучине, сражающейся со стихией, которой ничего не могла противопоставить.

Несколько раз Марори порывалась написать Дарэку, даже мысленно складывала слова в предложения, но дальше этого дело не пошло. Душу ковыряло недоверие и страх. И паранойя — а что если брат с ними заодно? Они со старшим никогда не были близки, но не до такой же степени, чтобы Дарэк просто взял и забыл о ее существовании? Потом Марори стало стыдно за необоснованные обвинения. В конце концов, Дарэка могли просто-напросто запугать. Если кому-то ничего не стоит отнять жизнь, то разве их остановит шантаж? Дарэк же, в своих очках и застегнутой на верхнюю пуговицу рубашке, всегда был храбрым только на словах, на деле уступал даже там, где не слишком смелая Марори видела шанс посопротивляться.

Девушка с трудом нашла в себе силы спуститься к ужину. В столовой было малоллюдно. Еда подавалась по принципу шведского стола: вдоль стен стояли крытые прилавки, шкафы с подогревом и холодильники, ломившиеся от еды. Студенты накладывали на поднос еду по своему вкусу, потом выбрасывали объедки в квадратную жаровню, где все это тут же вспыхивало и превращалось в пепел. Особняком стояли темные массивные шкафы, запертые мудреным способом. К ним подходили редко, брали оттуда пластиковые пакеты с соком и уходили. Только ближе к концу ужина Марори поняла, что никакой это не сок, когда один из студентов обнажил обгаренные красным вампирские клыки. Порядок, установленный Равновесием, запрещал вампирам пить «грязную» кровь — прямо из жертвы. За исключением тех случаев, когда жертва шла на это добровольно, о чем составлялся соответствующий договор, как правило, со всех сторон очень выгодный для «донора». Со всех, кроме одной — каждый год такой кормежки стоил жертве серьезных проблем со здоровьем, которые со временем стремительно увеличивались. Именно поэтому желающих отдать себя в пользование вампира, даже за возможность жить безбедно, было немного. Как правило, на столь отчаянный шаг решались люди, потерявшие надежду выплыть самостоятельно. Иногда таким образом изыскивались средства на лечение серьезно больного родственника, иногда — избавиться от долгов. Подобные договоры назывались Цепями, и за последние сто лет, если верить официальным источникам, не были зарегистрированы ни разу. Единственной альтернативой была возможность пить «чистую живую кровь» — ту, которую одноразово сдавали добровольцы, естественно, тоже за баснословные деньги, и это считалось деликатесом. Либо же пить «мертвую» — сцеженную из домашнего крупного скота. Дрянь, как все говорили, только чтобы кровопийца кое-как

перебивался между приемами «живой». Но Цепи отходили в прошлое, доноров становилось все меньше, а вампиры вырождались как вид, на радость всем Светлым.

За все свои шестнадцать лет Марори видела вампира всего раз и о том знакомстве вспоминала с содроганием сердца. Вампир убил ее отца. Просто так, потому что был голоден и потерял контроль. Кровопийца ворвался к ним в дом и первой, кого увидел, была Клара. Если бы не отец, который, по счастливому стечению обстоятельств, раньше времени вернулся домой, в могилу бы закопали сестру. Но вмешался отец, закрутилась короткая неравная борьба, в которой простому смертному нечего было противопоставить оголодавшему бешеному вампиру. Дознаватели прибыли быстро, в считанные минуты, но к тому времени глава семейства Милсов был уже мертв. Кровопийцу еле оттащили от тела, так отчаянно он присосался к живительному для себя источнику. Без суда и следствия его обезглавили на месте, голову и тело запаковали в отдельные ящики и под усиленным конвоем отправили в Мортуарий. Молодой дознаватель — Марори отчего-то запомнила его идеально гладкое лицо и большие, по-девичьи распахнутые наивные, глаза — принес родным умершего скупые соболезнования, оставил документы для оформления страхового полиса и порекомендовал обратиться в какую-то контору, которая должна была помочь с улаживанием формальностей. Остальных подробностей Марори не знала. Помнила лишь, что с тех пор мать ни разу не заикалась о произошедшем, а Кларе и вовсе будто память отшибло. Впрочем, сестра всегда была поверхностной, и подобное лишь подчеркивало эту ее черту.

Марори бросало в ужас от одного вида кровопийц. Как они могут свободно разгуливать среди потенциальных жертв? Сидят с ними плечом к плечу, разговаривают, словно так и надо?

На следующий день погода улучшилась. Не так, чтобы слишком, но, по крайней мере, достаточно для похода по магазинам. На пороге своей комнаты Марори нашла подброшенное под дверь письмо. На дорогой бумаге аккуратным почерком было выведено признание в бесконечной любви и тоске из-за невозможности уделить «своей цыпочке» достаточно внимания, а также обещание скорой встречи и разговора по душам обо всем, что произошло. Без подписи, но за очевидным авторством. Она оставила письмо на столе, радуясь, что на какое-то время избавилась от неприятной компании. Когда первый шок миновал, девушке стало стыдно, что она так трусливо и недостойно прижималась к инкубу. Еще не хватало, чтобы тот возомнил невесть что. Утопический и фантастический вариант, но, может, удастся найти способ не встречаться с ним за пределами учебных аудиторий? Заодно и не видеть темного эльфа, который, несмотря на выходку с клеймом, блек на фоне хриплого Крэйла. Кстати, клеймо болело все сильнее, и в списке мест, которые собиралась посетить Марори, появилось еще одно — аптека.

Однако перво-наперво — банк. Разменять скудную наличность на эсперы. А по дороге надеяться, что полученной суммы хватит на покупку предметов первой необходимости. Монеты, подаренной Эашу, как раз хватило заплатить за проезд до Мараабара. А там уже, ориентируясь по GPS, добралась до отделения «Кроучерс» — самого крупного местного банка.

Через полчаса, после заполнения всех документов, Марори покинула «Кроучерс», имея на руках чуть больше трехсот эспер, пакет документов для оформления особого льготного кредита на обучение абитуриентов Дра'Мора и дурное расположение духа. Три сотни эспер? Даже при самом невыгодном из возможных вариантов она рассчитывала на как минимум

вдвое большую сумму. Таким образом, список дел пополнился покупкой газеты объявлений с предложениями работы.

Газету она купила быстро, благо двадцать монет еще в банке предусмотрительно разменяла на более мелкие и расхожие вармы, и отправилась в книжный. Покупка целой кучи книг сделала кошелек на сорок семь монет легче, а сумку — на три килограмма тяжелее. К учебникам по списку Марори прибавила толстенную энциклопедию по фэлфаэрам, справочник холодного оружия Темных и полную Хронологию Войны Темных и Светлых до времени Равновесия. Эти книги девушка собиралась прочесть самым тщательным образом в ближайшее время. Еще двенадцать эспер оставила в лавке канцелярских принадлежностей, потому что ее заранее заготовленные для Эльхайма тетради ожидаемо совершенно не подходили для Дра'Мора. Костлявая гаста в аптеке, посмотрев на ее клеймо, пощелкала языком и со знанием дела сказала, что никакие традиционные способы обезболить ожог не помогут, но тут же предложила купить всяких дорогуших пилюль на случай бессонницы или несварения желудка. Из аптеки Марори вышла с тяжелым сердцем, на ходу распечатала пузырек с желатиновыми капсулами-витаминами, и выпила сразу парочку. Чтоб гаду-эльфу икалось до поноса — так ее изуродовать!

В списке обозначенных портняжных мастерских она нашла ближайшую и отправилась туда в сопровождении зудящих вопросов, во сколько же обойдется пошив трех комплектов формы и как бы хоть немного сэкономить. Ее встретил элегантный пожилой лизард. Сантиметровую ленту на шее он носил с таким неподдельным достоинством, будто она стоила целое состояние.

— Чем могу помочь юной айре? — Со свойственной всем людоящерам речью он вытягивал шипящие, проглатывал твердые звуки, и постоянно выставлял кончик раздвоенного языка, пробуя запахи на вкус.

— Мне нужна форма для Третьего круга Дра'Мора. — Марори по бумажке прочитала название каждого комплекта, потом собралась с духом и на одном дыхании выпалила: — Сколько это будет стоить? Я бы хотела подешевле, у меня скромные финансовые возможности.

Именно так учил говорить отец, когда речь заходила о торговле. А мать любила добавлять, что таким манером лучше уж совсем не торговаться, правда, не предлагала альтернативу.

Лизард окинул ее фигуру наметанным глазом, задумчиво пошевелил ороговелыми надбровными дугами.

— Не желает ли юная айра кое на что взглянуть? — Он гостеприимно указал в сторону вешалок с готовыми вещами.

Марори проследовала за ним. Лизард снял с одной сразу два запечатанных в одежные мешки комплекта, ловко выудил из первого темно-красное платье и предложил девушке примерить. Оно оказалось достаточно консервативным: высокий ворот, отороченный белоснежным невесомым кружевом, тугой корсаж и юбка в широких складках до середины икры. Темно-красная ткань была достаточно плотной и вместе с тем оказалась приятной на ощупь. Одна беда — выглядит намного дороже, чем она готова заплатить. Может быть, лизард не так понял ее завуалированное «я совсем не готова платить за что-то приличное».

Когда она вышла покрутиться перед ростовым зеркалом, людоящер оказался весьма довольным ее видом.

— Я знал, что оно придется вам впору, — прошипел он. — Этот глубокий красный

очень к лицу юной айре. И ничего не нужно переделывать.

Марори не могла не признать его правоту. И сидит, будто скроенное по ее мерке.

— Боюсь, у меня не хватит денег заплатить за него, — разглядывая свое отражение, призналась она. Грустно, конечно, но пока не найдет подходящую работу, придется забыть о подобной красивой, но бесполезной роскоши.

— Платье было заказано и оплачено, — прошипел лизард, — но хозяйке оно больше не нужно, а среди моих клиенток нет никого с таким же хрупким сложением. Оба комплекта, — он указал на второй, еще зачехленный костюм, — продаются за треть стоимости. Не люблю, когда вещи томятся на вешалках, как в темнице.

— Треть — это сколько?

— По пятьдесят эспер каждое. Это на двадцать эспер дороже самого дешевого варианта, — уточнил портной.

— Но разве такая красота не стоит того, чтобы раскошелиться? Лазарийская шерсть, юная айра, тайрское кружево и выполненный вручную каждый стежок! — Лизард прищелкнул языком. — Но прежде чем вы примете окончательное решение, примерьте и второй комплект.

На этот раз в чехле оказались брюки и куртка. Все из мягкой темно-серой замши, с серебрёными застежками и кожаными ремнями по краю рукавов и штанин. Лизард щелкнул пальцами, и на помощь Марори прибежала пара молодых лизардок. Со знанием дела они ловко подтянули ремешки так, чтобы одежда сидела плотно и в то же время не сковывала движений.

— Все вам впору, — заключил портной, когда она покинула примерочную, — я не сомневался.

Еще один наряд, выглядящий роскошно и дорого, хоть замысел пошива прост и незатейлив. И в нем уютно, хоть до сегодняшнего дня ей не приходилось носить ничего подобного. Но сотня эспер за два костюма, вместо трех за девяносто. Она всегда тщательно следила за своими сбережениями и не позволяла себе лишних необдуманных трат. Сегодняшняя покупка, какой бы заманчивой она ни казалась, была верхом транжирства.

— Прошу прощения, это все равно слишком дорого. — Марори отошла от зеркала, благодарно улыбнулась обходительному лизарду. — Простите, что зря потратила ваше время, но меня полностью устроит самый простой и самый дешевый комплект из трех костюмов.

Лизард выглядел расстроенным, но спорить и навязывать не стал. Марори нарочно встала спиной, чтобы не видеть, как костюмы запакуют в чехлы и вернут на вешалку. Хоть бы поскорее сняли мерки, пока она еще в состоянии сдерживаться и не совершить еще одну непоправимую глупость. За последние недели она исчерпала их пожизненный лимит.

После обмерки лизард пообещал подготовить все в течение недели и прислать на ее имя в Дра'Мор. На вопрос о дополнительной примерке, он самодовольно заявил, что обшил достаточно юных айр, чтобы не беспокоить их такими пустяками. Но напоследок все-таки напомнил, что она всегда может передумать и забрать костюмы, если, конечно, к тому времени не найдется другой покупатель.

Еще сорок эспер пришлось потратить на покупку обуви: простые туфли на каждый день, мягкие ботинки для тренировок в зале и тяжелые полусапоги для практических занятий. Все экономя, самое дешевое и самое невзрачное. Ну и ладно, было бы желание учиться, а обувь сгодится и такая.

На улице она оказалась заключенной в стремительно образующуюся толпу. Над головами мелькали высокие шляпы дознавателей, которые громко и предупредительно гражданских держаться подальше. До боли знакомая ситуация. Марори хотела было ускользнуть, но оказалась зажатай между телами так, что и не пошевелиться.

Тем временем со стороны переулкa появился и все нарастал низкий гул. Через секунду прямо в расставленные дознавателями сети вылетел бесформенный ком огня. Сразу стало неимоверно жарко, будто воздух за мгновение раскалился до тысяч градусов. Вдох обдал горло сухостью, моментально захотелось пить. В толпе пополз обеспокоенный ропот. Обыватели не хотели попасть под горячую руку ни беглецу, ни охотникам, но любопытство и извечная болезненная тяга смотреть на чужие боль и страдания мешали им расползтись в безопасные места.

Комок огня развернулся, как открывается свернутый для защиты жук, и принял очертания человеческой фигуры с двумя парами рук. Глазницы полыхали белым светом, изо рта струилась белая же слюна. Ифрит и, судя по виду, окончательно свихнувшийся. Дознаватели обступили его плотным кольцом, оставив лишь небольшие просветы, как бы предлагая ифриту испытать удачу. Двое, как успела рассмотреть Марори, вооружились длинными гладкими палками, около метра в длину. Ничего необычного, ничего с виду опасного. Еще один держал наготове сеть; тот, что с ним рядом, — длинное копьe с темным зазубренным наконечником.

Ифрит завыл, издал какие-то нечленораздельные звуки. Он распался все больше — Марори чувствовала, как по ее спине струится пот, волосы взмокли. Каждый вдох давался с трудом. Да что же они медлят?!

Беглец предпринял отчаянную попытку прорваться. Он метнулся на дознавателей, как пушечное ядро. Казалось просто невероятным, что кому-то хватает ума остаться у него на пути, но никто из стоявших в оцеплении и глазом не моргнул. Спокойные, жесткие, как стержни клетки, они готовились поставить зарвавшегося проклятокровного на место. И, судя по отсутствию среди них Усмирителя, жертве не был отпущен второй шанс. Значит, зевак ждет настоящий кровавый аттракцион.

Стоило ифриту приблизиться к дознавателям, как один из них занес палку и огрел несущегося на всем ходу, словно битой мяч. Громыкнуло так, будто небеса разверзлись. Второй в мгновение ока забежал ифриту за спину и тоже ударил, да не один раз. Пока проклятокровный неуклюже отбивался, дознаватели безжалостно и методично выколачивали из него жизнь. С каждым ударом беглец все громче орал и все меньше сопротивлялся. Хотя однажды ему все-таки удалось подняться на ноги и даже отшвырнуть одного мучителя в сторону. Дознаватель отлетел на добрых пять метров, грохнулся спиной об асфальт. В том месте на нем, куда пришелся кулак ифрита, одежда выгорела на раз, обнажая плотную темно-синюю чешую кольчуги. Дознаватель без труда поднялся на ноги, отряхнул с волос грязь. Тем временем его место занял товарищ с копьем. Ифрит вяло увернулся от удара палкой, снова попытался удрать в заманчивую брешь — и копьe, не встретив сопротивления, вошло ему в бок. Пришилило к земле, словно булавка бабочку. Проклятокровный с удивлением охнул, всеми четырьмя руками вцепился в древко и попытался стянуть себя с него, но в это время на него накинули сеть.

— За нарушение догматов Равновесия, — прогрехотал кто-то из охотников. Его Марори не видела, но голос наверняка был слышен на несколько кварталов вокруг. — Приговор — смерть.

Сеть быстро уменьшилась в размерах. Нити легко прошли тело жертвы, рассекли на мелкие куски. Ифрит только глухо завыл, но его голос быстро оборвался. Огненное тело распалось множеством все еще горящих кусков. Через полминуты они превратились в тлеющие угли. Дознаватель вернулся за сеткой, подошвами кроша останки в пепел.

Удовлетворенная толпа разбрелась, к Марори вернулась способность дышать. Если бы не угли, которые никто не потрудился убрать, ничто не указывало бы на реальность случившегося. Ее передернуло от мысли, что может чувствовать живое существо, которое вот так, за секунды, пропускают через мясорубку.

В Дра'Мор она вернулась уже к вечеру, уставшая и голодная. Еще в городе, в первой же забегаловке, очень хотелось перекусить чем-то более привычным, но это была еще одна статья незапланированных трат. Пришлось терпеть до возвращения и снова заталкивать в себя полусырое мясо столовского приготовления.

А когда вернулась в комнату, нашла под дверью еще одну записку от Эашу. К новой порции извинений прилагалось обещание скорой встречи. Ничего нового.

В газете объявлений, несмотря на приличный выбор, подходящих вакансий оказалось не так уж много. Везде требовался то работник на полный рабочий день, то с определенным опытом, или и того хуже — текст объявления недвусмысленно намекал на специфическую, не подходящую простокровке форму работы. В конечном итоге Марори остановилась на трех возможных вариантах: работать во вторую смену в закусочной мойщицей посуды, нянечкой на три часа два раза в неделю и выгуливать домашнее животное каждый день с семи до девяти вечера. Порода домашнего животного в последнем объявлении указана не была, и девушка надеялась, что речь идет все же о традиционной собаке, кошке или, на крайний случай, хорьке или экзотической рептилии. В каждом из трех объявлений был указан электронный адрес, куда она направила резюме с короткой информацией о себе и своем опыте. Разделавшись с этим, взялась за книги о фэлфаэрах.

Уже после первых вводных страниц Марори со стоном захлопнула книгу. Что же это такое-то?! Реальность вlepила еще одну смачную затрепину.

Фэлфаэрами назывались нематериальные сущности, обитающие в Хаосе — прослойке, разделяющей домены Света и Тьмы. Во время войны именно здесь велись самые ожесточенные и кровопролитные сражения. Количество пролитой с обеих сторон крови, в конце концов, сделало свое дело: боль и страдания материализовались, став третьей стороной, которую называли Хаосом. Чтобы не дать скверне распространиться вглубь своих доменов, темные и светлые владыки взяли обязательства охранять каждый свою границу и не допускать распространения губительной порчи. Хаос стал чем-то вроде зоны отчуждения: мешающий всем, неотъемлемый ни от одного из планов кусок пустоши, отданной на поругание фэлфаэрам — существам, родившимся там, где смешалась кровь темных и светлых. Существам, которые одновременно могли быть и в Хаосе — и далеко за его пределами. Прирученное, такое существо давало своему хозяину стабильный источник энергии Хаоса, из которого тот мог черпать силу для своих нужд. В одной из сносок говорилось, что к помощи фэлфаэров прибегают только те, кто совершенствуется в искусстве боя холодным оружием, тогда как адептам Матери и Плетения подобные помощники совершенно ни к чему. Более того — книга утверждала, что адепты не владеют достаточной силой духа, чтобы одолеть порождение Хаоса и заставить его подчиняться себе.

Всего пара страниц, но Марори чувствовала себя выброшенной на берег медузой, беспомощно взирающей на занесенную пятку. Для привязки фэлфаэра требовалось

отправиться в Хаос, найти порождение, которого хватит сил поймать и подчинить, и на все это отводилось ограниченное количество времени. Около двадцати-тридцати минут, в зависимости от силы духа ловца, пока отрава Хаоса не убьет чужака.

Всезнающий интернет говорил, что Дра'Мор не рассекречивает информацию о количестве летальных исходов среди абитуриентов. Неофициальные же источники утверждали, что ежегодно в Хаосе погибает не менее десяти процентов смельчаков. Небеснорожденные активно мусолили тему зверства Темных с их «естественным отбором», подливали масла в огонь описанием растерзанных тел, которые видели чуть ли не собственными глазами. Последнее было чистой воды выдумкой, поскольку Светлым категорически запрещалось ходить в Хаос во имя заботы об их рассудке и здоровье.

Десять процентов? Марори захлопнула крышку ноутбука, завалилась на кровать и зарылась в подушки. Десять процентов проклятокровных, которые достаточно сильны и обучены, чтобы иметь приличную фору к шансу выйти живым, — погибают. Что уж говорить о простокровке, которая не то, что не обучена, а впервые в жизни узнала о подобном.

Но, чтобы продолжать обучаться у Потрошителей, ей необходимо свое собственное порождение Хаоса. Выходить на поединок без его поддержки — все равно, что идти голым и босым против асфальтоукладочной машины. Но идти за фэлфаэром в Хаос — точно такое же самоубийство.

Марори еще долго не могла прийти в себя. Она и раньше пессимистично оценивала свои шансы, но делала ставку на ум, трудолюбие и желание во что бы то ни стало добиться цели. При должном усердии можно достичь многого. Но что она, сопливая девчонка, простокровка без малейших навыков обращения с оружием, может противопоставить Хаосу? Да она не продержится там и десяти минут.

Уснула она далеко за полночь в компании свежей порции тяжелых мыслей.

Разбудил ее настойчивый стук в дверь. Когда заспанная Марори открыла, то обнаружила на пороге сладко улыбающегося инкуба. Тот всучил ей цветочный горшок с внушительного размера мухоловкой и без приглашения ввалился внутрь. Смятая постель и сброшенное на пол одеяло заставили его змеиные зрачки расшириться, на лице появилось сладострастие. Направление его мыслей было настолько очевидным, что Марори быстро поставила мухоловку на стол и, что есть духу, бросилась в ванную комнату. Громкий смех Эашу долгим эхом отдавался в ушах. Когда она привела себя в порядок и рискнула выйти, инкуба уже и след простыл. Сколько должно пройти времени, прежде чем Эашу надоеет ее доставать или она привыкнет к его подначиваниям?

Одинокество длилось недолго, на этот раз его нарушил Ним. Наверное, единственное существо во всем Дра'Море, чьему визиту девчонка искренне обрадовалась. Оказалось, на дворе давно стоит прекрасное солнечное утро, и будет настоящим грехом провести его в кровати. Сообща они решили прогуляться, а заодно лучше изучить окрестности. Естественно, первым делом Марори рассказала о фэлфаэрах и о том, что понятия не имеет, как решить эту проблему. Эльф, к чести своей, не стал лукавить и сразу сказал, что занятие это опасное и вряд ли по силам простокровке.

— Ты говорил, твой брат перешел на Пятый круг, может, он знает или слышал что-то? Как можно обойтись малой кровью.

— Сжульничать? — поправил эльф. — Извини, но некоторые вещи в Дра'Море непоколебимы, как Цербер или Стражи около спального корпуса. Если появляется хоть

какая-то лазейка, ее устраняют до того, как о ней становится массово известно. Таковы правила, на них все держится.

— Идиотские правила.

— Специфические, учитывая контингент. Если бы этих ребят не держали в ежовых рукавицах, у нас бы была и Вторая, и Третья война. Или не было бы ничего, кроме Хаоса. Ловля фэлфаэров — это часть тренировки силы воли и контроля. Чему, по-твоему, проклятокровные учатся в Дра'Море в первую очередь?

Девушка промолчала, уступая эльфу возможность закончить.

— Контроль, — выразительно ответил Ним. — Контроль над тягой разрушать, которая зарождается даже от одной-единственной капли проклятой крови. Эти ребята, что бы ты о них ни думала, в первую очередь сами себе злейшие враги, потому что как только дают себе слабинку — все. — Эльф ребром ладони рассек воздух, изображая лезвие гильотины. — Они либо погибают сами, либо попадают в лапы дознавателей. Неизвестно, что хуже, но в обоих случаях в финале смерть. Вот так все серьезно, это тебе не из фей пыльцу трясти и не мандрагоре соской рот заткнуть.

В дальнем углу сада они наткнулись на заброшенную беседку с прохудившейся крышей. Сквозь рваную дыру внутрь просачивался унылый солнечный луч, в котором толпились пыль и мошкара. Не самое уютное место, но подходит для беседы по душам. Последнее, чего Марори сейчас хотелось, это чтобы их с эльфом беседу застукал Эашу. Инкуб хоть и производил впечатление существа безобидного, по своей природе был проклятокровным и запросто мог свернуть шею любому, кого посчитал бы потенциальным соперником.

— И что мне делать? Я ни за что не справлюсь.

— Откуда ты знаешь?

Марори издала нервный смешок.

— Это очевидно. Посмотри на меня, вспомни, что я простокровка и что вчера впервые в жизни узнала про Хаос и про фэлфаэров. Если уж на то пошло — я банально не знаю, как туда попасть и что делать, чтобы выманить порождение. И как понять, который мой, кого я смогу одолеть?

— Для начала — дочитать книгу, — улыбнулся эльф. — А насчет «как попасть» — это нужно обратиться к старосте. Приручение фэлфаэров проводят в Святочную ночь, к нему долго готовятся. Брат рассказывал — просто так в Хаос не пускают. Не думай уж, что тут совсем мясорубка.

— Думаешь, на меня это распространяется?

Ответ эльфа читался на его озадаченном лице.

— То-то же, — заключила она. — Я студент Третьего круга, у меня *уже должен быть* свой фэлфаэр. К тому же, — Марори нахмурилась, — я лучше руку себе откушу, чем о чем-то попрошу Аситаро. Он наверняка до сих пор хохочет над своей выходкой.

Девушка покосилась на забинтованное запястье.

— Может быть, попросить помощи у товарищей по группе?

— После того, как они поспорили на мой позорный вылет?

— Ну не на смерть же, — резонно заметил Ним.

Марори стало неуютно, она поерзала на скамейке.

— Я боюсь, — призналась тихонько.

— Было бы странно, если б не боялась. Но ведь ты понимала, на что шла?

«И откуда же ты такой взялся со своими умными вопросами?» — подумала она и

укорила себя за необоснованную злость. С учетом того, что Ним не знает всей подноготной ее поступления, его вывод совершенно логичный и обоснованный — он видит перед собой девчонку-простокровку, которая сдуру вывалилась из теплого гнезда и отправилась подергать Темных за усы. Ей же нужно определиться со своими желаниями раз и навсегда, поставить цели и добиваться их невзирая ни на что.

— Кстати, я тут немного послушал, спрашивал насчет Крэйла и остальных. В общем, хорошо, что послала его куда подальше.

Марори наострила уши.

— Он не просто Крэйл, он — Принц-из-Тени, последний в роду Перворожденных шанатаров.

— Перворожденных? — Марори наморщил лоб, вспоминая, что ей об этом известно. — Погоди, их же истребили еще до восстановления Равновесия. Перворожденных давно не существует.

— Как видишь, парочка осталась. Крэйл — последний и единственный наследник Шаэдисов. За его отцом второй год охотятся дознаватели, он злостный нарушитель Равновесия, долбаный мятежник в бегах. Три попытки раскачать Равновесие, успешная попытка возрождения Культа непокоренных, сорок восемь убитых небеснорожденных — простокровок вообще никто не считал. Его и среди проклятокровных ненавидят. Хотя многие считают кем-то вроде чокнутого последнего романтика, который до последнего борется за право Темных повелевать миром. Мамаша Шаэдиса сошла с ума, ее держат в Норсгейте. Она была его правой рукой. А сам Крэйл — типа местного страшилища, полный псих, — Ним покрутил пальцем у виска. — В общем, та еще семейка.

— И? — видя его нерешительность, подтолкнула Марори. — Не тхни. Сам же говорил, что врага нужно знать в лицо. Ну, блин же, Ним!

— В общем, шанатар обычно не просто так пальцем в небо выбирает, чью душу заполучить. То есть, если уж он сходу к тебе прицепился — значит, именно твоя душа ему нужна. Уж не знаю почему. Думаю, тот раз был не последним, когда Шаэдис пытался тебя одурачить. Держи с ним ухо остро. Хотя если хочешь знать мое мнение — Цепь с шанатором будет похлеще, чем раритетный фэлфаэр.

— То есть я попала по-крупному. — Марори не знала, то ли рвать на себе волосы, то ли смеяться от происходящей вокруг ахинеи.

— Полгода назад в Дра'Мор пробралась группа небеснорожденных, которым втемяшилось прикончить младшего Шаэдиса за папашины грешки. Среди смельчаков — пара старшекурсников из Эльхайма. Ребята наделали тут шороху, подняли на уши весь штат охраны, подключили Пятый круг Потрошителей. Тут многие нехотя говорят, что светлые задницы пришли не просто так, а по наводке. Слишком гладко все у них шло. В общем, пока одна группа для отвода глаз устраивала свето- и шумопредставления, другая прямой наводкой пошла к Шаэдису, скрутила шанатара в бараний рог и всадила в него пару-тройку ритуальных кинжалов. Но ребята где-то просчитались, Крэйл освободился — и пошел вразнос. Студентов — в капусту. Один вроде как вырвался, но поплатился за это оторванной от самой задницы ногой. Говорят, стража явилась в комнату Шаэдиса, потому что оттуда на весь Дра'Мор кто-то вопил о пощаде. Одного смельчака так и не смогли вырвать из его рук — Крэйл ему башку раздавил.

— Это ведь не может быть правдой? Просто преувеличенные слухи, да?

Вместо ответа Ним продолжил кровавый рассказ. Марори была уже и не рада, что

спросила.

— В общем, устроили разбирательство, с дознавателями, Хранителями, все как положено. В подробности никого не посвящали, но Шаэдиса показательно выпороли, потом отправили в «сухую» на шестьдесят дней и вклеили запрет пить живую кровь. Брат охмурил одну красотку из канцелярии — и вот она вроде как сказала, что, пока младший Шаэдис сидел в «сухой», Лига трижды подавала на апелляцию для ужесточения приговора. Хотели, чтобы его отдали им для справедливого наказания.

— Но ведь. это на него напали?

Марори не верила, что пытается оправдать шанатара. Рассказанное Нимом больше походило на страшилку, которыми дети пугают друг друга, собравшись в темной комнате с одним на всех фонариком. И все же она не могла отмахнуться от того факта, что именно небеснорожденные пришли в Дра'Мор, первыми напали и сами спровоцировали. Три ритуальных кинжала — и после этого он еще был способен двигаться и убивать?

Марори мало что знала о шанатарах. Для всех не интересующихся вопросом профессионально, эти отголоски прошлого были чем-то вроде динозавров или ископаемых костей непонятого происхождения. И вокруг их существования и происхождения мифов ходило больше, чем предположений о существовании гуманоидной жизни за пределами солнечной системы. Однако самые надежные источники утверждали, будто шанатары — прямые потомки Темных, чуть ли не богоподобные существа. Если бы амбиции могли служить доказательством — то слова ученых мужей приняли бы за аксиому. По официальной истории, именно шанатары стояли во главе проклятокровной армии и именно они были ярыми противниками Равновесия. Все последующие после его восстановления конфликты были делом их рук. И их, как сорняки, безжалостно выкорчевывали, истребляли и сжигали. Для истории они стали чем-то вроде символа недремлющего зла, которое, если потерять бдительность, тут же возродится из пепла.

— Ну, вообще, все были уверены, что после такого скандала Крэйла первым бросят в жернова, но Магистр не позволил. И не без поддержки Магистрессы Эльхайма. Видимо, та пошла на уступки, чтобы загладить вину своих студентов. Кроме того, все тут знают, что Крэйл у Магистра в любимчиках. Потому что шанатара нужно держать на цепи, с выдранными зубами и в свинцовом гробу, а не разрешать ему расхаживать среди бела дня, пользуясь тем, что на студентов Дра'Мора распространяется особенный кодекс.

— А я уж думала, что одна страдаю паранойей, — грустно улыбнулась Марори, хотя неожиданная резкость обычно миролюбивого эльфа вызвала удивление.

На языке вертелся вопрос: «И почему ему понадобилась именно я?» Да много вопросов, в том числе: почему в последнее время все вокруг летит в тартарары? Но вот задать их она могла разве что себе. Только ответов, сколько ни спрашивай, как не было, так и нет.

— Итого, — девушка принялась загибать пальцы, — мне нужно как-то разобраться с фэлфаэром и постараться не попадаться в поле зрения шанатара, который с какого-то перепугу заточил на меня зуб. — «И не вылететь с треском, и не попасться в руки головорезам, и узнать, кому понадобилось убивать мою семью, и делать вид, что меня не существует».

Ничего не забыла?

Еще бы отделаться от внимания суккуба, но, в сравнении с прочим, этот пункт можно считать совсем уж незначительным.

Слишком длинный перечень для нерадивой простокровки.

— Если хочешь знать мое мнение — тебе одной не справиться, — честно ответил эльф.

— Знаю.

— А Крэйл, каким бы чокнутым он ни был, мог бы помочь.

— Взамен на то, чтобы сожрать часть меня, — парировала она. — После всего, что ты только рассказал, так запросто предлагаешь пойти и предложить ему себя на блюдечке?

— Ну, допустим, не сожрать, и это когда еще будет, а до инициации Хаосом осталось два месяца. И всего две недели, чтобы подать заявку. Два месяца, Мар, вместо полутора лет. Не хочу тебя пугать, но тут одним везением и надеждой на авось не отделаться. И, если честно, — он широко улыбнулся, осторожно боднул подругу плечом, — где я еще найду такую больную на всю голову девчонку? И вообще — какой от тебя толк в могиле?

— Да, могила — это совсем не интересно, — поддалась его черным шуткам Марори. — Значит, придется вылезти из шкуры, укусить себя за локоть, плюнуть себе на затылок и еще чего-нибудь в том же направлении. Но к Шаэдису пусть идут те, у кого есть в рукаве запасная жизнь.

Марори посмотрела на эльфа и под его укоризненным взглядом почувствовала прилив стыда. Он ведь искренне пытается помочь, даже если ради этого приходится говорить неприятные вещи. От действительности не спрятаться за иллюзорным «решение найдется само». С таким подходом она далеко не уедет.

— А что остальные? Кулгард, Ниваль, Эашу? — спросила девчонка.

— Эашу — бабник, прославился своими любовными похождениями, сорит деньгами, любит делать щедрые подарки своим подругам. За глаза говорят, что в драке держится позади, боится испортить физиономию. Больше никак себя не проявил. Еще узнал про Аситаро.

— Дай угадаю — он женоненавистник и презирает простокровок?

— Отличник, надежда Дра'Мора, первый на олимпиадах и вообще умник. Лучший в группе, мастерски обращается с тремя видами оружия. В этом году взял титул Чемпиона резни.

— Но все это не отменяет того, что он сволочь, — прибавила Марори. В принципе, примерно так она о темном эльфе и думала. Старосты должны быть такими — это общеизвестная аксиома.

— Постарайся не загрызаться с ним, — посоветовал Ним.

— После вот этого, — она выпростала из рукава перебинтованное запястье, — я к нему на пушечный выстрел не подойду.

О том, как устроился, Ним рассказывал долго и восторженно, как человек, который получил желаемое. В его группе было две девушки, и об одной из них эльф отзывался с неприкрытым волнением. Было видно, что девушка произвела на него впечатление. Марори не перебивала. Хотя бы кто-то из них наслаждается полученным. Она же с каждым проведенным в Дра'Море днем понимала, что каждый последующий будет испытанием характера, смелости и сообразительности. Пока что она проигрывала по всем пунктам, но надеялась поправить положение. Когда-то. Когда найдет работу, поймает фэлфаэра, а заодно вызубрит за месяц-другой программы Первого и Второго кругов обучения. Когда жизненным невгодам нечего противопоставить — и оптимизм может сослужить хорошую службу. А это было ее единственное, пока еще неисчерпаемое богатство.

Глава шестая

В день торжественного начала занятий с неба над Дра'Мором падали раскаленные угли, огненные сгустки и шипящие капли дождя.

Студентов собрали в главном зале Центральной башни. Факультеты распределили по направлениям, а не как это обычно бывает — по Кругам обучения. Марори наконец получила возможность увидеть, как новичков, так и будущих выпускников. И те, и другие выглядели настоящими головорезами в своих кожаных костюмах, наштигованных заклепками, ремнями и кнопками. Большая часть Потрошителей считала обязательным нахлобучить капюшон, насколько поняла девушка — это было своего рода визитной карточкой курса. На их фоне адепты Плетения и Материи и даже некроманты выглядели настоящими душками в своих простых робах. Марори же с момента своего прихода стала белой вороной, в которую только ленивый не ткнул пальцем. На торжественное открытие Круга требовалось явиться в повседневной форме, которая, как оказалось, у местных модниц и модников была едва ли не выходным костюмом. Ее простое черное в серую клетку нечто выглядело, мягко говоря, скромно. А на фоне вычурных роскошных нарядов и вовсе блекло. Пришлось делать вид, что мнение окружающих ее не интересует, и вообще, она пришла учиться, а для этого вовсе не обязательно одеваться в дизайнерские бренды.

Ее группа была самой малочисленной — всего-то пятеро, не считая Крэйла, которого с момента инцидента в столовой Марори больше ни разу не видела. Чему от души радовалась и потихоньку начинала верить, что интерес шанатара к ней был единичным, а не закономерным случаем.

Кроме того, в своей группе она же оказалась единственной девушкой, что, впрочем, не давало никаких привилегий. Проклятокровные однокурсники оттеснили ее в задний ряд, и, чтобы хоть что-то увидеть, Марори приходилось проявлять чудеса сноровки.

Магистр Дамиан — демон, которого девушка назначила ответственным за половину своих бед, был мощно сложен, высок и угрюм. В отличие от воспитанников, он предпочитал сдержанный стиль и пришел на церемонию в простом черном костюме и до блеска начищенных туфлях. Его густая грива спускалась по спине до самых лопаток. Дамиан носил тяжелую трость, хоть в его походке Марори не нашла и намека на хромоту. Зато заметила томление на лицах студенток, едва Дамиан начал свою речь.

Он говорил резко, выметая слова, точно железную стружку. Новеньким — при этом он обращался только к студентам, принятым на Первый круг, — Магистр пообещал тяжелый труд до седьмого пота, остальным напомнил об обязательном соблюдении устава Дра'Мора, за попрание которого нарушители будут наказаны по всей строгости. И добавил, что никому не советует испытывать его терпение и проверять на крепость его гнев.

Напоследок Магистр все-таки вспомнил об «особенных студентах», которых тут же и назвал. Оказалось, что, кроме Марори и Нима, нашлась еще одна отчаянная душа — простокровная Раяна адир Ноктус, которую зачислили к Некромантам. Однокурсники поддержали девушку подбадривающим улюлюканьем, когда Магистр произнес ее фамилию. Похоже, она там неплохо устроилась и выглядела целиком довольной обстоятельствами. Марори уколола зависть и обида. Получалось, что из троих «особенных» студентов только ее угораздило попасть в самую задницу. Она перевела взгляд на Нима, которого поставили в первый ряд. Ему необычайно шла темная роба и переплетения ремешков в волосах, и улыбка,

с которой он что-то шепнул на ухо стоящей рядом суккубе. Судя по описаниям эльфа, она-то и была предметом его обожания.

И, похоже, если не отвечала взаимностью, то хоть не шипела в ответ.

Потом Магистр назвал Марори, и однокурсники расступились, чтобы показать свое пополнение. Пришлось взять себя в руки, нацепить улыбку и выдержать одновременно пару сотен насмешливых, безразличных, обозленных и Светлые знают каких еще взглядов.

— Я прошу старост лично позаботиться о том, чтобы пополнение их групп не испытывало недостатка в поддержке, — после представления сказал Дамиан. — Учитывая обстоятельства, по которым они оказались в Дра'Море, и условия их поступления, этот год будет для них своего рода испытанием на прочность. Это беспрецедентный случай, крайние меры, на которые я был вынужден согласиться по вине некоторых из вас.

Последние слова просвистели над головами студентов, словно бич палача, Марори невольно зажмурилась. Может быть, она зря грешила на Аситаро? Может, Ним прав, и не стоило с самого начала вешать на каждого встречного дра'морца ярлык душегуба и подлеца? Магистр, несмотря на свой угрожающий вид, произвел впечатление человека, готового ответить за свои слова. Интересно, он в курсе, что один из его студентов практикует клеймение?

Каждое воспоминание о темном элфе, да и само его присутствие в поле зрения заставляли ожог болеть с новой силой. Две недели прошло, а клеймо ни в какую не хотело заживать, напротив — каждое утро оно по новой распухало, покрывалось волдырями и жгло, обнажая новые оттенки боли. Марори находила утешение в учебниках, за которыми проводила все свободное от работы время. Умение учиться сослужило хорошую службу, и собственная организация информации для лучшего запоминания пришлась кстати. Она оформляла таблицы, рисовала графики и схемы, даже составила картотеку, по которой ежедневно гоняла себя на предмет повторения выученного материала. Прodelала колоссальную работу, но этого все еще и близко недостаточно, чтобы встретить учебный год хоть немного подкованной. Кроме того, практическая часть не то, что хромала — она безногим выкидышем валялась в уголке. Во-первых, потому что Марори так и не решилась попросить о помощи, а во-вторых — ее страшила сама мысль взять в руки оружие. В общем, полная бесперспективность.

После торжественной линейки Дамиан объявил начало года открытым и по этому случаю зажег вмурованный в стену обелиск в форме эмблемы Дра'Мора. Острые грани вспыхнули кровавыми искрами, набухли — и по их невидимым жилам потекла раскаленная добела субстанция. Дра'морцы встретили это событие громогласными аплодисментами, свистом и выкриками, на короткое время став похожими на обычных студентов-простокровок. Пусть традиции переиначены, но реакция на них одна и та же, какая бы кровь ни текла в жилах.

В хвосте группы Марори плелась на свою первую пару. В расписании та значилась как Анатомия мертвых. От аудитории за сто метров разило химикатами, формальдегидом и трупным смрадом. Сначала девушка честно пыталась вдыхать маленькими порциями в надежде привыкнуть и внюхаться. Когда это не помогло, начала задерживать дыхание, но ничего, кроме заливистого кашля, не добила. Пришлось закрыть нос платком. За что схлопотала разгневанный взгляд Аситаро и лживое сочувствие Эашу.

Вершиной же этой пирамиды зловония стал сам преподаватель, чей тяжелый, очень тяжелый взгляд буквально вспорол новую студентку. Его кожа плотными складками

болталась на иссушенном теле; длинные пальцы, больше смахивающие на птичьи когти, поглаживали острый подбородок; глаза провалились в мятый череп, а сама кожа будто истерлась, и кое-где в проплешинах тлена просматривались белесые немощные мышцы.

— Это и есть «особенная студентка»? — Его голос звучал, как хруст брошенного в жернова гравия. Хотелось в придачу заткнуть и уши. — Отвратительное пополнение.

— Я. мне очень жаль, — Марори искренне считала себя виноватой. В конце концов, и ее запах простокровки многим действовал на нервы, и проявление недовольства и отвращения задевало ее. Чем же она в таком случае лучше, если сама не в состоянии сдерживаться? Девушка опустила глаза в пол. — Я прошу прощения, профессор Морту, если своим поведением задела вас. Этого больше не повторится.

Она рассчитывала если не на прощение, то хотя бы на снисхождение, а вместо этого стало еще хуже. Гнилой дохляк, а именно так выглядел профессор Морту, вылил на нее ушат помоев, не стесняясь и не сдерживаясь в выражениях. Когда у него закончился поток ругательств, зло разрешил сесть на место. Пристыженная, с втянутой в плечи головой, Марори заняла одну из задних парт, подальше от остальных. И очень не зря, как оказалось.

Суть Анатомии мертвых уместилась в два коротких слова: препарирование мертвяков. Точнее того, что когда-то было мертвяками. Посреди аудитории располагался внушительных размеров хромированный операционный стол, на подставках вокруг него в любовном порядке лежали десятки приспособлений для разрезания и распиливания, перемалывания и отрывания, шинкования и кромсания, и еще страшно представить чего. На экране, напротив слушателей, во всей красе и подробностях пестрело изображение внутренностей препарлируемого «el mogus vardí», иначе говоря кладбищенского гуля обыкновенного. Профессор долго мусолил изображение электронной указкой, подробно описывая особенности строения внутренних органов и механизм отвода трупной гнили. Марори едва успевала записывать.

— Если вы думаете, что это вам не пригодится, — хрустел челюстями профессор Дохляк, — и что я тут напрасно распинаясь, то обещаю вам мучительную смерть, если вы по своей тупости нанесете el mogus vardí удар в одно из этих мест. — Красная точка лазерной указки обозначила названные места. — Фонтан трупной гнили вам обеспечен. Десятой части унции хватит, чтобы убить половозрелого демона и даже дьявола за четверть часа. Остальные сдохнут раньше, чем успеют предаться сожалению по поводу своей невнимательности на моих занятиях. Трупная гниль el mogus vardí убивает при малейшем контакте со слизистой, кожей или кровью, любой открытый участок тела — отличная мишень для нее. Поэтому, айр Диртис, — лазер уткнулся гасту между глаз, — советую тебе проснуться, иначе на одном из моих следующих занятий я с радостью препарирую твою гадкую тушу.

Ниваль, который действительно дремал с самого начала лекции, распрямился и сделал вид, что записывает что-то в рабочую тетрадь.

Вторая часть пары была посвящена непосредственно расчленению. Профессор Морту приказал студентам обступить стол. Марори попыталась отойти подальше, не в силах выносить тошнотворный запах трупа и самого лектора, но Аситаро нарочно подтолкнул ее чуть не впритык к столу. Естественно, ее тут же стошнило, благо девушка успела отвернуться к ведру для отработанного материала.

— Вот же дрянь, — зло прокомментировал темный эльф.

— Прошу прощения, — уткнувшись ртом и носом в платок, пролепетала девушка. Знала,

что подобная мягкотелость популярности не добавит, но организм решил за нее. — Мне очень жаль.

— Пошла вон, — прошипел профессор дохляк и вперился в нее желтыми сморщенными горошинами глазных яблок.

— Но я хочу.

— Вон!

Безапелляционный вопль остальные встретили одобрительными кивками. Эашу покачал головой и сказал, что подобное зрелище не для его изнеженной цыпочки и лучшее, что она может сделать — натереться благовониями, надеть что-то сексуальное и. Марори не стала дослушивать весь перечень до конца, сгребла учебные принадлежности в сумку и выбежала в коридор.

Никто не вступился за нее, никому не было дела до старания простокровки. А ведь она искренне считала, что проявление смирения и послушания сделает ее если не своей в стае, то хотя бы избавит от статуса объекта издевательств.

Попытка вернуться в аудиторию с треском провалилась. Дверь словно окаменела, не поддавалась попыткам ее открыть. Скорее всего, профессор Дохляк позаботился о какой-то блокирующей печати, чтобы избавить себя от общества нерадивой простокровки. В правилах, которые Марори на всякий случай досконально изучила, оговаривалось, что во время занятий студентам запрещается находиться где бы то ни было за пределами учебных аудиторий. Подобное считалось прогулом и наказывалось дисциплинарным взысканием на усмотрение преподавателя или старосты. Вряд ли, если ее застукают в коридоре, аргумент «они заперлись изнутри и не пускают меня» будет достаточным оправданием.

Поэтому, чтобы не искушать судьбу, она отправится на поиски уединенного, незаметного угла и переждет там.

Такой Марори нашла довольно быстро — в Дра'Море, как в любом древнем замке, было полным-полно всяких арок, ступенек, переходов и ниш. Одна из таких лестниц привела ее в комнатку, загроможденную коробками и всяким мусором. Лампа под потолком тускло освещала пространство. Не слишком ярко, но зато не привлечет внимание светом из-под двери. Подходящее место для уединения. Девушка несколько раз повторила в памяти маршрут до тайного места: если ничего кардинально не изменится, большую часть пар она, похоже, будет проводить здесь.

В коробках оказались пришедшие в негодность книги, некоторые были настолько потрепаны, что у Марори не нашлось даже предположения, чем их так и за что. Зато после непродолжительных поисков она выудила пару довольно ценных экземпляров: «Первый круг: ядоведение», «Основы Материи неорганических железосодержащих материалов» и несколько брошюр для свободного чтения об особенностях влияния на ауру низших духов. Рассудив, что выброшенных книг никто и не хватится, девушка сунула их в сумку.

В кармане завибрировал мобильный. Сообщение от Нима:

«Ну как тебе первая пара? Я химичу какой-то жуткий раствор».

Марори вздохнула и набрала в ответ:

«Все отлично, прячусь в подсобке».

— И здесь меня достают, — нарушил тишину знакомый хриплый голос.

От неожиданности девушка дернулась, налетела на кипу старых тетрадей, опрокинула ее. Хлам сполз на шаткую пирамиду коробок, те закачались и стремительно поползли на Марори. Она попыталась уклониться, но в итоге грохнулась на соседнюю стопку книг и

оказалась погребенной под грудой хлама. Пыль забила нос и рот, глаза защипало. Барахтаясь, как опрокинутый на спину жук, девчонка с трудом выбралась из-под обвала. Повязка сползла с запястья, на клейме появились свежие полосы царапин.

— Ты слишком шумная, — произнес Крэйл, которого Марори, несмотря на крохотную площадь каморки, по-прежнему не видела.

— Если бы ты как-то предупредил о своем присутствии, шума бы не было, — с досадой выпалила она, на миг забывшись, что говорит с чокнутым шанатаром, покусившимся на ее душу. — Извини, — уже спокойнее закончила девушка, — не знала, что ты здесь.

Шанатар появился внезапно — просто из ниоткуда вырос перед ней, как материализовавшееся из пустоты проклятие. Близость сгорбленной фигуры обожгла холодом.

— Мртуру тебя выставил, — он не спрашивал, он утверждал. И на сей раз хрипоты в его голосе прибавилось.

— Меня вырвало в контейнер для отработанного материала, — пожаловалась Марори и вкратце рассказала о том, как ее подставил Аситаро. — Я не успела привыкнуть к вони, а его гнилая туша. Светлые, к этому вообще можно привыкнуть?!

«Нашла кому изливать душу», — ворчал скептический внутренний голос. В принципе, Марори выговорилась бы хоть столбу, присутствие Крэйла ничего не меняло. Просто ее прорвало. Последние недели она держала себя в руках, работала и училась, училась и работала, сведя к минимуму все, что не относилось ни к одному из двух пунктов. Эмоции скопились, а когда им стало тесно — вырвались наружу, как газировка из взболтанной бутылки.

Шанатар проковылял к колченогому табурету и забрался на него с ногами, ссутулился — точь-в-точь облезлая ворона на трухлявом пне. Девушка отряхнула пыль с формы, кривясь от боли, заново перебинтовала ожог. Она очень боялась своего неожиданного соседа, но еще больше боялась высунуться и дать повод исключить себя в первый же день занятий.

— А ты почему прогуливаешь? — чтобы разрядить обстановку, спросила Марори. Лучше уж его хрип, чем гнетущая тишина.

— Я всегда прогуливаю, — был ответ.

— Зачем тогда учиться?

— Ты всегда такая любопытная?

— Только когда до смерти напугана, — призналась она. А что скрывать? Наверное, только умалишенный не стал бы опасаться такой «милой» компании.

— Что же тогда не уходишь, м?

Он только качнулся вперед (или это разыгралось ее больное воображение?), а девчонка уже сиганула к двери, на ходу опрокинув какую-то доисторическую вешалку. Венчавшая ее страхолюдная морда зашаталась и завалилась прямо на шанатара. Марори не стала дожидаться реакции соседа и пулей вылетела в коридор.

И тут же провалилась в вакуум. Голова вдруг стала тяжелой, словно от бессонной ночи, сумка оттягивала плечо, мир как будто выцвел. Это выходки шанатара? Он что, решил не дожидаться ее согласия? Марори попыталась повернуться, но ноги сделались ватными, словно растеклись и просочились сквозь мрамор, стали с ним единым целым. На расстоянии нескольких шагов мир становился расплывчатым и мутным, стены сливались с полом, как будто она очутилась в мыльном пузыре.

Потом на этом фоне появилось бесформенная темная клякса, которая надвигалась

прямо на нее. И через миг позади нее обозначились еще несколько таких же. Марори смогла рассмотреть их, только когда между ней и кляксами осталась пара шагов. Существо, пошатываясь, нависло над ней. Громадина под два метра ростом, угольно черная и вся как будто покрытая маслянистой слизью. Капли медленно стекали с ее головы и падали на оцепеневшую Марори. У существа отсутствовали глаза и рот, и вообще, голова больше напоминала сдувшийся мяч: вся в каких-то бесформенных вмятинах, форма и расположение которых постоянно менялись.

Клякса застонала. Или заплакала, или захныкала, как маленький ребенок — сразу на все голоса. А потом исторгла из себя щупальца: стремительно и яростно, собираясь одолеть одним махом. Следом подтягивались ее сестры, визжа кто во что горазд. Марори попыталась отодвинуться, но ее будто зацементировали заживо, даже глаз не отвести. На конце щупалец извивались гладкие шипы, то вытягиваясь в ровную линию, то сгибаясь крючком.

Нужно кричать, позвать на помощь, сделать что угодно, чтобы избавиться от этого кошмара.

Что-то метнулось между ней и крикунами. Что-то настолько быстрое, что она скорее почувствовала идущий следом порыв ветра, чем увидела саму фигуру. Первая клякса застонала, вытянулась шнурком, когда на ее шее обозначилась затянутая в драную перчатку рука. Вторая клякса двинулась на Марори, но Крэйл перехватил и ее. А потом просто раздавил их плотки в руках, словно те прогнили изнутри. Маслянистая жижа засочилась между его пальцев, звенящую тишину нарушил предсмертный вой. Марори собралась было выдохнуть, но в это время что-то с болью пронзило ее грудь. Дыхание сбилось, в глазах заплясала агония. Она опустила взгляд — и обнаружила торчащую чуть ниже шеи извивающуюся пиявку-иглу. А сзади что-то выло и плакало, проклинало и благословляло.

Больно.

Она хотела упасть, но не смогла — клякса держала ее.

От груди по всему телу расплзалась пульсирующая боль. Как будто в нее впрыснули хорошую дозу токсина, который одновременно и замораживал сердце, и тут же накачивал его адреналином.

Мир распался на множество серых пятен, расступаясь перед чернотой, в которую она провалилась вниз головой.

Марори очнулась от ледяной хватки, которая сковала ее по рукам и ногам. Вдох, выдох. Грудь словно в тиски зажало, и внутри все кипит, но она дышит самостоятельно. Теперь бы глаза открыть и увидеть, что вокруг что-то более привычное, чем Геенна огненная или Небесная обитель.

Она лежала на скамейке в окружении запахов сырой земли, травы и мха. Что ж, как бы ни выглядел любой из потусторонних миров, там в любом случае пахло бы как-то иначе. В это очень хотелось верить. Девушка попыталась сесть — получилось. Взгляд скользнул вниз, туда, где в ней извивалась черная дрянь. На рубашке осталось уродливое черное пятно. Пальцы скользнули по ткани — дырки нет.

— Кто ты такая?

Хриплый голос Крэйла подействовал отрезвляюще. Марори оглянулась — шанатар стоял, навалившись плечом на дерево. Сухой и скрюченный, как знак вопроса, нацарапанный остатками чернил.

— Марори Милс, — повторила она. Потом забралась пальцами в просвет между пуговиц — убедиться, что и в ней самой не прибавилось лишних отверстий. И только потом

перевела дух.

— У меня хорошая память. Кто ты и почему за тобой отправили ахасов?

— Кого?

Он снова оказался рядом. Просто на миг будто выпал из реальности, а когда появился вновь — но уже нос к носу, обволакивая аурой своего подавляющего присутствия. В темноте капюшона тускло тлел серый взгляд, направленный на нее, словно приговор.

— Ахасы — натасканные ищейки, — пояснил он. — Хитрые твари, безвредные для окружающих, но смертельно опасные для жертвы. Их довольно трудно создать, для этого нужно уметь обращаться с Материей высшего порядка. То есть это не девчачьи дразнки, не мелкие долги или невыполненные обещания, не брошенные в соплях парни. Ты перешла дорогу кому-то достаточно сведущему. И не настроенному на переговоры.

Марори перевела дух, попыталась проскользнуть шанатару под руку и с удивлением обнаружила, что Крэйл не пытается препятствовать побегу. Она отошла на приличное расстояние, где не так сильно ощущалось его ледяное присутствие. Сумка лежала на земле, девушка бегло проверила ее содержимое, перебросила ремень через плечо.

— Они придут снова, — не поворачиваясь, предупредил Крэйл. — Много раз снова, до тех пор пока не подвернется удобный случай тебя укокошить.

— И что мне делать?

— Что тебе нужно было сделать, ты хотела спросить? — Он хрипло рассмеялся. — Не посылать к черту того, кто был заинтересован в целостности и сохранности твоей шкуры. Хотя бы до какого-то времени. Но ты четко обозначила свое «нет», а Шаэдисы не размениваются на повторные предложения. Так что, — он кое-как раскинул костлявые руки, — добро пожаловать в клуб смертников, Марори Милс. Одному здесь было скучно.

— И послала бы к черту еще сто раз! — выкрикнула она в сердцах. — В следующий раз сделай одолжение — не вмешивайся. Не хочу быть обязанной главному пугалу Дра'Мора.

И быстро, пока до конца не осознала, что, как и кому сказала, бросилась наутек.

В учебный корпус она влетела запыхавшаяся, на двадцать минут позже второй пары. Замаячила перспектива схлопотать прогул в придачу к тому, который ей наверняка уже влил профессор Дохляк. Многовато прогулов для первого дня. И вообще — на два больше, чем за все ее предыдущие годы старшей школы. Оставалось надеяться, что удача любит рискованных, и попытаться незамеченной просочиться в аудиторию.

Рискнуть получилось, что называется, с шиком. Стоило высунуть нос в коридор, как она тут же налетела не на абы кого, а на самого Магистра Дамиана. Лорд-демон навис над ней черной зловещей тенью, распространяя вокруг себя злость, нетерпение и запах серы. Набалдашник его трости в виде черепа какой-то химеры сверкнул красными глазами-рубинами. Марори вцепилась в ремень сумки, словно утопающий за соломинку.

— Магистр Дамиан, — прошептала растеряно.

Что полагается делать в таких обстоятельствах? Как объяснить свое отсутствие на занятиях? Уж наверняка не историей про трио клякс, которые ее чуть не прикончили, да еще и не лишь бы где, а в Дра'Море — месте, которому полагается быть крепостью для своих воспитанников. Потому что такое объяснение, как снежный ком, тут же потянет за собой кучу других вопросов, ответов на которые у Марори нет.

— Айра Милс, следуйте за мной.

Она подчинилась. Весь путь до его кабинета девушка горевала о своей незадачливой судьбе. Но, стоило войти, поводов для головной боли прибавилось. В кресле, напротив

массивного стола, сидел дознаватель лорд Ардей. Тот самый, что посетил хлебную лавку ее матери. Марори не удивилась, что запомнила его имя и лицо — воспоминания о том знакомстве отпечатались где-то на уровне подсознания. Стоило ему появиться — и события их знакомства четким контуром проступили в реальность.

— Лорд Ардей, — она поклонилась согласно традиции.

Легкий щелчок закрывшейся двери громогласно известил о том, что мышеловка захлопнулась. Магистр сел во главе стола; дознаватель, не произнося ни слова, пристально осматривал ее. А Марори, боясь ступить дальше порога, переминалась с ноги на ногу.

Что происходит?

— Рад, что ты меня не забыла, Марори, — наконец-то нарушил тишину дознаватель.

— Что-то случилось? — отважилась на вопрос она.

— У лорда Ардея к тебе разговор, — пояснил Магистр.

— Я был бы рад, если бы он состоялся наедине. Демон развел когтистыми руками.

— Я лично отвечаю за безопасность вверенных мне студентов. Айра Милс — одна из них. Я считаю неразумным оставлять студентов Дра'Мора один на один с человеком, в чью обязанность входит их истребление.

— Не всех, а лишь тех, кто представляет опасность для Равновесия, — резкоотреагировал лорд Ардей. — И я вынужден настаивать на просьбе. У меня есть все необходимые для этого полномочия.

— Они не распространяются на территорию моего заведения. Я пошел навстречу, лишь поверив вашему уверению, что ситуация щекотливая и требует немедленного разбирательства. И вот — весь внимание, в чем же, собственно говоря, дело. Либо же айре Милс придется покинуть нас на неопределенное время, пока я буду со всей тщательностью пояснять, где кончаются ваши права, и начинается моя вотчина.

Дознаватель пожевал губами, раздумывая. Марори терпеливо ждала.

— Эта девушка находится здесь без согласия родителей, точнее сказать — матери. Она сбежала из дома при крайне отягощающих обстоятельствах и в данный момент находится в тайном розыске. У меня есть особенные личные распоряжения насчет айры Милс, полученные от ее ныне покойной матери. На случай, если девочка окажется без поддержки родителей, я уполномочен быть ее официальным опекуном. У меня есть доверенность и прочие соответствующие документы.

С этими словами он выудил из внутреннего кармана сюртука пухлую пачку бумаг и небрежно бросил их Магистру на стол. Пока Дамиан изучал содержимое писем, лорд Ардей буравил Марори взглядом.

— Кроме того, обязан заявить, что айра Милс находится здесь незаконно еще и по причине отсутствия письменного разрешения одного из родителей. Видите ли, Магистр, она несовершеннолетняя.

— Можете пичкать этой чушью кого-то другого, дознаватель, но со мной такие фокусы никогда не работали. Студентка Милс, сообщите ваш физический возраст громко и четко.

— Шестнадцать лет, — ответила она.

И поняла, что пропала. Либо ее испепелят здесь и сейчас, либо отвезут неизвестно куда. Вторая перспектива, как ни странно, пугала больше.

— Шестнадцать, — лорд Ардей вскинул палец. — Полагаю я привел достаточно аргументов, чтобы просить. Нет, требовать немедленного вверения айры Милс под мою опеку. Рождение девочки и отсутствие в ней соответствующей крови делает ее пребывание в

стенах вашей душегубки слишком опасным. Странно, что она до сих пор жива и невредима, хотя одним Светлым ведомо, каким моральным надругательствам подвергали ее здешние обитатели, — с отвращением закончил он.

Магистр Дамиан сверлил Марори взглядом и мрачнел с каждой секундой. То есть он и раньше был мрачным, но теперь превратился в зверя, готового разодрать жертву на куски. Возможно, лишь присутствие дознавателя удерживало Дамиана от этого.

— Семнадцать мне исполнится через месяц! — выкрикнула Марори. Если уж погибать, то хоть не без боя. — Я не знала, что мне делать. И. Маму и сестру убили на моих глазах! Ночью к нам в дом проник.

Путано, сбиваясь со слова на слово, девушка выложила всю подноготную своих злоключений. И словно заново прожила ту ночь и утро, когда кралась на вокзал и остужала горячий от волнения лоб холодом оконного стекла. Дознаватель несколько раз пытался помешать ей, перебивал, путал двусмысленными вопросами, но Дамиан каждый раз осаждал его. Марори невлюбила Магистра Дамиана задолго до того, как увидела его воочию. Фактически, стойкая неприязнь возникла с первой секунды, как она узнала, что зачислена на Третий круг вместо первого, и последующие события укрепляли ее во мнении, что Магистр тот еще гад. Но сейчас она была готова хоть в ноги ему броситься, лишь бы убедить поверить ей.

Лишь бы хоть одна живая душа, проклятая или нет, поверила ей!

— Я не был осведомлен об этом, — лорд Дамиан перевел взгляд на собеседника, и Марори получила короткую передышку. — Обо всем этом, в том числе и о том, что у вас есть какие-то распоряжения насчет моей воспитанницы.

— Еще бы, ведь она завралась по уши.

— Тогда объясните мне — откуда вся эта таинственность? Почему, если девушка виновна в тяжком преступлении или же проходит по делу как свидетель, меня до сих пор никто не уведомил?

— Я прибыл сразу, как разузнал, где она находится.

— Тем не менее, прежде чем вваливаться и предъявлять свои требования, вы были обязаны изложить все факты в официальном уведомлении, чтобы у меня было время для проведения внутреннего расследования.

— Бросьте, Магистр, здесь всегда чихали на формальности. Кроме того, обстоятельства дела таковы, что оно вверено Лиге. По причинам, которые я не уполномочен разглашать. Жизнь айры Милс в опасности, она — свидетель жестокого убийства, отягощенного. — Тут он резко остановился, выдохнул. — Надеюсь, я предоставил достаточно веских аргументов, чтобы надеяться на удовлетворение своих требований?

— Чихали на формальности, значит? Вот так это называется у тех, кто казнит без суда и следствия за поправление хоть одной запятой в священной корове, то бишь — Догматах? Чихайте себе в жратву, лорд Ардей, а до тех пор, пока айра Милс находится в стенах Дра'Мора, она остается в первую очередь моей воспитанницей. И мне решать, покинет ли она эти стены в вашем сопровождении, — он перевел пылающий взгляд на девушку, — или к ней будет применено самое строгое дисциплинарное взыскание с последующим рассмотрением возможности ее дальнейшего пребывания в Дра'Море.

— Я согласна поехать, если так хотела мама, — вставила она. Вряд ли ее спросят, но для порядка все равно сказать следовало.

— Не так быстро, айра Милс, — Магистр не оценил ее смирения. — О вашем вранье мь

поговорим позже, но как бы кому-то ни хотелось начхать на формальности, я намереваюсь сначала получить официальное обращение, а также объяснение этому визиту. Потому что до момента завершения служебного расследования вы, как и любой другой студент, подписавшийся под уставом, в первую очередь попадаете под действие его параграфов. Дознаватель, если ему угодно, может хоть джигу на спичечной головке сплясать, но сейчас ему придется убраться с пустыми руками.

— Магистр, кажется, я четко пояснил: как только Дарэк Милс сообщил о местонахождении своей сестры, я тут же отправился на ее поиски. Я не мог рисковать благополучием подопечной из-за бюрократических проволочек.

Марори открыла было рот, чтобы поддакнуть дознавателю. и остолбенела.

— Я не говорила Дарэку, что собираюсь в Дра'Мор, — она едва слышала собственный голос. — Я вообще никому не говорила, потому что не собиралась сюда поступать.

Дознаватель Ардей сощурился, став похожим на готовую атаковать гадюку. Крылья его носа с шумом расходились и сходились, руки сжались в кулаки, скрипнула лакированная кожа перчаток. Он подался вперед, выскользнул из кресла. Два шага к Марори — и она попятилась к выходу.

— Потрудитесь объяснить, дознаватель! — прогрехотал Магистр. — Пока я не прибег к мерам безопасности и не вырезал вас из Дра'Мора, как раковую опухоль.

Их двоих было слишком много даже для такого просторного кабинета, но еще больше был страх Марори. Дознаватель знал, где ее искать, он каким-то образом ее выследил, но зачем-то соврал.

«Они пришли за тобой», — сказала мать.

Вместо ответа лорд Ардей сдернул перчатку, обнажая вырезанный на внутренней стороне ладони преобразовательный круг адепта Материи.

Девушка почувствовала, как сердце гулким бульжником рухнуло куда-то в область пяток. Во рту пересохло, а на глазах навернулись злые слезы. Это все невозможно. Это против всех Догматов. Это.

Но дознаватель не забивал себе голову подобной ерундой. В те бесконечно короткие мгновения, что Марори стояла соленым столбом, он работал с не-Материей, взывал к ней, лепил из ничего нечто новое, материальное. Грани этого нового уже проявились в сгустившемся воздухе и теперь стремительно наливались красками, обретали плоть.

«Надо бежать! Надо.»

Закончить мысль она не успела, потому что в следующую секунду ей в лицо полетел шипящий, вынырнувший из не-Материи осколок. Для завершающей материализации оставался последний штрих, но вмешательство Магистра внесло разрушение в эту смертельную гармонию. Полыхнувшая огнем лапища, как экскаваторный ковш, смела дознавателя с места. В воздухе запахло паленой плотью и волосами. Лорд Ардей протаранил мраморного идола, рухнул на пол. И тут же встал. «Пощечина» Магистра превратила добрую часть его лица в обугленный кусок мяса. Смердящая тлеющая плоть опадала, обнажая алое, все сплошь в рытвинах мясо.

— С дороги, Магистр, — проскрежетал дознаватель, — пока я не отправил тебя в пекло. Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься.

Дамиан и бровью не повел.

Лорд Ардей начертал в воздухе символ, а когда тот вспух и наполнился дымкой, сунул внутрь пальцы. Он беззвучно, одними губами прошептал заклинание, и толкнул знак

прямоком в девушку. Если бы не Магистр, встречи с колдовством было не избежать. Но Дамиан смахнул его одним взмахом ладони, легко и небрежно, словно табачный дым. На какую-то долю секунды на лице дознавателя промелькнуло удивление. Похоже, он забыл то, о чем известно даже новорожденному, — на Лордов-демонов такие фокусы не распространяются. И нужно что-то более основательное, чем парочка заклинаний, чтобы насыпать такому соли на хвост.

Зато Магистр не преминул дать сдачи. Он не разменивался на игры с Материей, не ворошил Плетение, он просто вклеил сопернику еще одну огненную оплеуху. И когда тот снова повалился на пол, пригвоздил его пяткой трости. С видимым наслаждением Лорд-демон вдавил ее в грудь охающему Ардею, не проявляя ни малейшего сочувствия к его ожогам и тлеющим остаткам того, что минуту назад было роскошной шевелюрой.

— Какого черта?! — Кровь вперемешку с ругательствами обильно срывалась с губ лорда Ардея. Он тяжело дышал и вращал глазами, будто не мог найти, за что бы зацепиться взглядом. — Это против правил.

— Против правил — рываться ко мне, — Магистр жестко впечатал в соперника трость. — Против правил — в моем присутствии угрожать воспитаннице Дра'Мора. — Еще один жесткий тычок. — И я даже не знаю, как назвать использование крови и плоти мироздания в обход всех клятв и сигмирования. Ложа будет неприятно удивлена фактом присутствия в рядах ее цепных псов паршивой шавки.

Удовлетворившись тем, что жертва способна лишь немощно кряхтеть и тщедушно сопротивляться, Магистр вернул трость на прежнее место. Попутно скользнул по студентке холодным взглядом и уселся в кресло во главе стола.

— Айра Милс, прошу вас покинуть кабинет и вернуться к занятиям. Ваша выходка будет рассмотрена администрацией. Мере наказания сообщат вашему старосте. И я лично похлопочу, чтобы она была строгой.

Кто бы сомневался.

Марори кивнула, сбивчиво попросила прощения за доставленные неудобства и шмыгнула вон из кабинета, побаиваясь, как бы Магистр не передумал.

Из головы не шли слова лорда Ардея и его откровенное вранье. Человеку незачем врать без причины. Ведь он просто мог сказать, от кого получил информацию, как узнал, где она прячется. А вместо этого соврал. Причем Ардей явно импровизировал — Марори хорошо запомнила его безмолвную досаду, когда промашка вскрылась. Он определенно не был готов к тому, что разговор повернет в такое русло, и брякнул первое, что пришло на ум. В других обстоятельствах — очень разумное объяснение. Как-никак, на правах старшего брата Дарэку полагалось знать, куда планирует поступать младшая сестра, ну или хотя бы о поступлении в какой ВУЗ мечтает. Лорд Ардей не мог знать, что в тесном и странном миреке добропорядочных Милсов многие вещи работают с точностью до наоборот.

И была лишь одна причина, по которой он прибег к вранью. Потому что правда была слишком неблагозвучна. Или разоблачительна.

«Никогда не любила фею-крестную из Золушки».

К аудитории Марори подошла за минуту до того, как громогласный троекратный удар колокола огласил конец второй пары. Тишину буквально разорвало от голосов, выкриков, смеха и шагов. Из коридора хлынула река студентов. Когда основная волна схлынула, в коридоре показался Эашу, с лихо заброшенной на плечо сумкой и в окружении суккубов и парочки ведьм — малая часть его обычной свиты. Увидев Марори, он театрально испугался,

разогнал девушек и, оказавшись рядом, по-свойски обнял за плечи.

— Слушай, нельзя быть такой впечатлительной, — сказал инкуб, накручивая на палец локон ее волос. — Мёрту очень не любит таких проявлений неуважения к своему предмету.

— Аситаро меня нарочно толкнул, — Марори настойчиво высвободилась из его хватки, но тут же снова оказалась в ней, на этот раз без возможности сопротивляться. Страшно подумать, что будет, когда инкубу надоест кривляться и он перейдет к более активным действиям. — Все это видели, и все промолчали.

На лице Эашу читалось откровенное непонимание.

— Цыпочка, ты такая глупая, — он сокрушенно покачал головой, — даже для простокровки.

— Почему?

— Потому что чужаки всегда и везде одни.

— Но ведь так нельзя. Это же травля.

Эашу нахально лез пальцами ей под блузку, она выкрутилась и отошла на безопасное расстояние. В змеиных глазах появился сиюминутный азарт, который тут же стух. Похоже, инкубу начинает надоедать эта игра в одни ворота.

— Важен лишь тот, кто может что-то дать взамен. Здесь ценятся только власть и деньги. У тебя есть власть? Она отрицательно качнула головой.

— Деньги?

Еще одно молчаливое «нет».

— Тогда это бесполезный разговор. Лучше скажи мне, когда ты перестанешь убегать, и мы.

Она не стала дослушивать. Каждая встреча с Эашу так или иначе скатывалась к вопросу о ее невинности и способах, которыми бы она предпочла от нее избавиться. Марори надеялась, что со временем привыкнет, а пока лучшее — со всех ног удирать из поля его зрения.

Следующим по расписанию было Руническое плетение, основной уровень. В программе Потрошителей предметов, изучающих Материю и Плетение, было ничтожно мало, поэтому Марори с нетерпением ждала хотя бы этих жалких крох. Подготовилась она основательно: перечитала «Основы темного Плетения», благо часть рун была идентичной рунам из светлого, которые она и так знала назубок. Лекцию читала профессор Адалия — медуза неопределенного возраста. Ним успел насплетничать о ее патологической тяге к молодым дьяволам, из-за которой профессор неоднократно попадала в разные неприятные истории. Наверное, слухи были недалеко от истины, потому что, едва заявившись в аудиторию, медуза обрушила внимание на Дагана. Тот, несмотря на разницу в возрасте, огрызнулся самым жестким образом. Кончилось тем, что Даган с треском вылетел за дверь, а профессор Адалия, шипя всеми змеиными головами, выплеснула гнев на оставшихся. На фоне этого Марори едва ли не впервые за все пребывание в Дра'Море не чувствовала себя белой вороной — от взбешенной медузы попадало всем. Но и это было ерундой по сравнению с тем, что она — наконец-то! — собственными руками прикоснулась к Плетению. Пусть лишь поверхностно, зацепила самый краешек, но все-таки смогла!

С занятия Марори выходила довольная и уверенная, что ради Плетения преодолит любые трудности, выдержит все издевательства и насмешки. Правда, радоваться пришлось недолго. В столовой, куда она отправилась на большой перемене, ждала новая стычка с Аситаро. Темный эльф, совершенно не скрывая своих намерений, сперва опрокинул на нее

поднос с едой, а потом и ее саму прямо в лужу с только что пролитым соком. В завершение, глядя на поверженную простокровку сверху вниз, осведомился, когда ждать ее заявку на инициацию Хаосом. Под сотней насмешливых взглядов было очень тяжело сдержать обиду, возможно, она все-таки дала бы слабину, но вмешался Ним. Эльф помог подняться на ноги, протянул целый рулон бумажных полотенец и довольно выразительно предложил не обращать внимания на «этого придурка». Нарочито громко и внятно, осознавая неминуемые последствия.

— Ты что сказал? — Аситаро мгновенно оказался рядом со своим светлым антиподом. Эльфы уставились друг на друга на радость окружившей их толпе.

— Что ты придурок, — спокойно повторил Ним.

— Не надо, — попыталась встрять Марори. На душе кошки скребли — из-за нее ни за что влетит хорошему человеку, единственному хорошему человеку на сотни метров вокруг. — Пойдем, — она потянула эльфа за руку, но тем лишь оказала ему медвежью услугу.

Стоило Ниму отвести взгляд, как Аситаро налетел на него и повалил на спину. Они сцепились в клубок, шипя и выплевывая ругательства. Студенческая проклятокровная братия громогласно улюлюкала в поддержку то одного, то другого, сразу нашелся ушлый умник, взявшийся принимать ставки. Девчонка, по которой сох Ним, стояла в первых рядах и без интереса наблюдала за дракой. Эльфы жестко лупили друг друга кулаками, брыкались, стряхивали противника и яростно матерились. Обычная кулачная драка, красивая в постановке по телевизору — и грязная в реальности.

Очень быстро за Аситаро наметился перевес. Темный эльф повалил соперника, уселся сверху и принялся иступленно колотить его, будто грушу. От ударов голова Нима болталась из стороны в сторону, из носа и рта летела кровь, рассеченная бровь вспухла, вывернулась наружу рваными краями.

— Убью, тварь! — орал Аситаро. — Сраный! Ублюдок! Простокровка!

Не в силах наблюдать за этим издевательством, Марори накинулась на темного сзади, вцепилась ему в волосы и даже смогла опрокинуть навзничь. Тот быстро очухался, вскочил и без зазрения совести налетел на нее. Удар — и девчонка отлетела на чьи-то начищенные до зеркального блеска лаковые ботинки.

— Еще?! — раздавался откуда-то сверху голос темного.

Марори удивилась, как смогла остаться в сознании после такого тумака. Она перевернулась на спину, сквозь пелену в глазах рассмотрела Нима — эльфа рвало собственной кровью, но и ему никто не спешил приходить на помощь.

— Ты — подонок, — прошептала, повернувшись к Аситаро.

Тот схватил ее за грудки, поднял, как тряпичную куклу, и, ухмыляясь окровавленным ртом, прошипел:

— А ты — падаль.

Его занесенный кулак обещал сильный удар, но этого не произошло. В который раз за сегодня между Марори и неприятностями появился Крэйл. Материализовался из пустоты и оттолкнул Аситаро, да так, что тот шлепнулся в противоположной части круга.

Появление шанатара заставило все рты разом замолкнуть, в тишине были слышны лишь болезненные стоны Нима и тяжелое дыхание темного эльфа. Марори на корточках добралась до светлого эльфа, помогла ему подняться на ноги. Выглядел Ним жалко: оба глаза заплыли в кровоподтеках, нижняя губа распухла и свесилась набок.

— Не нужно было, Ним! — чуть не плакала она.

— Ерунда, — кое-как прожевал он слова и разрешил подошедшей зазнобе взять себя под опеку.

Суккуба брезгливо протянула ему платок, но все-таки взяла под руку и даже натянуто выразила сочувствие. Что-то подсказывало Марори: если бы не вмешательство Крэйла, Ним бы проиграл по всем статьям — и суккуба восприняла это как личный позор. Еще бы, ведь за такими ухаживать могут только достойные.

Аситаро, шатаясь, поднялся. Он стер с ухмылки кровь, оскалился.

— Что, хочешь выяснить отношения?

— Дай мне повод, — прохрипел шанатар. Холод от его присутствия стремительно расползлся вокруг.

Ситуацию разрядило появление остальных Потрошителей с Третьего круга. С собственным ему спокойствием Кулгард оттеснил Аситаро за пределы импровизированной арены, Даган собрал разбросанные учебники Марори и молча передал ей сумку, а гаст взял на себя ответственность провести ее в лазарет. Крэйл же, ожидаемо, исчез.

Марори молча шла за Нивалем по коридору. Последствия удара не заставили себя ждать: щека болезненно вздулась, голова гудела, словно растревоженный улей, перед глазами хороводили разноцветные круги. Каждый шаг отзывался ноющей болью в висках. Ниваль подставил локоть, на который она с радостью оперлась.

— От тебя одни проблемы, — сообщил он. Еще одна, хоть не материальная, но затрешина.

— Аситаро сам меня подначивает, Ним просто заступился.

— И в итоге ему досталось из-за тебя, — обозначил Ниваль.

Что она могла ответить? Только согласиться. А потом удивиться, когда гаст прибавил:

— Аситаро не должен был поднимать на тебя руку. Кулгард и Даган ему втолкуют, больше это не повторится. Бить девушку — низко, какого бы рождения она ни была.

Неужели ее не дадут обижать? Марори боялась верить, что может стать частью этого мира. Впрочем, о «стать частью» говорить слишком рано. Но, может быть, ее хотя бы перестанут травить?

— Спасибо. — Лучше говорить меньше, чтобы ненароком не ляпнуть лишнего. — Я постараюсь больше не давать повода.

— Лучше постарайся побыстрее собрать вещички и поехать домой к маме и папе, — предложил он. — Когда-нибудь рядом не окажется никого из нас, а Аситаро достаточно злопамятная гадина, чтобы устроить тебе сладкую жизнь.

Кратковременная радость померкла.

— Я сирота.

В лазарете Ниваль вверил ее заботам молодой горгульи Ирри Данва. Та носила черное платье в пол, с глухим воротом, и пенсне на крючковатом носу. Стоило Марори появиться в манипуляционной, горгулья споро заткнула нос комочками зеленоватой слизи. Объясняться не стала, но ответ был очевиден: еще одному обитателю Дра'Мора пришлось не по душе запах простокровки. Впрочем, в остальном горгулья вела себя корректно: сделала холодный компресс, приложила магическую печать, после которой боль быстро сошла на нет.

— Адово клеймо, — увидев ее обожженное запястье, сказала Ирри Данва. — Я могу вылечить.

— Правда?

— Да. Тебе не сказали?

Нет, ей не сказали. С одной стороны, обижаются, что никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь, а с другой — разве она просит помощи? Эашу прав, здесь каждый сам за себя, такие порядки, но что делать тому, кто сам не справляется?

Горгулья наложила на ожег пахнущую грибами губку, которая тут же присосалась к ране. Тем временем Ирри Данва села за оформление бланков. Все, как в «нормальном мире»: имя фамилия, причина обращения, оказанные врачебные мероприятия.

— Шрам пока останется, — пояснила медсестра, снимая губку при помощи специального пинцета, — но потом рассосется. А Аситаро передай, что, если я еще раз увижу такие вот следы его шуток — заклею его самого, вот сюда, — постучала пальцем себя по лбу, — вот этим, — кивнула на лежащий тут же медицинский молоточек.

— Вряд ли он меня послушает. Спасибо.

Припухлость спала, но багровый кровоподтек обозначился еще сильнее, обещая прекрасную гематому недели на две. Неприятно, но терпимо. Дарэк однажды умудрился вклеить ей в лицо футбольным мячом. Врачи в унисон твердили, что ее носу несказанно повезло уцелеть, хотя в остальном лицу досталось по полной программе.

В коридоре подкарауливал Эашу. Вместе с сожалением инкуб всучил ей шуршащий пакетик и обещание всыпать Аситаро по первое число. Марори рассеянно поблагодарила, но значения его словам не придавала. Ним был прав — и инкуб действительно всячески избегал конфликтов, так или иначе грозящих вылиться в физическую стычку. В пакете нашлась бутылочка с соком и коробка с парой кусков мяса, щедро пересыпанных жареными овощами. Марори уселась на подоконник и тут принялась жевать, опасаясь, что другого подходящего случая может и не представиться.

— Болит?

Девушка чуть не подавилась, узнав обладателя голоса. Крэйл Шаэдис. Стоит у противоположной стены, хоть секунду назад его там точно не было. Эашу нахмурился, потянулся ее обнять, но Крэйл опередил его. Просто исчез — и тут же втиснулся между ними, как нож в масло, легко и жестко.

— Не пошел бы ты известно куда? — предложил инкуб. В целом, довольно спокойно, без видимого желания устроить потенциальному конкуренту взбучку. — Ты с катушек слетел. Остынь.

— Я ее не съем, — прокаркал Крэйл.

Марори уставилась на Эашу с немой просьбой. Кто бы сказал, что она будет так желать общества инкуба!

— Это моя цыпочка, — обозначил он свою территорию.

— Да без проблем.

Когда инкуб ушел, Крэйл взобрался рядом на подоконник. При этом дышал он тяжело, как старик после изнуряющего подъема. И молчал, не пытаясь объяснить причину своего присутствия.

— Для чего тебе была нужна моя душа?

Марори вытерла руки салфеткой, аккуратно положила ее в наполовину опустевший контейнер. Вопрос зрел давно, но повода задать его не было — Крэйл не производил впечатление существа, настроенного на разговоры. Да и ситуации, в которых они сталкивались лицом к лицу, обычно не предполагали подобных разговоров. Теперешняя казалась подходящей.

— А ты как думаешь?

Марори вздохнула.

— Чтобы завладеть частью меня.

Крэйл Шаэдис, Принц-из-Тени, хрипло рассмеялся. Тот еще ночной кошмар, а не смех.

— Что ты знаешь о шанатарах?

— Что они не чтут Равновесие. И что их истребили. Почти всех, — последнее она добавила осторожно. Кто его знает, что на уме у этого чокнутого последнего.

— Из тебя получилась бы отличная кормушка, — запросто признался он. — Только дурак убивает то, что может сделать его сильнее.

— Ты не выглядишь умным, — разоткровенничалась Марори.

— Ты тоже.

Он снова покряхтел.

— За тобой невероятно интересно наблюдать, Марори Милс. Ты как мышь перед лакомством: видишь, что как только сунешься — тебе отхватит лапу, но продолжаешь красться. Надеешься на что-то. Аттракцион для настоящих ценителей.

Мышь? Что ж, зато честно.

— И планирую продолжить покушаться на это лакомство, — заверила она. Ну и пусть все вокруг считают, что она не дружит с головой. Девушка и сама не была уверена в обратном.

— Бестолковая мышь. — Он ловко, прежде чем Марори успела увернуться, схватил ее за подбородок, заставил смотреть на себя. В темноте капюшона ртутные огни вспыхнули ярче, обозначились белоснежные клыки. — Может, пора перестать корчить из себя жертву?

Его резко изменившийся тон заставил широко распахнуть глаза. Пальцы держали жестко — не шелохнуться. Под ними по коже расползлся лед.

— Жертву?

— С первого дня здесь ты только то и делаешь, что изображаешь из себя брошенного на растерзание удавам кролика. Этакая милая девчушка, безобидная овечка. Марори Милс, пора проснуться. Здесь тебе не Эльхайм, здесь всем насрать на твои невинные глазки, на то, доживешь ты до утра или нет. Это место не примет тебя до тех пор, пока ты сама не захочешь стать его частью. Наивность хороша в малых дозах, но в таком месте наивность может быть смертельной.

— Но я.

Крэйл смахнул контейнер с едой на пол, придвинулся вплотную. Так близко, как будто сейчас задушит.

— Хватит «нокать», — окатил он. — Тебе нужен Дра'Мор? Раз и навсегда реши уже — да или нет. И если нет, то удирай со всех ног, потому что одиночке-простокровке здесь не выжить.

— А если нужен?

— Тогда пора научиться кусаться и давать сдачи. Потому что кроме прочего, кому-то ты очень нужна мертвой.

Он отпустил ее, спрыгнул на пол. И хоп! — снова перевоплотился в горбатое страшилище. И заковылял прочь, по пути наткнувшись на инкуба. Тот нес еще один пакетик с соком, который тут же вручил Марори.

— Вообще он правильно сказал, — неожиданно согласился Эашу.

— А ты подслушивал.

— Эй, цыпочка, никто здесь не рискнет остаться с голодным Шаэдисом наедине, в том числе ребята, у которых мяса на костях побольше, чем у тебя. Если бы он тебя укусил — была бы жопа, поверь мне.

— Похоже, одного «нет» ему достаточно.

Эашу с сомнением вскинул бровь, потом погладил ее по голове.

— Будь хорошей девочкой — и станешь моей девочкой.

— Одной из свиты?

Инкуб делано надулся.

— Никакая это не свита, цыпочка, это все — часть моего статуса. — Он сделал взмах рукой, повторяя свой привычный фокус — и вручил собеседнице розу. Пройдет пара минут — и от благоухающего цветка останется лишь призрачная дымка, но зато эффектно, ничего не скажешь. — Я должен поддерживать имидж, а все это стоит некоторых материальных затрат.

— Как будто тебя из-под палки заставляют.

Эашу как-то странно посмотрел на нее, и на краткий миг стал совершенно и безоговорочно серьезным. Но тут же звонко чмокнул воздух около ее носа. Марори фыркнула.

— Ты очень бестолковая цыпочка, и с этим нужно что-то делать. Полагаю, половая зрелость пойдет тебе на пользу. И вообще — пора нам обсудить.

Марори сбежала раньше, чем он перешел к щекотливому вопросу.

Троекратный бой колокола оповестил начало третьей пары.

Глава седьмая

Ты словно призрак во мне, Стоящий рядом, Словно моя душа, которую я вижу насквозь Своими пустыми глазами...

© *Within Temptation, «Empty Eyes»*

— Кусака, а ну живо сюда!

Бесполезно: хал-гончая рвалась с поводка и неслась вперед, словно бешеная лошадь, даром что вдвое меньше той размером. Как ни упиралась Марори ногами в землю, как ни хваталась за каждый столб на пути — все тщетно. Псина как угорелая тащила ее по проспекту. И откуда только прыть взялась в этой костлявой туше, по виду и не скажешь, что такая резвая, — доходяга и весь спрос. На деле эта доходяга выделявала те еще маневры.

Усмирить Кусаку удалось только двумя кварталами ниже, когда Марори настолько вымоталась, что была готова упасть мешкам и позволить псине волочить себя следом. Пока она переводила дух, навалившись на рекламный щит, хал-гончая уселась рядышком и с довольным видом скалилась на прохожих, при этом отчаянно виляя раздвоенным хвостом.

— Кусака, я пожалуюсь хозяину, — пообещала Марори. Халы считались домашними животными, причем весьма сообразительными. Кусака, разумеется, прекрасно понял смысл угрозы. — И не смотри на меня, в прошлый раз было точно так же — и что? Я тебя не сдала, а ты снова!

Псина захлопнула пасть и вздумала рычать. Ничего, это они уже проходили, такие штуки действуют раз, максимум — два, но не месяц спустя. Именно столько Марори подрабатывала нянькой этого тощего монстра у добропорядочного ифрита айраса саж Таламина. Трижды в неделю по два часа выгуливала Кусаку и получала за это шестьдесят эспер в неделю. Невесть какая сумма, но все же заметная прибавка к скудному бюджету. Правда, эти два несчастных часа превращались в гонки на выживание, после которых Марори едва таскала ноги. Зато ифрит любил нахваливать, что, мол, Кусаке она нравится и хал-гончая после прогулок выглядит довольной, как никогда.

«Не то, что с прежним», — любил поворчать саж Таламин, на чем свет ругая предыдущего помощника, из-за неосторожности которого его любимец чуть не лишился лапы.

— Слушай, я ведь серьезно, — погрозила Марори, сворачивая поводок в катушку на минимальную длину. — Давай как-то дружиться, а то только вот на таком расстоянии и будешь ходить — обещаю.

Она присела так, чтобы их глаза находились на одном уровне. У хал-гончих глаза были прозрачно-красными, под стать костляво-горбатой хребтине, обтянутой тонкой, как промокашка, кожей.

— Я уйду — и все. Никто твои выходки терпеть не будет, вредная ты псина. Кусака склонил голову на бок.

— И не делай вид, что не понимаешь — у тебя третий ранг интеллекта. Я предлагаю найти компромисс, а не решать задачи по высшей математике, и это ты понять в состоянии.

Кусака подумал. И до дома шел смирно, только пожирал глазами снующих вокруг птиц. Марори вручила поводок хал-гончей ее владельцу, получила в ответ положенные двадцать эспер и поторопилась вернуться в Дра'Мор.

За последние две недели она заметно преуспела в наверстывании пропущенного

материала. По успеваемости все равно болталась последней в списке, но хотя бы подняла уровень оценок с «два» до «четыре». Она никогда не находилась в числе отстающих, более того — в своей группе в старшей школе была бессменным членом тройки лидеров, чем гордилась. Статус отстающей студентки здорово нервировал, приходилось из шкуры лезть, чтобы поправить положение. Первым на очереди был Морту и его вездесущее желание выставить вон нерадивую студентку. И она нашла способ посещать его зловонные пары. Для этого пришлось порядочно понадоедать милой Ирри Данва, чтобы заполучить у той рецепт зеленых комочков, которыми горгулья затыкала нос. А потом еще и потратиться на закупку необходимых компонентов. И буквально вылизать рабочую лабораторию после того, как в ней побывали первокурсники, чтобы выпросить несколько часов для «личных нужд». Но оно того стоило и дело выгорело. Когда на следующей паре она как ни в чем не бывало подошла к столу, где Морту с особой тщательностью разделял пищеварительную систему красного дуккара, глаза на лоб полезли даже у Аситаро. Профессор Дохляк некоторое время пытался придраться к ее присутствию, но девушка, вооружившись терпением, не поддавалась ни на одну провокацию. В конце концов, Морту сдался и даже милостиво позволил «настырной поганке» изредка помогать ему препарировать. Сомнительная честь, от которой остальные откешивались всеми правдами и неправдами, но Марори не отказывалась никогда.

В языковых дисциплинах она стабильно шла вверх и даже подтянула норсирские руны, которые Потрошители между собой называли «мозгодробительной зубоковырлялкой». Убийственные сочетания гласных и согласных, тандемы бесконечных шипящих и рычащих звуков, которые имели десятки значений в зависимости от протяженности и твердости произношения. А когда Даган как бы между прочим спросил, не даст ли она «скатать» лабораторную по разложению аствия на составляющие, Марори с удивлением даже для себя обнаружила, что больше не испытывает дискомфорта в присутствии своих проклятокровных однокурсников. Привычка — великая сила.

И, конечно же, все это стоило того, чтобы дважды в неделю изучать Плетение. Все ее скромные успехи ограничивались манипуляциями с простейшими стихиями, вроде призрачного света и наведения тени, но Марори намеревалась добиться большего если не талантом, то усердием и прилежностью. И, может быть, когда все немного поуляжется, поднять вопрос о переводе к Адептам Плетения. Потому что кроме ее безоговорочной любви к Плетению, Крови мироздания, причиной для перевода было и стремительно истекающее время до момента подачи заявки на инициацию Хаосом. Ведь в практической части она безоговорочно пасовала и огребала ото всех, от кого могла огрести, в том числе и от пола, на который ее регулярно роняли, и от стен, на которые ее так же регулярно швыряли. А ведь это была только подготовка — в зале с матами и тренировочным оружием. Без поддержки фэлфаэров.

«Зеленая скукота», — как любили говорить ее проклятокровные однокурсники.

До подачи заявления оставалось пять дней. И месяц после этого, чтобы подготовиться, сходить в Хаос, поймать хоть самое завалящее порождение и каким-то образом ухитриться выйти обратно живой и, по возможности, пригодной для дальнейшего обучения. Список, в котором все пункты, кроме первого, помечены грифом «невозможно».

По пути на станцию Марори все же нашла силы зайти в магазин и купить всяких вкусных сладостей и пару пакетов с соком. Они с Нимом договорились устроить что-то вроде пикника по случаю полного схождения с его лица синяков. Марори до сих пор чувствовала себя виноватой и каждый раз извинялась. Эльф каждый же раз говорил, что еще

одно извинение — и они больше не друзья, и что синяки красят мужчину, и вообще стычка с Аситаро прибавила ему веса в глазах однокурсников.

На станцию Марори пришла с опозданием. Десятичасовой экспресс ушел, оставалось ждать следующий. Кроме нее на станции не было ни единой живой души, впрочем, вполне привычное явление, как она успела заметить. В такое время все дра' морцы только-только выбирались в загулы. И в основном ехали оттуда, а не туда.

В телефоне пискнула СМСка от Эашу. Инкуб интересовался ее планами на завтрашний день и предлагал встретиться в романтической обстановке и обсудить то, что давно требовало обсуждения. Это казалось невероятным еще месяц назад, но она все-таки смогла привыкнуть к его сальным замашкам и даже научилась парировать их шутками.

«Предлагаю встретиться в тренировочной и поговорить обо всем в спарринге», — набрала она в ответ.

После второго подготовительного практического занятия нужда заставила Марори переступить через себя, через страх нарваться на неприятности и обратиться Эашу за помощью. Нет, сначала она, конечно, почитала всякие руководства по технике, но вынесла оттуда лишь то, что хват топора значительно отличается от хвата короткого меча, а тот, в свою очередь, совершенно не подходит для желающих сражаться копьем. В отличие от теоретических наук, учебники совершенно не помогали наверстывать практические навыки.

Инкуб согласился, но не скрывал, что намерен использовать каждую секунду себе во благо, то бишь — уговаривая ее познать прелести плотской любви в его объятиях. А еще он предупредил, что боец из него не очень хороший, потому что для грязной работы у его семьи достаточно вышколенных «шавок». На ее вопрос, что он тогда делает среди Потрошителей, Эашу ничего не ответил, но зато она снова поймала его задумчивым. Похоже, и у всего из себя беззаботного змееглазого искусителя есть старые мозоли.

Около мусорного контейнера что-то зашевелилось. Сначала Марори подумала, что это ветер шевелит вывалившиеся наружу остатки бумажных пакетов, но шевеление усилилось. Потом к нему прибавилось жадное выразительное чавканье, а еще через минуту из-за мусорки материализовалась тень и медленно поползла прямо на нее.

Девушка интуитивно отодвинулась на скамейке, а потом и вовсе сорвалась вскочить на ноги. Тем временем тень раздалась вширь и приобрела гуманоидные очертания. Марори попятилась, налетела спиной на рекламный лайт-бокс, который тут же и погас. А за ним следом и фонарь. В наступившей темноте единственным источником света остался ее телефон. Светом от экрана она полоснула по химере. и замерла с неразорвавшимся криком на губах.

Ахас! Сначала появился один, потом за его спиной замаячила одна, три, пять голов. От их стонов Марори бросило в дрожь. Щупальца с иголками на конце тянулись к жертве, заставляя вспомнить, какую адскую боль причинило одно из них.

Девушка бросилась наутек — куда и усталость делась! Фонари гасли перед ней один за другим, и вскоре улица утонула во мраке. Она мчалась наугад, не видя и не разбирая пути, и скоро на всей скорости нырнула в подземный переход. На ногах удержаться не получилось, она кубарем скатилась вниз, пересчитав ребрами каждую ступеньку. На пол приземлилась плашмя, больно стукнувшись подбородком. Во рту появился вкус крови, перед глазами за клубился алый туман. Марори словно оказалась в полнейшем вакууме: ни шороха, ни вдоха, полнейшая тишина. Она посветила перед собой телефоном — ничего, пусто. И все же что-то подсказывало, что она не одна и что создания, чем бы они ни были, совсем рядом.

Словно в подтверждении ее догадки, из мрака раздался детский плач пополам с хрипом умирающего и с воплем матери над телом ребенка. В следующую секунду тень налетела на нее. От страха Марори не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть, ни позвать на помощь. Она как будто осталась наедине с квинтэссенцией кошмара. И на ноги не встать — голень болит так, словно иглами нашили.

Все, что она могла сделать, — загородиться рукой от неизбежного. Тень навалилась на нее, выдохнула в лицо облаком пепла и воткнулась в грудь. Марори вскрикнула, чувствуя, как стремительно леденеет. Это был совсем не тот холод, который сопровождал чокнутого шанатара, — нечто во стократ превосходящее. Словно к ней прикоснулась сама сущность льда.

Она вскрикнула — и провалилась туда, где было сыро и бесконечно пусто.

— Эй.

Кто-то энергично тряс ее за плечо. Девушка слабо застонала, давая понять, что жива. И сама же этому удивилась. Тень или мрак, да чем бы оно ни было — оно ударило ее, опалило холодом. И она все еще дышит?

— Нужно поставить ее на ноги. Ну-ка помоги, не стой столбом.

Марори не с первого раза, но разлепила веки. Яркий свет полоснул по глазам, она съежилась, инстинктивно закопошилась, ища, куда бы спрятаться от этой пытки. Ее резко и не очень бережно оторвали от земли, но она все равно не могла стоять на ногах. Из голени словно кость вынули.

— Ох ты ж мать твою. — удивленно выдохнул голос где-то над головой. В ноздри просочился едва уловимый запах табака. — Дин, глянь, что у нее с ногой.

— Вижу. Погоди.

Зрение постепенно возвращалось, и вскоре Марори смогла рассмотреть своих неожиданных спутников. Один был невысокий, худой, как щепка, с любопытными зелеными глазами, весь какой-то до странного похожий на грызуна. Второй — его полная противоположность. Высокий, широкоплечий, с волосами, будто отлитыми из чистого золота, и такими же глазами. Он-то и присел перед ней на одно колено, скептически осмотрел ногу. Девушка и сама опустила взгляд. Ох, лучше бы не смотрела. Кость вылезла наружу и острым окровавленным обломком торчала из-под кожи, словно киль корабля-призрака. Сразу стало очень страшно. Но боль пока запаздывала.

— Гляди, как сейчас дра'морка реветь будет, — скалясь, позлорадствовал «крысиная физиономия».

— Ты бы тоже рыдал, — спокойно осадил его напарник. Потом поднял на Марори взгляд и твердо потребовал: — Только так, дра'морка, давай договоримся. Я могу тебя починить, будет небольшой шрам. Может быть. И пару дней нога будет побаливать. Но ходить сможешь на своих двух. А взамен ты одолжишь свой пропуск.

Только теперь она рассмотрела над его головой призрачный круг нимба.

Солар! И как она сразу не догадалась! Но ведь небеснорожденным вход на территорию темных заказан. Если только они не члены Высокого совета и не специальные уполномоченные сотрудники. Им лет по двадцать, может чуть больше. Очень сомнительно, что в таком возрасте оба дослужились до столь почетных регалий.

— Как вы проскользнули в Мараабар?

«Крысиная физиономия» вперил взгляд в напарника, развел руки в немом вопросе.

— Не нужно было ее трогать, я предупреждал.

Солар продолжал гипнотизировать девушку взглядом.

— Так ты одолжишь пропуск?

— Да пошел ты.

Солар сжал челюсти, на его скулах проступили желваки. Рано она радовалась компании небеснорожденных. Каким бы способом они сюда не попали, цели их явно сомнительного характера.

— Слушай, дра'морка, сейчас у тебя шок. Так бывает. Ну, знаешь, тело выбрасывает в кровь адреналин, дает фору, чтобы у нас было время позаботиться о себе до того, как боль вернется. Но когда адреналин закончится, ты будешь очень сожалеть, что не приняла помощь.

— Я учила физиологию, — отозвалась она. — И я запомню ваши лица, даже если буду выть от боли.

«Крысиная физиономия» потянул солара за плечо. Тот еще несколько секунд глядел на нее, всем видом источая желание придушить, а потом схватил ее пониже того места, где выпирала кость. Боль пронзила все тело, огнем вонзилась в затылок, и Марори, даже не успев вскрикнуть, снова погрузилась в ничто.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В следующий раз она очнулась самостоятельно. Холодно, ветер хлещет по лицу, руки лежат в чем-то мокром. Девушка открыла глаза. Осмотрелась, собирая мысли в кучу. Она лежала на земле, точнее сказать — в луже, около бордюра. Одежда мокрая, испачканная, на кроссовках — куски грязи. В голове все бултыхается. Взгляд опустился на ногу — целехонька. Только шрам и остался: темно-красный, кривой и совершенно неаккуратный. Чтобы проверить, что ей не мерещится, пощупала голень. Тянущая боль напомнила, что произошедшее ей не приснилось.

И в эту самую секунду точно не снится, что над крышами домов горит. рассвет.

Светлые милостивые, что же с ней произошло, что она провалялась в отключке, страшно сказать, всю ночь?!

Марори поднялась, боязливо переместила вес на раненую ногу, встала сперва на пятку, потом на носок. Болит, конечно, но не так, чтоб невмоготу. Одно скверно — она понятия не имеет, где находится. Но слава вездесущему GPS, в век современных технологий можно найти выход даже из комнаты без окон и дверей. Оказалось, ближайшая станция всего в двух кварталах. Туда Марори с грехом пополам дохромала минут за десять. Пока ждал экспресс, вытряхнула содержимое сумки на колени. Все на месте — и деньги тоже, пропал только пропуск. Она мысленно застонала, запрокинула голову. Его точно взял солар. Точнее, украл. И, видимо, сделал что-то еще, иначе она бы не провалялась в луже, как бродяжка, не приходя в сознание часов эдак десять.

Что же это такое? Куда бы она ни пошла, что бы ни сделала, даже когда пытается поступить по совести, — все ломается, рушится на нее новыми щедрыми порциями неприятностей. Как она попадет в Дра'Мор? А когда попадет и пойдет заказывать новый пропуск, ее наверняка спросят насчет судьбы старого. И что говорить? Марори мысленно перечислила все события минувшей ночи: преследование, феерический полет с лестницы, ахас, который влез в нее, будто к себе домой, открытый перелом и двое небеснорожденных, которые неизвестно каким образом попали в Мараабар и похитили ее пропуск. Да кто в такое поверит? Это как раз тот случай, когда вранье будет звучать правдоподобнее, чем реальность.

В Дра'Мор она попала к десяти, каждую минуту благодаря Светлых за то, что на улице суббота и она не попала в список прогульщиков. Пришлось подключать Нима и слезно умолять помочь. Эльф пришел на выручку, поднял на уши кого надо и через полчаса ожиданий появился в компании двух демонов: одного Марори видела лишь однажды, в канцелярии, и не помнила ни его имени, ни должности. Второй — декан Халар собственной персоной.

Ни слова не говоря, ее впустили, и декан предложил следовать за ним для «выяснения обстоятельств». Ним виновато скреб затылок, и его вид говорил: «Я не хотел». Девушка благодарно улыбнулась ему. Она до сих пор с содроганием вспоминала окровавленное лицо эльфа под кулаками Аситаро. После того случая Марори знала — что бы ни случилось, как бы ни повернулась судьба, она всегда будет в долгу перед другом. И как только подвернется случай, вернет его, даже если ради этого придется нарушить все правила и запреты.

— Могу я хотя бы переодеться? — попросила девушка, когда они вошли на территорию академии.

Декан Халар окинул ее брезгливым взглядом. Страшно подумать, что будет, когда ее увидят вот такой — ободранной, грязной и, кстати, вонючей.

— У вас пятнадцать минут, — смилостивился декан, — если по истечении этого времени вы не явитесь в деканат, я прикажу доставить вас лично, даже если ради этого, айра Милс, придется протащить вас голой через весь Дра'Мор.

Марори пулей бросилась к себе, влетела в комнату и первым делом побежала в душ. Страх подгонял шевелиться быстрее и даже наплевать на то, что голень буквально вопит об отдыхе. Ей потребовалось ровно шесть минут, чтобы привести себя в более-менее приличный вид. Она уже собиралась выйти, когда заметила на полу около двери знакомый черный прямоугольник.

Вот же задница, ее пропуск!

Похоже, его подсунули под дверь. Возможно, даже до того, как она вошла. Быть может, в спешке его просто не заметила? Или его подбросили, пока она принимала душ?

С заветным пластиком в руках и полным непониманием происходящего девушка поспешила в деканат. Что же делать? Сказать все, как было, или сослаться на невнимательность, мол, пропуск провалился за подкладку? Во втором случае наверняка схлопочет дисциплинарное взыскание и какие-то общественные работы в придачу — это понятно. А вот в первом так легко не отделаться.

Марори буквально видела себя вжатой в спинку стула в окружении преподавателей, администрации и вопросов. Кто поверит простокровке, что она не сообщница двух небеснорожденных и что знать ничего о них не знает? Можно попытаться добиться ментального сканирования, но это настолько сложная процедура, что пока все мыслимые и немыслимые инстанции дадут на нее разрешение, она благополучно состарится.

В такие моменты Марори как никогда остро ощущала одиночество. Не у кого спросить совета, не на кого опереться. Только Ним и есть, но она и так слишком часто доставляет ему хлопоты. Скоро и он поймет, что лучше обходить ее десятой дорогой. На всякий случай.

— Я прошу прощения за то, что ввела в заблуждение, — прямо с порога, не дожидаясь, пока ее спросят, соврала она. — Пропуск упал за подкладку моей сумки и все время был там.

Декан, черный, как туча, постучал пальцем по столу, предлагая предъявить доказательство. Он долго и тщательно изучал пропуск, потом передал его помощнице и посмотрел на студентку.

«Я хочу найти повод зацепиться, дай мне его», — говорил его хищный взгляд.

Марори заставила себя стоять ровно, как вбитый в доску гвоздь. Нет ничего хуже неправды. Совершишь один раз — и потом будешь всю жизнь оглядываться, боясь разоблачения. А за вранье наказывают больше, чем за сказанную вовремя правду. Только вот и правда бывает такая, что хоть в петлю полезай, а все равно не поверят и не поймут.

Через некоторое время, пока они с деканом играли в молчанку, вернулась его помощница с пропуском и коротким: «Все в порядке». Седого демона это еще больше раззадорило. Он не спешил возвращать пластик, вместо этого методично постукивал его уголком о столешницу.

— Вы здесь и так на птичьих правах, — предупредил декан.

— Я понимаю.

— Где вы провели ночь, айра Милс?

Она мысленно сжалась. Ну вот, начался допрос. И оказалась совершенно к нему не готова. Что ответить? Что без памяти всю ночь провалялась в грязи?

— Я была с айром Эашу, — брякнула первую же пришедшую на ум мысль.

Декан покачал головой.

— Это не оправдывает ваш внешний вид. Вы позорите заведение, айра.

— Мне очень жаль, — она опустила взгляд в пол. Может быть, ее смирение отобьет у него охоту продолжать. — Вашего «жаль» недостаточно, мягко говоря! — рявкнул он. Марори с трудом заставила себя не поддаться его гневу.

— Напишите подробную объяснительную. Я сегодня же доложу о вашей выходке Магистру, и пусть он решает, что с вами делать. Против вас уже начато разбирательство. Очень надеюсь, эту выходку Магистр сочтет достаточно весомой, чтобы присовокупить ее к решению выбросить вас вон.

Девушка подчинилась. Старательно выводя каждую букву, написала нужное и с радостью вышла из деканата, когда Халар сказал, что она может быть свободна. Ним поджидал за дверью и напряженно грыз ноготь большого пальца. Он сразу набросился с вопросами: что случилось, где она была, что с ногой и какого, вообще, фига происходит?

Марори с радостью ответила бы на все его вопросы, но перво-наперво следовало уладить одну очень неприятную вещь, а именно: найти Эашу и уговорить его подтвердить ее алиби, если до этого дойдет.

— Ним, мне нужно бежать, извини, сейчас времени совсем нет. Я позвоню.

— А как же сегодняшние планы? — догнал ее в спину вопрос эльфа.

— Я позвоню!

Эашу она нашла не сразу. Инкуб обладал удивительной способностью появляться в самый неподходящий момент и исчезать, когда был позарез нужен. Дело усложнял выходной: большинство студентов еще в пятницу вечером разъезжались по домам или просто сбивались в компании и выбирались за город. А Эашу был известным любителем потусоваться в компании суккубов и не обремененных стыдом и моралью девчонок. На звонки он не отвечал. Ее сообщение ему в «Тин^[2]» — «Ты где? Нужно срочно поговорить!» — висело без отчета о просмотре. В конце концов, паника подстегнула Марори нанести Эашу визит по месту его проживания в спальном корпусе. Трижды она стучала в дверь, но никто не отвечал. А когда все-таки сдалась и засобиралась уходить ни с чем, из-за двери раздался приглушенный женский смех. Ну, или не смех, а что-то среднее между сладостным стоном и довольным помуркиванием.

Марори залилась краской и снова настойчиво постучала.

— Эашу, мне правда очень нужно с тобой поговорить. Ты знаешь, я никогда ни о чем тебя не просила, но сейчас ты действительно очень мне нужен. Если хочешь, — она грустно вздохнула, — это вопрос жизни и смерти. Моих жизни и смерти.

В комнате наметилась возня, затем дверь резко распахнулась — и на пороге показалась взлохмаченная девица в наброшенной на плечи мужской рубашке. Рубашка ничего не скрывала, но призвана была, судя по всему, создать хотя бы намек на соблюденные приличия.

— Ты кто? — сощурилась девица.

— Мне нужен Эашу, — выпалила Марори, чувствуя, как краска стыда на щеках становится гуще. Да что там на щеках — румянец наверняка уже превратила ее лицо в зрелый помидор.

— Ну, заходи, если пришла. — Девица вальяжно шагнула в сторону, позволяя незваной гостье пройти мимо. — Не стесняйся. Даже можешь присоединиться.

Дверь за спиной Марори захлопнулась. На мгновение захотелось развернуться и броситься прочь. Чувство стыда вмиг превратило ноги в пару надломленных деревяшек. Но пасовать сейчас — значит дать инкубу повод послать подальше и просьбы, и ее саму.

На нее смотрели с интересом. Даже не пытаясь скрыть улыбки, о чем-то перешептывались. Их было четверо. Четверо девиц разной степени оголенности, буквально ползающих по Эашу. Вся компания расположилась на большом кроваво-алом диване, среди множества подушек самых разных размеров и форм.

Момент для разговора не то чтобы не подходящий — он глуп и абсурден. Но отступить поздно.

— Привет, — выдавила из пересохшего горла Марори. — Мы можем поговорить? Наедине.

Девицы замерли, на их лицах появилось явное недовольство.

— Обязательно сейчас? — нарочито громко вздохнув, спросил инкуб.

Одна его рука лежала на заднице одной из подруг, вторая скользила по груди ее соседки.

— Да, именно сейчас.

Если бы он послал ее ко всем чертям, Марори бы ничуть не удивилась и не обиделась. Но он не послал. Еще раз вздохнув, высвободил руки, сел ровно.

— Прошу прощения, дамы, но на сегодня наше свидание окончено. Я позвоню. Обязательно.

Дамы попытались возобновить то, на чем их прервал визит незнакомки, но инкуб решительно пресек все поползновения. Бросая на виновницу своей неудовлетворенности косые взгляды, девицы быстро рассредоточились по комнате, собирая свою немногочисленную одежду. Затем одна за другой покинули обитель несостоявшейся оргии.

Все это время Эашу сидел молча, не шелохнувшись, сверлил Марори странным пристальным взглядом. Лишь когда дверь за последней девицей захлопнулась, взял с подлокотника дивана короткое полотенце, обернул его вокруг бедер.

— Извини, у меня не прибрано.

Не прибрано — слишком мягкое определение для царившего в комнате бардака. Всюду валялись вещи, бутылки из-под спиртного, окурки, обертки от средств предохранения. На дверной ручке в спальню висели женские стринги. Эашу поднялся, захлопнул дверь.

— Ну и что случилось у моей цыпочки?

Он прошлепал до письменного стола. Вместо положенных учебников и тетрадей там стояли бокалы, пепельницы, валялась коробка из-под пиццы, а в металлическом ведре стояла початая бутылка шампанского. Эашу наполнил бокал, предложил гостье, но та отказалась.

— Так о чем речь? — после жадного глотка спросил он.

— Прости, но. ты не мог бы одеться?

Ей не нравилось, что полотенце — его единственная одежда. Не нравилось, что взгляд волей-неволей упирался в его пирсингованный пупок.

— Ох уж эти мне девственницы, — Эашу изобразил вселенскую скорбь и пошел в ванную. Но на полпути резко развернулся, и сграбастал Марори в охапку. — Но раз уж ты сама ко мне пришла.

Он сделал вид, будто собирается ее поцеловать. Девушка уперлась ладонями ему в грудь, как угорелая замотала головой.

— Нет! Хватит! Прекрати же!

И он подчинился. Разжал руки, отступил. И снова тот же грустный мимолетный взгляд. Узнать бы, что за ним скрывается. Марори бросилась к двери. И о чем она только думала, первая придя к парню в комнату, да еще и к инкубу, который самым непрозрачным образом заявил права на ее невинность. Дура, троекратная дура!

— Эй, цыпочка, погоди.

Она сжала пальцы на ручке двери.

— Я не до такой степени подонок, чтобы тебя насиловать, даже если это всего лишь поцелуй. Располагайся, я быстро.

Пока его не было, Марори навела хоть минимальный порядок: собрала грязную посуду, вытряхнула пепел в коробку из-под еды, проветрила комнату и застелила постель.

Стены комнаты инкуба были густо украшены плакатами с обнаженкой, на масляной картине над диваном была изображена гротескная оргия. Очень соответствующее хозяину место: своим горячим темпераментом инкубы славились еще больше, чем способностью соблазнить все, что движется, шевелится и способно к совокуплению. Странно, что администрация допускает такие вещи: курение, выпивка, оргии. Хотя, конечно, контингент соответствует: оставить инкуба без плотских утех — все равно что перестать поливать цветок. Засохнет и скукожится.

Он действительно не задержался. Вернулся уже одетый и с мокрыми волосами, которые энергично высушивал полотенцем.

— Моя цыпочка уже и прибралась, — он широко улыбнулся, а потом рассеянно пошарил взглядом, — а где зажигалка?

— Эта? — Марори протянула тяжелую бензиновую «Зиппо» с инициалами «ЭТ».

Инкуб бросил полотенце прямо на пол, развалился на диване и закурил.

— У меня к тебе просьба, — перешла к делу Марори, — очень деликатная. Ты очень меня обяжешь, если подтвердишь, что эту ночь мы провели вместе. Вот.

Она с шумом выдохнула и сцепила руки в замок.

Эашу сделал глубокую затяжку, выпустил дым причудливыми колечками и, наконец, отреагировал.

— Ты последняя, от кого я ожидал услышать такую просьбу.

— Все когда-то бывает в первый раз.

— Я хочу знать подробности. — Он подался вперед, сощурил змеиные глаза. — Я чувствую, что моя цыпочка все еще самым бессовестным образом невинна, значит, с кем бы ты ни обжималась ночью, до самого главного дело не дошло. Это хорошо — не придется никому вправлять мозги.

— Я ни с кем не обжималась! — возмутилась она.

— Тогда второй вопрос — откуда у тебя это уродство? — Кончиком сигареты инкуб указал на ее шрам. — Грязная работа. И давай сразу договоримся: это ты пришла ко мне за помощью и разрушила некоторые планы. И раз уж я должен подтвердить какое-то вранье — ведь речь именно об этом? — то должен знать все. Иначе, цыпочка, при всей моей любви к тебе, я буду вынужден отказать.

Конечно, он имел право знать. Справедливое требование.

И Марори рассказала. С самого начала, еще зачем-то приплела и хал-гончую лизарда, и синяки после ее выгула, и тень, и небеснорожденных. К чести своей Эашу не перебивал и не комментировал. А когда она закончила, его пепельница была доверху забита окурками.

— Давай внесем ясность, цыпочка, — после затяжной паузы заговорил инкуб, — я тебе помогу, хотя сомневаюсь, что меня потревожат такими пустяками. Но, честно говоря, я совершенно не одобряю твое вранье. Ты подвергаешь риску весь Дра'Мор.

— Я знаю, но что мне оставалось делать? — От досады хотелось кричать. — Мне даже спросить совета было не у кого. Я сделала то, что посчитала нужным и правильным.

— Нужным и правильным для себя, — поправил Эашу.

— Да, — согласилась она. Вот как оказывается — обычный, на первый взгляд, бабник стыдит ее почему зря. И стыдит по делу.

— Небеснорожденные в Дра'Море — это заноза в заднице.

— Зачем им сюда вламываться?

— Затем, зачем много лет назад разругались Светлые и Темные — за властью.

— Профессоров, что ли, похищать или книги из библиотеки таскать?

Эашу обреченно покачал головой. Таким серьезным видеть инкуба еще не доводилось, и девушка не узнавала в нем прежнего бестолкового оболтуса-прилипалу.

— Цыпочка, Дра'Мор — это что-то большее, чем профессора и библиотеки, чем ты и я. И остановимся на этом.

Что бы это могло значить? Неужели слухи о том, что эти стены возвели самые первые Темные, — правдивы? Она-то думала, что небеснорожденные ограничатся какой-то пакостью, одной из тех, о которых часто пишут в тематических сообществах, но если речь идет о чем-то большем, то.

— Эашу, мне нужно во всем признаться.

Инкуб фыркнул, оскалился, за секунду став прежним собой.

— Ты такая легковерная, цыпочка. — Змеиные зрачки расширились, и в них появились яркие всполохи.

— То есть ты меня одурачил?! — с пол-оборота завелась она. Вот пусть столько скажет, что сейчас брал ее «на слабо», пусть только даст повод!

— Тише ты, — Эашу делано загородился от нее руками, — ничего не одурачил. Эти белые и пушистые частенько суют к нам свой нос. Приходят, пакостят. Потом кто-то из дра'морцев организует ответный визит. Если бы те двое, что украли твой пропуск, были исключением, полагаю, Дра'Мор бы уже на ушах стоял. Скорее всего, ты нарвалась на очередных неудачников.

— А если. — Она недоверчиво посмотрела на инкуба, не уверенная, стоит ли совать нос не в свое дело. — Если они пришли за Крэйлом?

Эашу пожал плечами.

— Значит, скоро это вскроется.

— Но ведь они могут его убить?

— Тебя действительно это беспокоит? — Он выглядел искренне удивленным. Потом осклабился. — Слушай, я предполагал, что рано или поздно ты на кого-то положишь глаз, но мне и в страшном сне не могло присниться, что это будет Шаэдис. Отрыжка Темного, цыпочка, он же конченный псих!

Ей очень захотелось взять что-то тяжелое и врезать инкубу между глаз.

— Я знаю, что на него покушались. Ним мне рассказал.

— Ним? А, тот ушастый приبلуда. Цыпочка, последнее, что тебе нужно делать, — соваться к Крэйлу. Он взрослый мальчик, сам как-нибудь справится. Это обычные разборки между старыми врагами, привычная возня. А если одна простокровка вздумает совать туда свой любопытный носик, то его отхватят вместе с головой.

— Но ведь есть Равновесие и догматы.

Эашу сладко потянулся, встал и вплотную подошел к ней.

— Равновесие — это мыльный пузырь, цыпочка. Он большой и цветной и всем нравится, но это всего лишь пузырь. Рано или поздно он лопнет. Вопрос, в чьих руках будет игла. Ты думаешь, что Эльхайм и Дра'Мор натаскивают своих студентов стеречь эту мыльную фикцию? Нет, цыпочка, — он стоял так близко, что запах табака окутал ее лицо, — они готовят армии.

Нет, нет и тысячу раз нет! Слишком много информации и событий для одного дня.

— Спасибо, что не отказал.

К двери Марори брела как в воду опущенная. В каком мире она живет? Где она вообще живет, раз не видит того, что творится под самым носом. После откровений инкуба померкли даже воспоминания о скользкой тени.

— Цыпочка, мы не закончили, — остановил Эашу, когда она собиралась переступить порог. — Я хочу что-то взамен.

Она не рискнула поворачиваться, так и стояла спиной. Он не был бы инкубом, если бы не потребовал плату. И как бы ни хотелось надеяться на обратное, это было закономерным развитием событий.

— Я не буду с тобой спасать. — Всего несколько слов, но она с трудом их произнесла. — Если ты хочешь этого, то.

— Видишь ли, цыпочка, я ведь не зря говорил про статус. Для меня это не пустой звук. В Дра'Море я не единственный инкуб, который слышит твою целомудренность. Стало быть, мне придется не просто тебя прикрыть, но и придумать убедительную историю, почему ты до сих пор осталась с тем, с чем тебе после ночи со мной оставаться не положено.

Светлые, он это серьезно? Весь Дра'Мор будет обсуждать ее девственность?!

— Так что я весь в ожидании твоих предложений.

— Я не знаю, чем могу быть тебе полезна. У меня пять рабочих дней в неделю и так будет до конца месяца, и еще я наверстываю за два года, и у меня нет денег.

— Кажется, я уже говорил, что деньги меня интересуют в последнюю очередь. Да, говорил.

— Я, правда, не знаю, что предложить, кроме своей благодарности.

— Посмотри на меня. Не люблю разговаривать со спиной, даже если это спина моей цыпочки-недотроги.

Она подчинилась.

— Я хочу, чтобы ты на меня поработала, цыпочка.

Это было последним в списке возможных требований. Должно быть, ее удивление оказалось слишком явным, потому что инкуб разразился смехом.

— Ничего криминального и порочащего тебя, цыпочка.

— Эашу, я бы с радостью, но пять дней в неделю.

— Я слышал, цыпочка. Можешь считать мою работу фрилансом. Без отрыва от повседневных дел.

— Боюсь спросить, что это, — призналась она, чем заслужила новую порцию хохота.

— Будешь моей подружкой.

Подружкой? Он что — серьезно?! Марори с трудом представляла их парой. Мелкая, совершенно не эффектная, она, простокровка, над которой даже стены посмеиваются, рядом с этим змеем-искусителем в человеческом облики. Да и сам Эашу неоднократно говорил о статусе и прочих вещах, в которые «подружка» ну никак не вписывается.

— Это розыгрыш? Какой-то трюк? Уловка?

— Я похож на клоуна? — Он снова изобразил трагедию.

Марори икнулось нервным смешком. Нет, попытки совратить ее были вполне понятными и логичными, учитывая его природу и то, что им приходилось сталкиваться по сто раз на дню. Но за все это время Эашу ни разу даже не намекнул, что у него есть и другие планы помимо триумфального соращения простокровки.

— Видишь ли, пока ты тут от меня бегаешь, вокруг нашей возни образовалось целое движение.

— Движение?

«Нашей возни?»

— Ну, что-то вроде тотализатора, — нехотя признался он. — Ставки, гонки и все такое.

— Я знаю, что такое тотализатор. Но понятия не имею, при чем тут я и каким образом это относится к твоему предложению. Хотя, раз уж зашел разговор, то самым непосредственным?

— Ты моя проницательная цыпочка. В общем, я решил немного подзаработать на всем этом. Не люблю, когда откровенная и халявная выгода плывет в чужие руки.

Он достал новую сигарету, закурил. Марори пристроилась на стул. Несмотря на заверения Эашу, поближе к двери. На всякий случай.

— Пока половина ставила на то, что ты через неделю окажешься в моей постели, другая половина ставила против меня. А я тем временем позаботился о том, чтобы ставки постепенно и незаметно возрастали. Я мастер в таких делах, во мне умер великий шулер. Но игра — такое дело, где накал нельзя держать слишком долго, потому что терпение участников лопнет. Признаться, я как раз размышлял над тем, как бы поскорее затащить тебя в койку, и тут ты сама вваливаешься в мою комнату, вся такая несчастная, да еще и с этим дурацким шрамом. Ну, я же не чудовище какое, в конце концов, чтобы воспользоваться тобой в такой момент.

— И на том спасибо, — отозвалась она.

— Эй, цыпочка, но я все еще мужчина, и даже твои эти не сексуальные заплаканные глаза не могут заставить меня перестать слышать жутко соблазнительный запах твоей

невинности. Воспринимай это как предложение больше не перебивать своего спасителя на полуслове.

Марори охотно кивнула, но на всякий случай покосилась на дверь.

— В общем, я думаю, пришло время немного подогреть интерес к нашей возне, а заодно дать повод для нового роста ставок. Дело в том, что у меня никогда не было никого постоянного.

— У меня вообще никого не было, — брякнула она, слишком поздно осознав, что слова сами сорвались с губ. Реакция Эашу было ожидаемой — широченная лыба от уха до уха. Таким довольным Марори видела его впервые.

— Моя цыпочка, — по-змеиному прошипел он и мягко, как кот, подкрадываясь к ней. — Все еще лучше, чем я думал. Позабочусь о том, чтобы слухи о твоей безоговорочной невинности расползлись как можно быстрее. Слышишь этот запах? — Он с шумом втянул носом воздух. — Так пахнет хороший куш. Люди будут ставить на наш первый поцелуй, на то, как долго мы протянем в статусе пары. Они сами будут нести мне деньги и просить взять еще.

— Нам, — поправила она.

— Что «нам»?

— Нести деньги нам. Потому что я хочу в долю. Мне хватит тридцати процентов.

Инкуб положил руки ей на колени, с видом довольного щенка долго рассматривал ее лицо.

— На лету схватываешь, — наконец, похвалил он. Облизнулся, мягко запустив пальцы ей в волосы и заставляя наклониться к себе.

Марори поняла, что заливаается краской, хочет убежать — и не может, как загипнотизированная.

— Если бы твой первый поцелуй не стоил так дорого, цыпочка. Ужасно хочется тебя поцеловать. Румянец тебя красит, а сердце грохочет как музыка.

— У нас деловой разговор.

На секунду ей показалось, что Эашу пошлет все к чертям и тогда придется уносить ноги, но инкуб поднялся и вернулся на насиженное место на диване.

— Да, у нас деловой разговор. Так вот, цыпочка, мы поднимем ставки. Будем изображать парочку.

— Эашу, я понятия не имею, как изображать парочку.

— Нецелованная, невинная и никогда не встречалась с парнями? Ты недурна собой, фигура в порядке. Плосковата, на мой вкус, но попа.

— Можно не сводить деловой разговор к обсуждению моей фигуры?

— Можно, но так интереснее. Можешь обсудить мою, будет интересно услышать твое мнение. — Он сделал вид, что собирается стащить футболку, но, как только Марори схватилась с места, от души расхохотался. — Черт, ты такой невыносимый ботаник, цыпочка! Раз я пока не могу насладиться твоим телом, буду развлекаться твоим стыдом.

Девушка поморщилась, будто от кислого.

— Мы будем отличной парочкой, — заключил Эашу. — Пара показных милований на публику, пара моих загулов, устроишь сцену ревности. — Он прищелкнул языком. — И пока ты не придумала новую дурацкую отговорку — я не передумаю, и это единственная достойная оплата моих услуг, которая устроит нас обоих. Но если ты настаиваешь, готов обсудить альтернативу.

— Нет, не настаиваю! — резко выкрикнула она. Что там обсуждать, когда и так все ясно? — А что будет, если у меня ничего не получится? Если я не смогу притворяться?

— Терпеть не могу эти «если» и «а вдруг».

— И... с чего мы начнем?

— Вот за это я и люблю мою цыпочку — за послушание и смирение. Для начала мы начнем держаться за руки.

Это его «для начала» могло означать что угодно, но держаться за руки — звучит как будто безопасно. Инкуб и так что ни день ее тискает и подначивает, по крайней мере, первое время ничего не изменится. А там будет видно.

— Тридцать процентов — и по рукам. — Она протянула ладонь для скрепления сделки.

Эашу в ответ сплел ее пальцы со своими, легонько сжал, и прошептал:

— А когда дойдет до самого сладкого, цыпочка, мы сорвем банк.

Она развернулась и вышла, молча прикрыв за собой дверь.

И нос к носу столкнулась с Аситаро. Тот как раз выходил из комнаты с тяжелой спортивной сумкой через плечо. Марори втянула голову в плечи и шмыгнула мимо него, надеясь остаться незамеченной. Но не тут-то было. Эльф сразу же прищучил ее окриком.

— Эй, простокровка, я до сих пор не видел твоего прошения на ловлю фэлфаэра.

После минувшей ночи последнее, о чем Марори хотелось говорить, так это о фэлфаэрах и инициации. Тем более говорить об этом с Аситаро. Тем более, когда рядом нет ни души, чтобы вмешаться в случае чего. Синяк от его удара сошел, и с тех пор Аситаро показательно ее игнорировал — видимо, втолковывания Кулгарда не прошли даром. И все же девушка боялась темного эльфа больше остальных, разве что Крэйл не уступал ему пальму первенства.

— У меня еще есть время, — отозвалась она.

— Хватит тянуть резину, простокровка. Тебя это не спасет. Если страшно — пиши заявление и проваливай. В Хаосе ты окочуришься быстрее, чем успеешь пожалеть, что не прислушалась к моему совету. Поразмысли об этом на досуге.

В ее комнате было слишком душно, чтобы задерживаться там надолго. Точнее сказать — душно было везде. Стены давили на нее и как будто только и ждали случая схлопнуться и расплющить простокровку, как муху. Переодеться — и бегом на улицу, хоть куда-нибудь, лишь бы подальше.

С Нимом они встретились по ту сторону драморских ворот. Пока шли до остановки экспресса, Марори рассказала о своих злоключениях. Когда закончила, получила от него леденец.

— Сколько у тебя их? — улыбаясь, спросила она, разворачивая обертку.

— Достаточно, чтобы угостить одну незадачливую девчонку. Слушай, Мар, давай ты вот прямо сейчас выбросишь всю дурь из головы, а? Эашу нарочно страху напустил, чтобы потом вытребовать дурацкую плату. Ты же умная девчонка, не говори, что веришь, будто каким-то студентам втемяшилось разрушить Равновесие. Ты представляешь, что бы творилось, будь хоть четверть повода так думать?

— А как же ахасы?

— У верена, что это они?

— Ага, — она обреченно кивнула, — я в трех справочниках проверяла.

После того как правда о ее семье вскрылась в кабинете Магистра, Марори решил, что нет смысла скрывать ее от Нима. Так она нашла собеседника для обсуждения своих

злоключений.

— Мар, — он съездил ей шутовскую пацанскую затрещину, — сегодня суббота. Давай просто отдохнем, а? Может, и не будет другого шанса, раз ты у нас теперь девушка самого Эшу.

И целый день до вечера они только тем и занимались. Сходили на чумовые аттракционы, после которых у Марори натурально полчасика тряслись колени, потому что один из тоннелей в виде драконьей головы дохнул в них самым настоящим огнем. Потом вагонетка пролетела над шинковкой из трехметровых тесаков, за спиной раздался истошный вопль, и их с Нимом окатило чем-то теплым и красным. Эльф хохотал, Марори визжала, как резаная. Потом они сходили в кино на фильм про потрошителя, где в финальных титрах было указано, что все сцены натуральные, без использования манекенов и искусственной крови. Марори вырвало в урну, стоило выйти из зала. Ним спокойно подождал, пока она закончит, а потом сказал, что «раз теперь у нее в животе стало посвободнее», то самое время плотно перекусить. Чем больше она его узнавала, тем больше удивлялась, каким нетипичным представителем своего народа он был. Вот что значит проклятая кровь. Ним любил мясо, а о вегетарианстве своих сородичей пренебрежительно отзывался «придурь», у него были стальные нервы и потребность в острых ощущениях, он был жутко неаккуратным и умудрялся испачкаться даже там, где это было в принципе невозможно. И в ее теперешнем окружении он был единственным, кто не пытался переиначить ее слова и не обзывал «простокровкой».

— Я не знаю, что делать с фэлфаэром, — призналась Марори по пути домой.

Они купили по внушительному куску хорошо прожаренного мяса неизвестного зверя и трескали вкуснятину прямо на ходу, снимая куски с металлического шампура.

— То есть я знаю, в теории, но очевидно же, что мне с этим никак не справиться.

Марори не стала говорить, что весь последний месяц только и делала, что оттягивала неизбежное. Надеялась на какое-то авось, на исключение, которое сделает Магистр, на какие-то поблажки, на сопровождающих или любые другие условия, которые бы облегчали задачу. Но время шло, ничего не менялось, и откладывать больше нельзя.

— Отнеси заявку в понедельник — и всего делов, — спокойно, с набитым ртом сказал Ним.

Она хмыкнула. Если бы не их дружба, решила бы, что эльф никогда и не вникал в ее слова, иначе не говорил бы о смертельно опасных вещах так, будто речь идет о ловле блох.

— Я не смогу, — она повертела в руках на треть съеденный шашлык и отдала его Ниму. Эльф как раз разделался со своими и жадно впился зубами в новую порцию. — У меня нет оружия, — Марори принялась загибать пальцы, — а даже если бы и было — я не умею с ним обращаться. У меня нет опыта, я простокровка, и мое время в Хаосе ограничено максимум десятью минутами. У меня слабый дух: даже если произойдет невероятное и я все-таки поймаю фэлфаэра, мне ни за что его не удержать.

— Ты продержалась три недели.

— Но я не ходила в Хаос.

— Послала к черту шанатара.

— Не помню, чтобы он покушался на мою жизнь, так что это не считается.

Рот Нима был занят едой. Только разделавшись с ней и при этом продолжая выглядеть голодным, эльф вдруг выдал:

— Тогда еще раз попроси о помощи. Во второй раз это может сработать.

— Вряд ли.

— Вряд ли — это страусиная позиция, Мар. У тебя под носом пятерка хорошо натасканных головорезов. Этих ребят два года учили кромсать и убивать. Дополнительные занятия — то, что тебе сейчас нужно.

Эльф нес чушь, конечно, но очень логичную. И как ни пыталась Марори отмахнуться от его предложения, оно все глубже проникало в ее сознание. А ведь правда, от нее кусок не отвалится. А вдруг сработает? Ничего другого не остается.

— Ты знала, что Шаэдис — Мастер резни?

Светлые помогите, тут сплошь и рядом названия такие, что волосы дыбом встают.

— Что еще за Мастер резни?

— Чемпион кубка Резни, лучший среди лучших.

— Ты как будто говорил, что лучший Аситаро.

— В этом году — да. Потому что шанатар сидел в «сухой». Аситаро на каждом углу кичится своим статусом, задирает Шаэдиса, чтобы спровоцировать его на драку. Многие считают, что раз шанатар не принимал участия в Резне, то чемпионство Аситаро — филькина грамота. Поэтому темному позарез нужно задать Крэйлу взбучку, чтобы доказать свое превосходство.

— Шаэдис — лучший из лучших? — В голове не укладывалось, как это немощное сухое создание может быть лучшим. Он производил впечатление существа, не способного поднять ничего тяжелее собственной ноги. Да, была схватка с «чернильными пятнами», но те не ожидали нападения и вообще действовали без оглядки на возможную опасность.

— После «сушки» и отлучения он не в лучшей форме — шанатару такая диета на пользу не идет, но так было не всегда. Потому Аситаро из шкуры лезет, чтобы не упустить момент. Пока у него есть реальный шанс попытаться выстоять. Хотя, как я слышал, даже сейчас мало кто решился бы поставить против Шаэдиса. Так к чему это я? Тебе обязательно нужно заручиться его помощью.

— Предлагаешь бегать с рупором по всему Дра'Мору и умолять Крэйла снизойти до несчастной простокровки? После того как я дважды послала его к чертям? Да у меня больше шансов выйти живой из Хаоса, чем уговорить Шаэдиса помогать. Да и то при условии, что случится чудо, и я его найду.

Марори вспомнила, что собиралась пригласить Нима вместе отпраздновать ее семнадцатилетие, но эльф опередил ее.

— Меня приняли в «ШИЗ» у, — довольно скалясь, похвастался он. — В понедельник посвящение, так что не вздумай провалить инициацию, Мар, потому что во вторник я собираюсь хвастаться подробностями своего посвящения.

Только тут до нее дошло, что инициация будет в понедельник, в день ее рождения. И Ним, единственный, кого она могла пригласить, будет занят. Значит, и говорить не стоит. Невесть какое событие в самом деле, и вообще — может, к вечеру от нее и останется всего горстка пепла.

— Что за «ШИЗ» а? — спросила она.

— Мужское сообществе адептов. Я из шкуры вон лез, чтобы мою заявку рассмотрели, пришлось уговаривать брата замолвить словечко.

— А-а-а, — протянула Марори, — поздравляю. Тебе выдадут кепку с эмблемой, и ты будешь голый бегать по кладбищу?

Ее собственные успехи на этом поприще были, ожидаемо, нулевыми. Список женских

сообществ и братств Дра'Мора насчитывал более двадцати наименований, от самых одиозных, вроде тех, где обсуждали тонкости любовных игрищ и способов соблазнения небеснорожденных, до «очумелых ручек», участницы которой делились премудростями изготовления самодельных несмертельных токсинов, парализаторов и тому подобными вещами. Марори подала четыре заявки и отовсюду получила отказы с приписками: «Не для простокровок!» А из братства «Мертвых сестер» пришел настоящий шедевр. «Чтоб ты сдохла, простокровка вонючая!» было написано кровью поперек ее же заявки. Это письмо Марори прицепила над письменным столом как напоминание о том, кто она такая.

— Понятия не имею, но «ШИЗ»-ы любят наматывать нервы кандидатов на колючую проволоку. Возможно, придется убить какого-нибудь низшего духа.

Ним зевнул, Марори собралась пожуричь его твердокожесть, но ее перебило наметившееся за спиной эльфа шевеление. Она заглянула ему за спину — и обомлела. Из полумрака за его спиной крался ахас. Маслянисточерная клякса выросла над Нимом на добрый метр, и с ее пустого лица на плечи эльфа стекала вязкая чернота.

— Ним. — едва слышно прошептала Марори. — Ним.

— Что? — Эльф озадачено наклонился к ней. — На тебе лица нет. Плохо?

— Ним, оглянись! — выкрикнула она и отскочила назад, чувствуя прилив липкого ужаса. Руки и ноги свело судорогой — ни пошевелиться, ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Эльф послушался, развернулся всем корпусом и посмотрел прямо перед собой. Вся его голова была черной от слизи, та стекала по плечам, заползала ему за шиворот.

— И чего? — непонимающе спросил он.

И он еще спрашивает?! Да вот же оно, стоит прямо перед его носом, надрывно стонет и тянет щупальца. Марори попятилась, замотала головой, не веря никому и себе в первую очередь.

— Ним, ахас. — Дрожащей рукой указала прямо на тварь, но получилось, что на него самого. — Как ты не видишь?

А клякса, издав истошный вопль вперемешку со смехом умалишенного, просочилась сквозь эльфа, будто его там и не было. И полетела на Марори. Девушка бросилась бежать, но обо что-то споткнулась и полетела лицом в асфальт. Она завопила, что было сил, призывая Нима на помощь. Эльф подбежал к ней, бледный, взъерошенный, протянул руку прямо сквозь маслянистое тело.

— Мар, да что с тобой? Перестань меня пугать, ни фига не смешно.

Тень с торчащей рукой Нима из живота завывла и ударила Марори в грудь, проникла глубже, завозилась под самыми ребрами. Нутро превратилось в лед. Сердце глухо стукнуло в последний раз и остановилось.

Двадцать пели. Серые мантии, покрытые головы, безликие и одинаковые, как свечи в канделябре. Их громогласные слова вздымались под самые грозовые облака. Земля под их ногами пошла трещинами, из разломов валил дым и сочилась магма — кровь мира.

А потом Двадцать, один за другим, упали замертво. Резкий порыв ветра обнажил их лица: залитые кровью глаза, наполненные лавой рты и обожженные черепа.

И небо расколосось отчаянием.

Она очнулась на больничной койке с трубкой капельницы в вене и невыносимой головной болью.

За окном занимался рассвет.

— Ним? — позвала Марори и не сразу узнала собственный голос. Это она, что ли,

стонет, как банши в период первого опознавания?

Справа наметилось шевеление, кто-то взял ее за руку. Прикосновение обожгло. Боль была настолько сильной, что девушка не смогла сдержать крик. Рука дернулась, игла выскочила из вены, и на белоснежные простыни закапало что-то черное и вязкое.

Слишком знакомое, чтобы Марори не вспомнила, где раньше уже видела эту дрянь.

Дважды.

— Мар. — осторожно позвал Ним.

Он присел на кровать и смотрел на нее как никогда раньше: жалостливо и растерянно.

Марори подумала, что не хочет знать причину этого взгляда, но все-таки спросила:

— Что со мной случилось?

Он попытался было снова взять ее за руку, но одернул сам себя.

— Мар, ты. — Он сделала глубокий вдох. — Кажется, ты умерла, Мар. И, кажется, воскресла.

И вот тогда она завывала так, как молодой банши и не снилось.

Глава восьмая

Крещеный с идеальным именем, Сомневающийся в сердце, Один без самого себя ©
Nightwish, «Amaranth»

— Беспрецедентный случай, — сказала статная женщина с самыми прекрасными на свете белоснежными крыльями.

Магистресса Флоранция, ректор Эльхайма, Мастер светлого Плетения и Материи. Первый хранитель Равновесия от Светлой стороны. Марори столько раз видела ее на фотографиях в прессе, социальных сетях и по телевидению, что узнала бы по одному только голосу. На эту женщину хотелось равняться во всем, быть такой, как она: смелой, сильной и трогательной одновременно. Магистресса являла собой ее воплощенную мечту — непоколебимая, принципиальная, никогда не пасующая перед трудностями.

— Будь дело хоть на четверть не таким странным, я бы ни за что не попросил твоей помощи, — зло и грубо ответил Дамиан.

Марори захотелось, чтобы Магистресса проучила его за недостойное поведение. Обрушила на голову рогатому кару небесную или зарядила снопом молний по темечку. Но Флоранция и глазом не повела. Железная выдержка.

Кроме двух ректоров, в зале находились еще пятеро. Двое представителей светлой стороны: тучный румяный, как колобок фавр, с пальцами, похожими на перетянутые нитью сардельки; и худышка-коротышка дриада. Она то и дело шумно сморкалась в огромных размеров носовой платок и сетовала, что здешний климат ей совершенно не подходит и что она за час прикончила пузырек антиаллергенного средства. И двое от Темных: арахнид с лоснящейся хитиновой кожей и двумя крохотными отверстиями в том месте, где положено находиться носу; второй носил серебряную маску, за которой скрывал нижнюю часть лица. Он держался особняком и поглядывал на светлых и простокровку голодными вампирскими глазами.

Пятым был дознаватель, и, судя по многочисленным регалиям на его груди, в иерархии своего ордена он стоял весьма высоко.

— Не понимаю, ради чего весь сыр-бор, — довольно раздражительно посетовал фавр. — Подобные вопросы лежат в компетенции нашего уважаемого лорда Тригрида. Предлагаю соблюсти формальности, проголосовать для протокола и верить айру Марори Милс на поруки дознавателей. Под покровительством Ложи она будет в безопасности.

Магистресса осадил торопыгу холодным взглядом. Тот беззвучно фыркнул и уселся за стол. Его тело расплылось по стулу, словно рыхлое тесто.

— У меня есть соответствующие распоряжения, — в который раз напомнил дознаватель.

Собрание началось час назад, и за это время лорд Тригард, где нужно и не нужно, вставлял коронную фразу «у меня есть распоряжения», изредка меняя слова местами.

— Кроме того, лорд Ардей написал подробный отчет касательно обсуждаемой айры, к которому приложил письменные показания вашей, Магистр, некомплектности, а также жалобу относительно препятствованию с вашей стороны исполнению его служебных обязанностей.

— Он собирался на моих глазах покалечить студентку Дра'Мора. Я что, по-вашему, должен был сидеть сложа руки? — Дамиан размеренным шагом подошел к дознавателю и

заложил руки за спину, словно боялся не сдержаться. — Дознаватель превысил служебные полномочия, я принял соответствующие меры.

О которых, я так понимаю, он не посчитал нужным упомянуть.

И Магистр хищно осклабился. Арахнид гаденько захихикал, и даже в уголках глаз вампира пролегли морщины, как от улыбки.

Дознаватель лорд Триград с честью выдержал издевку.

За окном злилась настоящая буря: грохотал гром, сверкали молнии, с неба сыпались раскаленные осколки и пепел. Когда за Марори явились, чтобы сопроводить на допрос, она как раз читала о том, что сейчас в Дра'Море происходит поистине редчайшее явление — Шторм проклятых. Студентам настоятельно рекомендовали не покидать пределы учебных корпусов, позаботиться о мерах предосторожности и не пытаться заснять происходящее различными «угрожающими жизни» способами. В свете предстоящей инициации и похода в Хаос Марори от души мысленно посмеялась. Походило на бородатую шутку: «Чтобы не получить заражение крови от попадания пули в лоб, намажьте рану зеленкой».

Только утром ее забрали из больницы, и спустя три часа она уже сидела в компании официальных Хранителей Равновесия, где раз за разом отвечала на опостылевшие вопросы: где была, что делала, что видела, что чувствовала.

При этом Марори удалось сохранить в тайне свою первую встречу с ахасами. И она каждую секунду боялась разоблачения, ругая себя на чем свет, что встала на скользкий путь вранья.

— Произошедшее наглядно демонстрирует, что Дра'Мор, как и Эльхайм, не в состоянии контролировать вверенных им студентов, — менторским тоном произнес дознаватель. Его взгляд переместился на Флоранцию. — Как вы могли помыслить о том, чтобы заключить такую непотребную сделку?! Магистресса, я вынесу этот вопрос на рассмотрение, так и знайте.

— Валяйте, лорд Триград, — отозвалась она. — Но прежде развяжите нам руки. Кто-то натравил на девочку ахасов — покушались на ее жизнь. Один раз, — она мельком посмотрела на Марори, — им это удалось. У нас уже был неприятный инцидент с летальным исходом среди студентов, еще один может стать началом конца.

— Еще один? — Его лицо стало жестким, в глазах сверкнули искры гнева. — Я уполномочен заявить от имени всей Ложи, что позиция дознавателей не менялась и не изменится: Крэйл Шаэдис должен находиться в Норсготте. Почему никто не видит очевидного? Стоило появиться подходящей жертве, как шанатар взялся за дело. Святые заступники, ахасы! Мерзкие испражнения чудовищных экспериментов.

О чем тут еще думать? Сумасшедший шанатар и нильфешни в одних стенах — все очевидно!

Нильфешни? Марори это слово было знакомо и незнакомо одновременно. Она попыталась сосредоточиться, напрячь память, но спор высокопоставленных чинуш оттягивал на себя ее внимание. Как-никак, решалась ее собственная судьба. Причем решалась каким-то непонятным кардинальным способом.

— Оставьте мальчика в покое, — вступился вампир в маске. — Он свое выстрадал и наказан более чем сурово. Или, по-вашему, посадить шанатара на диету из мертвой крови — это пустяки?

— Именно так, Заглор, будь моя воля. — Дознаватель побагровел от злости.

— Мы имели удовольствие лицезреть и слышать вашу волю, — вклинилась дриада и в

который раз с шумом высморкалась.

— Вопрос с Крэйлом улажен, — всем сразу ответила Магистресса, — он понес заслуженное наказание, и, насколько мне известно, ни у кого из собравшихся нет повода упрекнуть его в попытке уклониться от него. И вообще я не понимаю, почему, вместо того чтобы решать насущную проблему, мы ворошим старую. Шанатары создали ахасов, но с тех пор ищек ловили множество раз, в том числе в местах, где их создателями и не пахло. Хотите, я скажу, что очевидно для меня? Ложа спит и видит, как бы наложить лапу на Эльхайм и Дра'Мор, завести у нас свои порядки, прикрываясь высосанными из пальца обвинениями.

— Шаэдис пытался заключить вот с ней, — дознаватель ткнул пальцем в съезжившуюся Марори, — договор на крови. Не нужно думать, что тут все до единого болваны, которые не понимают, для чего ему это надо. Ладно она — тупая, сопливая девчонка, но Шаэдис совершенно точно осознавал последствия и свою выгоду. Если нильфешни не изолировать, он добьется своего. Еще немного — и она от страха подпишется под своим смертным приговором. Шанатары — коварные расчетливые твари. Повторяю — полная изоляция обоих, таково требование Ложи.

Изоляция?

— Вы в своем уме? — В голосе Магистрессы звучало негодование, но внешне она оставалась спокойной. — Может, тогда сошлем ее в Лоранг, а? Или, чего уж мелочиться, сразу в Аслин. В цепи и смирительную рубашку только потому, что великим задницам из Ложи страшно ночью сходить в сортир, потому что всюду мерещатся заговоры и убийцы.

— Она нильфешни, — стоял на своем дознаватель, — вам, Магистресса, и вам, Дамиан, как Хранителям положено бы знать, что это похлеще, чем свихнувшийся шанатар. Если эти двое объединятся, вам лично придется отвечать перед Ложей.

— Не в первый раз, — отмахнулась она. — По части давать пинком под зад мы настоящие мастера.

Магистр поддержал коллегу солидарным оскалом.

— Я не собираюсь ни с кем объединяться, — отважилась пискнуть Марори и тут же стала центром внимания. Она неуютно поерзала на стуле. — Мы виделись всего дважды. Крейл, он просто. Хотел мне помочь. Ему не нужна моя душа.

И зачем она, вместо того чтобы защищаться самой, выгораживает его?

Все, кроме лорда Триграда, посмотрели на нее осуждающе. Сам же дознаватель вскинул руки с видом: «Ну вот, а что вы ожидали?»

— Бедная, наивная девочка, — покачала головой дриада и придирчиво осмотрела платок в поисках сухого места. — Вынуждена согласиться с лордом Триградом — ей здесь не место.

— Ей некуда идти, — напомнила Флоранция. — И меня крайне беспокоят обстоятельства смерти ее родных. До выяснения обстоятельств я буду настаивать на том, чтобы она и дальше находилась под защитой Дра'Мора.

— Защитой Дра'Мора? Вы послушайте себя со стороны, — изрыгнул негодование дознаватель. — Она облапошила всех. Вот теперь я начинаю подозревать, уж не состоят ли эти двое в тайном сговоре.

— У каждого из нас есть за плечами опыт ошибок молодости, — попыталась разрядить ситуацию дриада, — я лично знаю парочку таких у каждого из присутствующих. — Она сально захихикала, но, не найдя поддержки, снова стала серьезной. — Нельзя судить девочку

за то, что она лгунья, — в ее возрасте многие прокладывают путь враньем.

— Магистр грубо попрал права ее покойной матери, — не унимался дознаватель. Дамиан перебил его властным жестом.

— Это мы все уже слышали, лорд Триград. История поступления Марори Милс в прошлом, и предлагаю ее не ворошить, потому что я сделал выводы и счел нужным позволить айре Милс продолжать учебу. Ответственность лежит на мне. Студентке выписано соответствующее дисциплинарное взыскание, которое передано старосте. Но, если вам охота поковырять гнойник, я с радостью расскажу о том, как ваш коллега едва не убил мою студентку, на территории Дра'Мора, во время учебного процесса. И сдобрю это фактом того, что для этих целей лорд Ардей использовал Материю и Плетение.

На какое-то время в зале повисла тишина.

Марори помнила, что дознавателям запрещено использовать и то, и другое. От слова «совсем». В обмен на добровольный отказ от этих способностей они получают наисильнейшее оружие в борьбе против нарушителей Равновесия — Эфирные осколки. Инкрустированная такими осколками броня становится неуязвимой для Плетения и не изменяет своих свойств под воздействием Материи. А Эфирное оружие одинаково смертоносно и для небеснорожденных, и для проклятокровных.

Но как лорд Ардей смог нарушить запрет? Сигму нельзя стереть, уничтожить или вывести — она своего рода метка или оковы, не позволяющие носителю использовать Плетение и Материю. А стать дознавателем без сигмирования нельзя.

— Это правда? — Магистресса вперила взгляд в дознавателя. Тот нехотя кивнул.

— Возмутительно! — голос толстяка фавра поднялся до фальцета. — Такие вещи совершенно недопустимы. Почему Хранители не были поставлены в известность?

— Потому что я счел нужным не распространяться об этом, — ответил Магистр. — Как один из Хранителей, я имею полное право в некоторых вещах поступать по своему усмотрению.

— Но не в том, что касается нарушения устава, — наседала Магистресса. — Нужно провести служебное расследование и принять соответствующие меры. Похоже, все здесь собравшиеся забыли, какую цену пришлось заплатить за восстановление порядка. Равновесие зиждится на Догматах, их необходимо соблюдать!

— Лорд Ардей сообщил Совету о своем нарушении, — сказал дознаватель. Ему определенно не нравилось, что тема разговора сместилась на проступок коллеги, и он всем видом доносил это до окружающих. Поделаться ничего не мог, но сторицей выплевывал раздражение.

— И?

— Совет принял решение ограничиться вынесением предупреждения и выговором. Кроме того, лорда Ардея на время отстранили от выполнения служебных обязанностей.

— И после этого вам хватало совести требовать заточение этого бедного ребенка?! — рассвирепела Флоранция.

— У дознавателя Ардея великолепный послужной список, за плечами двадцать семь лет безукоризненной службы, огромный перечень пойманных злостных нарушителей Равновесия, многие из которых, уважаемые, досаждали и вам. — Дознаватель потер лоб и неожиданно смягчил тон. — У Ардея совершенно невероятной силы потенциал чувствительности к Плетению и Материи, сигмирование купировало большую часть его способностей, но иногда случаются всплески. Ситуация, о которой идет речь, была из ряда

вон выходящей, дознаватель превысил полномочия, но это не повод выбрасывать за борт первоклассного специалиста.

— Или Совет нашел повод нарушить Догматы, — вмешался арахнид. — Ведь это же так просто: прикрыться регалиями, надавить на жалость и заполучить в свои ряды мартышку с гранатой. И проклятокровных еще упрекают в том, что мы постоянно нарушаем правила.

Начавшуюся перепалку остановил вампир Заглор, напомнив собравшимся, что они не одни и внутренние распри лучше оставить для закрытого заседания, дабы не травмировать неподготовленную детскую психику.

— Я оповестил Хранителей о случившемся с этой айрой, потому что того требует протокол, — сказал Магистр и выразительно посмотрел на дознавателя, — потому что я законопослушный проклятокровный, которому, кто бы там чего ни говорил, не втемяшилось развязать очередную войну. Однако считаю, что в данном случае нет повода для радикального вмешательства.

«То есть я умерла, но я жива — и это не повод разобраться?»

Марори сглотнула, пересеклась взглядом с дознавателем и подумала, что, если бы тот мог испепелять силой мысли — она бы давно превратилась в горстку пепла.

— Не думала, что скажу это, но согласна с Магистром, — поддержала Флоранция. — Скорее всего, мы имеем дело с трансформой. Это крайне редкое явление, но оно случается. Я навела справки.

Она взяла со стола планшетку, перелистнула несколько страниц и прочитала выдержку. Речь шла о «дремлющей крови» — той самой, которая делает небеснорожденных и проклятокровных теми, кто они есть. У двух процентов простокровок есть предрасположенность к Темной или Светлой стороне, но она либо незначительна, либо из-за сбоя в генетическом коде законсервирована.

— Видимо, прикосновение к темной стороне Плетения стало катализатором, который спровоцировал всплеск, — уже от себя к прочитанному добавила Магистресса. — Девушка «перезагрузилась», другого объяснения ее метаморфозе не существует. И как бы кому ни хотелось выдать это за нарушение существующего порядка, любые радикальные меры в данном случае не оправданы. Перед нами уникальный экземпляр — небеснорожденная и проклятокровная в одном теле. Нильфешни.

— Где-то я уже это слышал, — заявил дознаватель. — Ее нужно тщательно исследовать и чем скорее — тем лучше. Или я один тут помню Завет и семь других «уникальных экземпляров»? И то, что они чуть было не сотворили? Я требую немедленной передачи девчонки и Шаэдиса на поруки Ложе. Учитывая обстоятельства, они оба чрезвычайно опасны. Их следует изолировать друг от друга и тщательно изучить.

— Лорд Триград, при всем уважении, вы либо предоставьте веские аргументы того, что молодой Шаэдис нарушил условия, либо хватит испражняться против ветра. — Вампир прищурился, всем видом показывая, что бросил зарвавшегося собеседнику вызов, и тот либо примет его, либо будет вынужден заткнуться.

Дознаватель скрипнул зубами, послал всех собравшихся в Клоаку небытия, в который раз пригрозил составить разгромный рапорт и быстрым шагом покинул зал. Дверь за собой он акцентировано оставил открытой, будто намекал, что разговор не окончен.

— Если нет возражений, я бы хотела переговорить с айрой Милс с глазу на глаз, — попросила Магистресса. — Полагаю, Дамиан, у тебя нет к этому препятствий?

В этом «полагаю нет препятствий» явственно звучало: «Попробуй только мне

запретить».

— Это не займет много времени, уважаемые Хранители, и мы сразу перейдем к составлению протокола. А пока, — Флоранция перевела взгляд на Магистра, — проявите, в конце концов, хваленое дра'морское гостеприимство, о котором вы только говорить горазды.

Оставшись с Флоранцией наедине, Марори наконец перевела дух. Даже стены как будто раздвинулись, перестали сдавливать, словно тиски. И в душе тут же забрезжила надежда — а вдруг?..

— Магистресса, я умоляю вас — не позволяйте им забрать меня из Дра'Мора! — взмолилась девушка. — Я уверена, есть какие-то возможности, или средства, или исключения. Я хочу обучаться, хочу быть полезной Равновесию!

Обращаться к Хранителю в такой форме и таким тоном — верх дерзости, но подстегивало понимание, что это, возможно, ее единственный и последний шанс высказаться. Если не сейчас, то когда? Она бы потом локти себе кусала, погрязла в самоедстве, если бы не попросила. Не может же быть, что теперь, когда она столько вытерпела, ее просто вышвырнут на улицу или, того хуже, запрут в какой-нибудь лаборатории и сделают лабораторной крысой.

Флоранция посмотрела на нее с сочувствием. Точнее даже, с каким-то подобием сочувствием. Так смотрят прохожие на умирающего котенка: всем жаль, но бедолага все равно обречен, а тут еще и руки нужно марать. Земля ему пухом, но это — не моя забота, потому что есть вещи более важные.

— Боюсь, это не мне решать.

— Почему? Я очень старательная, я уже почти догнала! — Марори хотелось выть от бессилия. Как тот котенок, она пыталась встать на слабые лапы, привлечь к себе внимание, закричать: «Не списывайте меня со счетов, я еще живая!», но ей не хватало слов. А где взять нужные — она не знала. — Я чувствую, что должна быть здесь, я здесь не чужая. Меня определили сюда без моего согласия, и я не думала, что протяну так долго! Не знаю, смогу ли пойти дальше, но должна попробовать.

Магистресса подошла к ней, взяла за плечи и чуть сжала пальцы, заставляя успокоиться.

— Иногда судьба сама ведет нас. Ты можешь сопротивляться ей, но это как плыть против течения — его не одолеть, рано или поздно река сама принесет тебя к нужному берегу. И лучше встретить предназначение сильной и подготовленной, а не измотанной погоней за призраком.

— Я не понимаю.

— То, что с тобой произошло, — это ли не перст судьбы? Темная сторона Плетения пробудила тебя. Понимаю, что тебе тяжело принять это сейчас, но в тебе течет проклятая кровь. Ты должна воспользоваться своим уникальным шансом. Больше никто в Дра'Море не посмеет обозвать тебя простокровкой, теперь ты одна из них.

Одна из рогатых, хвостатых, безжалостных и беспринципных? Голова пошла кругом, перед мысленным взором мелькала карусель образов, в центре которой была она сама, с руками, по локоть обгагранными кровью.

— Кроме того, я полагаю, решение насчет твоего будущего еще не принято. В тебе течет не только темная, но светлая кровь. Это уникальное явление, очень странное и очень опасное. Не только проклятая кровь нуждается в подчинении. Наследие Небеснорожденных также может натворить много бед в неподготовленном теле. Я буду просить Совет

разрешить мне опекать тебя наравне с Магистром Дамианом.

Марори почувствовал, как внутри зарождается огонек надежды. Ее не отдадут! По крайней мере, без боя. Уже хорошо! И даже странное слово «нильфешни» казалось просто словом, имеющим к ней совсем небольшое отношение.

— Насчет Третьего круга — это крайне неприятная выходка Магистра, но здесь большая доля и моей вины. Сколько лет уже с ним знакома — и каждый раз умудряюсь наступить на одни и те же грабли. Демоны, что с них взять. Облапошат на ровном месте, невзирая на опыт и должность. Постараюсь вытрясти из него какие-то поблажки, но, честно говоря, не думаю, что это пойдет тебе на пользу. Полагаю, ты уже и сама успела понять — слабость здесь не в чести.

Марори кивнула.

— Я хочу, чтобы ты меня сейчас очень внимательно послушала. — Голос Флоранции стал строгим, стальным. Она заставила девушку посмотреть ей в глаза. — Не всегда все черное — действительно черное. Проклятокровные наравне с небеснорожденными положили свои жизни во имя мира. В семени Равновесия наша кровь смешалась. Там ее одинаково — что темной, что светлой. Владеть оружием — не значит убивать, а убивать — не значит бездумно отнимать жизнь. Проклятокровные служат Равновесию на своей стороне, и их методы не всегда приятны, но они так же, как и небеснорожденные, охраняют Равновесие. И взявшие в руки оружие стоят на первой линии защиты, принимают удар на себя. Подумай об этом, когда вернешься к занятиям.

Марори поблагодарила за совет, попрощалась и направилась к двери.

С одной стороны, она явственно ощущала, как с плеч спала тяжесть неопределенности относительно собственной судьбы в Дра'Море — ее не бросили, не отказались. Еще ничего не ясно в противостоянии с Ложей, но борьба — это всегда надежда на лучшее. С другой стороны, в душе поселился новый страх. Пока он еще не оформился во что-то определенное, но уже ворочался и тыкался во все стороны, будто пробуя хозяйку на стойкость. Сколько бы мудростей ни влилось ей в уши, пройдет немало времени, прежде чем она смирится со своей новой сущностью. И неизвестно, сможет ли принять себя другой. Слишком много всего валится на голову, и, в отличие от тела, которое смогло «перезагрузиться», голова накрепко зависла, отказываясь обрабатывать информацию. Получается, что в добропорядочной семье Милсов не все так гладко, ведь даже одна капля проклятой крови не может взяться из ниоткуда. Равно как и светлой.

Голос Флоранции догнал ее уже около двери.

— Крэйл действительно хотел твою душу?

Марори повернулась, кивнула.

— Поверить не могу, что он отчаялся до такой степени. — Флоранция потеряла переносицу, на мгновение проявив свою усталость — самую обычную, как у любого простокровного.

— Я хочу знать, что с ним произошло, — ни на что не надеясь, попросила девушка.

— Ты второй месяц в Дра'Море, наверняка знаешь в общих чертах.

— Я не хочу в общих чертах, мне не нужны слухи. Я много чего сегодня услышала, чтобы понять, что его наказали не за воровство сладостей из столовки и не за прогулы. И если нам нельзя быть рядом, я хочу знать, почему.

Магистресса улыбнулась.

— Ты кажешься такой воинственной.

— Это первое, чему меня научил Дра'Мор, — всегда быть начеку. И я все еще учусь.

— Значит, время в любом случае не потеряно напрасно.

— Ну так как? Что это за секрет такой, который нельзя никому рассказывать, но о котором все и так знают?

— Увы, но секрет не мой, тем более служебное расследование закрыто и на него наложены соответствующие запреты о неразглашении. Единственное, что могу сказать, — не делай поспешных выводов, но и не подпускай его к себе достаточно близко. Шанатары крайне коварны. И именно благодаря этому Шаэдисы протянули так долго. — Она задумчиво отвела взгляд к окнам, озаренным вспышками огненной бури. — Но и эта ветвь засыхает. Мальчишка в отчаянии, и мне в некоторой степени даже жаль его, но еще больше жаль всех нас, если он вздумает остановить неизбежное. У него ничего не получится, но мне бы не хотелось, чтобы твое внезапное. преобразование вселяло в него беспочвенную надежду.

Она спохватилась, сообразив, что сказала лишнего, и отпустила Марори с пожеланием не унывать.

В спальню девушка вернулась сама не своя. И обнаружила сюрприз: среднего размера коробку, завернутую в простую серую бумагу. Тяжелая. На боковой грани значилась почтовая накладная с указанием адреса получателя, его именем и фамилией. Рядом слабо пульсировала охранная печать.

В комнате она развернула обертку, попутно ругая себя за поспешность. Только хвасталась Магистрессе своей осторожностью — и вот без тени сомнения вскрывает неизвестно кем присланную коробку.

Внутри оказалась. изменчивая сфера. Марори так опешила, что не могла решиться взять ее в руки. Идеально ровный гладкий шар, размером с футбольный мяч, заточенный в неразбиваемый стеклянный куб. К нему прилагался конверт с текстом, отпечатанным на принтере. В верхней части значилось: «Марори, прочти меня». Сам текст послания размещался на внутренней части конверта.

«Подарок ко Дню рождения. Ты знаешь, что с этим делать.

PS. Тебе нужно оружие для инициации, подумай об этом».

Что за чертовщина?

Девушка водрузила на стол стеклянный контейнер с сферой и быстро написала Ниму, чтобы немедленно дул к ней. Эльф явился через десять минут с пакетом конфет, часть которых успел благополучно слопать по дороге, о чем свидетельствовал перепачканный шоколадом рот.

— Ни фиги себе! — Он округлил глаза, вытаращился на изменчивую сферу, а потом быстро развернул конфету и сунул ее в рот. — Где ты раздобыла эту штуку, Мар?!

Она присоединилась к поеданию сладостей и рассказала. И еще про свою проснувшуюся проклятую кровь. И про разговор с Магистрессой. Да, в общем, все, что болело и просилось наружу. Им как обычно был благодарным слушателем.

— Слушай, я не понимаю, чего ты уши повесила, — совершенно искренне сказал он, когда Марори закончила. — С жиру бесишься, — и показал язык. — Ты теперь действительно своя, кроме того, с инициацией будет проще. Ну и изменчивая сфера — это вообще жесть. Где ты включила этот «GoDMode» режим, Мар? Я бы за такое убил.

Марори посмотрела на него, словно эльф превратился в болотное страшилище.

— Ладно, убить не убил бы, но ведь правда — подарки так и валяются.

— Нем, ты чего? — Девушка бросила в него скомканной в шарик оберткой от

конфеты. — Это изменчивая сфера, их всего штук сто, если уже не меньше. Это артефакт, которому нет цены. И я нахожу его у себя на пороге. Кто бы в здравом уме разбрасывался такими вещами?

Аргументы заставили эльфа совершить мысленное усилие. Правда, длилось это недолго, и в итоге он просто пожал плечами.

— Честно, не пойму твоих заморочек. По-моему, все очевидно — это подарок Эашу.

От такой «очевидности» Марори едва не подавилась — и эльфу пришлось долго вытраивать из нее кашель, щедро лупя по спине.

— Все же логично. — Ним продолжил гнуть свою линию. — Даже ты согласишься, что у его семьи такая штука может быть, возможно, даже не одна. Вы же вроде встречаетесь?

— Ага, встречаемся.

— Тем более. Разве это. ну. не по-мужски, выручить свою подружку, когда она на грани вылета? — Уши у Нима заметно покраснели.

— Ты себя со стороны не слышишь? — отмахнулась она.

— А ты — упрямая ослица, — спокойно выдал он. Не будь они друзьями, Марори бы съездила по нему чем-то тяжелым. — Он тебе даже подсказку дал — оружие.

Он ткнул пальцем в письмо. На бумаге остался шоколадный отпечаток.

Марори мысленно повторила его белиберду. А потом снова и снова, пока не оказалось, что выводы эльфа имеют право на существование. Изменчивая сфера — редкий артефакт, созданный еще в те времена, когда Темные и Светлые вращивали мир. За право владеть такой вещью действительно убивали. В голове не укладывалось, что кто-то был настолько безумен и отдал сферу просто так, ничего не попросив взамен. Впрочем, Эашу — мастер по части совершения грандиозных непредсказуемых вещей. Но отдать артефакт просто так, ради того, что она его подружка? Кроме того, Ним не знал об их с Эашу соглашении и о том, что никакого неземного притяжения и большой любви до гроба между ними нет. Нет, какими бы ни были доводы эльфа, она знает больше, чем он, и ни на миг не поверит, что Эашу расщедрился на такой поистине королевский подарок.

Бред!

— Я отнесу сферу в деканат, — решила она.

На этот раз пришел через эльфа подавиться.

— Ты чокнутая, — заключил он, немного прокашлявшись. Даже бросил конфету обратно в пакет. — Кто-то помогает тебе, дает шанс, а ты носом крутишь. Мар, ты уверена, что тебе нужен Дра'Мор? Что это — твое?

Думаю, тебе лучше устроиться воспитательницей в приют для бездомных котят.

Девушка не сразу нашлась, что ответить. Она уже многое вынесла, чтобы остаться здесь. И продержалась куда больше, чем думала в самом начале. И когда, казалось, все летит в тартарары — в ней проснулась и порченная, и светлая кровь. Теперь, когда правила игры изменились, кем она будет, если не продолжит? Тем более под опекой невидимого доброжелателя, достаточно могущественного, чтобы за здорово живешь отдать ценнейший артефакт.

— Это точно мое, — твердо сказала она и с хрустом откусила от грильяжного батончика. — Котята — тоже мое. Но они подождут.

Эльф ответ одобрил, потом взял стеклянный куб со сферой и вручил его девушке. «Пора открывать этот ящик Пандоры», — говорил его взгляд.

Марори сняла крышку. Поверхность изменчивой сферы перетекала, словно

заклученный в невидимую оболочку шар жидкого металла. В его отражении она увидела себя, нахмуренную и сосредоточенную. Казалось бы, нет ничего проще — протяни руки и возьми, но пальцы предательски дрожали.

«Ты теперь проклятокровная. Если хочешь, чтобы тебя принимали, — учись быть решительной».

Сфера оказалась теплой и одновременно опаляла пальцы холодом, словно Марори сунула руку в снег. Стоило артефакту оказаться в руках, как он ожил.

«Тебе нужно оружие, подумай об этом», — всплыли в памяти строки загадочного письма.

И изменчивая сфера начала трансформацию. В одночасье она стала невероятно тяжелой, пришлось схватить ее двумя руками, чтобы не выронить. Плечи мгновенно занемели, Марори физически чувствовала, как напряглись под кожей мышцы. Держать, не сдаваться, еще чуть-чуть. И все же она уронила шар, и тот с грохотом бухнулся об пол. Даже эльф глаза вытаращил.

Сфера с треском лопнула, точнее сказать, ее буквально разнесло на куски. Изнутри с громким шипением вырвалось облако густого черного дыма, который мгновенно заполнил комнату. Марори закрылась рукой, но глаза нещадно жгло, в нос будто сыпанули горсть раскаленной пыли.

Все закончилось так же стремительно, как и началось. Когда дым развеялся, а глаза девушки перестали слезиться, она с опаской опустила взгляд.

Сфера трансформировалась и приняла удивительную и неожиданную форму. Определенно, это было оружие. Наверное, правильнее было бы назвать его косой. Красная костяная рукоять, инкрустированная черным серебром, имела не менее полутора метров длины. В ее оголовье моргал одинокий глаз размером в кулак. Какой твари он принадлежал — Марори и близко не знала. Лезвие было чуть изогнутым, все того же кроваво-красного цвета. Блики от света лампы играли на его идеально-гладкой поверхности, отчего создавалось ощущение, будто лезвие подрагивает в нетерпении.

Неведомое око уставилось на девчонку, и из-под века проступила темно-красная вязкая жидкость.

— Я не возьму это в руки, — попятилась Марори.

На этот раз эльф не спешил бахвальствовать и попятился следом. Коса так и лежала на полу: прекрасное произведение кузнечного (или какого-то иного) мастерства. И отвратное в своем ужасающем воплощении. Марори казалось, будто одного взгляда на острую кромку достаточно, чтобы порезаться.

— В целом. довольно экзотично. — К Ниму вернулась способность говорить. — Думаю, с этим у тебя будет больше шансов пройти инициацию и заполучить фэлфаэра.

Марори преодолела первый страх: ведь это просто оружие, разве не о нем она просила? — и подняла косу с пола. Та была легче, чем могло показаться. И чем больше девушка смотрела на свой «подарок», тем сильнее проникалась к нему странной, почти болезненной тягой. Что-то в ней зашевелилось, начало медленно выползать наружу. Что-то, чего девчонка никогда раньше не чувствовала: навязчивое желание прямо сейчас пустить оружие в дело. Увидеть, как легко лезвие рассекает плоть и кости, отсекает конечности, купается в фонтанирующей крови.

Образы были настолько живыми, что от них даже пахло смертью, которую она, Марори Милс, подарит всякому, кто встанет у нее на пути.

Из сумасшедшего марева ее вырвал Ним. Эльф потряс девушку за плечо, заставил обернуться, а потом попытался забрать косу. Тщетно и глупо. Марори видела себя словно сквозь сон — мертвой хваткой вцепившуюся в рукоять, оскалившуюся и шипящую на эльфа.

— Мар, по-моему, тебе лучше пока отложить ее, — он благоразумно отступил и больше не пытался отнять у подруги оружие.

Именно его взгляд помог Марори превозмочь обуявшую жажду крови и заставить себя бросить косу. Та с лязгом упала к ее ногам. Голова закружилась, перед глазами все поплыло, словно она преодолела долгий изнуряющий марафон. Если бы не помощь Нима, то так бы и бухнулась рядышком, но эльф успел ее подхватить и отнести в кровать. Он больше не улыбался, наоборот — с каждой секундой хмурился все больше.

— Прости, — прошептала Марори.

Стало невыносимо гадко от воспоминания о себе, той кровожадной твари, которой она была минуту назад. И еще ужаснее становилось от осознания — если бы Ним продолжал настаивать и пытаться отобрать косу, она бы наверняка пустила ее в дело. Даже притом, что ни разу за время подготовительных тренировок не брала со стойки оружие этого типа и не имела ни малейшего понятия, как с ним обращаться.

— Вот тебе и воплощение, — задумчиво протянул Ним. Он присел в ногах кровати и поглядывал на Марори, будто чего-то ждал. — Нужно выяснить, что это такое и из какого угла Хаоса ты его вытянула.

Девушка криво улыбнулась.

— Говорила тебе, лучше бы мы ее не трогали и отнесли в деканат.

— Поверь — после этого каждый день своей жизни ты бы жалела, что так поступила. Я знаю, у меня в таких промашках большой опыт. Когда подворачивается шанс, его нужно использовать. Если дело не касается чего-то слишком сумасбродного и не причиняет вреда твоему личному здоровью.

Легко ему говорить, не знаячи, что творилось в ее сознании. Лучше и не говорить, иначе она рискует потерять единственного друга.

— Ты вцепилась в нее, как полоумная. Видок тот еще. — Ним комично изобразил жадность садиста, сомкнув пальцы на несуществующем древке. — Смерть с косою нервно курит в сторонке.

Он снова нашел нужные слова, чтобы разрядить обстановку.

Вскоре в голове Марори прояснилось, и они принялись за поиски. Коса так и лежала на полу, следя за ними уродливым глазом и роняя на пол тягучую кровь. Которая, кстати говоря, тут же испарялась.

Вездесущие поисковики пичкали их тоннами информации о различных косах, их производителях и особенностяхковки. Около двух десятков выдающихся экземпляров находились на балансе музеев. Некоторые косы удалось найти на фотографиях с телефонов посетителей, несколько в миниатюрах на официальных сайтах музеев. Сотни ссылок вели в интернет-магазины, где продавцы на все голоса нахваливали свой товар.

Интернет ломился от изображений самых невероятных вариаций этого оружия, от самых простых — для любителей «под старину», и до совершенно невероятных, украшенных странными надписями, орнаментами, а иногда и девчачьими фенечками.

Но ничего и близко похожего интернет не нашел. Битых два часа Ним и Марори потратили, изводя поисковики разными вариантами запросов, но без толку.

— Может, оно и к лучшему, — наконец, сдался эльф и откинулся на стуле. — А то

узнала бы, что это коса какого-то всеми Светлыми и Темными проклятого аспида — и кранты.

Он глянул на часы — и быстро засобирился уходить. Марори искала повод уговорить эльфа задержаться (вдвоем изучать страшное оружие не столь жутко), но когда речь шла о его зазнобе, к которой он, несмотря на постоянные отшивания, упорно продолжал подбивать клинья, никакие аргументы не были достаточно вескими.

— Что мне с ней делать? — Марори отчаянно переводила взгляд с эльфа на косу и обратно. Глаз таращился на нерадивую хозяйку с неммым осуждением.

— Сунь под кровать, — предложил Ним, попросил пожелать ему ни пуха ни пера и улетел на крыльях любви.

Марори нехотя закрыла дверь, обошла косу, словно раззадоренную гадюку, и уселась на стул. Какое-то время так и гипнотизировала ее взглядом, будто это могло что-то изменить.

*Некоторые раны никогда не исцелятся, Некоторые слёзы
никогда не прольются*

©Nightwish «The Kinslayer»

— Заявка на инициацию.

Едва зайдя в учебную аудиторию, Марори первым делом направилась к Аситаро и передала ему заполненный бланк. Перед этим она полчаса просидела в канцелярии, перевела три бланка, пока правильно заполнила все поля. Но самым тяжелым оказалось поставить пустяшную галочку в строке о том, что она осознает ответственность за собственную жизнь и здоровье.

Медуза в канцелярии посмотрела на нее из-под спущенных на кончик носа очков и прогундосила, что от нее требуется разрешение родителей. На что Марори предложила проверить дату ее рождения.

— Семнадцать, сегодня, — сухо констатировала медуза, сняла с бланка копию и завершила оба экземпляра печатью.

Семнадцатилетие.

Марори любила отмечать дни рождения. Пока отец был жив, он всегда угождал своей «маленькой девочке» каким-то сюрпризом. То иллюминацию прикрутит, то устроит вылазку в парк аттракционов, а то и вовсе организует поездку за город. После его смерти праздники стали более спокойными и обыденными. Мать любила наготавливать пир на весь мир и созывать всех на караоке. Тогда Марори частенько казалось, что мать просто забывает, что дочь выросла из всего этого. Сегодняшний день показал, что она готова многое отдать, лишь бы получить хоть час того уютного домашнего тепла. Вот уж правду говорят: чтобы узнать ценность чего-то, нужно безвозвратно это потерять.

Утром она несколько раз проверила почту, надеясь найти хотя бы сухое поздравление хоть от кого-нибудь.

И — ничего.

Пришлось устраивать праздник себе самой — написать маркером на зеркале «Не кашляй, Мар!» и пририсовать ниже хохочущий смайлик. Если ее везения хватит, чтобы выйти из Хаоса живой и не с пустыми руками, — это будет лучший подарок. Остальное ерунда, если мыслить в глобальных масштабах.

Косу она действительно запихнула под кровать, но утром пришлось перебороть себя и достать ее. Для инициации ей нужно настоящее оружие, не заколдованное на смертельный урон. Это одно из главных условий. А ничего другого у Марори не было. И именно с «подарком» ей предстоит поднатореть, чтобы в назначенное время по глупости не отхватить себе ногу или руку.

Странное дело, но в этот раз ничего не произошло. Совсем. Глаз по-прежнему паялился на новую хозяйку и ронял кровавые слезы, но никакого помутнения рассудка не произошло. Девушка перевела дух и понеслась на занятия.

Аситаро нарочито дотошно вычитал каждую строчку, потом спросил, есть ли у нее оружие. Как будто не видел внушительных размеров косу в ее руках. Она ответила коротким:

«Есть», ничего не уточняя.

— Ты же не умеешь с ней обращаться, — он скрестил руки на груди, глядя на нее будто на грязь, которую никак не обойти и в которой придется испачкаться. — Тебе самой не смешно?

— Нет, — спокойно ответила она и улыбнулась. Марори давно заметил, что ее подчеркнутая беззаботность, пусть и показная, выводят Аситаро из себя.

Ну вот, так и есть. Он поджал губы, прищурился.

— Отнесу твою заявку Магистру, простокровка. Надеюсь, скоро ты избавишь нас от своего существования.

— Я больше не простокровка, — парировала она, продолжая улыбаться. — Ты болтаешься в хвосте жизни, где-то в районе ее задницы, и ничего дальше своего носа не видишь.

Получилось на удивление естественно, хоть накануне она долго тренировалась перед зеркалом, как и что говорить темному эльфу, если вздумает ее заедать: убийственно пренебрежительно и легко. Марори твердо решила больше не позволять Аситаро портить себе жизнь. Теперь она одна из них, и ему придется смириться с этим.

Эашу бесшумно подкрался сзади, повесился девушке на плечо.

— Моя цыпочка теперь проклятокровка, — промурчал он. — И вон, с какой большой твердой штукой, ушастый. Не спорь с ней, а то накостыляет так, что мамочка не узнает.

Аситаро распалился, это было видно по вздувшейся на его шее бешено пульсирующей вене. Марори выдержала эту безмолвную лавину ненависти.

— Если у тебя больше нет вопросов, я вернусь на свое место, — сказала она, радуясь присутствию Эашу. Все-таки Аситаро остерегался проявлять к ней открытую враждебность рядом с сокурниками.

— Вопросов нет, есть пожелание — чтоб ты сдохла и перестала портить вокруг меня воздух.

Марори пожала плечами. Слова задевали ее, пугали, шокировали, но она держалась. Было не по себе слышать открытое пожелание смерти, но и к этому, если понадобится, она привыкнет.

— Ты стала еще вкуснее пахнуть с тех пор, как стала моей подружкой, — сладко улыбаясь, сообщил инкуб. — Ставки на нас растут каждый день.

Она заставила себя улыбнуться.

— Цыпочка, ты же понимаешь, что с таким выражением лица обо мне будут думать всякую ерунду? — Он чуть отвел в сторону волосы от ее уха и прошептал претензию куда-то в ямку между шеей и плечом. — Не хочу, чтобы все думали, будто я держу тебя в черном теле.

— Прости, мне немного. не до того.

— Ты в доле, цыпочка, — напомнил он, все крепче и крепче притягивая Марори к себе, — поэтому не воображай себе, что стараться буду я один.

Девушка виновато, но честно призналась, что иногда просто забывает об их договоре.

— Ты рискуешь остаться без подружки еще до того, как твой. наш тотализатор начнет приносить доход, — нервно пошутила она.

— Ты об инициации? — Инкуб отмахнулся, будто речь шла о чистке зубов. — Моя цыпочка полна сюрпризов, и, если ей немножко помочь, — она горы свернет.

И подмигнул змеиным глазом.

Марори моргнула. Это что за намеки?

— Эашу, это твой подарок? — в лоб, чтобы не мучиться догадками, спросила она.

Инкуб с отвращением покосился на косу. С очень неподдельным отвращением.

— Обычно я дарю своим девочкам цветы, конфеты и игрушки, — сказал он.

— Обычно, но. — не унималась она.

— Ты точно хочешь услышать, что я дарю в пикантных случаях? Цыпочка, ты мне нравишься, но подначивать и заставлять тебя краснеть куда веселее, чем просто трахнуть. Ты такая прикольная, когда смущенная и бешеная одновременно. Так что, — он чмокнул воздух около кончика ее носа, — только цветы и конфеты.

Значит, не он.

После занятий ее задержал Аситаро. Сквозь зубы процедил, что ее заявка подписана, и назвал дату, когда ей необходимо явиться в Зал двенадцати. Больше ничего не сказал, но Марори заблаговременно выудила из интернета, книг и Нима всю необходимую информацию. Для допуска кандидату на испытание необходимо иметь при себе оружие, комплект формы для полевых практических занятий и специальный флакон с собственной кровью для привязки фэлфаэра. Флакон можно купить у студентов Пятого круга — дешевле, чем в магазине.

Темный эльф сделал пару организационных объявлений и первым покинул зал. Когда засобирались остальные, Марори набрала в легкие побольше воздуха и, наконец, отважилась совершить задуманное.

— Эй. — позвала она топающих к двери однокурсников.

Слова остались без внимания. Эашу доставал Дагана каким-то разговором, гаст как всегда был себе на уме, а Кулгард и раньше головы в ее сторону не поворачивал.

— Мужчины! — громко и четко позвала она.

Сработало. Все четверо оглянулись, привлеченные ее голосом.

— Девушка просит вашей помощи. Я тут всем как кость в горле, знаю, но одной мне ни за что не справиться на инициации. Мне очень страшно и стыдно за этот страх, но даже если мне на роду написано погибнуть — я хоть постараюсь подергаться перед смертью.

Удивительное дело — проклятая кровь. Нужна всего пара ее капель, чтобы перестать прятать голову в песок, перестать подставлять шею под тумачи и набраться смелости сказать, что ей нужна помощь.

Первым, кто хоть как-то отреагировал на просьбу о помощи, оказался. Кулгард. Он молча вернулся, повертел в руках ее косу. Выглядел при этом сосредоточенным.

— С такими цацками Ниваль лучше меня умеет обращаться, — изрек он.

Марори упала духом. Первый отказ, за которым наверняка последуют другие. Она ожидала чего-то подобного, морально готовилась быть посланной по известному направлению, но все равно было обидно.

— Могу помочь с защитой, — задумчиво разглядывая ее всю, предложил Кулгард. — При условии, что ты подкачаешься, а то на тебя смотреть страшно — кожа и кости. Техника без мышцы — ничто. Тебя и кролик одолеет. Я могу кое с кем перетереть, раздобыть парочку крепких зелий для ускорения процесса. Но выкладываться придется на двести процентов.

От удивления Марори даже рот раскрыла. Видок, наверное, тот еще, потому что даже у вечно угрюмого демона уголки рта поползли вверх. Она не успела опомниться, когда рядом оказался Ниваль.

— Шикарная игрушка, — сказал он, с нежностью поглаживая древко косы. И расплылся в улыбке, будто любовался обнаженной натурой. — Вещь с характером. — Потом снова нацепил скучающую мину и посмотрел на Марори. — Не уверен, что сможешь ее подчинить.

— Я смогла, — торопливо ответила она, — то есть, думаю, что смогла.

— Ладно, позанимаюсь с тобой, — согласился он, при этом излучая обреченность, будто его принудили под лезвием гильотины. — Но с двумя условиями.

— С какими?

— Не ныть, не просить поблажек, пахать. И рассказать мне, где ты раздобыла это совершенство.

— Договорились, — не раздумывая, согласилась она. Следом отозвался Даган.

— Я тут подумал, что так привык видеть твою обреченную мордочку на занятиях, что ради этого готов показать тебе парочку фирменных приемов. А то, знаешь, не люблю, когда что-то часто меняется.

Эашу как обычно змеем просочился к ней, обвил своими загребущими руками и водрузил голову на плечо.

— А после того, как эти чурбаны тебя измотают, я с радостью сделаю моей цыпочке массаж с благовониями и помогу расслабиться самими естественными способами.

Марори рассмеялась и в шутку щелкнула его по носу. Теперь-то она знала, что за его угрозами ничего не лежит, и эти ужимки — всего лишь часть роли. Хотя мысль о массаже оказалась на удивление приятной.

Эашу фыркнул, как обиженный кот.

Сами того не зная, они сделали ей лучший подарок ко дню рождения.

Следующая неделя пролетела, как один миг. Точнее сказать, она зациклилась на подготовке, как в автоматизированном процессе: учеба, тренировки с Кулгардом, который сперва учил ее двигаться и уходить от атак, а потом истязал на силовых тренажерах в спортивном зале, в котором вечно яблоку негде было упасть от количества студентов. Заодно она раззнакомилась с доброй половиной из них. Кулгард в среде «качков» был авторитетом, с ним советовались, к его мнению прислушивались. Таким образом, Марори получила не только хорошего неумолимого тренера, но и статус «под опекой Кула», что оградило ее от большей части нападков. Кроме того она незаметно для себя завязала приятельские отношения с другими студентами, потому что, как сказал один из них: ничто так не сближает, как протеиновый коктейль и понимание, что слова «доползти до комнаты после тренировки ног» — никакая не шутка.

— Спасибо, что не поставил на мне крест, — сказала своему рогатому тренеру Марори после очередной тренировки. — Если бы не ты.

Кулгард перебил ее.

— Штанга — великая сила, — изрек он. — А ты не ноешь. Величайшая похвала от него.

— Кстати, вот. — Он потихоньку протянул ей небольшую, размером с мизинец, стеклянную бутылочку, больше похожую на пробирку для сбора крови из ассортимента Ирри Данва. Судя по взгляду, это не то, что следует светить для непосвященных глаз. Ничего не понимая, Марори схватила бутылочку и быстро спрятала в боковой карман спортивной сумки.

— Пара капель утром в чай или в то, что ты там пьешь по утрам. Пара капель, — выразительно повторил Кулгард.

— Что это?

— Небольшое подспорье, чтобы ты стала сильнее.

— Типа. допинга?

Кулгард поморщился так, словно ему под нос сунули кучу экскрементов.

— Это то, что некоторые считают залогом силы проклятокровных. Только концентрированное и синтезированное. Секретная разработка. Впрочем, можешь не пить, — он пожал плечами, — тебе виднее, готова ли ты немного. схитрить ради достижения цели.

— Готова, — твердо сказала она и, подавшись порыву, крепко обняла Кулгарда. — Спасибо. В ответ он хмыкнул, похлопал ее по спине и выпроводил к ее следующему «учителю».

После тренировок с Кулом приходил черед Ниваля. С гастом все было гораздо сложнее. Про таких говорят: талант к педагогике отсох на корню. Точнее, его не было даже в зачаточном состоянии. Однако Марори приспособилась. Потому что выхода не было. Ниваль не любил объяснять, как и что делать, он действовал по принципу: «Смотри, как делаю я, запоминай и повторяй». И она повторяла. Заодно научилась быть внимательной к самым мелким деталям.

— Оружие не любит аморфности, — любил говорить гаст. — Есть азы, которые нужно знать, чтобы двигаться дальше. Без этого хана. Но потом, когда они отточены и выучены, начинаетсяковка собственного стиля. Даже в точности повторяя за мной, ты все равно делаешь по-своему. Если будешь бездумно копировать — не научишься чувствовать бой. Это тебе не ядологию зубрить, — прищелкнул он языком.

Последним был Даган, который при близком знакомстве оказался любителем хорошо поесть и пообсуждать компьютерные игры. Ради такого дела Марори даже договорилась с кухарками, чтобы те, в обмен на помощь с мытьем посуды, допускали ее до плиты. Пригодились материнские уроки домашней выпечки, которым девушка раньше не видела места в своей жизни. Однако запеченный в острую сдобу цельный кусок мяса показал, что известная поговорка верна и в отношении дьяволов. Даган, распробовав угощения, не уставал нахваливать в ней стряпуху. В конце концов, Марори пришлось заставлять его сначала отзаниматься с ней положенное время и только потом со спокойной совестью трескать угощения. А еще они нашли много компьютерных игр, которые были обоими одинаково любимы.

— Ты серьезно прошла «Проклятого» на хардкоре?! — удивлялся он. — А кем играла? Какой билд? Черт, я с Серыми сестрами ни хрена сделать не могу, выносят меня с двух ударов.

Кончилось тем, что дьявол требовал с Марори приход в гости и наглядную демонстрацию.

— После инициации, — добавил он и дал ей символическую пацанскую затрещину. — Так что попробуй только облажаться.

А в середине второй недели, перед самым началом занятий, Аситаро сообщил, что в Дра'Мор снова проникли небеснорожденные «засранцы» и что Крэйлу крепко досталось. Почему именно ему, темный эльф не уточнял, но, судя по отсутствию удивления на лицах остальных, им-то причина была хорошо известна. И хоть отношения с однокурсниками наладились, Марори не стала рисковать и лезть с расспросами.

Сразу после этого инцидента Дра'Мор наводнили дознаватели и члены следственной комиссии от небеснорожденных. И те, и другие всюду совали свои носы, прямо с пар или в вечернее время вызывали студентов на допросы и пытались уличить во лжи. Марори ходила

сама не своя. Она совсем иначе взглянула на события двухнедельной давности. Кстати пришлось и слова Эашу о том, что она не осознает всех последствий.

И девушка не нашла ничего лучше (или глупее?) чем во всем признаться. Для начала — своим однокурсникам. Неправильно замалчивать свою вину, когда остальных дра'морцев изводят почему зря.

— Я должна была сказать, но испугалась, что меня исключат. Вот.

По идее, признание всегда приносит облегчение, но стало только хуже.

— Я ее прикрыл, — со спокойствием удава заявил Эашу, хотя в своей истории Марори о его присутствии намеренно не упомянула. — Потому что посчитал это правильным. И до сих пор так считаю. Не факт вообще, что это те же самые парни. У Крэйла есть куда более серьезные проблемы, чем студенты с обостренным чувством мести.

Никто от нее не отвернулся, а Даган вообще признался, что постоянно теряет свой пропуск, и, если бы не его высокая успеваемость, — его бы давно выперли. Марори же решила, что пора, наконец, отыскать неуловимого шанатара и выяснить, что с ним случилось, чтобы успокоить совесть.

Оставалось одно «но»: как поймать Крэйла, если он даже из лазарета исчез? Судя по словам темного эльфа, шанатара туда доставили еле живого, буквально на руках принесли, потому что идти самостоятельно он не мог.

И она не придумала ничего лучше, чем пойти к нему самой, буквально сесть под дверь его комнаты и ждать, пока он не объявится. Еще и записку под дверь подкинуть, мол, хочу заключить с тобой договор на душу. Чистейшая профанация, конечно, но ничего лучше не придумалось.

Измученная после тренировок и прогулки с Кусакой, который по-прежнему не желал ее слушаться, Марори едва доползла до комнаты, которая значилась за студентом Крэйлом Шаэдисом. Заранее подготовленная записка скользнула под дверь, сама девушка с учебником уселась на пол.

Час спустя, когда стрелки на часах показывали четверть после полуночи, за дверью раздалась какая-то возня. Достаточно отчетливая, чтобы Марори сморгнула сонливость и, что есть силы, забарабанила в дверь.

— Нам нужно поговорить! — громко и внятно прокричала она. — Я буду надоедать тебе всю ночь, если придется. Нам почему-то нельзя быть рядом, и я хочу знать почему. Я знаю, тебе что-то известно! Возможно, мы можем.

Дверь так резко распахнулась, что Марори буквально кубарем вкатилась в комнату. В ноздри ударил приторный горький запах. Всюду на полу виднелись уродливые темные пятна, в одно из которых она как раз угодила рукой — влажное, вязкое, не разглядеть в полумраке, что оно такое. Девушка медленно поднялась с колен, повернулась — и заткнула руками крик.

Она видела не лицо — маску, изготовленную из черепа какой-то длинноносой птицы. Кость пожелтела от старости, пошла трещинами, из темных глазниц неправильной формы на Марори смотрели ртутного цвета глаза. Из-под рванья одежды шанатара свисали грязные бинты. Сгорбленная фигура медленно шла на нее.

— Хочешь знать, почему мы такая гремучая смесь? — прохрипел он.

Девушка сразу пожалела, что опрометчиво решила, будто сможет взять его нахрапом. Но отступить уже некуда: дверь захлопнулась, а единственное в комнате окно намертво заколочено досками.

— Да. И я хочу знать, что с тобой. случилось.

— Зачем?

— Возможно, я. Может быть... — Она так и не нашла сил признаться. Он продолжал напирать.

Кончилось тем, что она спиной уперлась в стену. Путь назад заказан, теперь стоять насмерть.

— Вынюхиваешь? Ненавижу тех, кто вынюхивает. Они обычно плохо кончают.

Он сказал это тихо-тихо, но Марори почувствовала неприкрытая угроза. Светлые всемогущие, какого лешего ее дернуло лезть на рожон? О чем она только думала?!

— Что с тобой случилось? — в лоб повторила она. Как загнанная в угол мышь, которая от безысходности кидается прямо в морду кота, надеясь шокировать и выиграть шанс на побег.

Марори мало что видела за маской, но могла биться об заклад, что собеседник хищно оскалился.

— Пришла сунуть нос не в свое дело?

— Да, потому что те светлокровные попали в Дра'Мор по моему пропуску. Скорее всего. Его у меня украли, а потом подбросили под дверь. Тогда я никому об этом не рассказала — испугалась, что меня исключат. Если бы знала, что из-за моего вранья пострадают другие, я бы никогда. — Она осеклась, вспомнила разговор с инкубом и как умоляла его подтвердить ее оправдание на случай, если делу с пропуском дадут ходу. — Эашу предупреждал, что мое вранье может кому-то дорого стоит. Я струсила. И теперь мне очень стыдно.

Совершенно никудышное оправдание. Стоило увидеть его обшарпанную фигуру, услышать каркающий голос — и весь ужас собственной промашки с громким треском обрушился ей на голову.

— Если я скажу, что ты тут ни при чем? Что ты слишком много мнишь о себе. Ты обычная сопливая девчонка-заучка. — Теперь он откровенно издевался. — Простокровные даже оправдания стоящего придумать не в состоянии.

— Я больше не простокровка! — выпалила она. Уставилась в обожженные глаза за костяными глазницами маски и твердо заявила: — Ты бы знал это, если б хоть иногда интересовался происходящим вокруг тебя.

— Меня не интересуют занятия, не интересует твоя жизнь. Только то, что вот здесь.

Он рванулся к ней. Стремительно, молниеносно. Просто на секунду как будто выпал из реальности, растворился — и вдруг возник прямо перед ней. Сухая забинтованная рука в ошметках драной одежды хватанула ее за шею, упала ниже. В грудь просочился холод. Марори попыталась вздохнуть — и не смогла. Хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, а шанатар будто забирался ей под кожу — туда, где бешено колотилось сердце.

— Если бы ты только могла.

На миг в его голосе проскользнуло что-то настолько обреченно-грустное, что Марори, сама того не понимая, заплакала. Слезы просто покатались по щекам, как будто в ее мозгу перегорел какой-то контролирующий эмоции предохранитель. Она медленно, подчиняясь внутреннему импульсу, подняла руку — и одним резким движением сорвала маску с его треклятого лица.

Крэйл зашипел, как ошпаренный святой водой призрак, отпрянул, глядя на нее с убийственной ненавистью.

Он выглядел как изможденный старец. На сухом лице даже морщин не было — так плотно обтянула череп бледная прозрачная кожа. Тонкие истрескавшиеся губы кривились в хищном оскале, а немогущая шея норовила вот-вот надломиться. Шанатар казался игрушкой, которую ничего не стоит сломать. Удивительно, как он до сих пор передвигается — и ведь довольно быстро, в чем она только что убедилась. Если бы не яркие, полные злобы ртутные глаза, она бы приняла его за восставшего из могилы мертвеца.

— Довольна? — прошипел он. Маска-череп валялась у его ног, и Крэйл, кряхтя и ругаясь, нагнулся, чтобы ее поднять. Но возвращать ее на место не спешил, будто предлагал незваной гостье насладиться плодами своего любопытства.

Марори вспомнила разговор на собрании Хранителей. Кажется, они говорили о том, что молодого Шаэдиса отлучили от живой крови. И теперь он умирал. Медленно и мучительно. Девушка своими глазами увидела, каково это — быть живым мертвецом.

— Крэйл. Мне так жаль.

— Это не твое дело. Я сказал, что свой шанс ты уже упустила, так что убирайся!

Крэйл схватил ее за руку, поволок к двери и бесцеремонно вытолкнул вон.

— Если вздумаешь прийти сюда еще раз — я нарушу запрет, — прокаркал он и, как голодный пес, обнажил острые идеально-белые клыки.

Дверь с грохотом захлопнулась.

*Покончи с этим, Довольно страданий, Хватит пустых
обещаний,*

*Тебе придется найти свою правду И принять ее! Покончи с
этим, Довольно унижительных извинений. Тебе придется Отрастить
свои пока слабые крылья*

Хотя бы на один день...

© *Lacrimosa — Make It End*

— Сегодня каждый из вас лицом к лицу встретиться с Хаосом, со своей судьбой, страхами и трусостью. И заглянет в глаза смерти.

Такими словами декан Блейк Корган начал свою вступительную речь на открытии традиционного обряда Инициации.

Марори, как самую мелкую, девчонка покрупнее и понахальнее вытолкала вперед, а сама заняла ее место. Кандидатов на инициацию было девять. Восемь новичков с Первого круга потрошителей и она — вынужденная третьекурсница. Место, где проводилось «торжество», находилось глубоко в подземельях Дра'Мора. Сначала кандидатов и их старост — а, точнее, одного старосту, потому что Аситаро, ожидаемо, не явился — собрали перед центральной башней, пересчитали по головам, проверили, все ли документы в порядке. Староста дал последние наставления. Марори стояла в сторонке и делала вид, что знает все и без наставлений. Что отчасти было правдой: Кулгард и Даган поделились своими воспоминаниями и дали пару советов, а Ниваль сказал, что от всего этого толку чуть и значение имеет лишь то, как быстро она сможет одолеть фэлфаэра. Эашу, как строгий учитель нерадивой ученице погрозил ей пальцем и сказал, что ждет ее вечером у себя для празднования инициации.

В общем, ни один из них не выразил открытого ободрения, но Марори чувствовала их поддержку. Скупую, но искреннюю. Последним, уже утром, был Ним. Ни свет ни заря он появился на порог ее комнаты, весь запыхавшийся и потрепанный, как после бессонной ночи. Глаза сияют, губы припухли, как у зацелованной барышни. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — с зазубой дело сдвинулось с мертвой точки. Ни слова ни говоря, Ним всучил ей какой-то порядком потасканный коготь на кожаном ремешке.

«Мой талисман, на удачу, — серьезно заявил он, потом нахмурился и добавил: — Я сам его заколдовал. Три недели убивался, но вроде получилось. Я испытал».

Марори хихикнула и в свою очередь сказала, что по нему видно, как именно он его испытывал. А потом торжественно нацепила амулет на клейменое запястье.

После формальной части новичков передали Мастеру Тарну — первому среди преподавателей практического владения холодным оружием. Марори никак не могла определиться со своим к нему отношением. С одной стороны, он был строг, но справедлив, умел донести суть того или иного движения, поставить шаг или выпад, и всегда проявлял достаточное терпение. С другой стороны, в большинстве случаев все это на нее не распространялось. Мастер Тарн всего дважды обращался лично к ней: первый раз, когда Марори чуть не сшибла его с ног, и тогда она узнала, что не только профессор дохляк умеет

испражняться ругательствами на головы студентов. И второй, когда явилась на занятие с новенькой косой. Его интересовало, откуда у такой нерадивой студентки столь замечательное оружие. На что Марори ответила то же, что и остальным: это ее собственность, прежде всего, остальное не имеет значения.

— Сегодняшняя инициация кому-то из вас может стоить жизни, — сказал Мастер. Он стоял перед студентами, заложив руки за спину, расслабленный и одновременно напряженный. — Все вы были предупреждены об этом до того, как подали заявки. Тем не менее, я должен еще раз напомнить, потому что как только мы приступим — никто не сможет выйти за пределы Круга. Подумайте, готовы ли вы пожертвовать жизнью ради того, чтобы подтвердить свое право называться Потрошителем. Я знаю, что некоторые из вас думают, будто преподаватели нарочно напускают страха, чтобы проверить ваши нервы.

Так вот — чушь собачья! — Он шагнул вперед — так, чтобы заглянуть в глаза каждому из студентов. Мастер остановился около Марори, впери в нее строгий взгляд. — Некоторые из вас самонадеянно полагают, что достаточно подготовлены. Предлагаю им вышвырнуть свои розовые очки и трезво оценить реальность.

«Зря надеешься», — мысленно ответила ему девушка.

Она так долго морально измывалась над своей смелостью, что, в конце концов, заставила себя поверить, что сможет. И вера эта настолько окрепла, что сломать ее сейчас означало бы сломаться самой навсегда. Она — проклятокровная, она — нильфешни, и она имеет такое же право находиться здесь и испытать себя, как и остальные.

Не дождавсь ответа, Мастер огласил начало инициации.

Участникам дали веревку — одну на всех. Каждый должен был взяться за нее, чтобы в итоге получилось что-то вроде ожерелья из человеческих и не совсем человеческих тел. Потом им завязали глаза. Послышался пронзительный скрежет камня о камень, повеяло холодом.

Их куда-то повели.

Они долго спускались по бесконечно длинным и крутым ступенькам. Марори регулярно спотыкалась, один раз чуть не завалила всю процессию. Идущий следом горгуль выругался на ее неуклюжесть. Потом были почти горизонтальные переходы, наполненные запахами сырости и соли. Где-то высоко над головой отчетливо слышался звук падающих капель.

А потом процессия резко остановилась. Настолько резко, что Марори с размаху клонула носом спину идущего впереди. Тот шикнул, выплюнул какое-то нелицеприятное слово. В неведении, с завязанными глазами, она чувствовала себя рыбой, которую несут на сковородку, но которая продолжает думать, что ее выбросят обратно в реку.

Над головами студентов пронеслось: «Круг нарушен». Что это может означать?

Марори не успела над этим поразмыслить, с ее лица сдернули платок. Сначала все было черным, потом из темноты проступили оттенки серого, и она увидела стоящего перед собой Мастера Торна. В одной его руке был меч, в другой — пылающий синим камень. Обычный кусок гранита, кое-где покрытый мхом, но его буквально разрывала бушующая внутри стихия. Остальные студенты рассредоточились по залу, в центре которого пылала точно такая же синяя стихия. Казалось, саму землю рвет чем-то чужеродным, только и ждущим подходящего момента, чтобы сломить связывающие ее оковы.

— Айра, — Мастер поднял руку, — боюсь, ваше присутствие в сложившихся обстоятельствах подвергнет жизни других студентов неоправданному риску.

И прежде чем Марори успела опомниться, он обрушил осколок ей на голову.

Мир вспыхнул синим и погас.

Девушка пришла в себя на полу, в крошечной темноте. Голова раскалывалась. Она с трудом села, пошарила вокруг, с облегчением обхватила древко косы. Когда глаза привыкли к темноте, Марори поняла, что находится в том же зале, только на этот раз нет ни синего пламени, ни студентов, ни Мастера Торна. Только разбросанные вокруг осколки камней и забрызганные чем-то темным стены.

Она поднялась, используя оружие в качестве опоры. Ноги дрожали. На голове, в том месте, куда ударил Мастер, запеклась кровь. Даже невесомое прикосновение разбередило уснувшую боль, от которой перед глазами запасали черные точки. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть и подождать, пока приступ утихнет, прежде чем решать, что делать дальше.

Что они говорили перед тем, как все пошло не так?

Круг нарушен.

Так, а теперь нужно попытаться вспомнить, что это означает. Круг — место, в котором создается временный разрыв для того, чтобы иницилируемые студенты могли попасть в Хаос. И чтобы держать разрыв под контролем используются одни из сильных печатей. Печати наносили на большие округлые камни и располагали те на идеально равном расстоянии друг от друга по всему периметру Круга.

Разрушить Круг невозможно. Вернее, делать этого ни в коем случае нельзя, потому что последствия этого непредсказуемы. Губительны.

Марори сложила пальцы, вытягивая из не-Материи простейший Свет. Одна из первых материализаций, которая ей удалась на практических занятиях. Пламя затанцевало на ладони, освещая зал.

Судя по расположению рунных камней, Круг занимал большую часть зала — но Марори стояла за его границей. Изредка в пределах границ появлялись неясные тени: силуэты то ли людей, то ли существ. Девушка шагнула ближе, чтобы рассмотреть их получше, и тут же чуть не угодила в распахнувшуюся перед самым носом аномалию. Сгусток пустоты возник из ниоткуда. Он проник в Круг и некоторое время блуждал по нему, то собираясь в оформленный шар, то расползаясь, словно сбитый с толку рой пчел. Он будто выискивал подходящую по размеру брешь и остановился, когда нашел такую. Вытянулся, пытаясь протиснуться в невидимую трещину, но не успел — одна из теней материализовалась и шагнула к нему, с размаху полоснула мечом.

Мастер Торн! Он выглядел так, точно вывалился из жестокого сражения: остатки некогда красивого кожаного доспеха заливала кровь, одна щека рассечена до самого подбородка, вторая обезображена свежим ожогом.

Сгусток беззвучно рассыпался надвое. Торн секунду смотрел на Марори, а потом растворился, как будто и не существовал.

Пламя в ее ладони погасло, и создать новое получилось только с третьей попытки. Девушка не видела, но чувствовала тяжесть, которая расползалась по стенам ритуального зала. И именно она блокировала попытки использовать не-Материю.

Когда новое пламя озарило помещение, Марори ошарашено уставилась на смотрящего на нее призрака. Он замер на расстоянии касания: белесая сущность, вся в колючках, израненная собственным капающим с них ядом. Взгляд, полный жаждой крови, уперся в нее, пасть распахнулась в немом крике. Призрак протянула руки, но наткнулся на невидимую преграду. Он попытался снова — и снова безуспешно. Марори попятилась. Нельзя бояться.

Страх — худший враг. Нужно трезво оценивать свои шансы, чтобы не умереть дурацкой смертью.

Круг разорван. Другие студенты и Мастер вошли в него. Зачем? Ее оставили потому что посчитали слабым звеном? Плевать. Даже она может оказаться полезна. Например тем, что прямо сейчас побежит и позовет на помощь всех, кого нужно.

Марори ринулась к лестнице. Голова разрывалась на части, ноги не слушались. Плевать. Нужно бежать как никогда быстро, потому что ее промедление может стоить кому-то жизни. Один пролет, другой. С каждым шагом дыхания становилось все меньше. Она хватала воздух ртом, запрещая себе останавливаться. Горло жгло, каждый вдох ранил гортань.

Еще немного.

Она выбежала в просторный коридор, заполненный светом факелов. И остановилась. Куда дальше? Студентов вели с завязанными глазами, потому что им не полагалось знать, где расположен ритуальный Круг. Слишком опасное знание, слишком сильно искушение сунуться в Хаос и попытаться выискать фэлфаэра посильнее, взамен уже существующего. Ниваль рассказывал, что два года назад, когда они сами были зелеными новичками, студент Четвертого круга попытался разбередить брешь в Хаос. Только из-за его неумения дело не приняло действительно трагический оборот. Кончилось тем, что драморца буквально по кускам соскребали со стен. Двух его товарищей, которые должны были держать брешь под контролем, вообще не нашли. Но никто за пределами тайного зала не пострадал.

Марори попыталась вспомнить весь путь на инициацию от начала до конца. Откуда они пришли? Как будто повернули налево, значит. Она метнулась вправо и обреченно застонала. Четыре прохода и четыре коридора — одинаковые, как близнецы. Проклятье!

За спиной раздалось шипение. Она среагировала быстрее, чем могла и помыслить. Перехватила косу двумя руками, отпрянула в сторону, заняла защитную стойку. Так она сможет держать противника на расстоянии.

Никого.

Но в воздухе отчетливо ощущается колебание. Какое-то движение. Ветер? Нет, вряд ли. Как будто кто-то невидимый ходит перед самым носом и никак не решится обозначить свое присутствие. Вот воздух потянуло чуть вправо — Марори потихоньку развернулась следом. Снова шипение. Она почти наугад, на звук, полоснула косой и тут же сместилась, меняя стойку, готовая в случае необходимости с равной вероятностью атаковать и обороняться.

И враг обозначил себя.

Она вывалилась из щели между мирами, что разодрала плоть реальности: утопающая в складках собственного жира огромная личинка с раззявленной пастью и сотней лап, каждая из которых оканчивалась серповидным когтем. Тварь с влажным хлюпаньем упала на пол и отползла на некоторое расстояние, полосую тишину скрежетом стальных лап. Лоснящаяся жиром шкура была идеально гладкой и чистой, без намека хоть бы на царапину. Личинка развернулась — вальяжно, словно королева на смотре. Совсем не так, как положено бы двигаться в схватке с сильным противником.

Марори облизала сухие губы. Это что же, тварь собирается с ней играть, точно кошка с мышью? Ну и ладно, это можно использовать с пользой для себя. Если тварь потеряет бдительность, разобраться с ней будет проще. В теории, конечно, но другого плана у Марори не было. Нужно притворяться, нужно вызвать удар на себя, заманить фальшивой слабостью. И когда треклятая личинка попытается ее сожрать — она покажет, что даже беззубая жертва может огрызнуться.

Девушка сделала несколько нарочито неуклюжих попыток атаковать. Хотя, если честно, не все из них вышли наиграно паршивыми. Одна так уж точно натурально поганой. После серии выпадов Марори «неудачно» приземлилась на ногу, из-за чего ее повело в сторону. Девушка взмахнула руками, будто пыталась удержать равновесие. Личинка тут же атаковала в ответ.

Ничего подобного Марори не ожидала. Тварь поднялась над ней половиной корпуса, а ее лапы-серпы заработали слаженно и споро, словно адская овощерезка. Вот только овощем предстояло стать девчонке. Она было отпрыгнула, разрывая расстояние, но на деле оказалось, что при желании тварь может двигаться ничуть не медленнее ее. А с учетом перевеса в оружие — так дело и вовсе попахивало бедой.

Марори с трудом уходила от ударов — парировала, уклонялась, блокировала. Один из последних полоснул ее по плечу. Девушка непроизвольно охнула. Нет, она не позволит разделать ее, будто какую-нибудь закуску!

Почувяв первую кровь, личинка продолжила натиск. Серпы мелькали над головой, у груди, норовили подрубить ноги. Марори билась изо всех сил. Тело работало почти без участия мозга, в дело шли все навыки, что девчонка успела получить на тренировках. Проклятье! Как же мало было этих тренировок!

Личинка приперла жертву к стене. Взгляд Марори скользнул по пылающему в держак факелу. Тварь зашипела, разбрызгивая вокруг себя зловонную слюну, вспахала лапами-клинками стену в том месте, где только что была голова девушки. Новая атака — на этот раз коготь вспорол крутку на груди. Ткань лопнула, предательски гостеприимно разошлась в стороны.

Но это стоило того, потому что Марори добилась своего — перебросила косу в свободную руку, выхватила факел и с остервенением ткнула им личинке в самую пасть. Воздух наполнился смрадом, как если бы в огонь бросили свежую дохлятину. Личинка шипела и пятилась, пятилась и шипела. Лапы-серпы бесцельно колотили воздух, жирное тело покрылось судорожной рябью.

— Больно, да?! — Марори выплюнула всю злость прямо в горящую морду и пустила в ход оружие.

Коса рассекла личинку надвое — легко, непринужденно. Еще один замах, чтобы наверняка. Ровные полосы обозначили места ударов. Куски тела отслоились друг от друга, обнажая гнилые внутренности. Спустя несколько секунд они уже расплывались по полу уродливыми серыми лужами.

Марори перевела дух и тут же вскрикнула, скорчилась в приступе боли. В ладони шаровая молния взорвалась, волосы встали дыбом. Глаз в рукояти косы дрожал, словно собирался вырваться из стального плена. Его зрачок раскалился, а лезвие стало сперва красным, потом почернело, ощерилось зазубринами. Но что самое поганое — пальцы точно приморозило к древку — не отпустить. Что-то вторгалось в нее, просачивалось под кожу, разбегалось по телу с током крови, проникало в самое нутро, распаяло и заводило. Марори с трудом держалась на ногах, но ничего не могла противопоставить в ответ. Только с ужасом понимала, что уже чувствовала все это раньше. В тот день, когда впервые взяла косу в руки. Оружие точно так же пыталось подчинить ее своей воле, как будто оно — главное, а она лишь необходимый инструмент, придаток. С ужасом девушка видела, как ее собственные пальцы вытягиваются, ощериваются когтями, как по тыльной стороне ладони ползут вспухшие вены.

— Хватит! — рывкнула она что есть силы. — Ты будешь подчиняться!

Глаз исторг сноп белых искр, древко накалилось добела, но Марори продолжала держать его. Держала и плакала от боли, скрипела зубами, но сопротивлялась.

И коса покорилась. Лезвие спрятало «зубы», древко вновь стало холодным, лишь лезвие так и осталось угольно-черным, испещренным кровавыми шрамами. Марори не знала, откуда пришло понимание, но была уверена — больше такого не повторится. Она доказала, что способна удержать и получила право владеть.

Вот только сил не осталось даже на то, чтобы улыбнуться собственной смелости.

Что дальше? Она собиралась сделать шаг, а вместо этого повалилась на колени, как стреноженная лошадь. Кровь из плеча струилась по руке. Девушка оторвала болтавшийся на лоскутах рукав, с горем пополам забинтовала порез. А когда подняла голову, наткнулась на три пары смотрящих на нее глаз. Ссмотрящих из пустоты.

Да что же они, так и будут лезть из ниоткуда?!

Глаза качнулись на начавших проявляться головах. черепах, лишь немного обтянутых ярко-алой плотью. Марори сглотнула, поползла назад. Встать она не успеет, хоть расшибись. Никто бы не успел. Трое обрели очертания: туши мяса, утыканного костями. Или наоборот — нарощее на кости мясо? Кое-какие гнилые доспехи с большими прорехами, остатки шлемов и щитов. Как будто злой гений сгреб все, что отыскал в старой могиле, сформировал подобие воина и вдохнул жизнь в получившуюся тварь.

Один из мертвых солдат замахнулся ржавым мечом. Марори выставила перед собой косу — понимала, что против троих ей не выстоять, но покорно подставлять шею под сталь не собиралась. Не на эшафоте!

В стороне раздался свист, похожий на тот, которым хозяин подзывает собаку. Костяные воины как по команде подняли головы. Хрясь — лезвие топора сходу снесло одному голову. Остальные попятились. Кто-то рванул Марори за плечо, вскинул на ноги.

— Не помню, чтобы учил тебя обороне в стойке «сизу на заднице», — прогрохотал над головой знакомый голос.

Кулгард, слава Светлым!

Они появились из ближайшего коридора, высыпали как горох из рваного мешка — студенты разных курсов, все сплошь вооружены и готовы к схватке. Среди них — Мастера боя, декан собственной персоной. Над всей разношерстной компанией маячила увенчанная массивными рогами голова самого Магистра.

— Как? — только и спросила Марори.

Рядом, с темно-синей косой наперевес, появился Ниваль. Зевнул в свойственной ему манере полного пофигиста.

— Один второкурсник струсил и дал деру. Староста заловил его в коридоре и устроил допрос с пристрастием. Ну и дальше по накатанной: экстренный сбор боевого кулака и айда колошматить гадов.

— Вовремя мы, — высунулся из-за плеча Кулгара хищный оскал Дагана.

Прежде чем костяные воины успели хотя бы устрашающе пощелкать пустыми челюстями, студенты Пятого круга (они хорошо выделялись среди прочих одинаковыми черными кольчугами) разорвали их в клочья. В буквальном смысле этого слова.

— Айра Милс! — Голос Магистр расколол воздух над головой, а заодно и ее только-только реанимированную смелость. — Какого черта вы тут делаете?!

— Я. — Марори была слишком взвинчена, чтобы попытаться защищаться достойно.

Поэтому выдала первое, что пришло на ум. — Я подала заявку на инициацию, Магистр, еще несколько недель назад, получила разрешение ее пройти.

Он посмотрел на нее так, словно видел впервые в жизни. Она понятия не имела, почему, но что-то подсказывало — именно ее Магистр Дамиан меньше всего ожидал здесь увидеть.

Магистр несколько секунд прижигал ее взглядом, а потом кончиком здоровенного меча указал на серую жижу, оставшуюся после личинки. — Это вы сделали, айра Милс?

— Я, — нерешительно ответила она. Ее как будто обвиняли в том, что она слишком грубо обошлась с чуть ли не безобидным существом.

— Самостоятельно? Одна? — Он удивленно поднял бровь.

— У меня не было выхода.

Несколько пар глаз уставились на нее так, если бы она отрастила рога или без спроса нацепила соларский нимб.

— Простокровка из Дра'Мора в одиночку разделалась с маровым слизнем, — констатировал Магистр. В глазах однокурсников Марори читала вопросы, но никто не посмел задать их раньше Дамиана.

— Нильфешни из Дра'Мора, — рискнула поправить девушка. До нее начал доходить смысл происходящего, очень хотелось дать себе хоть секундную слабость и громко, чтобы слышали все-все-все, прокричать о своей личной победе. Значительной победе, раз Магистр лично ее отметил.

— Полагаю, пришло время поздравить Третий круг Потрошителей со стоящим пополнением. Если, конечно, оно переживет сегодняшний бедлам. Занимайте свое место в ряду товарищей, айра Милс.

— Моя цыпочка, — раздалось из-за спины.

Эашу. Он тоже не остался в стороне. Даже боевой лук притащил — тяжеленный, судя по виду.

— Эта тварь тебя все-таки задела, — он насупился, лаская взглядом перебинтованное плечо.

— Ничего, живая же, а эта так — боевое крещение. — Даган собирался дать ей привычную пацанскую затрещину, но Марори вовремя увернулась.

— Как она будет противостоять Хаосу, если до сих пор не привязала фэлфаэра?

Ложку дегтя в бочку меда принес. Крэйл Шаэдис собственной персоной. Он еле ковылял, сгорбленный и весь какой-то взъерошенный, как старый потрепанный гриф — с виду еще более неприспособленный к происходящему, чем сама Марори. Если бы не мечи — алые метровые клыки чистой стали, которые он волочил за собой, будто две непосильные ноши. Девушка ожидала, что товарищи предложат ему уходить пока цел, но те, напротив, воспрянули духом. Крэйл ободрил их даже больше, личное присутствие Магистра. Взавшего на себя командование обороной Дра'Мора.

«Он же Чемпион резни», — вспомнились слова Нима. Лучший из лучших, побивший даже старших. Только вот на чемпиона похож еще меньше, чем на последнего отпрыска Перворожденных. И он прав, чтоб его — фэлфаэра у нее до сих пор нет.

— Слушай сюда, Марори Милс, — сказал Крэйл, глядя ртутными огнями из утробы своего капюшона, — сейчас все подземелье под Дра'Мором кишит порождениями Хаоса. Это минус, потому что одна убитая личинка еще не значит, что ты справишься с остальными. Но есть и плюс — потому что в Хаосе тебе было бы сложнее ловить этих тварей в нематериальной оболочке. Соображаешь?

Еще как соображала!

— Крэйл дело говорит, — поддержал Кулгард.

— В физической форме эти твари сильнее, — предупредил Даган, — но если одолеешь его — можно приручить, пока он не превратился во что-то вроде этого. — Он мечом указал на зловонную лужу.

— Только учти, увидела подходящего фэлфаэра — и ори изо всех сил, чтобы мы не вмешивались. Это дуэль один на один.

— Моя цыпочка сама завалила марового слизня, хватит ей сопли вытирать, Кулгард.

К Потрошителям присоединились некроманты и адепты Плетения. Последним отдали указание запечатать каждую щель между мирами — старшекурсники в сопровождении старост и Мастера Плетения, в компании Потрошителей с Пятого круга и десятка живоделов из внутренней охраны отправились вниз. Их провожали подбадривающим улюлюканьем и пожеланием натолкать Хаосу по самые не хочу. Марори с удивлением обнаружила, что и сама выкрикивает пожелания, и в самых некультурных словах. Ну и плевать, они — ее братья и сестры, даже если многие вообще не знают о ее существовании, или видят в ней чужачку. Она все равно хочет, чтобы все вернулись живыми.

— Братья и сестры, — повторила девушка себе под нос.

И как будто прозрела. Увидела то, что все время лежало на поверхности, а она ходила около, спотыкалась — и отказывалась видеть. Она одна из них. Всегда была одной из них. Ее место с самого начала — рядом с ними: часто злыми, грубыми и совершенно невыносимыми дра'морцами, которые знали, что такое стоять не на жизнь, а на смерть ради тех, кто слабее.

— Третий круг, где ваш староста? — Магистр снова был рядом. Четвертому кругу приказали держать вторую линию обороны и вырезать порождения Хаоса, пока первая волна не восстановит Круг. Пришла очередь Третьего принимать разнарядку на жаркий вечер.

— Мы бы тоже хотели это знать, — сказал Ниваль.

Магистр нахмурился, потом окинул группу взглядом, остановился на Крэйле.

— Шаэдис, до разбирательства ты за старшего. Хаос расползся по учебным аудиториям, парочку тварей вы убили по пути сюда, но там их десятка три. Ничего такого, с чем бы не справился Третий круг, — он зыркнул на Марори, — и нильфешни с одной очень интересной косой. Айра Милс, нам будет, о чем поговорить, когда кончится эта вакханалия. Держитесь вместе, не геройствуйте. И, Крэйл, — это твой шанс.

Тот никак не отреагировал.

Они пошли в один из коридоров. Лестнице позволяла идти только по двое, но, чтобы не мешать друг другу в случае внезапного нападения, расположились шахматным порядком. Марори шла в центре группы, подстраиваясь под общий шаг. Как же удивительно странно больше не чувствовать страха, не поддаваться отчаянию и слабости.

Она наконец-то стала собой.

И даже если все пойдет плохо, все разрушится — она, нильфешни из Дра'Мора, больше не станет плакать и прятаться.

Учебный корпус представлял собой жалкое зрелище. Стены покрылись слизью, смердящий мох буквально на глазах расплзался по углам и забивался в щели, чтобы поглубже пустить там корни. Впрочем — не мох.

Нечто столь же с виду мягкое и податливое, но вовсе не столь же безопасное. Все происходило стремительно: корни стремительно вгрызались в камень, прорастали, почти тут же рождая гниlostный бутон. Тот раскрывался зеленоватыми чуть фосфоресцирующими

лепестками, затем быстро усыхал, скукоживался и через считанные секунды издыхал. А из его останков вылезали змеистые отростки колючей лозы, норвящие схватить первого встречного.

Из распахнутых дверей аудиторий сочился туман, дверь напротив намертво «залепил» желтый желатиновый студень, в котором отчетливо виднелись спутанные внутренности — то ли его собственные, то ли сожранной неосторожной жертвы.

Охота начиналась.

Благо, добычи оказалось сверх меры. Материализовавшиеся фэлфаэры, которых поначалу было совсем немного, будто намеренно поджидали охотников и вывалили на них приличным числом. Разные, уродливые, опасные. Пауки с человеческими головами вместо тел, големы из плоти и камня, тлеющие в собственной злобе абалисы, крысы с собачьими мордами, ходящие на руках порождения кошмаров. Некоторые оказались достаточно серьезными противниками, чтобы уничтожить их исключительно группами. Марори быстро подхватила тактику: пока Эашу обстреливал порождения стрелами, она в паре с Даганом разыгрывала настоящее представление — поочередно отвлекали врага, атакуя его по возможности с тыла. Когда треть коридора осталась позади, они настолько отточили работу в команде, что даже находили время перебраться подбадривающими выкриками и дружескими словесными пинками.

Она отвлеклась лишь раз, чтобы увидеть в деле хваленого Чемпиона резни. Крэйл действовал в одиночку, планомерно и расчетливо, как мясорубка. Находил цель и шел на нее, как будто зачарованный. Клинки, почти неуловимые взгляду, танцевали короткий танец, рассекая жертву на части, выскивая самое слабое место, чтобы не дать противнику даже подобия шанса на вменяемый контрудар. Разделавшись с одним, шанатар отправлялся на поиски нового куска плоти. Ни грации, ни стиля, бездушное методичное кромсание, от которого кровь стыла в жилах. Или нет — в его бездушии и крылась грация. Он не делал лишних движений, не искал эффектных пируэтов. Эффективность — вот чего он добивался. И именно это завораживало.

Они преодолели почти весь коридор, когда со стороны одной из аудиторий донеслись характерные звуки схватки. И тут же — женский крик о помощи из противоположной. Переглянувшись, Марори и Даган бросились на звуки боя, остальные — спасти несчастную.

Центральная аудитория профессора дохляка, какая ирония. Девушка только переступила порог, сразу почувствовала противный запах, которым пропитались даже стены. Принадлежности профессора, которые тот раскладывал в любовном, одному ему понятном порядке, валялись на полу, в луже крови, рядом с лежащим ничком студентом в робе адепта Плетения. И еще чуть дальше, отбиваясь от огнедышащего абалиса, крутился Аситаро. Точнее сказать, он отступал под натиском противника. Глыбообразная тварь, чье все в трещинах тело буквально алело от бушующего в нем жара, теснила его к разделочному столу. Темный сильно припадал на правую ногу, но все еще отчаянно сопротивлялся, хотя и был безоружен. Если не считать оружием тяжеленную свечную стойку, которую он где-то раздобыл.

Первой мыслью Марори было ликование. Огромное, всепоглощающее чувство того, что справедливость — не пустой звук в этом мире. Вот он, ее обидчик, еле стоит на ногах, тяжело дышит и выглядит обреченным.

А потом абалис зарычал, извернулся и боднул ушастого огненной башкой. Эльф попытался увернуться, но раненая нога подвела — стопа подвернулась, и он повалился на

спину, как сброшенный с ветки жук. Его одежда медленно тлела, часть волос стгорела, обнажив в роскошной шевелюре проплешины. И Марори с удивлением обнаружила не врага, который с самого дня ее появления только то и делал, что портил ей жизнь, а испуганного парня, который оказался совершенно беспомощен перед превосходящим противником. Невольно вспомнился Крэйл с его мясорубкой, и сразу стало понятно, почему многие по-прежнему видят в нем настоящего Чемпиона резни. Тот бы никогда не дал свалить себя с ног, каким бы немощным и изможденным не был.

Марори сама не поняла, как оказалась между абалисом и эльфом, и успела отразить удар. Лапа абалиса напоролась на лезвие косы. Тварь взвыла, но под натиском его мощи девчонка едва удержалась на ногах. Одновременно с этим из глубины аудитории вылетел еще один абалис. Этого перехватил Даган: ловко, как бы играючи, отбил несколько атак, а потом обманными движениями увлек его за собой, тем самым оставляя Марори поединок один на один.

Абалис раскрыл огромную зубатую пасть и зарычал, изрыгая клубы дыма и жара. Марори полоснула сверху вниз, целя ему в лоб — туда, где из вывороченной кожи проглядывал крошечный островок пульсирующей ткани.

«Порождения Хаоса» глава третья — «Огненные твари и их разновидности», — краем сознания вспомнила девчонка. Книга, с которой она провела не одну бессонную ночь. Абалиса тяжело одолеть, он быстро регенерирует и крайне невосприимчив к физическим повреждениям. Но и у него есть уязвимое место — то самое пульсирующее пятно на лбу, под которым клопочет вшпученный лавой крохотный мозг.

Неудача! Едкий дым выедал глаза, вызывал обильное слезотечение. Толком не прицелиться.

Марори заняла атакующую стойку. Она сможет, потому что она больше не боится.

Абалис развернулся боком, крутанулся, размахивая передними лапами, словно ветряк. Марори вскользь парировала один удар, потом еще один и увернулась, забирая вправо. Она старалась пропускать всю мощь твари мимо себя, вскользь по лезвию косы. С его прямыми атаками ей ни за что не справиться, не устоять. Аситаро отползал в укрытие под столом. Впрочем, абалис потерял к нему интерес — как и всякое алчущее порождение Хаоса его интересовала охота, забава. И он нашел подходящую замену подпорченной хромой игрушке.

Марори сделала несколько обманных выпадов — старалась не дать противнику атаковать в ответ. Нужно немного времени, чтобы прийти в себя, чтобы восстановилось зрение. Но долго абалис обороняться не намеревался. А потому основательно испытал ее нервы на прочность. Рычал, гудел низким трудным гулом, как ветер в дымоходе, плевался огнем. Марори не разрешала себе поддаваться боли, хотя от одного пропущенного удара на плече осталась обожженная трехпалая отметина. Плакать и жалеть себя она будет потом, когда переведет дух над телом поверженного врага. У которого, кстати говоря, будто второе дыхание открылось. Он выплюнул ей под ноги огненный сгусток и тут же атаковал со всей мощью и остервенением. Дым из его пасти повалил столбом. Марори отскочила. Она больше не помышляла об атаке, сосредоточившись исключительно на обороне. И пятилась, пятилась. В душе зашевелилась паника. Одна убитая маровая личинка — это ничто. С чего она взяла, что вдруг перестала быть неумехой?

За спиной абалиса, пошатываясь на нетвердых ногах, замаячила фигура Аситаро. Он смотрел на Марори и не двигался. Пока абалис таранил ее своей массивной тушей, эльф отступал к двери. Ожидаемо, хотя до последнего хотелось верить, что темный вмешается

хотя бы из чувства долга, что какая-то паршивая девчонка вступилась за Чемпиона резни.

И Дагана не видно, как будто и он решил оставить ее на растерзание огненному страшилищу.

Когда она задницей почуяла, что отступить больше некуда, в голове что-то выключилось. Как будто невидимая рука вырубил предохранители, и сумасшедшая машина агонии заработала на полную мощь. Страх? Чувство самосохранения? Наверное. но в какой-то извращенной форме. Она не разменяет свою жизнь абы на что, она покажет, что и разозленный заяц чего-то да стоит. Она отрастила клыки и когти и теперь может дать сдачи, даже если придется разменять на эту браваду остаток жизни.

Марори парировала выпад когтистой лапы и резко бросилась в сторону, выбросив косу на вытянутой руке так, чтобы лезвие смотрела точно в разъявленную дымящуюся морду. Она почти попала. Коса взрезала воздух в каком-нибудь сантиметре от цели.

Тварь зашипела.

И отступила.

И тогда девчонка поняла, что сможет победить. Она больше не отступала, не оборонялась, а пустилась в круговой танец. Она маленькая и слабая, но гораздо более проворная. Сначала абалис лишился передней лапы. Из обрубка на пол хлынула огненная кровь, стены аудитории разорвал звериный крик боли. Он еще сопротивлялся, еще пытался атаковать, зачастую даже яростнее, чем до того, но Марори лишь продолжала кружиться рядом. На шаг, но быстрее, на движение, но раньше. В какой-то момент ей даже показалась яростная обида в рыке твари, которая неожиданно поняла, что выбрала не того противника.

Когда коса срезала уязвимую кожу на макушке абалиса, Порождение Хаоса изрыгнуло лаву пополам с копошащимися лентами огненных внутренностей. И растеклось ядовитой лужей.

Девчонка не нашла сил даже на улыбку, с трудом перевела дух, отступила, тяжело дыша. А ведь глаза все еще слезятся. И тут она увидела ковыляющего к двери Аситаро. Если бы не раненая нога, эльфа бы давно и след простыл. Марори хотела было махнуть рукой, но тут из кармана темного что-то выпало и, звякая, покатило по полу.

Адова печать!

Проклятая кровь — не вода, даже если ее всего пара капель, да и те сомнительного качества. Но Марори жестко заткнула небеснорожденную часть себя, что взывала к жалости и предлагала забыть и простить. Плевать на его подлости, плевать на попытки вытравить ее из Дра'Мора. Но он собирался бросить ее на растерзание абалису, от которого она же его и спасла. Потрошители должны стоять друг за друга горой, потому что если не полагаться на товарища — как еще выстоять и выжить? Может быть она и самое слабое звено в цепочке Третьего круга, но уж точно никогда бы не оставила своего в беде. Даже если это ушастый треклятый гад Аситаро.

Марори подобрала печать, догнала эльфа и без жалости толкнула в спину. Тот не удержался и упал ничком, правда, довольно резко развернулся, прижигая ее ненавистным взглядом. Она приставила к его горлу лезвие косы, надавила, пока на шее не обозначился кровавый след. Взгляд Аситаро из ненавидящего стал перепуганным. Должно быть, выглядела она соответствующе, раз эльф всерьез решил, что сейчас его прирежут. Ни слова не говоря, Марори вдавила колено ему в грудь, вытравливая из легких хриплые потуги вздохнуть.

— Добро пожаловать в Дра'Мор, фальшивка, — прошипела прямо в перепуганное лицо

и со всего размаху влепила печать эльфю в лоб.

Аситаро, прищученный лезвием, боялся даже вдохнуть.

Марори отняла печать от кожи темного, с нарочитой аккуратностью спрятала в карман.

— Будет у меня на случай, если забудешь, какой ты трус.

И встала, чувствуя, как от злости дрожат руки. Не оборачиваясь, пошла прочь. В дверях ее встретил Крэйл. Окровавленные лоскуты свисали с его тела, бинты волочились по земле, мокрые от крови. Капюшон сполз с лица, обнажая исполосованное шрамами и кровоподтеками лицо, клыки выпирали наружу, словно у дикого пса. И тем не менее, он улыбнулся.

— Перестала я быть жалкой милой девочкой? — спросила Марори, проходя мимо.

— Нет, но научилась хорошо притворяться. И он поковылял следом.

В коридоре их ждали остальные, и пополнение в виде некроманток-первокурсниц. Все кроме одной выглядели растерянными и определенно не готовыми к происходящему ни морально, ни физически. Та как раз перебинтовывала запястье Эашу. Рядом стоял распахнутый саквояж со всякими мазями и странного цвета склянками, откуда дьяволица со знанием дела выуживала необходимое. Увидев Марори, инкуб отшвырнул припарку и сорвался с места. Раз — и сграбастал Марори в охапку.

— Ты в порядке, цыпочка?

Ох и мастер же он играть. И забота звучит искренне — не подкопаться, и сжал так, что ни вздохнуть, ни выдохнуть.

— Вроде да, — ответила Марори, не имея ни малейшего понятия, куда деть руки. В одной она сжимала древко косы, другая безвольно висела вдоль тела, онемевшая от растекшейся боли — давал знать о себе «подарок» абалиса. — Ты меня задушишь.

— Я волновался.

— Все в порядке, у меня были хорошие учителя.

Эашу не поверил, отстранил ее, осмотрел с ног до головы и, едва увидев ожег, вверил заботам некромантки. Дьяволица тут же принялась за дело.

— Девушек нужно отвести в безопасное место, — прохрипел Крэйл. — Здесь только под ногами будут путаться. Ниваль, Эашу — займитесь. Отвечаете за каждую головой.

Инкуб что-то недовольно промычал, но шанатар был непреклонен.

— Даган и Кулгард — на вас левое крыло. Я видел следы секачей, скорее всего пауки успели свить гнездо. Его нужно найти, иначе за час размножатся, как чума.

Те без лишних разговоров убежали в указанном направлении. Марори с опаской посмотрела на Крэйла. То есть, получается, что.

— Ты пойдешь со мной, — сказал он коротко, — в правое крыло. И держись на расстоянии, если не хочешь попасть под руку.

Она не спорила, послушно отправилась следом. Интересно, почему он вдруг решил взять ее с собой? Из нее не ахти какой напарник. А может потому и взял, чтобы обезопасить товарищей? Развязать им руки. Сам-то Крэйл, каким бы немощным ни выглядел, прекрасно справлялся в одиночку.

А вдруг это какая-то уловка?

И все же Марори испытывала облегчение и радость? Крэйл в качестве напарника придавал уверенности, что сегодняшнюю ночь она все же переживет.

— Я видел ахасов, — не поворачивая головы, прокаркал Крэйл, — ими тут все кишит. Одной тебе не безопасно.

— Я не видела ни одного, — забеспокоилась Марори. — Почему кроме нас двоих никто их не видит?

— Потому что все ахасы — от крови шанатаров. Это мы их создали, и мы ими управляли. Какое-то время. А ты видишь лишь тех, что натасканы убить тебя. Впрочем, это не означает, что остальные не захотят тобой полакомиться.

— Каким образом?

Крэйл издал что-то похожее на стон отчаяния пополам с раздражением.

— Этот разговор, нильфешни, лучше отложить на потом.

— Хранители говорили, если мы будем вместе, случится что-то плохое. — Марори не сразу сообразила, что произнесла это вслух. Почему именно рядом с ним она перестает себя контролировать и мелет несусветную чушь? Только ли потому, что боится? Или из чувства благодарности, что Шаэдис, каким бы злым и бешеным он ни был, уже несколько раз спасал ее от неприятностей?

— Этот разговор, Марори Миллс, мы тоже отложим на потом. Но чтобы ты не натворила глупостей.

Он так резко остановился и схватил ее за запястье, что они едва не стукнулись лбами. Ни слова ни говоря, приблизился носом к ее раненому плечу. Некромантка-дьяволица перебинтовала рану, но повязка все равно намочила от крови. Он жадно и шумно вдохнул носом. Марори почувствовала, как его трянуло. Он притягивал ее все ближе и ближе, как будто собирался вдавить в себя. А потом так же резко отступил, вскинул голову и уставился на спутницу ярко-горящими алыми глазами.

Она ничего не смогла сделать — отшатнулась. Хотелось поддаться желанию немедленно, сию секунду уносить ноги куда подальше. Как она могла думать, что рядом с этим непредсказуемым существом ей будет безопасно?

Крэйл снова сгорбился.

— Никогда! Слышишь? Никогда, что бы ни случилось, даже если я буду подыхать, буду выкручивать тебе руки, угрожать разорвать на куски — не позволяй мне пить твою кровь.

Она открыла рот, чтобы спросить — почему, но шанатар пресек попытку резким взмахом руки и молча зашаркал дальше.

Одна аудитория, вторая. В третьей они расправились с целым выводком туманников. Крэйл шагал натужно, как будто каждый пройденный метр давался ему невероятными усилиями, но в бою он оживал: переставал сутулиться, куда-то девался горб, а движения становились резкими, выверенными, просчитанными наперед. Он как будто заранее знал, откуда ждать удар и действовал на опережение. И все, что он вытворял своими клинками, представляло собой безобразное кровавое совершенство.

Марори же досталась участь девчонки, с открытым ртом наблюдающей невероятное феерическое представление.

Крэйл не соврал, когда сказал об ахасах. На парочку таких они наткнулись, как только завернули в правое крыло корпуса. Здесь стоял полумрак, часть ламп валялась на полу, часть раздражающе моргала и потрескивала. Ищейки накинута сразу с двух сторон, и от одной Марори с успехом отбилась самостоятельно. Второго ахаса Крэйл безжалостно раздавил. Еще одного он же прищучил парой минут позже, когда они с Марори вытаскивали из-под завалов обвалившейся колонны преподавательницу Плетения. Она снабдила их пожеланием «выпотрошить всех к такой-то матери».

— Мастерская Плетения, — сказал Крэйл, останавливаясь перед полуприкрытыми

дверьми.

Марори и без его подсказок прекрасно знала это место — здесь она провела чуть ли не единственные радостные часы за все время учебы. До сегодняшнего дня. Потому что вкус победы над противником, превосходящим тебя по силе, стоил всех многих часов страданий и насмешек. И изучение Плетения не шло с ним ни в какое сравнение.

— Я пойду один, — Крэйл потянул на себя одну из дверей.

— Мы вдвоем пришли — и дальше тоже пойдем вместе. — Не дожидаясь ответа, Марори взялась за ручку другой двери. — А если я такая неумеха, что страшно доверить мне спину, об этом стоило подумать раньше.

Крэйл перехватил ее руку, заставил посмотреть на себя. Страшно хотелось отвернуться, потому что смотреть на его изможденное лицо и хищные клыки невыносимо противно и почему-то больно. Чего стоит жизнь, когда становишься вот этим — то ли полуживым, то ли полумертвым? Когда понимаешь, что одним своим появлением вызываешь у окружающих приступ отвращения.

Девушка вырвала руку, Крэйл ничего не сказал, открыл дверь и поковылял внутрь. Внутри стоял затхлый тяжелый воздух. Лабораторный инвентарь валялся под ногами: разбитые колбы, тусклые кластерные кристаллы, осколки ископаемых минералов, книги. И ни звука, ни шороха. Полное умиротворение, которое чаще называют затишьем перед бурей.

А потом раздался всплеск. Марори непроизвольно выдохнула. Ну вот, что-то все-таки происходит. Она пошла на звук и вскоре увидела его источник: он барахтался в луже собственной крови. Девчонка, ее ровесница. Часть лица превращена в месиво, глаз вывалился из глазницы и уродливо повис на пучке нервов и сосудов. Одной рукой несчастная пыталась затолкать в живот собственные внутренности, другой судорожно хватала пустоту.

Марори не смогла побороть приступ тошноты, и ее вывернуло под ноги. Во рту стало кисло и приторно, перед глазами маячили глянцевые белесые внутренности.

Это невозможно, чтобы вот так.

Этого не может быть.

И ее снова вырвало.

Когда желудку уже попросту нечего стало исторгать, Марори вытерла рот рукавом и заставила себя подойти к несчастной. Та продолжала сжимать в кулаке собственные кишки, но больше не шевелилась. Марори понимала, что они бы все равно ничем не смогли ей помочь, но ее грызла совесть: может, если бы они с Шаэдисом пришли раньше у девчонки было бы больше шансов выжить.

Все это время Крэйл безучастно ходил между столами, кашляя в кулак и вороша книжные завалы. Вспомнились рассказы Нима о том, что шанатар собственными руками кому-то там раздавил голову. Ничего удивительного, что зрелище ужасной смерти его не трогает.

Двери в Мастерскую с грохотом захлопнулись. Марори резко развернулась, забыв о том, что рвота сделала ее ноги слабыми, а мысли вязкими. Крэйл в один миг оказался рядом, скорченный, но зловещий со своими оскаленными багровыми клинками. Стало так тихо, что девушку оглушали даже звуки собственного безумно грохочущего сердца. И все же, несмотря на полное отсутствие тому видимого и слышимого подтверждения, она ясно ощущала, что их с Крэйлом компанию разбавил кто-то третий. Она вопросительно посмотрела на шанатара: тот стоял неподвижно и лишь изредка судорожно вздрагивал. Но когда их взгляды

встретились, Марори поняла — он чувствует то же, что и она. Что же, по крайней мере теперь она убедилась, что не сходит с ума.

— Не делай резких движений, — произнес Крэйл едва слышно. — Спугнешь.

— Кого? — так же тихо спросила она.

— Твой билет в успешную инициацию.

Не успел стихнуть его голос, как тишину нарушил первый чужеродный звук: странная противная смесь металлического скрежета и низкого гула, как будто поблизости готовился взлетать вертолет. Марори невольно втянула голову в плечи, пошарила взглядом вокруг, надеясь увидеть источник.

И увидела.

Стуток черного густого дыма, маслянистого и непроглядного. Он крутился, как маленький торнадо, и рос буквально на глаза. Девушка выдохнуть не успела — а тот уже стал вдвое выше. Крэйл настойчиво оттеснил ее назад, но и вперед лезть не спешил. Марори вспомнила его слова о том, что поединок с фэлфаэром — дуэль один на один, и любое стороннее вмешательство разрушит и без того нестабильную тончайшую связь между ловцом и Порождением Хаоса.

— Крэйл. — Она сглотнула, не в силах пошевелиться, когда из вихря стала материализовываться мощная фигура. — Мне. как-то. не по себе.

— К черту сопли, Марори Милс. Тебе нужен фэлфаэр или ты решила снова пожевать сопли?

В оформившейся фигуре Марори сразу узнала Сатиса, потому что в книге «Порождений Хаоса» именно его изображение выглядело нарочито гротескным, как будто Сатиса рисовал авангардист со слов слепого, которому рассказал глухой. Поэтому, когда вихрь вокруг него вспыхнул и исчез, она почти не удивилась, что между оригиналом и рисованными копиями оказалось мало общего. Массивная туша Сатиса заполнила собой значительную часть Мастерскую, отрезав путь к отступлению — Марори не очень хотелось проверять, что будет, если попробовать прошмыгнуть у монстра между ногами.

Ну, почему не старая добрая многоножка?

В общем и целом, Сатис сильно походил на оскверненную фигуру Анубиса. Длинные шакальи уши, мощный торс, прикрытый черными доспехами. В каждой руке он сжимал по серпу, с лезвий которых стекала черная жижа. Тонкие густые струйки падали на пол, где превращались в зло шипящие черные лужицы. Марори точно знала — лучше бы туда не ступать. Выгравированные на серпах руны частично скрывала запекшаяся кровь.

Из распахнутой пасти Сатиса вырвалось облако пара, а сам он негромко и как будто даже безобидно зарычал.

Марори не дала себя обмануть. Сатису — Гончей кошмаров — станет доверять разве что безумец. Потому что он был редкой и крайне хитрой тварью и, невзирая на массивное сложение, предпочитал убивать исподтишка.

«Лучшая тактика в поединке с Сатисом — заставить его сражаться в открытую, лицом к лицу, и ни за что не позволять пропадать из виду», — гласила отпечатанная в памяти выдержка из учебника. Марори похвалила себя за то, что жертвовала сном в угоду зубрежке. И никогда в жизни, как сейчас, так сильно не гордилась своим статусом «ботаника».

Жаль только, что обилие теоретической информации практически не давало преимуществ в бою.

Страшно представить, во что она превратится, если хотя бы один из его серпов попадет

в цель. Марори вдруг отчетливо увидела себя «после» этой встречи — в обличие девчонки, умершей с собственными внутренностями на руках. Малодушно захотелось сбежать, забиться в какую-то безопасную нору, откуда Сатису ее никак не выковырять, и переждать до появления охраны или старшекурсников, или кого угодно, у кого хватит силенок тягаться с таким страшилищем.

Надо было остаться там, в коридоре. И не показушничать своей глупой решимостью.

— Ты сможешь, — твердо сказал Крэйл.

Он держал мечи опущенным и не похоже, чтобы собирался становиться с ней плечом к плечу. Серьезно?! Он будет стоять в стороне и смотреть, как эта махина разрывает ее на кусочки?! Слишком жестоко даже для маньяка Крэйла Шаэдиса.

— Это сильный фэлфаэр, Марори Милс. Поймай его, приручи — и больше никто и никогда не будет сомневаться в твоём праве быть частью Дра’Мора.

— Он убьёт меня, — пискнула она.

И поняла, что совсем недалеко от истины. Как долго она продержится, прежде чем Сатис Гончая кошмаров выпотрошит ее? Крэйл точно чокнутый, если думает, что у нее есть хоть пол шанса. Максимум, на что она рассчитывала, готовясь к инициации — захомутать какого-то слабенького таракана, которыми сегодня ночью кишмя-кишит весь корпус. И то, что ловить их в материальной оболочке значительно проще, она приняла как манну небесную. А тут получается, что Шаэдис за нее расписался, будто она вот так запросто одолеет Сатиса, раритетного фэлфаэра, на которого даже смотреть страшно.

— Не убьёт, — на потрескавшихся губах Крэйла появилась жестокая улыбка — и шанатар растворился без следа. Исчез в свойственной ему манере.

А Сатис, чиркнув серпом об серп, двинулся на единственное попавшее в поле его зрения существо.

На Марори.

Конечно, сколько можно ждать? Раз появился — чего бы не оттяпать голову одной глупой девчонке?

Лучшее, что Марори могла сделать — занять глухую оборону. Кулгард говорил, если противник слишком силен, нужно сначала изучить его. Нет неуязвимых врагов, есть невнимательные воины. Нет непобедимых соперников, есть недостаточно сосредоточенные. Другого варианта выкрутиться девушка не видела. Против трехметрового оскаленного человекошакала побежденный маровый слизень и абалис теперь казались безобидными слабаками.

«Ищи брешь», — скомандовала она себе, одновременно отражая первую атаку. Вернее — уходя от нее. Слишком огромными и опасными выглядели серпы в руках противника, чтобы пытаться их парировать. В желании избежать удара, Марори спиной налетела на что-то твердое и плоское, присела. Над головой что-то скрежетнуло. Девушка выдохнула и зажмурилась. На миг показалось, что это ее голова катится кубарем по полу, но нет — всего лишь сбритая Сатисом верхушка кристалльной пирамиды — кластерной конструкции, водруженной на большую тумбу, в которую она и влетела спиной. Кластер, цокая, покатился по полу, бухнулся около убитой студентки.

Светлые милостивые! Кровь и заряженный кристалл! Гремучая смесь, грозящая привести к возмущению Плетению. И рядом нет никого, кто бы смог его контролировать. Неподконтрольный выброс скорее всего обернется хаотическим всплеском энергии.

Достаточно сильным, чтобы на какое-то время отвлечь порождение Хаоса.

Марори не стала дожидаться светопреставления, а что есть духу бросилась в противоположный конец Мастерской, как заяц, петляя между поваленными столами, стульями, широченными шкапами и разбросанным инвентарем. Ей в спину донесся бешеный вой Сатиса, которому явно пришлось не по душе позорное бегство жертвы.

Она как раз успела сигануть в укрытие под столами, когда кристальный кластер «ожил». Мастерскую озарила яркая вспышка, Марори зажмурилась, но глаза все-равно обожгло слепящим светом. Одновременно с этим раздался душераздирающий полный боли вой Сатиса.

Марори невольно улыбнулась. А затем выбралась из укрытия, на ходу молясь Светлым и Темным и всем Неназванным помочь ей хоть чуть-чуть. Она наступала. Вспышка действительно ослепила Сатиса, но не сделало его полностью слепым. Наверное, сейчас у него перед глазами пляшут десятки ярких бликов. Спляшет и она, став еще одним бликом.

Только не расслабляться. Сарис хоть и утратил часть прежней прыти, но по-прежнему оставался смертельно опасной тварью. Только. слишком крупной для места, порядочно заваленного всяким хламом. Рост и мощное сложение играли против него, делаая неповоротливым.

Взбодрившись, Марори провела несколько простых атак. Она легко балансировала с ноги на ногу и не переставала двигалась. Та же тактика, что и в схватке со слизнем. С той лишь разницей, что под ноги приходилось смотреть внимательней — раз споткнулся, упал и вряд ли уже поднимешься.

В какой-то момент она рискнула хватануть громадину по сухожилиям, чтобы стреножить. Была уверена, что не промахнется, но Сатис как будто знал, куда нацелен удар. Коса рассекла пустоту. Инерция не нашедшего сопротивления удара, в который Марори вложила много силы, потащила ее вперед. Сатис, воспользовавшись случаем, лихо развернулся и по широкой дуге попытался скосить ее сначала одним, а потом и другим серпом. И у него получилось. Лезвие полоснуло Марори по лопаткам, высекло фонтан горячих брызг боли. Девчонка упала ничком и лишь в последний момент кубарем откатилась от занесенной пятки. Бах! Из-под ноги порождения во все стороны брызнули осколки гранита. Марори поднялась, пошатываясь на слабых ногах. Спина горела, будто к ней приложили раскаленную сковородку. Движения стали вязкими, приходилось прикладывать усилия, чтобы не разжать ослабевшие пальцы.

Вдох-выдох, вдох-выдох.

Сатис, почуяв первую кровь, окончательно слетел с катушек. Он обрушил на жертву серию сокрушительных ударов, от которых Марори только и успевала, что пятиться. Она падала и вставала, чтобы упасть снова. Косой она хоть и отводила его удары, но слишком сильными были они и слишком ослабели собственные руки. Каждая атака будто заколачивала ее в пол. Если бы полуслепота Сатиса, он давно искромсал бы ее на куски.

В конце концов он окончательно опрокинул Марори, занес обе руки для удара — эбонитово-черный жнец смерти, существо, не знающее жалости и сострадания. Она выставила перед собой косу, ни на что не надеясь. Знала, что совершенно ничего больше не может противопоставить этому губительному натиску, но упрямо сопротивлялась.

Слева что-то мелькнуло, темное и неуловимое. Сатис вскинул голову, наострил уши. Собака, которая вдруг нашла новую игрушку. И отвернулся, потеряв к старой всякий интерес.

Крэйл? Марори быстро отползла в сторону, поднялась. Ободранная, грязная, испещренная синяками и кровоподтеками. Но живая. И даже способная вырвать у смерти

пару вздохов. Шанатар не пускал в ход оружие, хотя, помня его клинки в деле, Марори была уверена, что ему-то разделаться с Сатисом гораздо проще, чем ей. Но Крэйл оставлял это право ей, первоклассно играя роль приманки — рваной каркающей тряпкой носился по мастерской, появляясь то тут то там, чем изрядно злил Сатиса.

Ощущение полной невероятности происходящего странным образом повлияло на настроение. Гори оно все синим пламенем! Хватит таскать сопли, хватит делать вид, что она не хотела этого. Могла сбежать, пока была возможность, никто (и Шаэдис в том числе) не держал ее на привязи, не заставлял тягаться с непосильным противником.

Она осталась сама, потому что поверила, что сможет.

Потому что сегодня такая совершенно чокнутая ночь, когда даже замухрышка-нильфешни может чего-то стоить! Сколько можно прятаться? Она стала частью всей этой мясорубки для сумасшедших проклятокровных. Она должна испытать свою волю, и даже если станет одной из списка «летальных исходов» — не отвернется.

Возможно поддержка Крэйла вселила в нее новые силы, возможно так сошлись звезды или сжалились Светлые, Темные и Неназванные, но Марори умудрилась провести против Сатиса пару хороших атак. С нарочито громким криком бросилась на него, а когда тварь ударила серпами, просто упала ей в ноги и прокатилась между ними, уже лежа вспоров противнику подколенное сухожилие. Сатис взвыл, было хотел развернуться, но раненая нога подогнулась — и порождение рухнуло на одно колено. Снова ударило, но девчонки на месте уже не было. Проворным вихрем обогнув гада, она забежала ему за спину и полоснула по руке. Конечность с неприятным влажным шлепком упала на пол.

Сатис громогласно и обреченно застонал.

— Сейчас, — в самое ухо прохрипел Крэйл.

Марори окинула взглядом окружавшее их разрушение, метнулась к перевернутому столу, оттуда — на покосившийся книжный шкаф, с которого чуть не грохнулась. Близость скорой победы пьянила, заставляла позабыть о защите и осторожности. Но слишком близкой казалась вожденная победа. Несколько шагов, отделявших ее от тяжело дышащего Сатиса, она буквально пролетела, двигаясь по самой кромке покачивающегося шкафа. Флакон с кровью, которую следовало «скормить» порождению, ожидаемо разбился давно и в дребезги. Плевать! В нем нет необходимости, потому что на Марори и так места живого не было.

Поэтому, как только башка Сатиса появилась в пределах ее досягаемости, она не раздумывая прыгнула на него и со всего размаху припечатала окровавленной пятерней.

Девушка ждала какого-то феерического представления: взрывов с искрами, огнем и молниями, но все ограничилось небольшим жжением в ладони. Правда, Сатис взревел и буквально протаранил шкаф, по которому секунду назад бежала Марори, силясь сбросить с себя неожиданную обузу. Но девчонка вцепилась в его шерсть мертвой хваткой. Понимала, что теперь-то все целиком и полностью зависит только от нее. Больше никакой помощи! Ни от кого!

— Ты мой! — изо всех сил заорала девушка. Ничего ритуального, просто отчаянный крик боли, ликования и страха, который она не могла (и не хотела!) сдерживать. — Мой, Сатис!

И порождение Хаоса замерло, затихло, опустилось на колени свесив голову. Марори осторожно соскользнула на пол. Короткая стычка взглядов и оглушающее: «Подчиняюсь» в голове.

А потом Сатис рассыпался в пепел.

Девушка какое-то время стояла оглушенная. Схватка еще бушевала в ее крови, а в сознании медленного и неуверенно формировалось понимание: она победила. Сколько бы так простояла, не знала и сама, но внимание привлек появившийся Крэйл. Согнувшись пополам, он опирался на поваленную колонну, тяжело дышал и прижимал руку к животу. Он порывался поднять голову, но каждый раз та тяжело падала ему на грудь. Марори собиралась обрушить на него сначала тысячу ругательств, потом — две тысячи благодарностей, но выдавила из себя лишь какую-то глупую банальщину.

— Крэйл? — Она подошла ближе, присела на корточки. — Ты ранен? Дурацкий, трижды дурацкий вопрос. Да он едва живой!

— Ерунда, — прохрипел Шаэдис. И медленно, как срубленное дерево, обрушился на нее. Пальцы Марори тут же утонули в насквозь мокрых от крови лохмотьях его одежды.

Светлые, на нем места живого нет!

Девушка подставила ему плечо. Крэйл только выглядел худым, на деле же оказался невероятно тяжелым и долговязым. Она едва могла идти.

— Крэйл Шаэдис, потерпи немножко, — шептала она. Не ему — себе. Шанатар если и не находился в полной отключке, то был близок к ней и вряд ли слышал хоть слово.

В голове вертелось так много мыслей, что она попросту заперла их на воображаемый ключ. До более подходящего момента. Сейчас главное не дать шанатару умереть. Позвать на помощь нельзя — на крик тут же сползутся все недобитые порождения Хаоса. Кто знает, какие еще раритеты остались на свободе, и как много их тут расхаживает. Нужно отвести Крэйла в безопасное место. Лазарет подошел бы, но для этого нужно сначала спуститься на первый этаж, а оттуда по подземному переходу в соседний корпус. Простая задача, отягощенная двумя серьезными обстоятельствами.

— Только попробуй окочурится, Шаэдис, — приговаривала она на ходу и периодически останавливалась, чтобы перевести дух и как бы ненароком проверить, есть ли у «ноши» пульс. — Ты должен выздороветь, потому что у меня к тебе есть несколько серьезных вопросов. Ты же последний из редких, ископаемый Принц-из-чего-то-Там. Я запрещаю тебе умирать, слышишь?

Когда они кое-как спустились на первый этаж, в теле Марори не осталось ни единой мышцы, которая бы не болела. Впереди оставался коридор, который теперь казался бесконечной дистанцией на выживание. А Крэйл тем временем подавал все меньше признаков жизни.

— Давай ты еще немножко потерпишь, Шаэдис? Здесь осталось-то ничего — раз плюнуть, за час одолеем.

Он едва заметно дернул головой.

— Марори Милс, — прошелестел так тихо, что она сперва приняла его слова за собственные шаркающие шаги. — Если Эашу. Я ему.

Что именно шанатар собирался сделать для Эашу, ему не дал сказать собственный тяжелый кашель. После этого изо рта Крэйла вырывались разве что хрипы.

В лазарет она буквально на четвереньках вползла, таща Крэйла на себе, как навьюченный мул. Внутри было не протолкнуться от стонущих дра'морцев. Марори несколько раз попросила о помощи, но снующие тут и там санитарки даже не обратили на них внимания. Пришлось брать быка за рога, то есть — хватать за руку спешащую с полным подносом шприцев Ирри Данва.

— У меня тут еле живой Крэйл Шаэдис, — прямо в лицо медсестре, прошипела она, — и отфутболить нас не получится, потому что я здесь камня на камне не оставлю, если понадобится.

Ошалевшая горгулья несколько секунд таращилась на зарвавшуюся студентку, потом увидела валявшегося на полу Крэйла — и принялась за дело. Вместе они оттащили шанатара на носилки, а оттуда — в операционную. Оказывается, такая была и в Дра’Море, на случай, если придется срочно реанимировать нерадивых или невезучих студентов.

— Он не должен умереть, он ископаемый шанатар, — приговаривала Марори, пока Ирри Данва осторожно, но настойчиво, выводила ее за дверь.

— Он в надежных руках, — уверяла горгулья, — пойдем, тебя саму нужно заштопать.

Манипуляционную отвели девушкам, парней принимали в кабинете терапии. Горгулья усадила Марори на кушетку, помогла ей раздеться. Вокруг места, куда приложилась пятерня абалиса, одежду пришлось обрезать, а запекшиеся в ране лоскуты размачивать антисептиками.

— У тебя будет шрам, — сказала Ирри Данва, сочувственно глядя на щеку Марори, — я зашью аккуратно и сделаю компрессы, но он будет долго заживать и все равно останется след.

— Крэйл выживет? — Состояние собственного лица Марори не беспокоило. Было бы что портить, в конце концов. — Он помог мне, и из-за меня ему так досталось.

— Доктор позаботится об айре Шаэдисе.

Звучит не слишком убедительно.

— Он сказал, что ему нельзя прикасаться к моей крови, — скорее самой себе, чем возившейся с ее ранами Ирри Данва, сказала Марори. — Почему?

— Уверена, что хочешь услышать это от меня, а не от него самого?

Марори уже открыла рот сказать, что она просто хочет знать, не важно от кого — и передумала. Крэйл выживет. Обязан выжить хотя бы для того, чтобы лично обо всем ей рассказать. Хватит секретов и недоговорок.

— Я думаю, Крэйл сам мне все расскажет.

Судя по одобрительной улыбке, ответ Ирри Данва устроил.

— Сейчас будет больно, — предупредила горгулья, выуживая из кейса с хирургическими инструментами тонкую ярко-голубую иглу, потом протянула пациентке пузырек, — вот, выпей.

Марори послушно приняла пузырек, на дне которого плескалось что-то мутное, порцией на один глоток.

«За инициацию», — отсалютовала про себя и проглотила все до капли.

Я не могу быть без тебя, без тебя. С тобой я тоже один, без тебя. Когда ты не рядом, я считаю часы, без тебя. Когда ты со мной, время останавливается...

© Rammstein, «Ohne Dich»

«...принято решение об отчислении айры Марори Милс из Дра'Мора без возможности восстановления и...»

Она осторожно сложила черный пергамент, как две капли воды похожий на тот, что принес весть о ее внеплановом зачислении. Пять минут назад Аситаро швырнул ей его под ноги, снабдив коротким: «Твой смертный приговор, простокровка». Чтобы хоть как-то скрыть клеймо, он нацепил на лоб повязку, из-за которой стал похож на доходягу с треснувшей башкой.

Прошло пять дней с момента разрыва Круга. Пять дней, которые Марори провела между комнатой и перевязочной. Из-за случившегося администрация приняла решение на время приостановить учебный процесс: учебный корпус оцепили и запечатали охранными сигилами, там велось служебное расследование. Старшие курсы назначили ответственными за проверку территории и отлов порождений Хаоса, которых все еще было достаточно, чтобы каждый день не обходилось без травм разной степени тяжести. К счастью, летальных случаев больше не было.

Первокурсникам поручили наведение порядка в захламленных аудиториях. Часть студентов-некромантов трудилась в лазарете на подхвате у медицинского персонала. Среди тех, кто принял на себя первый удар в ночь разрыва Круга, было семь тяжело раненных, двое из которых скончались на второй и четвертый день. Остальных, кто был в состоянии ходить своими ногами, до конца недели отправили на отдых выздоравливать.

Весь Дра'Мор работал как отлаженный механизм. Каждый винтик знал свое место, каждая шестеренка крутилась в нужном направлении.

И все ждали, что покажет расследование.

Потому что на руках виновных было ни много ни мало, а жизни четверых студентов, и всей группы Первого круга Потрошителей, которые вместе с Мастером вошли в Хаос — и больше оттуда не вышли. Нашлись отчаянные смельчаки, которые предлагали собрать мобильную подготовленную группу и пойти спасать застрявших, но Магистр распорядился наглухо запечатать все спуски в подземелья Дра'Мора. Первый круг и Мастера объявили «временно отсутствующими», но все понимали, что они бы не продержались в Хаосе и пары часов.

И все же всем хотелось верить в лучшее.

Потому что так не может быть, чтобы весь Первый круг просто взял и исчез.

Крэйл находился в интенсивной терапии, к нему никого не пускали, и все, что оставалось Марори, — полагаться на добродушную Ирри Данва и ее вездесущее оптимистическое: «Об айре Шаэдисе позаботятся».

И только к концу пятого дня она сказала, что состояние шанатара ухудшилось. Попытки вытрясти из нее, что это значит, с треском провалились. «Распоряжение Магистра, —

говорила Ирри Данва, качая головой, как глиняный болванчик, — не допустить утечки информации. Я и так с тобой лишнее болтаю, но ты единственная, кому не безразлично, что с ним будет. Бедный мальчик совершенно никому не нужен. Лучше расскажи, что у тебя с Эашу? А то я тут, такое дело, — она похихикала в кулак, — поставила, что ты его отбреешь. И, как погляжу, ты оказалась для него крепким орешком».

Уж кем-кем, а бедным мальчиком шанатар выглядел меньше всего, скорее уж восставшим из могилы умертвием. Но он помог ей, и чуть не отдал Темным свою проклятую душу, и после этого Марори не могла заставить себя думать о Крэйле с ненавистью.

Все пять дней Эашу успешно вживался в роль заботливого ухажера. Провожал ее до лазарета и обратно, изредка порывался тискать на людях, задаривал цветами и конфетами. В общем, как он любил говорить, стоило им оказаться вне досягаемости любопытных глаз, делал вложения в будущий джек-пот. Происходящее его увлекало, и инкуб отдавался игре весь без остатка. И даже пообещал пару дней позаботиться о ее работе и взять на себя обязанности «собачьей няньки». Естественно, об этом благородном шаге стало известно уже на следующий день. Через подставных людей Эашу даже сайт сострогал, на котором студенческая братия Дра'Мора вела бурные обсуждения всего, вплоть до точной даты, когда инкуб «пустит девчонке кровь». Там же можно было посмотреть положение ставок на текущий день. Марори обходила сайт десятой дорогой, а выдержки из наиболее бурных обсуждений, которыми Эашу буквально штурмовал ее «ТиН», удаляла не читая. Похоже, тотализаторы были первейшим и любимым развлечением дра'морцев. Ставили здесь на все: на романы преподавателей, на рейтинги успеваемости, на кулачные бои. Причем Ирри Данва — не единственная из служащих Дра'Мора, кто был замечен за подобным грешком. По словам Эашу, через тотализатор прошли все, а вонючий профессор Морту так и вовсе был самым активным и самым невезучим игроком.

В первый день начала занятий Марори пришла пораньше. Зал для практических занятий находился в отдельном корпусе, и по пути туда она заглянула на перевязку. Заодно справилась о здоровье Крэйла. Это уже вошло в привычку: вытерпеть экзекуцию, послушать беззаботную болтовню горгульи, узнать, что Крэйл в заботливых руках. Только в этот раз у Ирри были другие новости.

— Айра Шаэдиса выписали. Ночью был кризис, но Магистр, слава Темным, все-таки добился у живодеров из Лиги разрешения на досрочное снятие с мальчика дисциплинарного взыскания. — Ирри разулыбалась, раздумянулась. — Проголодался, бедняжка, выпросил у меня две лишних порции.

Порции живой крови, надо полагать.

Марори передернуло.

Она надеялась размяться и немного привести себя в форму. Кроме шрама на щеке, который, как и сказала горгулья, никуда не делся, а превратился в темно-розовый росчерк, минувшая вакханалия оставила на ней еще несколько отметин. Уродливый ожог плеча, насчет которого у Ирри были оптимистические прогнозы, два шрама крест-накрест на спине — отметки «знакомства» с серпами прирученного Сатиса. На вывихнутую лодыжку до сих пор было неприятно опираться всем весом. Марори сомневалась, что в состоянии перейти к полноценным практическим занятиям. Даже Кулгард, которому везде и всюду мерещились попытки отфилонить от «железа», смягчился и милостиво освободил ее от тренировок на пару деньков. Которые в итоге затянулись на все пятидневные каникулы.

В зале ее подждал Аситаро. С того дня, как Марори в отместку заклеила его, они не

пересекались, и девушка даже наивно поверила, что теперь темный оставит ее в покое. А напрасно. Одного взгляда на Аситаро хватило, чтобы понять — на этот раз он приготовил что-то особенное.

Но письмо не было частью его мести. Эльф лишь с садистским наслаждением его вручил.

Исключена? Марори снова перечитала уведомление. Сухое официальное уничтожение ее жизни.

Г лаза защипало.

Как же так? Она прошла инициацию, она была со всеми, Магистр видел ее и.

В памяти всплыл его гневный взгляд и фраза, которую она тогда не поняла. «Какого черта вы тут делаете?!» Взгляд Марори упал на дату внизу письма, под размашистой подписью Магистра Дамиана. Так и есть, день инициации. Аситаро «забыл» о письме или нашел сотню других оправданий, чтобы опоздать с уведомлением. Потому и не явился на инициацию, хотя должен был.

Марори поправила растрепанные края бинта, опоясывающего всю правую руку от плеча до локтя. Получается, все напрасно?

«Ты стала сильнее», — не унывал ее внутренний оптимист. В последнее время все как будто пошло по правильному пути. Отчисление грохнуло по голове, как гром среди ясного неба. Внезапное исключение — единственное, к чему она оказалась совершенно не готова.

Пальцы предательски задрожали, горло свело от едва сдерживаемого крика.

Когда однокурсники, шумя, ввалились в зал, она быстро вытерла слезы. Обещала больше никогда не реветь, но по случаю рухнувших надежд плюнула на обещания и дала волю слезам. К черту, все девчонки плачут, а она — девчонка. Изуродованная, побитая и где-то похожая на мумию, но простая девчонка. Возомнившая, что пара капель проклятой крови и крови небеснорожденных способны кардинально поменять ее жизнь.

— Цыпочка, и как ты только управляешься с этим Кусакой? Тупая тварь, обоссал мне туфли. Дважды! — Эашу сгреб ее в охапку, погладил по голове и чмокнул скулу под шрамом. Обычно она с успехом избегала этих ужимок, но сегодня даже не пошевелилась. — И, между прочим, цыпочка, на практических занятиях не приветствуется присутствие без формы.

— Она вся порвана, не подлежит ремонту.

Марори разжала его руки, освободилась и слепо пошарила под ногами в поисках сумки.

— Ты выглядела жутко сексуально во всех тех дырках, — облизнулся инкуб.

— Да заткнись уже, — осадил его Даган, — видишь же — что-то случилось.

Марори хотела убежать до того, как кончатся силы сдерживаться, но Кулгард, особо не церемонясь, заставил сесть ее на скамейку.

— Рассказывай, — немногословно потребовал он. А Кулгурду, если уж что-то спрашивает, лучше ответить, как есть.

— Меня отчислили.

Марори протянула конверт, кто-то взял его, зашуршала бумага. Сопоставив даты, парни, не стесняясь присутствия девушки, материли «эльфийскую сраную жопу» и даже начали строить планы, как бы прищучить ушастого. Марори попросила не встречать. Какой смысл делать это сейчас, когда расправа никак не изменит ее участь?

— А мы тебе приготовили сюрприз, собирались отпраздновать инициацию у Крэйла на хате, — скис Эашу.

— Звучит устрашающе, — удивительно, как она нашла силы на вполне искреннюю

улыбку. Ниваль ткнул инкуба в спину.

— Испортил сюрприз.

На этот раз Марори расплылась в самой что ни на есть искренней и счастливой улыбке. До чего же глупо выглядит со стороны: ревет и лыбится, лыбится и ревет. Она уронила лицо в ладони и дала волю чувствам. Все, о чем она мечтала, — друзья, дело по вкусу, призвание. Все это неумолимо превращалось в песок и стремительно просачивалось сквозь пальцы. И как бы она ни старалась — все тщетно. Все равно, что ловить ветер сачком.

— Говорил же, чтобы прекращала таскать сопли и реветь, Марори Милс.

Незнакомый голос, но интонация и.

Никто больше не звал ее вот так официально.

Перед глазами замаячила бумажная салфетка. Марори подняла взгляд и наткнулась на белобрысого, как снег, здоровяка. Он лишь самую малость проигрывал Кулгарду в росте и был более поджарым. Альбинос, от кончиков волос до ресниц и бровей, но со смуглой кожей и совершенно невозможными глазами цвета ртути.

Он чуть склонил голову набок, нервно рванул ворот форменной рубашки — несколько пуговиц упали на пол. Потом засучил рукава, обнажил крепкие жилистые руки: на правой отчетливо виднелся выпуклый черный орнамент, уходящий вверх по предплечью. Оставшуюся часть скрывал рукав. Его волосы выглядели жесткими, непослушными и какими-то всклокоченными. Как будто он забыл причесаться после сна. Видимо, в форме ему было очень некомфортно.

Ископаемый шанатар?

— Ну и где твоя лягушачья кожа, принц-жаба? — Марори шмыгнула носом, потом взяла из его рук салфетку и громко, от души, высморкалась.

— Отрыжка темного, малявка сделала мой день! — Даган хохотнул.

Крэйл Шаэдис, Принц-из-Тени, оскалился. Что ж, по крайней мере, клыки и глаза у него те же.

— Моя цыпочка такая остроумная, хоть и зареванная, — Эашу снова призмеился к ней, устроил голову на плече, норовя схватить за ухо. Они не посвящали остальных в свои планы сорвать куш, хотя Марори до последнего настаивала на этом. Инкуб сильно волновался из-за утечки информации. Ничего не попишешь — пришлось согласиться.

— Бери эту бумажку, Марори Милс, — Крэйл отобрал у Ниваля письмо и вернул его владелице, — и иди к Магистру. Выгнать тебя до инициации и сейчас, когда на тебе места живого нет, когда у тебя есть честно прирученный фэлфаэр, — очень разные вещи. Только сопли вытри, а то смотреть гадко.

— Крэйл дело говорит, — поддержал шанатара Кулгард. Потом ткнул его в плечо. — Слушай, бицуха совсем сдулась, и трапеция ни к черту — дрищ дрищем.

Марори чуть не икнула. Вот это называется «сдулась»? Да он выглядит едва ли не так же мощно, как Кул, а уж тот по праву носит звание главного «качка» Дра'Мора. Она чуть было не сказала об этом вслух, но вовремя прикусила язык. Нет, определенно, этот напившийся живой крови шанатар действовал на нее куда более странно, чем немощный сутулый доходяга. От предыдущего она хотя бы знала, чего ждать. Альбинос же казался огромным знаком вопроса, в котором от прежнего Крэйла осталась разве что его вездесущая грубость.

— Я с тобой пойду, — охотно вызвался сопровождать ее Эашу, но Ниваль поймал инкуба за шиворот и бесцеремонно оттащил от Марори.

— Не маленькая, не заблудится.

— Я не знаю, что ему сказать, — призналась она.

— Наверное, то, что ты зубами и кровью выгрызла право быть одной из нас? — предложил Крэйл.

Да, точно! Что же она за бестолочь такая, стоит чему-то произойти — и она теряет, перестает мыслить трезво.

— Крэйл.

Он вскинул голову.

— Спасибо, за все.

Секунду он буравил ее жестким взглядом. А потом, улыбнулся. И эта улыбка превратила его из неприветливого буки в самого обаятельного парня на свете. Хотя, конечно, значительные клыки по-прежнему заставляли ее вздрагивать и побуждали держаться от шанатара подальше.

Идти к Магистру без приглашения, да еще и с намерением попать уставы Дра'Мора было очень плохой идеей. И чем ближе она подходила к кабинету, тем отчетливее понимала, насколько сумасбродная. И как ее снова угораздило поддаться подначиваниям шанатара? Но если разобраться — чем она рискует? Разве что быть испепеленной гневом Магистра. Не так уж страшно после танцев с Сатисом.

На ее несмелый стук Магистр отозвался громким разрешением войти. Знакомый кабинет утопал в дыму и запахе табака. Перед сидящим за столом Лордом-демоном стояла до отказа забитая окурками пепельница в форме черепа какой-то рептилии.

— Староста отдал мне распоряжение администрации. — Она положила конверт около черепа и отошла на безопасное расстояние. — Полчаса назад.

— И? — Магистр писал письмо, которое, судя по количеству окурков, было куда важнее зарвавшейся студентки.

— Я. — Она запнулась, вдруг поняв, что совершенно не подготовилась к разговору. То есть у нее был план действий на случай вспышки гнева или чего-то подобного, но вот это безразличное «И?» настигло ее как гром среди ясного неба. — Я прошла инициацию, у меня есть фэлфаэр, и, когда Круг разрушился, я.

— Вы сжульничали, айра Милс. — Лорд-демон продолжал вычитывать письмо и что-то энергично в нем черкать. — Полагаете, это равносильно тому, чтобы пойти в Хаос и попытаться поймать бестелесную сущность? Кроме того, раз вы забылись, я напому причину, по которой было принято решение о вашем исключении. Правда, это отвлечет меня от дел и мое настроение сильно испортится, но, раз уж вы сюда заявились, я уважу ваши претензии.

Она трижды обозвала себя идиоткой, дурой, бестолковой башкой, но время для отступления вышло.

— Я соврала.

— Значит, вы все-таки помните. Хорошо. Тогда какого лешего вам надо?

— Я всего лишь хотела остаться в Дра'Море, потому что теперь это мой дом. Другого у меня нет. Потому что я заслужила право быть одной из вас. Потому что во мне тоже течет проклятая кровь, и я верю, что здесь — мое место. Среди таких же, как я. — Она все-таки не удержалась и вздохнула, хотя видят Светлые, никогда за всю жизнь не пыталась казаться храброй так сильно, как в эту минуту. — Прошу прощения, Магистр, я забылась.

И пошла к двери. Но прежде чем взялась за ручку, Магистр догнал ее окриком.

— Не помню, чтобы отпускал вас. Она послушно вернулась.

— Я навел справки о вашей семье, айра Милс. И оказалось, что никакой Марори Милс в списках членов семьи не значится. Сначала я подумал, что это какая-то дурацкая ошибка, которых вокруг вас так много, что это уже доходит до абсурда. Поэтому проверка заняла чуть больше времени, чем требуется в таких случаях. Вы не первая студентка, которая пытается обманом сунуть свой нос в Дра'Мор, поэтому определенный опыт в отлове нарушителей у нас есть. Но вас действительно не существует в природе, айра Марори Милс. И на этот счет у меня есть свои собственные размышления, которые, впрочем, вам знать не обязательно.

— Но я правда не понимаю, не знаю, почему так!

Магистр со всего размаху припечатал лапицей стол. Пепельница опрокинулась и только чудом не грохнулась на пол. Демон смахнул мусор, а заодно и пламя со своих рогов. Сатис в своем самом худшем явлении казался безобидным пугалом на фоне доведенного до бешенства ректора Дра'Мора.

— Еще раз перебьете меня, и я с радостью испепелю вас. Причем без вреда для себя и репутации заведения, потому что никакой Марори Милс в природе не существует.

Марори поклялась памятью умершей матери, что с этих пор будет открывать рот только по его приказу.

— Я знаю про ахасов, — выдал Магистр. — Какого рожна ты творишь, девчонка?! О таких вещах нужно докладывать немедленно!

Похоже, один ископаемый шанатар совершенно не умеет держать язык за зубами.

— Тогда я не могла сказать, потому что пришлось бы говорить и о другом, — честно призналась она. А куда темнить? Ее вранье оголили, как провод.

— Надеюсь, айра Милс, вы сделали выводы на будущее, — раздраженно сказал Лорд-демон.

— Да, Магистр.

— Я не могу отменить приказ. Решение о вашем отчислении было принято коллегиально. Кроме того, я считаю, что наказание заслужено, и скажите спасибо, что вас не подвергли публичной экзекуции или не приковали к позорному столбу. Некоторые члены комиссии очень на этом настаивали. Поэтому, студентка Марори Милс будет отчислена. — Он сделал паузу, а потом добавил. — На том, чтобы выгнать вас из Дра'Мора настаивала Ложа. Ни я, ни магистресса Флоранция не обладаем достаточными полномочиями, чтобы противостоять их требованиям.

— Спасибо, что поступили со мной мягко. — Она поклонилась, пользуясь тем, что он не видит ее лицо, сморгнула набежавшие слезы.

— Я еще не закончил. Проклятье, девчонка, ты всегда такая бестолковая?! Марори распрямилась, вытаращилась на Магистра. Что еще?

— Студентка Марори Милс действительно будет отчислена, потому что такой студентки попросту нет. Не верю, что говорю это, но на сей раз вранье спасло вам жизнь, айра Милс. Я отдал старосте вашего Круга все бланки для заполнения — заполните их и верните ему, дальнейшие распоряжения он получил от меня лично. И я вас предупреждаю — ни буквы вранья в этот раз, потому что до конца своего обучения в Дра'Море вы полностью исчерпали отведенный на вас лимит моего терпения и доверия. Кроме того, учитывая ситуацию, которая сложилась вокруг группы Первого круга, я разрешаю вам перевестись на первый год обучения.

— Магистр, я прошу оставить меня на Третьем! — выпалила она, и снова согнулась в

поклоне. В голове не укладывалось, что ей дали еще один шанс. Что больше не нужно врать, не нужно притворяться и скрывать свое прошлое и свой побег. Но если она может выбрать, если есть хоть маленький шанс.

Магистр Дамиан окинул ее взглядом с ног до головы.

— Ваше право, но имейте в виду, что это — последний шанс. Для вас сделано слишком много исключений, нильфешни. И не потому, что мне вас жаль, надеюсь, вы в состоянии понять хотя бы это. Я вижу в вас потенциал — и ваша проснувшаяся проклятая кровь его подтверждает. Очень надеюсь, что не ошибся. В противном случае придется собственноручно свернуть вам шею. И вот еще что. Хотел поинтересоваться — откуда у вас тамаката?

— Что?

— Ваше оружие, айр Милс. Тамаката, одушевленная вещь, ваша коса. Уму непостижимо — носить в зубах гранату и думать, что это мячик для гольфа. — Он издал злой смешок. — Стоит мне начать думать, что вам больше не удастся меня удивить, — и вы разубеждаете меня в обратном.

Марори тут же выложила всю подноготную появления у себя косы, начиная с безымянного подарка под дверью и заканчивая материализацией Изменчивой сферы. Когда закончила, Магистр выглядел озадаченным.

— Я надеюсь, вы понимаете, что человек, подаривший это, определенно не желал вам добра. Одушевленная вещь — это куда более опасная и бесконтрольная сила, чем ваш личный фэлфэр. Тем более, оружие. Я бы хотел сказать, что рад вашим могущественным покровителям, пожелавшим сохранить инкогнито, айра Милс. Только боюсь, на фоне кишачих вокруг вас загадок и тайн, это скорее повод для сочувствия.

— Среди моих знакомых нет таких людей.

— Видимо, вы очень плохо знаете своих знакомых. Но, впрочем, меня больше интересует, как вам удалось ее усмирить?

Она совершенно искренне пожала плечами.

— Было очень безрассудно вот так хвататься за артефакт. Если бы тамаката подчинила вас своей воле, у нас бы мог случиться локальный апокалипсис с пришествием темного мессии. Ну ладно, я немного преувеличиваю, но только чтобы вы понимали всю глубину своей безответственности, айра Милс. Как минимум, вы должны были выяснить, что за вещь попала вам в руки, изучить ее и лишь потом пытаться подчинить. И не заикайтесь о незнании, — он отмахнулся от ее попытки оправдаться. — С одной стороны, я чувствую, что все происходящее вокруг вашей личности — даже не цветочки и что Дра'Мору еще предстоит хлебнуть с вами лиха, а с другой — вы слишком любопытный и небезопасный экземпляр, чтобы я выпустил вас из клетки. Тем более на вашем отчислении настаивала Ложа, и, поверьте, вы бы попали к ним в руки сразу, как вышли за порог Дра'Мора. Мы с магистрессой Флоранцией решили, что ваш удивительный талант стоит того, чтобы пойти на некоторые уловки. Мы заинтересованы в том, чтобы лично наблюдать за всеми вашими метаморфозами.

«Как о пауке каком-то», — подумала Марори. Без обиды, потому что за разрешение остаться в Дра'Море заочно на сто лет вперед простила Магистру все тычки, пинки и затрещины.

— Я распоряжусь, чтобы вам выписали пропуск в закрытую часть библиотеки. Потрудитесь выяснить, что за вещь оказалась у вас в руках. И ради Темных, немедленно

переоденьтесь в форму! Что за вид?!

Марори растеклась в извинениях, одновременно пятясь к выходу — и выскочила за дверь.

Сердце грохотало в груди, в происходящее верилось с трудом.

Она не отчислена, ей дали еще один шанс!

Светлые и темные и Неназванные, ради этого она пережила бы еще с десятков ночей Хаоса!

Как сумасшедшая Марори неслась, чтобы поделиться хорошей новостью. Но, когда ворвалась в зал, радостная весть замерзла на губах. Крэйл держал Аситаро за горло, и эльф болтался над землей, весь синий и с выпученными глазами. При этом сам шанатар выглядел совершенно спокойно, будто темный вовсе ничего не весил. Появление Марори заставило его оглянуться. Секунду или две они сверлили друг друга взглядами, а потом альбинос разжал пальцы. Эльф грузно свалился на пол, как прогнивший плод, потянулся было, чтобы встать, но Крэйл безжалостно раздавил его ладонь носком тяжелого ботинка.

— Что происходит? — Марори тихонько прикрыла за собой дверь.

— Воспитательная работа, — пробасил Кулгард.

Страшно представить, в каком настроении будет Аситаро после такой «работы». И как, скажите, пожалуйста, ей получить свои бланки? С другой стороны, она не могла сдержать злорадство. Если бы ушастому еще и по морде пару раз съездили, было бы совсем хорошо.

Аситаро встал и, пошатываясь, подошел к Марори, потому что так получилось, что она стояла между ним и дверью. Повязка сползла с его лба, обнажила адово клеймо. Не похоже, чтобы добродушная Ирри Данва как-то позаботилась о нем: выглядит так же, как ее собственное до вмешательства горгульи. Либо Ирри Данва решила проучить темного за его издевательства над другими, либо Аситаро сам постыдился идти за помощью.

— Мне нужны бланки, Магистр сказал, что они у тебя.

Аситаро сжал челюсти, аж зубы скрипнули от натуги. Потом отодвинул ее с пути и вышел, хромая.

— Эти бланки? — Крэйл протянул ей запечатанный конверт.

— У нас новый старый староста, — Даган хлопнул его по плечу. Забавно, учитывая их разницу в росте, молодому дьяволу пришлось задрать руку. — Царевна, блин, лягушка!

Шанатар тут же лихо скрутил его, и несколько минут они в шутку бодались. Правда, при этом пару раз ощутимо съездили друг другу по физиономии. Марори уселась на скамью, распечатала конверт, желая окончательно убедиться, что не спит. Так и есть: бланки со знакомыми вопросами, формы для заполнения. Только один новый — форма для заполнения анализа крови. Формальность, конечно, но еще одно напоминание о том, что она «прошлая» и «теперешняя» — совершенно разные люди.

— Так ты все знал? — вдруг сообразила Марори. — Крэйл! Когда говорил, чтобы шла к Магистру, — ты уже все знал. И ничего не сказал!

Эашу растекся в улыбке.

— Моя цыпочка так хороша в гневе. И как я до сих пор сдерживаюсь, чееерт.

Его словам никто не придавал значения. Взгляды сосредоточились на хмурой Марори и Крэйле, которому Даган, пользуясь тем, что противник отвлекся, как раз врезал в ухо. Шанатар потер ушибленное место, пообещал обидчику навешать люлей и зыркнул на Марори.

— Какие-то проблемы?

Это что, вызов? Этот ископаемый шанатар думает, что она настолько обезумела от счастья, что поддастся?

— Я просто спросила, — спокойно ответила Марори. — Но в следующий раз, прежде чем выкладывать посторонним чужие секреты, спроси сначала, хотят ли этого те, кому секреты принадлежат.

Он безразлично пожал плечами.

— Помочь с именем, цыпочка? — Эашу уселся возле нее, остальные тоже как-то незаметно оказались поблизости.

— Я понятия не имею, что тут написать. — Марори занесла ручку над самой первой строкой. Стало невероятно стыдно за то, что кончик стержня предательски дрожит. В конце концов, не каждый же день придумываешь новую себя.

— Я однозначно против смены имени, — пробасил Кулагрд. Он вообще любил категорично выражаться в особенности в тех вопросах, которые считал важными. И обычно не находилось желающих оспаривать его точку зрения.

— И я «за» старое имя, — поддержал Ниваль.

— Загвоздка в фамилии, — промурлыкал Эашу.

— Нет никакой загвоздки, — неожиданно встрял Крэйл.

— Ого, что сейчас будет, — на ухо Марори, посмеиваясь, прошептала Даган.

— Мне уже страшно, — также шепотом ответила она.

— Она может взять мою фамилию. Так, по крайней мере, в стенах Дра'Мора никто к ней не сунется.

На этот раз нервы у Марори все-таки сдали, и она громко, нервно рассмеялась.

— По-моему, кто-то лезет на чужую территорию, — недовольно проворчал Эашу и чуть ли не силой притянул Марори к себе.

— Я не замуж ее зову, — огрызнулся Крэйл, — а предлагаю помощь. Как это сделал каждый из вас. Имя Шаэдисов приносит некоторые неудобства, но не здесь. А в мир небеснорожденных, я так понимаю, малявка в ближайшее время не собирается. Но, конечно, она может называться хоть ведром, если с этим какие-то проблемы.

Марори надеялась, что хоть кто-то, хоть что-то скажет. Что вот сейчас они хором посмеются над несмешной шуткой, но никто и слова не произнес поперек. Даган так и вовсе энергично утвердительно закивал.

— То есть я буду вроде как. твоей сестрой?

Что за чушь!

— Ты будешь Марори Шаэдис йор Миол'Мора. Остальные люди придумают сами, можешь мне поверить.

— Охренительная маскировка, — продолжал ворчать Эашу.

— Ее никто не прячет, ей дают время. А я предлагаю помощь. И делаю это, вопреки всем своим принципам, второй раз. Пока она будет одной из семьи Шаэдисов, на нее будут распространяться все привилегии шанатаров. В том числе, окажется под защитой права о неразглашении личности без ее личного согласия. То есть попадет в закрытый список студентов. И если кто-то — он выразительно зыркнул на Марори, — захочет с этим списком ознакомиться, ему придется заново повозиться с бюрократической машиной. Месяц-другой, насколько я помню.

— Я. я.

Марори закрыла рот.

— Темные тебя подери!

Крэйл отобрал у нее бумаги и решительно, размашистым неряшливым почерком заполнил первые графы. А потом небрежно бросил листы Марори на колени. Она взяла их трясущимися руками.

Марори Шаэдис йор Миол'Мора.

— Мне сейчас нужно где-то кровью подписаться? — сквозь непрошеные слезы спросила она. Трижды глупая шутка.

— Достаточно сказать «спасибо».

— Спасибо, братик Крэйл, — прибавил Эашу. — Впервые чувствую себя самым трезвомыслящим. Тут вообще хоть у кого-то мозги есть?

— Гляньте-ка на него — ревнует, что ли? — хохотнул Кулгард, и его приступ веселья вызвал едва ли не такой же шок, как предложение Крэйла.

— Я думаю, это плохая идея, — продолжал ворчать инкуб.

— Теперь-то Крэйл за сестричку Мар тебе уши открутит, — подначивал Даган. И даже не скрывал, что делает это нарочно. — Думаю, пора ваш тотализатор прикрывать, ребятки, а взамен открывать новый: через сколько дней Шаэдис-старший навешает одному наглomu инкубу за то, что цепляется к Шаэдис-младшей.

— Мне нравится эта идея, — спокойно и жестко поддержал Крэйл. Потом посмотрел на Марори, которая все еще пыталась собрать все произошедшее к одному знаменателю. — Я займусь формальностями и сам переговорю с Магистром. Есть какие-то пожелания насчет комнаты?

— Какой комнаты?

— Ох, и туго же до тебя доходит. Марори Шаэдис, к моей фамилии прилагается не только статус, хотя бы это ты в состоянии понять?

Она предпочла утвердительно кивнуть, не вдаваясь в подробности.

До обеда день пролетел как один миг. Мастер Гарак, преподающий основы парирования, не сделал скидок ни на физическое состояние студентов, ни на их участие в минувших событиях. Сперва загонял студентов до седьмого пота на отработке пройденных приемов, при этом всякий раз напоминая нерадивой студентке, что на случай, если ее форма пришла в негодность, нужно иметь запасной комплект. Потом они битый час отрабатывали новый прием, а потом пришла очередь тренировочного спарринга с самим преподавателем. И все по очереди получили на орехи. Все, кроме Крэйла Шаэдиса.

Марори не могла ничего с собой поделаться — как замороженная, таращилась на альбиноса. Как он двигается, скользит по площадке, словно ничего не весит, как он безупречно контролирует свое тело, каждый жест и даже полжеста. Идеальная грация, которую никак нельзя угадать в таком мощном теле, и сила, которая ощущалась в каждом движении. Он мастерски владел парным оружием, и их с Мастером Гараком «танец» был совершенен.

После окончания занятий Эашу по традиции проводил ее до комнаты. С тех пор, как они стали «парой», инкуб взвалил на себя эту обязанность и старался всячески поигрывать на публику, если поблизости была хотя бы пара заинтересованных глаз. Однако все попытки проникнуть к Марори в комнату разбивались об ее железобетонное «нет». Не потому, что девушка дорожила репутацией (с некоторых пор она перестала волноваться о мнении окружающих), а потому что верила: терпение и совесть инкуба не безграничны.

— Сегодня для меня опять «нет»? — для проформы поинтересовался Эашу, наваливаясь

на косяк ее двери.

— Ага.

Марори попыталась закрыть дверь, но он подставил ногу. И поморщился, когда она умышленно надавила посильнее.

— В общем, цыпочка, план такой — у нас что-то типа закрытой вечеринки у Крэйла. Там будут только самые доверенные.

— Сегодня же понедельник. — Студентам запрещалось покидать пределы Дра'Мора в учебные дни. Конечно, многие плевали на это правило, а администрация изредка даже закрывала глаза, если вылазка не носила криминальный характер. Правда, минимум раз в неделю за нарушение дисциплины обязательно кого-то пороли. — Нас накажут, если поймают.

— Ты мой очаровательный «ботан».

Зрачки Эашу расширились, он схватил ее за руку, прижал ладонь к губам и погладил кожу около большого пальца. Марори осмотрелась. Так и есть, стайка студенток с первого круга некромантии в десятке метров от них. Только что вывалились из телепорта и теперь, перешептываясь, таращились на инкуба.

— Подходящее время впустить меня в комнату. — Эашу вдавил ее в дверь, но Марори позаботилась, чтобы между ними осталось расстояние для ее руки. — Ну, нет, так нет. Слушай, цыпочка, я собираюсь прийти кое с кем. Раз у нас чисто деловые отношения, а у меня есть некоторые потребности. С этим нет проблем?

— Абсолютно никаких, — шепотом сказала она, спрятав лицо у инкуба на плече. Хоть бы любопытные тетери поскорее исчезли, но нет — таращатся, без стеснения фотографируют и наверняка тут же рассылают всем заинтересованным в тотализаторе подружкам.

— Я должен задержаться немного, так что придется добираться одной. Скажешь, что меня задержал кто-то из преподав, лады?

Одной?! То есть на вечеринку по случаю ее инициации она должна еще и сама же добираться? С ее-то везением без неприятностей не обойдется.

— Одна не пойду, — отрезала она.

— Да не жучься ты, Ним будет ждать тебя.

— Ним?

— Пришлось взять твоего ушастого в дело, — нехотя признался Эашу. И резко развернулся. Шаг — и переступил порог. — Будет ждать тебя в семь в северной части Тихого сада. Остальное ушастый знает. Только учти — и ему о нашем договоре ни полслова. Эти ушастые твари совсем не умеют держать язык за зубами.

Пришлось согласиться. Раз она накрепко решила стать частью этого мира, нужно принимать его со всеми «плюсами» и «минусами». А последние таковы, что слишком правильным в нем делать нечего.

Эашу пришлось вытолкать взашей, прямо под любопытные взгляды некроманток. Он выглядел разозленным. Что ж, можно ждать внушения о том, что она совершенно ничего не делает для их плана.

В назначенное время Марори пришла на встречу с Нимом. И остолбенела: эльф был не один, а со своей суккубой. Которая, в отличие от виновницы торжества, оделась соответственно: открыто и подчеркнуто сексуально. Марори стало неловко за свои привычные джинсы и простую хлопковую рубашку.

— Привет, — широко заулыбался Ним, — ну и где твой змей?

— Нарвался на препода, — брякнула Марори, — сказал, чтобы выдвигались без него.

Он выкрутится — и следом.

— А там у тебя что-то запрещенное, крепкое и алкогольное? — Он кивнул на внушительного размера рюкзак на плече Марори.

Ну и как ему объяснить, что она и шагу не ступит за пределы Дра'Мора без целой кучи своих вещей: записной книжки, телефона, ноутбука, пластырей, мази против синяков. Марори точно знала, что при необходимости в недрах безразмерного рюкзака может найтись почти что угодно. После того как она второпях убегала из дома, пришлось взять за правило сделать что-то вроде «тревожного чемодана» на случай, если в ее жизни снова что-то круто переменится. И на случай, если предстоит вылазка в совершенно незнакомое место, где одни Светлые знают, что может произойти.

— Знакомься, — Ним представил свою спутницу, — Ястина — предводитель главного дра' морского сообщества для девочек «Непокорные», — Ястина — это Марори, мой друг.

Ястина кивнула. Не надменно, но снисходительно.

— Годный шрам, — отметила она. — У кого делала? Сколько стоит работа? Долго будет держаться?

— Он настоящий.

Ястина поморщилась, но вслух ничего не сказала.

Тем временем Ним уже вытаскивал из рюкзака инвентарь: коробку с мелом, пригоршню рунных камней, кристальный кластер. Последний светился не так, чтоб уж слишком — заряжен наспех, сразу видно. Со знанием дела эльф разложил рунные камни в круг, в центре поставил кристалл, а потом обвел все мелом.

— Прошу ко мне, девушки.

Он встал в центре, Марори и суккуба по обе стороны от него. Ястина по-свойски взяла эльфа под руку — сразу видно, кто тут главный. Ним довольно улыбнулся, потом бросил себе под ноги пригоршню преобразовательного порошка. Воздух завибрировал от возмущения Плетения. Ним мастерски расчертил пустоту ладонями, вытягивая из не-Материи нити Плетения, подчиняя их себе. У Марори бешено забилося сердце. Она воочию видит создание точки перехода! Но как? Ним проучился всего ничего, и он.

«А ты думала, что одна корпишь над книжками?»

Воздух вокруг них сгустился, обвил тугим коконом. Марори непроизвольно крепче сжала ладонь эльфа. На задворках сознания шевельнулась мысль, что он мог что-то напутать, что-то сделать не так из-за неумения, и тогда в точке назначения они могут оказаться по частям. Или, в лучшем случае, за пару сотен километров от нее. Словно прочитав ее мысли, эльф повернулся к подруге и подмигнул, попутно сжав в ответ ее пальцы. Все будет хорошо — обещал его взгляд.

Их несколько раз потрянуло, а потом кокон рассыпался. Они по-прежнему стояли в круге, но обстановка изменилась. Стены из адского кирпича источали жар даже на расстоянии нескольких метров. И всюду, куда хватает глаз, — стеллажи, полки, сундуки. Нагромождения вещей.

— Ну вот, прибыли. — Эльф вышел из круга, с сомнением посмотрел на кристальный кластер. — Ну, в общем, расходовалось больше, чем я ожидал, но на обратную дорогу должно хватить.

Марори вышла следом. Она, может, и не учится Плетению так глубоко, как он, и уж

точно не адепт и не слишком смыслит в заполнении кластеров, но даже ей очевидно, что оставшейся энергии хватит на телепортацию разве что двух человек, и то — впритык. Он, как создатель портала, должен пойти обязательно. И очень маловероятно, что Ним решится переправить подругу вместо девушки, по которой сохнет. Пока они с эльфом вели молчаливую дуэль взглядами, суккуба поправила наряд и, ни слова не говоря, пошла к лестнице.

— Что собираешься делать? — злым шепотом спросила Марори.

— Ну, вообще. я был уверен, что обратно тебя доставит Эашу.

Ох. Логично же, любой бы так подумал. Марори махнула рукой и решала отложить мысли о способе возвращения на часик-другой.

— Мы с Эашу что-нибудь придумаем. Догоняй свою подружку, я немного осмотрюсь.

Место, в котором эльф поставил якорь перехода, было чем-то вроде склада для всего, что и выбросить жалко, и положить на видное место стыдно. Книги, написанные на языках, которых Марори не могла понять, оружие, части доисторических доспехов, микросхемы, осколки камней с выщербленными и затертыми временем рунами. Марори открыла одну из книг, пролистала, и очнулась от хриплого:

— Какого черта ты тут сидишь?

Крэйл стоял над ней, недовольный и мрачный, как туча. Одет запросто: безрукавка, джинсы, высокие ботинки на тяжелой подошве. Она осмотрелась. Так и есть, зачиталась и не заметила, как пристроилась тут же у полки, на полу. Интересно, давно она так сидит? Кажется, открыла на трети книги, а уже середина. Марори заложила палец между страницами, встала, отряхнулась.

— Извини, со мной такое случается — нашла интересную книгу и провалилась в нее.

— Не все из этих вещей можно трогать, — недовольно проворчал Крэйл. Взял ее за руку, развернул так, чтобы видеть, какую именно книгу она выбрала, и, немного подумав, предложил: — Можешь забрать себе.

— Правда?

— Эту книгу любила мать. Думаю, ей было бы приятно, что книга попала в руки того, кто способен оценить ее по достоинству.

Марори быстро, пока шанатар не передумал, сунула находку в рюкзак. Шанатар оценил его размеры и не сдержался от насмешливого:

— Ну и кто у тебя там?

— Совесть — на случай, если у кого-то ее нет.

— Темные тебя задери! Как можно быть такой занудой, Марори Шаэдис?

— Точно так же, как можно быть редкостным грубияном.

— Я был уверен, что ты не придешь, — немного нахмурившись, признался Крэйл.

— Почему я не должна была прийти на вечеринку, которая, если все правильно поняла, организована в мою честь? — Да уж, прозвучало это нескромно.

— Потому что тебе вряд ли понравится. все происходящее. Догадываюсь, что вечеринки у простокровных проходят совсем в другом антураже.

— Боюсь, я не так часто бывала на вечеринках простокровных, — последнее слово она нарочно выделила ударением, — чтобы стать в них профи. Если мое присутствие не входило в планы, я могу уйти.

«Прекрасно, Марори, ты просто молодец. — Она мысленно дала себе пинка. — Сейчас он скажет: „Ок, уходи“ — и что ты будешь делать?» Может быть, Ним еще не успел

затеряться где-то в недрах этого — она снова осмотрелась — склепа?

— Хватить пороть чушь. Пошли. — Шанатар двинулся к лестнице. — Сначала официальная часть, потом — экскурсия.

— Экскурсия?

Он снова вымученно застонал. Марори дала себе зарок больше никогда не обращать внимания на подобное проявление чувств в ответ на практическую любую ее фразу. Похоже, что бы она ни делала, шанатар все равно будет недоволен. Так стоит ли изводиться попытками подстроиться под его настроение?

Ох, Светлые и Темные, они что — в самом деле теперь. брат и сестра? Формально, конечно, но мысль об этом заставляла ее нервничать.

— Экскурсию по дому, — все-таки снизошел по пояснения Крэйл. — Ты же в курсе, что теперь это и твой дом тоже?

— Очень смешно, — сказала она, нисколько не сомневаясь, что шанатар ее просто подначивает. Хотя, положила руку на сердце, это было совсем не в его стиле.

— Бесишь, — себе под нос пробормотал он, и на этом их пререкания закончились.

Из подвала они попали в кладовую, заставленную опечатанными коробками, оттуда — на кухню. Точнее сказать, какое-то зловещее место, где трудилось не меньше десятка одинаковых с лица големов. Руководил этим парадом рабов мужчина средних лет и вполне человеческой наружности. Вполне, если бы не характерные отметины на голове в том месте, где положено быть рогам у демона. Видимо, кровь в его жилах была сильно разбавленной. Подготовка шла полным ходом. Мимо Марори и идущего впереди Крэйла проскользнула нимфа с подносом в руках, из всей одежды на которой была только коротенькая юбочка, бесстыдно обнажающая кружевные стринги. Она послала шанатару воздушный поцелуй, а гостю — удивленный взгляд. Конечно, на фоне смелого, если так можно выразиться, наряда нимфы, Марори в своих мешковатых вещах выглядела монашкой.

Дальше был коридор, в котором Крэйла поймала высокая красноволосая девушка с выступающими эльфийскими ушами.

— Где тебя носит? — раздраженно спросила она и схватила шанатара под руку.

— Ходил выуживать. Марори из подвала. Сказала, что замуруется и не выйдет.

Темная эльфийка покосилась на Марори. Еще один непонимающий взгляд. Похоже, к концу вечера она получит их критическую дозу и перестанет, наконец, реагировать. Эльфийка прильнула к плечу шанатара, что-то шепнула на ухо. Крэйл оглянулся на гостью.

— Она — моя. родственница, а если тебе что-то не нравится — ты в курсе, где дверь.

Эльфийка сперва нахмурилась (Марори показалось, что она вот-вот разродится гневной тирадой), но девушка смолчала и даже вполне мило улыбнулась в ответ. Только в ее взгляде от дружелюбия не было и следа.

— Я прошу прощения, — небрежно бросила ушастая, а потом снова перевела взгляд на клыкастого. — Ты невозможный злюка.

Марори передернуло от желания дать деру. Когда Шаэдис был облезлой вороной — он внушал страх и отвращение, в новом же облики он превратился в непредсказуемое, безжалостное белое пятно, от которого хотелось отгородиться свинцовыми стенами, как от заразы.

Заразы, которая в совершенстве владеет парными клинками и, глядя на которую в деле, Марори нравилось осознавать, что они вроде как по одну сторону баррикад.

В зале, куда они пришли, царил настоящий балаган. Вдоль стен ломились от угощений

накрытые столы, девушки-официантки сновали между собравшимися и охотно давали мужчинам (и некоторым женщинам!) полапать себя за разные места. На сооруженной в левой части комнаты мини-сцене в исступлении извивалась пара полуголых девиц. Марори покраснела и отвернулась в противоположную сторону — туда, где на стене растянулась потрескавшаяся от времени фреска. Война Светлых и Темных, переименованная на иной лад. В центре сюжета был Темный, который буквально разрывал землю под ногами Светлых противников и обрушивал их в пропасть.

Хозяину этого места определенно не нравилось, что все пошло совсем не так.

— А вот и наша виновница!

Около Марори материализовался Эашу. Он высвободился из хватки парочки девиц, обнял ее и вытащил на обозримое свободное место. Даган, ухмыляясь, всучил ей бокал с чем-то очень подозрительно похожим на кровь. Марори понюхала — и от крепкого запаха голова пошла кругов. Светлые, что же с ней будет, когда она выпьет ЭТО?!

Марори скользнула взглядом по залу. Хм, на закрытой вечеринке все же присутствовала пара совершенно незнакомых ей лиц, и, судя по виду, студентов среди них не было. Она покосилась на Крэйла — и наткнулась на его хмурый взгляд. Что она опять не так сделала, чем заслужила недовольство ископаемого шанатара? Похоже, на этот раз одним своим присутствием.

Эашу разродился речью, в которой соловьем заливался о достоинствах своей цыпочки. Его нисколько не смущало, что при этом его рука шарит по заднице одной из девиц, которые хвостом волочились за инкубом по залу. Когда Эашу занесло, Кулгард затащил его в толпу и сдержанно поздравил Марори с прохождением инициации. «До дна», — осклабился Ниваль, выразительно зыряка на бокал в ее руке. Проверка на вшивость? Наверное, сейчас не самое подходящее время, чтобы сказать, что спиртное она пила всего раз в жизни — домашний сидр на шестнадцатилетие, да и то всего глоток.

Марори нервно улыбнулась, пригубила — и рот обожгло огнем.

Силы небесные, как это вообще можно проглотить? Ладно, на счет три.

После мысленной отмашки она опрокинула в себя содержимое бокала.

И честно попыталась протолкнуть жидкость в горло.

А когда поняла, что не сможет, — выплюнула все под ноги. Черт, позорище-то какое.

— Она пить не умеет, — Ним протянул запечатанную пачку бумажных носовых платков. Судя по всему, у эльфа их, как и леденцов, неиссякаемый запас.

Марори вытерла губы, присела было, чтобы промокнуть лужу, но дернулась от раздраженного:

— Твою мать, Марори, хватит корчиться!

Крэйл схватил ее за локоть, заставил распрямиться. Она попыталась вырваться, но тщетно — так бы и оставила руку в хватке шанатара.

— Даган, где эта чертова коробка? — рассвирепел он.

Даган вынырнул из толпы, вручил Марори коробку. С минуту она таращилась на белую обертку и черную ленту.

— Да открой ты ее, — прорычал на ухо шанатар.

Трясущимися то ли от волнения, то ли от страха руками Марори стащила ленту, разорвала обертку и сняла крышку. Внутри лежала какая-то ткань. Орнамент и вышивка показались ей смутно знакомыми. Когда в голове мелькнула догадка, сердце глухо стукнулось в ребра. На губах замерли слова благодарности. Слишком куцые, чтобы выразить

ее чувства. Но как они узнали? Ответ возник в довольной улыбке инкуба. Ну да, вот уж кто без мыла влезет куда угодно и разнюхает то, что она сама о себе не знает. Фигурально выражаясь.

— И не воображайте, что я прямо тут это примерю, — сказала Марори скупно, только чтобы не разреветься.

— Примеришь это наверху, когда останемся наедине, — расплылся в сладострастии и инкуб, а заодно и его спутницы.

— Развлекайся, — бросил Крэйл и тут же исчез в неизвестном направлении.

Остаток вечера Марори провела, то обсуждая с Кулгардом новый график ее тренировок, то в игровой комнате, где они с Даганом битый час исследовали виртуальные просторы космоса и истребляли клонированных человеко-монстров. Когда она в последний раз видела Эашу, тот уединялся в комнате с тремя девицами. Инкуб подмигнул ей, приложил палец к губам и тут же, высунувшись из-за двери, поднял бровь в немом приглашении.

«Нет, нет и нет», — одними губами ответила она.

Когда время перевалило за полночь, а вечеринка как раз вошла в самый пик, Марори потихоньку отправилась на поиски Нима, надеясь уговорить эльфа вернуться в Дар'Мор. Но эльф словно сквозь землю провалился. Учитывая то, что и его подружки нигде не было видно, девушка сделала самый очевидный, как ей казалось, вывод: похоже, уж сегодня-то у эльфа что-то конкретно сложится.

Что ж, самое время поискать хозяина и спросить, каким образом она может добраться домой. Не может быть, чтобы все до единого прибыли сюда исключительно через личные телепорты. То есть Марори просто очень хотелось верить, что из этого необъятного мрачного места, больше всего напоминающего готический замок из страшной сказки, есть и простой человеческий выход. Может быть, и до электрички недалеко.

Девушка вышла на балкон. Кажется, именно туда уходил Крэйл, когда она видела его в последний раз. Часа этак два назад.

Ночной воздух остудил разгоряченные щеки. От взгляда вниз перехватило дух — балкон висел в паре сотен метров над огненной пропастью, заполненной клокочущей магмой. Но воздух был обжигающе холодным. Она поежилась, обхватила плечи, энергично потерла их ладонями.

Крэйл опирался на перила и именно в эту секунду выглядел настоящим хозяином этого места. Рядом с ним стоял пузатый бокал с черной жидкостью, в которой (Марори даже глазам своим не поверила) время от времени вспыхивали кроваво-красные искры.

— Я хотела сказать спасибо, — сказала она совсем не то, что собиралась. — Я благодарна за это вечер. — Она улыбнулась. Слова родились без труда. Потому что шли от сердца. — И за все остальное тоже благодарна. Для меня вряд ли бы кто-то сделала хоть десятую часть от всего этого.

— А выглядишь так, вроде готова просочиться в любую щель, лишь бы сбежать, — не потрудившись повернуться, сказал Крэйл.

— Я просто немного растеряна и не привыкла к таким. взрослым шоу.

— Привыкай. — Он взял бокал, но пить не спешил. — Ты теперь часть всего этого. А в нашем мире либо ты приспособился, либо сдох на обочине.

— Вряд ли я когда-нибудь это забуду. Ты не сможешь мне найти выход? Похоже, дальше веселье вполне обойдется без меня.

Он наконец повернулся и сделал глоток. Острый, заметно выступающий кадык дернулся

под кожей, когда Крэйл глотнул. Марори непроизвольно шагнула к выходу.

— Ты совсем ничего не помнишь, да?

— Не помню чего?

— Ты уже была здесь. Вместе со своим отцом. Семь лет назад.

Марори показалось, что земля стремительно и неумолимо стала выскользывать у нее из-под ног. В голове громко зашумело, мысли хаотично толкались и путались, а она была не в состоянии вернуть над ними контроль. Чтобы не упасть, на всякий случай вцепилась в дверной косяк. В какой-то момент даже поверила, что плита под ногами расколется, и она полетит в пропасть, прямо в огненную бездну.

— Что ты такое говоришь? — пробормотала тихо-тихо.

— Именно то, что ты слышала. Пойдем.

Марори опомниться не успела, а Крэйл уже взял ее за руку и увлек за собой. Она даже не пыталась смотреть по сторонам, анализировать, куда и с какой целью шанатар ее ведет. Она была здесь? В этом мрачном месте? Со своим отцом?

— Ты ошибся, — шептала она, нисколько не заботясь о том, что Крэйл вряд ли разберет хоть слово, — я бы никогда не забыла ничего подобного. Я никогда не была в Марабаре. Я никогда в жизни не выбиралась за пределы Ирвуда.

— Я думал, что ошибся, — ответил Крэйл.

Марори подняла голову — и тут же налетела на его плечо. Потом моргнула, разгоняя пелену перед глазами. Они стояли в длинном почти полностью темном коридоре. Лампа в виде распахнутой пасти огненного демона была единственным источником света на метры вокруг. Крэйл распахнул массивную дверь, чуть ли не за руку втянул спутницу в темную комнату.

Дверь за ними глухо и зловеще захлопнулась. От этого звука Марори невольно вжала голову в плечи. Нет, шанатар определенно не для того позволил ей пользоваться своим именем, чтобы теперь просто взять и сожрать. Фигурально выражаясь. И все же его близость и полное отсутствие рядом кого бы то ни было, заставляли девушку вспомнить все известные ей молитвы.

Раздался щелчок выключателя — и комната постепенно наполнилась приглушенным желтоватым светом.

Он что — привел ее в библиотеку?

Вокруг, куда ни глянь, были книги. Они стояли на огромных, под самый потолок, стеллажах. Некоторые тома лежали на подставках под стеклом. Не будь Марори так обескуражена происходящим и услышанным, она бы первым делом посмотрела, что за выдающиеся экземпляры там покоятся. Но сейчас ее волновала только одна мысль: что за ерунду несет Крэйл?

Тем временем Шаэдис обогнул массивный стол из какого-то темно-красного дерева, открыл один из ящиков и выудил оттуда коробку. Обычную картонную коробку, как будто из-под обуви. На фоне мрачных готических аксессуаров остальной обстановки серый картон без каких-либо опознавательных знаков казался чужеродным артефактом с другой планеты.

— Не стой там столбом, иди сюда, — потребовал Крэйл. И, когда она не сдвинулась с места, убедительно предупредил: — Еще секунда — и я притащу тебя на руках. Ну, так как?

Марори, с трудом переставляя одеревеневшие ноги, подошла. Крэйл открыл коробку и достал оттуда снимок, который перекинул к девушке в руки. Обычная фотография, сделанная, судя по качеству, мобильным телефоном.

— Это твой отец? — Крэйл встал у Марори за спиной и ткнул пальцем в молодого мужчину, запечатленного в момент разговора с высоким господином в элегантном черном костюме.

Не в силах произнести ни слова Марори просто кивнула.

Но как?

Понимая, как глупо выглядит со стороны, энергично потерла снимок большим пальцем. Какая-то очень наивная часть ее изо всех сил хотела верить, что это всего лишь глупая и очень злая шутка Крэйла. Но лицо отца никуда не делось, напротив — чем больше усилий она прилагала, тем более резкими и отчетливыми становились его черты.

Очнувшись от того, что шанатар твердо, но осторожно, забрал снимок из ее скорченных пальцев и положил обратно в коробку. Коробка переключалась в стол.

— Я видел его пару раз, — сказал Крэйл немного погодя, как будто давал собеседнице время прийти в себя, — незадолго до того, как мой отец изменился. Тогда я не знал, кем был этот человек и что он делал в нашем доме, но после каждого его визита отец буквально с ума сходил.

— Мой отец никогда бы не стал!.. — Марори запнулась, потому что сама до конца не поняла, что именно собиралась возразить. — Он был простым человеком, он не водил дружбу с проклятокровными!

— Как и мой — с простокровками, — парировал Крэйл. — Тем не менее, ты все видела своими глазами.

Шанатар наконец отошел от нее, и Марори смогла выдохнуть, не боясь в очередной раз показаться слабосильной девчонкой, которую непонятно каким ветром занесло в Марабар. Кажется, именно проявления ее слабости злили Крэйла больше всего.

— Я думаю, этому всему должно быть какое-то разумное объяснение, — неуверенно предположила Марори. И поняла, что сама себе не верит.

— Логично.

— Возможно, они просто были друзьями? — зло ухмыльнулся шанатар. — Сама-то в это веришь?

— Нет, — призналась она. Марори пошарила взглядом в поисках кресла. Такое нашлось в самом темном углу библиотеки, и, говоря по правде, ей совсем не хотелось уходить так далеко от единственного источника света. Поэтому, чтобы избежать позорного падения, она обеими руками вцепилась в столешницу. — Ты сказал, что видел меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На этот раз пауза затянулась. Крэйл какое-то время стоял, словно окаменел: ни единое движение не выдавало в нем признаков жизни. Когда он, наконец, заговорил, его слова звучали глухо и скомканно, как будто шанатар до последнего не знал, что именно должен сказать.

— Я почти ничего не знаю, кроме того, что видел своими глазами. Ты была здесь всего раз, как я и сказал, — в день твоего семилетия. Я хорошо это помню, потому что мне тот день никогда не забыть. Ты пришла с отцом, и я никогда не видел своего папашу таким чертовски довольным. Он чуть не пританцовывал от счастья. — Последние слова Крэйл едва ли не выплюнул. — Сначала я подумал, что ты будешь его Цепью — чистым источником крови. Но потом вы трое надолго заперлись в этой самой комнате. Отец долгое время обходился непостоянными источниками, и я был уверен, что именно поэтому с ним происходят все эти странные вещи. Если бы у него появилась постоянная Цепь, он бы стал

увереннее и спокойнее. Темные, как же идиотом я был. — Крэйл прошелся пятерней по волосам, выдохнул сквозь стиснутые зубы. — Я сидел под дверью и пытался подслушать, когда вышла ты. — Тут Крэйл повернулся и посмотрел на Марори так, будто видел ее впервые в жизни: невидящим слепым взглядом обозленного на весь мир существа. — Я даже сделать ничего не успел.

— Пожалуйста, замолчи, — взмолилась Марори. Неожиданный страх растекся по ней беспощадной отравой. — Умоляю, Крэйл.

Он и правда промолчал. Вместо этого стащил через голову безрукавку и приблизился к ней ровно настолько, чтобы она увидела.

На его груди, чуть выше сердца, виднелся отчетливый след от укуса. Темно-бордовые полукружия выглядели странно-свежими. Марори медленно протянула руку, коснулась щрама дрожащими пальцами — определенно старый: успел как следует зарубцеваться.

— Ты меня укусила, — жестко вколачивая в ее сознание каждое слово, сказал Крэйл. — И если бы не вышел твой отец и не оттащил тебя от меня — клянусь Темными, я бы сдох раньше, чем ты насытилась.

— Нет, — она едва шевелила губами, как замороженная разглядывая метку на его теле. Метку. Да она не знала, куда деть взгляд. Метка — это очень интересно и странно — спору нет. Но ведь он стоял перед ней полуголый. Чтоб ему пусто было! Такой весь. большой и рельефный. Ну как до такого не дотронуться? Нет! Марори Милс или Шаэдис, о чем ты думаешь?! — Я бы никогда такого не сделала. Я не пью кровь, Крэйл. У меня нет клыков. — Девушка нервно засмеялась, нарочно широко раскрывая рот. «Нервы-нервы, провались ты сквозь землю!» — У меня и сейчас их нет. Ты все это придумал, Крэйл Шаэдис, только я не знаю зачем.

— Клыков у тебя действительно нет, — на удивление спокойно признал он, но, едва Марори захотела отойти, сграбастал за запястье. Она уже знала, что вырваться из его хватки — себе дороже. — Но и в Дра'Мор ты приехала простокровкой. А сейчас — нильфешни. Не хочешь услышать продолжение истории?

— Нет, — как никогда искренне призналась она.

— Я умирал, Марори Шаэдис. Валялся на полу и доживал последние секунды. Даже не помню, что вокруг меня творилось. А потом. я почувствовал блаженство. — Его пальцы едва ли не выкручивали ей руку, но Марори не пыталась сопротивляться. — Как будто меня уничтожили — и дали возродиться кем-то другим. Бесконечно сильным, могущественным засранцем, способным разорвать мироздание в клочья и не поморщиться. Все, что я помню, — тебя надо мной, с раной на запястье. — Он что есть силы рванул на себя ее руку, вывернул, демонстрируя свидетельство своей правоты — тонкую рваную нитку щрама. — Сначала ты едва меня не угробила, а потом вернула к жизни, но кем-то другим. И будь я трижды проклят всеми богами, если хочу еще хоть раз испытать подобное.

Марори уставилась на шрам, пытаясь вспомнить, откуда он у нее. Кажется. Ну да, так и есть. Она порезалась, когда помогала матери готовить фруктовый салат на день рождения сестры. Мать предупреждала, чтобы она была осторожной, но то злосчастное яблоко было таким скользким.

— Когда я пришел в себя, то обнаружил, что меня, как чертового психа, цепями приковали к койке. Понятия не имею, сколько дней провалялся в таком состоянии, но я высох настолько, что даже пошевелиться не мог. Потом пришел отец, отпоил меня и рассказал, что я едва не убил мать. Даже он, шанатар из последнего и самого древнего рода,

ничего не мог противопоставить мне — четырнадцатилетнему засранцу. Знаешь, каким ребенком я был до того, как ты дала мне попробовать себя? Доходягой, который одной ногой стоял в могиле, и задыхался раньше, чем поднимался на второй этаж. Ты изменила все. Моя мать сошла с ума, отец сделался одержимым, а я — переродился.

Крэйл взял ее за подбородок, заставил посмотреть себе в глаза. После неожиданной вспышки гнева этот жест был невероятно мягким, почти нежным.

— Я был абсолютно уверен, что убью тебя, как только ты окажешься в пределах досягаемости. Сделаю с тобой то, что ты сделала с моей жизнью: сотру в порошок.

— Ты это все подстроил? Сделал так, чтобы я попала в Дра'Мор? Его оскал был красноречивее всяких слов.

— Дурацкий план — признаю, но то, что из всех студентов-везунчиков, которым разослали поддельные письма, Магистр в итоге выбрал и тебя, было настоящим везением.

— Ты подослал тех людей убить мою семью? — Она сглотнула. Нет, ради Светлых, Темных и Неназванных, пусть это будет не он. Только не он. Не Крэйл!

— Я подонок и тварь, Марори Шаэдис йор Миол'Морна, но я точно никогда бы не стал подсылать кого-то к незащитным простокровкам. Если я хочу кого-то убить, то делаю это своими руками, и то лишь в том случае, когда меня к этому вынуждают.

— Крэйл?

— Что?

— Поцелуй меня.

Непонятно, кого эта просьба ошарашила больше: шанатара или ее саму. Впервые за время их нечастого общения он выглядел неподдельно озадаченным. Она же стояла с открытым ртом, огорошенная тем, насколько непредсказуема сама для себя.

Попросила поцеловать?

После всего услышанного?

После того, как он только что признался, что хотел ее убить?

Да ее в дрожь бросает от одной мысли, чтобы допустить до себя его клыки.

— Ты совершенно чокнутая, малявка.

— От чокнутого слышу. Слабо? Я такая страшная, что гожусь только на то, чтобы хотеть убить ради мести?

— Марори потрогала свежий шрам на щеке. Ну и что теперь? Она ни на секунду не стыдилась его, не видела в этом повода заламывать руки и закатывать истерики. Но ведь шрам и правда подпортил ее и без того посредственную внешность. — Извини.

— Еще раз заикнешься об извинениях — уши оторву, — предупредил он.

И дернул на себя. Сильно, жадно. По-хозяйски подхватил под бедра. Прижал. Заставил обхватить себя ногами, забросил ее руки себе на плечи. Пришлось вцепиться ему в волосы, чтобы не опрокинуться назад. О, Светлые!

— Я имела в виду обычный поцелуй, — почти беззвучно произнесла она. До чего же неловко!

— За обычными, малявка, не ко мне.

Он сделал два шага, усадил ее на стол, твердыми пальцы стиснул ягодицы. Его губы приблизились к ее губам, выдохнули какое-то невнятное бормотание — и разомкнули их поцелуем. Зубы слегка прикусили нижнюю губу, клыки царапнули кожу.

— Ты целоваться не умеешь, — прохрипел он низким севшим голосом.

— Так и есть, — так же сипло ответила она. — Никогда ни с кем не целовалась. То есть

никто не пытался.

Он был горячим. Обжигал. Марори чувствовала, как и сама начинает гореть. Сейчас превратится в горстку пепла прямо тут, на столе.

— Черт, да заткнись ты уже.

Язык скользнул между ее губами, приглашая. Глаза Марори закрылись, сердце пустилось в бешеный пляс. Что же она такое творит? Первый поцелуй, а ведет себя как девчонка на кастинге фильма для взрослых: вцепилась в парня, от которого еще минуту назад шарахалась, как от проказы, и пытается отвечать на движения его губ, его языка.

Крэйл отстранился, вперил в нее хмурый взгляд. Что снова не так?

— Это было так ужасно?

Марори потрогала губы. В книжках что-то там пишут про припухлые зацелованные губы, на деле же все самое вкусное осталось в голове, и стоило на секунду закрыть глаза, как тело окутала внезапная слабость. Да что же это такое происходит? Нет, ему определенно надо одеться! Иначе мысли где-то в глубинах извилин еще долго будут скакать безумными енотами.

«Спокойно, Марори. Ничего страшного не произошло и не произойдет. Просто включи уже голову и возьми себя в руки».

— Хотел сделать это с первого дня, как увидел тебя в Дра'Море, — сказал он с некоторой досадой. Как будто его против воли вынудили признаться в том, в чем он признаваться не собирался.

— Ты только что сказал, что хотел меня убить.

— Не уверен, что передумал, малявка. — Он задумчиво приподнял на пальце локон ее волос, как будто оценивал, не изменился ли их цвет. — Одно точно знаю: ты и я, мы как-то связаны. И чтобы узнать, где и почему скрывается мой отец, я должен разгадать тебя. А для этого, Марори Шаэдис, кто-то должен помочь тебе отгадать саму себя.

— Будь я чуточку умнее — уже неслась бы от тебя на край света. Или даже дальше.

— Ну, раз ты понимаешь это, то небезнадежна.

— Крэйл Шаэдис, что у тебя там? — Она попыталась протиснуть палец ему между губ. Шанатар поддался, приоткрыл рот и выставил язык. Так и есть — железная штанга пирсинга в самой середине. — Я тебя не зря боюсь, братик Крэйл.

— Назови меня так еще раз, малявка, и я тебе рот с мылом вымою, — погрозил он. То ли в шутку, то ли всерьез. — Хватит и того, что Эашу мне об этом на каждом шагу напоминает. У вас свободные отношения?

— Что?

— До чего же непонятливая. — Он убрал волосы ей за ухо, чуть отстранился, ровно настолько, чтобы она снова вперила взглядом на шрам от укуса на его груди. — Эашу сейчас наверху вовсю развлекается, а ты здесь. Со мной.

— Потому что у одного ископаемого шанатара есть вредная привычка хватать и тащить меня без спроса, куда ему вздумается.

Крэйл продолжал смотреть на нее. Минуту, другую, будто хотел загипнотизировать. Марори непроизвольно прошлась рукой по волосам. Кажется, порядком выпивший Ниваль дважды пытался обрушить ей на голову заклинание смены формы, чтобы «присобачить» рога. Ему удалось? Нет, ладонь не наткнулась ни на что незнакомое.

На самом деле она хотела забыться. Заполнить голову чем угодно, лишь бы вытолкать оттуда все рассказанные Шаэдисом ужасы из ее, якобы, прошлого. Возможно ли, чтобы она

забыла такое? Забыла, как набросилась на беззащитного подростка и едва его не убила? А потом напоила собственной кровью, чтобы вдохнуть в немощное тело новую жизнь? Она с трудом оторвала взгляд от его шрама и уставилась на собственное изувеченное запястье.

— Поклянись, что не врешь! — взмолилась она.

— Придется поверить мне на слово, потому что я никогда никому и ни в чем не клянусь. За клятвами — это к крылатым уродам из Эльхайма.

— И Изменчивая сфера тоже не твоих рук дело?

— Я сказал, что хотел убить тебя, а не смотреть, как ты попадешь под влияние тамакаты и выпотрошишь половину дра'морцев, прежде чем тебя испепелят.

— Я была абсолютно уверена, что это — ты, — созналась она.

— Даже после того, как я сказал, что понятия не имею ни о какой Изменчивой сфере?

Она пожала плечами. Мало ли что он сказал, в конце концов. Аситаро тоже много чего говорил, а еще больше — не говорил. Хотя, если поразмыслить, попытка темного загнать ее в угол в итоге обернулась с пользой для нее. Как говорится: все, что ни делается, — делается к лучшему.

Марори попыталась встать со стола, но Крэйл загнал ее в ловушку, поставив руки по обе стороны ее бедер. Она только теперь сообразила, что шанатар так и стоит перед ней без футболки, и укус горит на его груди, как зловещее напоминание о его сегодняшних откровениях.

— Я не могла забыть, Крэйл. — Чем сильнее она всматривалась в его шрам, тем больше он казался каким-то зловещим знамением. Как будто теперь, когда она узнала то, что забыла, ее жизнь снова круто изменится. Знать бы еще, в какую сторону. — Я бы никогда такое не забыла.

— Если бы я хоть на минуту усомнился в том, что ты притворяешься, что все забыла, — мы бы с тобой сейчас так мило не беседовали. И я бы точно не стал предлагать тебе свое имя в качестве защиты.

То есть, по его мнению, они сейчас «мило беседуют»? Он очень «мило» признался, что желал ей смерти и пока не то чтобы передумал отказываться от этой мысли, а она не придумала ничего лучше, чем пристать к нему с поцелуями. Это можно назвать как угодно, но точно не «милой беседой».

— Пойдем, я обещал тебе экскурсию по дому.

Крэйл даже не потрудился одеться. Впрочем, в этой части дома они, похоже, были единственными живыми существами. Марори лишь изредка слышала едва слышные звуки ревущей музыки и вопящей толпы. Как будто все это происходило в другом измерении и лишь по воле странного волшебства время от времени просачивалось в стены странного мрачного и крайне неуютного дома.

— Здесь все немного заброшено, — нехотя признался Крэйл, увлекая ее в более освещенную часть коридора.

Мягко сказано. Пыль была всюду: на дорогой мебели, на статуэтках и на барельефах. Крэйл периодически указывал на двери: там — гостиная для мужчин, там — бильярдная, малый Красный зал, еще одна библиотека, спортивный зал. Марори даже не пыталась запомнить. Зачем в одном доме для одной семьи такое бесконечное множество комнат?

— Этот дом построил какой-то из моих предков по отцовской линии, — будто прочитав ее мысли, сказал Крэйл, пока они поднимались на третий этаж. — Еще до того, как мир покотился коту под хвост. Я и сам до конца не знаю, что и где тут есть. Уверен, здесь до

черта комнат, где я вообще никогда не был. Но этот дом — все, что у меня осталось. Всего лишь, — он кротко оглянулся на нее, — раскаленный камень и ледяные воспоминания в паутине. Ничего больше. Я все здесь ненавижу.

— Я любила свой дом, — рискнула сказать Марори, — любила аромат материнской выпечки, любила, когда в магазине на первом этаже звенел колокольчик над дверью. И когда отец приходил с работы, и мы садились ужинать.

Они оказались в просторном зале, оформленном алым бархатом, черным мраморов и витиеватым серебром.

— Ирония в том, Марори Шаэдис, что у тебя нет дома, куда бы ты хотела вернуться, а у меня есть дом, куда я не хочу возвращаться. А сейчас ты пойдешь в любой из этих коридоров и выберешь любую комнату, которая будет тебе по душе. И будешь проводить здесь каждые выходные. Считай это платой за то, что пользуешься моей фамилией.

— Платой? Больше похоже на еще один щедрый подарок.

— Возможно, я делаю это, чтобы усыпить твою бдительность и загрызть тебя посреди ночи, пока ты будешь безмятежно спать одной из этих постелей.

Она понимала, что ничто не мешает Крэйлу выполнить угрозу прямо сейчас: вряд ли кто-то услышит ее крики о помощи. Для того чтобы расправиться с ней ему совсем не обязательно ждать так долго.

— Хватит топтаться на месте и смотреть на меня таким затравленным взглядом. Ей-Богу, когда я сказал, что хотел твоей смерти, ты и то выглядела не такой перепуганной. Клянусь, я не припрятал никаких демонов, максимум, что тебя ждет, — крысы, пауки и с десяток других паразитов.

— Я боюсь пауков, — призналась она.

— Насколько я помню, у тебя есть хорошая одушевленная мухобойка.

Марори не стала испытывать его терпение. Наугад выбрала коридор — правый. Свет здесь был скудным и тусклым, приходилось напрягать зрение, чтобы высмотреть подходящую дверь. Хотя, как можно выбрать комнату по двери, если они все абсолютно одинаковые? Марори оглянулась: шанатар стоял на том же месте, разве что скрестил руки на груди и всем видом давал понять, что лучше бы ей не затягивать. Она наугад остановилась перед, кажется, пятой по счету дверью, неуверенно взялась за ручку — и осторожно толкнула ее внутрь.

Чтобы разогнать темноту, пришлось воспользоваться единственным волшебством, которым она овладела почти в совершенстве, — Светом. Странно, но в стенах этого дома Материя была более податливой, мягкой, как разогретый пластилин. Шар света выскользнул из ее рук и подскочил куда-то к самому потолку.

Комната была небольшой и совершенно не уютной: массивная старинная мебель, тяжелые портьеры белого цвета контрастировали с темно-коричневым деревом и филигранью красного золота. У зарешеченного окна стоял письменный стол, на котором, припорошенные толстым слоем пыли, лежали забытые кем-то книги. Движимая любопытством, она смела серый слой со страницы, впиалась взглядом в буквы — отпрянула. Похоже, бывшему владельцу нравилось искусство бальзамирования и тонкости человеческой анатомии. Марори быстро захлопнула книгу, твердо решив, что от этой вещи избавится в первую очередь.

— К твоему следующему приезду здесь будет чисто.

Крэйл стоял в пороге и озирался по сторонам с ничуть не менее заинтересованным видом, чем она только что. Его взгляд красноречивее слов говорил, что его можно не

спрашивать о прежнем постояльце, потому что шанатар, как и сама Марори, впервые переступил порог этой комнаты.

— Я и сама могу.

— Сама ты будешь заниматься со мной, — отчеканил он не терпящим возражений голосом. — Все выходные, которые будешь проводить здесь.

— Я была бы благодарна. — Похоже, ее согласие не было для него неожиданностью.

— Только учти, малявка, до первых соплей.

Она фыркнула.

— Вряд ли ты более требовательный, чем Кулгард. И хватит скалиться!

— Ты и понятия не имеешь, каким требовательным я могу быть. Пойдем, отвезу тебя в Дра'Мор, пока ты снова во что-то не вляпалась.

А вот это — хорошая идея! После всего услышанного и увиденного она отчаянно нуждалась в отдыхе. Зарыться с головой под подушку и как следует выспаться — для начала. Чтобы на свежую голову переварить все произошедшее. Возможно, в свете нового дня откровения шанатара не будут казаться такими зловещими. Или, наоборот, она осознает всю глубину пропасти, в которую ей еще только предстоит свалиться.

Он спустился вниз, она поплелась следом. Точнее сказать — побежала, чтобы успевать за его быстрым шагом. На полпути пришлось вернуться в зал, чтобы забрать драгоценную коробку. Похоже, гулянка только-только набрала обороты. Марори пришлось прикрыть глаза и уговаривать себя не смотреть на происходящее вокруг. Хотя кое-что она все-таки увидела: скучающую суккубу Ястину. Одну.

Крэйл поджидал у коридора и, как только Марори подошла, — снова быстро зашагал, на этот раз по лестнице в подвал. Точнее сказать, в подземный гараж. Марори не разбиралась в машинах и воспринимала колесные средства передвижения исключительно с позиции «нравится — не нравится». В гараже Шаэдисов было около десятка автомобилей — что и говорить, они не бедствовали.

— Это игрушки отца, — угадав ее мысли, через плечо бросил Крэйл. — Никогда не понимал, зачем столько бесполезного железа, если и одной машины хватит, чтобы добраться из точки А в точку Б.

Он ненадолго задержался около внушительных размеров чоппера. Хромированные детали зловеще поблескивали, обещая те еще незабываемые впечатления в случае, если Крэйл решит поехать на нем. Но шанатар оглянулся на спутницу — и пошел дальше. Он выбрал черный внедорожник, открыл дверцу и молча предложил Марори сесть, а потом сам же пристегнул ее ремнем безопасности.

Они выехали на шоссе, и Крэйл прибавил скорости.

— И как долго вы с Эашу намерены притворяться? — ни с того ни с сего спросил он. — Ты сама призналась, что гмм. неопытна, а зная этого засранца, я уверен, что он бы давно забил на бесперспективную «динамщицу». Значит, у вас деловое соглашение. Мухлюете на идиотских тотализаторах?

— Это тебя не касается.

— Касается, потому что я собираюсь предложить тебе. — Он нахмурился. Белые брови сошлись к переносице.

— Очередное предложение вроде: «Отдай мне свою душу?» Тогда я заранее пошлю тебя к черту.

— Даже если я предлагаю стать. моей?

Последние слова он произнес так, будто для этого пришлось положить язык в раскаленные тиски.

Марори, оцепенела.

Он чего только что сказал?

— Ты у меня застряла в башке, как заноза, — продолжил шанатар резко, грубо, будто отчитывал ее за свои чувства. — Ничего не могу с этим поделать.

Все это время он, не отрываясь, смотрел на дорогу перед собой, как будто делал предложение пустоте, а не живому человеку на соседнем сиденье.

Он молчал. И она помалкивала. В голове стало пусто, хоть в колокол звони. Крэйл Шаэдис, ископаемый шанатар, который собирался ее загрызть, предлагает ей отношения?

Когда шанатар резко дал по тормозам, она была уверена, что выполнит обещание и пошлет его к черту. Но зачем-то отвернулась и, не мигая, таращилась в непроглядную ночь за окном.

— Да повернись ты, черт подери! — рявкнул шанатар.

Марори, очень медленно, повернулась. Крэйл смотрел прямо на нее, но за белыми лохмами лица было не разглядеть. Только ртутные глаза все так же недобро поблескивали.

— Я тебе нравлюсь? — почему-то шепотом спросила она. Пальцы сами собой потянулись к шраму на щеке, но она вовремя одернула руку.

— Мне кажется, я достаточно ясно дал это понять, малявка.

— Я не малявка! — огрызнулась она в ответ. — Это розыгрыш, да? Дурацкая шутка?

— Маловато зрителей для розыгрыша.

И сколько еще они будут вот так пикироваться огрызками фраз?

— Я не шучу, малявка, не разыгрываю, не прикалываюсь, и у меня, черт его дери, нет ни единого злого умысла. Я просто хочу, чтобы ты была со мной. У меня никогда не было ни с кем серьезных отношений. И я, точно так же, как и ты, ни фига не представляю, что нужно делать. Я не принц на белом коне, я не умею петь серенады, а даже если бы умел — черта с два бы пел, потому что вся эта сопливая ерунда не по мне. И ты уже видела, во что я могу превратиться, если снова попаду в немилость. А еще я чувствую, что между тобой и Эашу нет ничего и близко похожего на то, что происходит между нами, когда мы рядом.

— У нас деловое соглашение, — быстро сказала она. И тут же выложила всю подноготную их липовой «любви». — Если Эашу узнает, что я проболталась, — он будет очень недоволен.

Шаэдис ослабился. Его клыки заставили Марори поежиться. Желание держаться от этого чокнутого шанатара отложилось на уровне подсознания и срабатывало всякий раз, когда проявлялась его истинная натура кровопийцы. Но, вместе с тем, он был совершенно прав: между ними была особенная связь. Что-то невидимое и неосязаемое, от чего воздух мгновенно накаляется и начинает угрожающе трещать. Она до смерти его боялась — но и не могла не думать о том, что сама выпросила тот поцелуй. И что именно рядом с Крэйлом, даже после всех его признаний, она чувствует себя в безопасности.

— Свалилась же мне на голову, чтоб тебя. — Шанатар запустил пятерню в волосы, а потом задумчиво положил ладони на руль.

Это же шанатар, сумасшедший и чокнутый, ни единому его слову нельзя верить, но она чувствовала острую необходимость посмотреть на него, вцепиться взглядом в его взгляд. Думать всерьез, что этого будет достаточно, чтобы распознать ложь, — верх наивности. Правда, она совершала и более бессмысленные вещи, так что — одной больше, одной

меньше, какая разница?

— Мне никогда не делали такого предложения. То есть, в смысле, мне вообще ни разу не делали предложения стать чьей-то. Как это вообще понимать?

— Что именно тебя смущает?

— Ну... обычно. Разве ты не должен был предложить встречаться?

— До чего же девочки зациклены на словах. — Крэйла как будто прорвало — он запрокинул голову и от души расхохотался. — Хорошо, Марори Шаэдис, как ты смотришь на то, чтобы стать моей подружкой?

— Если ты меня разыгрываешь, шанатар, я устрою тебе какую-то пакость.

— Я похож на клоуна?

Так, секундочку. Она что, всерьез решила согласиться? Как будто одного фарса с фальшивыми отношениями ей не хватает. И как вообще можно всерьез рассматривать отношения с парнем, от которого хочется унести ноги на край света?

— Хорошо, Шаэдис, давай попробуем, — хмурясь, ответила Марори.

— Ок, малявка, давай попробуем, — так же хмуро ответил он. — Только. есть одна загвоздка.

— Дай угадаю — никто не должен о нас знать? — В памяти живо воскрес образ разъяренного дознавателя, который с пеной у рта доказывал, что они с шанатаром не должны находиться даже в пределах одного здания. — Не уверена, что смогу разорваться на два.

— Я скажу Эашу, что лавочка закрыта, — перебил ее Крэйл.

— У него такие планы на этот тотализатор, он будет недоволен, если все рухнет вот так.

— Перебьется, — отбрил шанатар. — Слушай, как тебя вообще угораздило в это вляпаться?

— Имеешь в виду нас с тобой?

Крэйл обжег ее недовольным взглядом. Марори отвернулась к боковому окну, повозилась и поджала ноги так, чтобы угнездиться в кресле. Хотелось спать даже несмотря на присутствие шанатара. Она что — всерьез приняла его предложение? И он всерьез его сделал? Действительно, как она смогла вляпаться в такое? В книгах и фильмах все было куда романтичнее: трепетание сердца, дрожание рук, слезы и пылкие признания. В предложении Крэйла — которое и на предложение тянуло с трудом, — были чертыхания, обзывательства и звериные оскалы вместо счастливых улыбок. Марори покосилась на его руки: жилистые, с выразительными темными венами, уверенно держат руль. Разве он не должен был хотя бы обнять ее в ответ на согласие?

От мысли о подобных нежностях Марори невольно поежилась.

«Что ты творишь?» — вопрошал внутренний голос. Пришлось заткнуть его, потому что в данном случае спрятать голову в песок было куда проще, чем пытаться найти ответ.

Крэйл снова завел мотор. Какое-то время они ехали в полной тишине, потом у него зазвонил телефон. Судя по обрывкам фраз, звонил Кулгард. И судя по тому, что Крэйл бросил на нее короткий взгляд и ответил «Она со мной», — Кул беспокоился из-за ее отсутствия. Удивительное дело, а ведь именно мощная фигура и суровое лицо однокурсника без намека на эмоции сначала пугали ее почти так же сильно, как и изможденный сутулый Крэйл. Сейчас это все казалось отголоском какого-то чужого ей прошлого.

— Все, что говорят о тебе — правда? — наконец, осмелилась спросить она о еще одной мучившей ее вещи.

— Обо мне много чего говорят. Обычно всякую хрень. Что тебя интересует?

— Твое наказание, — выпалила она на одном дыхании. — Что ты голыми руками чуть ли не пару человек разорвал.

— Троиx, — спокойно поправил шанатар. — Троиx светлокровных ублюдков, которые утыкали меня ритуальными зубочистками и возомнили, что этого достаточно, чтобы расправиться с шанатаром. Они собирались отрезать мне голову — что мне оставалось делать? Попросить продезинфицировать нож?

Значит, правда. Внутри все опустилось. Какими бы обстоятельствами ни были оправданы его действия, он отнял три жизни и при этом сам остался жив.

— Я плохой парень, малявка, — снова напомнил Крэйл, — мне казалось, я достаточно ясно дал это понять.

Она молча отвернулась к дороге. Все вокруг — балаган, игра на публику, костюмированное шоу, где ей отведена роль главной дурочки. Марори пыталась найти объяснение своему поступку — и не находила ничего вразумительного. Просто ей уже семнадцать, а она ни разу ни от кого не слышала подобных слов. Крэйл застал ее врасплох, в эйфории между тем, что ей позволено остаться в Дра'Море, и обретением статуса «своего парня». И его это «Будь моей?» звучало до странного искренне, и так хотелось поверить, что и она может снова почувствовать себя нормальной семнадцатилетней девчонкой, у которой все так же, как и у сверстниц: свидания, кино, прогулки под звездами.

Марори отвернулась к окну и скоро, умиротворенная урчанием двигателя, уснула. Крэйл разбудил ее около какого-то заброшенного дома, посреди пустоши, откуда хорошо виднелись драморские шпили.

Занималось утро.

Кровь рассвета пролилась на черные пики башен, предвещая грядущую огненную бурю. Марори с улыбкой осознала, что привыкла к ним так же, как простой человек привыкает к грому и молнии. Грохот падающих с неба огненных искр подчас действовал успокаивающе.

— Что мы тут делаем? — Она потерла тяжелые после сна веки, которые отозвались болезненным зудом.

— Предлагаешь войти через парадный вход? Светлые, ну почему нельзя просто ответить?

Она проследовала за ним в дом. Внутри оказался подготовленный круг для портала. Судя по тому, что других людей поблизости не было, его сделал Крэйл. Марори вспомнила, что на занятиях обучения Плетению он — самый редкий гость, и трусливо подумала, что дисциплинарное взыскание за побег, возможно, не такой уж плохой вариант. Крэйл спокойно зашел в круг, она встала рядом. Почему так просто взять под руку Нима, даже невзирая на присутствие в опасной близости его подружки, и так тяжело от одной мысли о том, чтобы прикоснуться к шанатару? Одно хорошо — после того, как он перестал выглядеть умертвием, от него и мертвецким холодом больше не разило.

Пока она думала, как лучше поступить, Шаэдис решил за нее. Бросил под ноги порошок, выдернул пару нитей Плетения, свил кокон. А потом сграбастал ее за шиворот, заставив прижаться к его боку. Несколько секунд, которые она провела, уткнувшись носом ему в подмышку, были, наверное, самыми длинными и страшными в жизни. Но, как только портал развеялся, и они оказались в его комнате, шанатар тут же отпихнул ее от себя. Как будто ее близость и ему была неприятна.

На языке вертелось: «Зачем предлагать девушке отношения, если от ее вида мутит?» Но

она благоразумно промолчала. Крэйл открыл дверь, высунулся в коридор.

— Можешь выходить.

Дважды просить не пришлось. Она пулей вылетела за дверь, наслаждаясь вновь обретенной свободой. Дурман происходящего развеивался, словно тяжелый сон. Это все какой-то угарный бред. Девчонки часто рассказывают, что совершают необдуманные поступки в состоянии полного непонимания, и потом частенько о них жалеют. Похоже, у Крэйла на фоне отпаивания живой кровью как раз такое помутнение и есть. Проспится — и больше они никогда не вернутся к этому разговору.

— Малявка! — окрикнул его голос.

Она не успела повернуться, как шанатар исполнил свой коронный трюк с перемещением — и вырос перед ней белобрысой глыбой.

— Если Эашу еще хоть пальцем тебя тронет — я ему башку отверчу, — сказал, наклонившись к самому ее лицу. Мелькавшие сквозь слова клыки выудили из нее только начавший отступать страх. Как будто Крэйлу нравилось напоминать, кто он такой.

— Я думаю, он достаточно благоразумен, чтобы не вставать у тебя на пути, — прошептала она в ответ. От страха голос сел, сделался тише комариного писка.

— Хватит дрожать как осиновый лист, — потребовал он. — Сколько еще раз мне нужно повторить, что я не собираюсь тебя сжирать? По крайней мере — пока.

— Крэйл?

— Чего?

— Мы в самом деле будем встречаться?

— Мы попробуем, малявка. Что же до тебя все так туго-то доходит.

— Это было очень неожиданно, знаешь ли. И еще ты с какой-то эльфийкой весь вечер тискался.

Она закрыла рот ладонью. Ведь не хотела же говорить — а брякнула.

— Эльфийкой? — Он поскреб подбородок, вспоминая. — Это Марси. Пару раз было с ней, по взаимному согласию. Фиг знает, зачем липла, я ничего не обещал.

— И после этого я должна была думать, что ты серьезен? Я мысли читать не умею, и кого ты там. окучивал до меня, знать не могу.

— Согласен. Посмотри на меня.

Она подчинилась. И чтобы сказать, что красавец — язык не поворачивается. Тяжелый подбородок, ровный острый нос, жесткие — теперь она это точно знала — волосы. Точно не принц из девичьей мечты.

— Ты мне нравишься, малявка. Я честно пытался выковырять тебя из головы, но ничего не вышло. Так что прекращай приставать со своими «что» и «почему». Я не знаю, получится ли у нас, но придется стараться обоим. Если ты не готова — скажи сейчас.

— Я ни с кем никогда не встречалась.

— Я это уже слышал.

— Я не знаю, как нужно стараться, и ты меня пугаешь.

— Надеюсь, ты и дальше будешь такой же честной. Что-то еще?

— Угу. — Она поняла, что густо краснеет. Так сильно, что была уверена — у нее уши дымятся. — Покажи язык. пожалуйста.

— Так и знал, что тебе понравится, — хитро и на этот раз беззлобно оскалился он и исполнил ее просьбу. — А теперь дуй в свою комнату.

Ее не нужно было просить дважды. Но когда до лестницы оставалась всего пара шагов,

она остановилась, и быстро, пока не передумала, обернулась. Крэйл стоял там же, где и секунду назад: руки в карманы брюк, наброшенная прямо на голое тело куртка. Он выглядел одновременно и полностью безучастным — и бесконечно одиноким.

— Спокойной ночи, клыкастый, — сказала она потихоньку, почему-то ни капли не сомневаясь, что он все услышит.

— Сладких снов, малявка.

Мы тренировались годами, И теперь готовы восстать. Как только начнётся великая операция, Мы станем первой волной, набегающей на берег, Мы станем первыми жертвами, Станем солдатами, павшими в начале.

© Sabaton, «Primo Victoria»

После практически бессонной ночи Марори никак не могла сообразить, на каком свете находится. Хотя, конечно, дело было вовсе не в том, что те пару часов, которые она беспокойно ворочалась в постели, на «сон» тянули с натяжкой. В голове то и дело всплывало то признание Крэйла, то его внезапное предложение, то их поцелуй. Ну и ее согласие. Утром она долго смотрела на свое отражение в зеркале и поймала себя на мысли, что, ничуть не изменилась с тех пор, как стала «девушкой с отношениями». Конечно, назвать то, что они договорились тайно ото всех видаться полноценными отношениями язык не поворачивался, но все же.

«Ну и что ты теперь будешь делать, Марори Шаэдис йор Миол'Морна?»

Странно, как она настолько быстро привыкла к чужому имени? Более того: называть себя так, а не иначе, казалось самой естественной вещью на свете. На всякий случай Марори даже не стала пытаться анализировать эту метаморфозу. Практика показывала, что чем глубже она старается копнуть, тем более странные вещи в итоге извлекает наружу. Для начала нужно разобраться с куда более насущными вопросами, которых после рассказа Шаэдиса значительно прибавилось. На всякий случай Марори то и дело водила языком по верхним зубам, проверяя, ничего ли не изменилось. Рассказ Крэйла ровным счетом ничего не изменил ни в ее мировоззрении, ни в воспоминаниях. И это пугало больше всего. Что должно было произойти, чтобы она забыла такие ужасные вещи?

Радовало лишь одно: новенькая форма. Она висела на вешалке прямо около зеркала, и одним своим видом вселяла уверенность, что сегодняшней день будет идеальным. Эта вера в лучшее окрыляла.

Правда, стоило Марори принарядиться — и безоблачное утро порядком потускнело. Как же неловко смотреть на себя в зеркало и вместо девчонки в простеньком черном форменном костюме видеть вот эту незнакомку со шрамом на лице. Марори в который раз одернула себя, когда пальцы сами собой нащупали кривую линию темно-красного рубца. Ирри Данва продолжала уверять, что со временем, при правильном лечении, он станет почти незаметен, и простой косметики будет достаточно, чтобы скрыть мелкие шероховатости. Но Марори понимала, что боится как раз обратного: боится потерять эту метку. Как будто в ней заключалась вся новая она.

Самым тяжелым оказалось пройти по коридору до аудитории. Дорога, которую она проделала бы не задумываясь и с закрытыми глазами, превратилась в настоящее испытание характера. Иногда хотелось ускорить шаги, как она делала раньше, если на горизонте появлялись студентки-некромантки, которые никогда не упускали случая бросить вслед драморскому чучелу что-то уничижительное. Но в этот вторник даже они помалкивали. О чем-то шушукались между собой, но Маори так и не дождалась ни одного плохого слова в

свой адрес. И она не знала, радоваться этим переменам, или беспокоиться из-за того, что мир вокруг, как и она сама, неумолимо трансформируется. И ничего нельзя с этим поделать.

В аудитории было пусто. Марори специально прошлась между скамейками, почти уверенная, что напоролась на какой-то дурацкий розыгрыш. А когда поняла, что никого из однокурсников действительно нет, и даже Эашу куда-то запропастился, не на шутку разволновалась. Что еще могло произойти за пару часов? Неужели вчерашняя гулянка настолько удалась? Ну Кул-то точно был трезв, как стекло: вот кто никогда не прикасался к спиртному, и имел два увесистых кулака, чтобы доказать свою правоту любому желающему оспорить его жизненную позицию.

Она уселась на свое место, чувствуя, как беспокойство неумолимо взбирается вверх по позвоночнику, и мерзко обжигает затылок ледяной тревогой. Достала телефон, проверила сообщения в «БиМ»'е: ничего.

Хотя к этому времени Эашу уже всегда атаковал ее по меньшей мере десятком сообщений, в основном о том, как высоко они «взлетели» и что банк с каждым днем растет. Но ладно Эашу: возможно, Крэйл, как и обещал, взял на себя разговор с инкубом — Марори очень на это надеялась — но где остальные? Она почти уговорила себя наплевать на стыд и первой позвонить Крэйлу, но вспомнила, что у нее нет его номера. Вот тебе и парочка. Хотя, может оно и к лучшему. Мысль о том, что утром Крэйл проспится, одумается и решит замять все по-тихому, маячила где-то поблизости и не давала о себе забыть. В таком случае, ее звонок будет выглядеть ужасно нелепо.

Когда дверь скрипнула, Марори радостно выдохнула, поднялась.

В аудиторию, одна за другой, входили студентки: некромантки, алхимики, Адепки Плетения. Чтобы убедиться, что в очередной раз ничего не напутала, Марори быстро проверила расписание в своем блокноте: первая лекция у профессора Эйлены, которая преподавала Потрошителям второй год Элементарного Хаоса. Ее лекции Марори, мягко говоря, обожала. Даже невзирая на то, что программу за предыдущий год пришлось выучить самостоятельно, а строгая дьяволица продолжала обзывать ее не иначе, как «нерадивая студентка Милс».

Но если сейчас лекция Эйлены, что тут делают посторонние студенты? Тем более с разных курсов и разных специализаций. Марори молча наблюдала, как девушки рассаживаются на скамейках. Что-то определенно произошло, хотя драморки не выглядят ни обеспокоенными, ни напряженными. Только увидев среди всей разношерстной компании знакомое лицо, Марори с облегчением выдохнула.

Ястина уселась около нее, с деловитым видом достала из утыканного нашлепками-шипками рюкзака пудреницу и помаду. Со знанием дела тщательно подвела губы ярко-алой помадой, облизнулась, спрятала косметику обратно — и только потом посмотрела на соседку.

— Привет, — сказала суккуба как-то пресно, но не враждебно.

— Привет, — отозвалась Марори. — Ты не знаешь, что происходит?

— Утром что-то стряслось в пограничных с Авергардскими пустошами землях. Третий, Четвертый и Пятый круги Потрошителей и Адептов Плетения отозвали для поддержки Будут помогать государственным Рассекателям сдерживать изгнанных и не-живых. — Ястина зевнула, как будто речь шла о чем-то обыденном, вроде дисциплинарного наказания или часто практикуемой экзекуции с побитием палкой.

— И что это значит?

— Ничего это не значит, — пожалала плечами суккуба. — Засчитают за часть полевой практики — повезло парням.

Марори уже открыла рот, чтобы спросить, почему в таком случае она осталась, но Ястина ее опередила.

— Наверное, Магистр распорядился насчет тебя. Ты же не полноценный Потрошитель. — Не известно, делала ли она это нарочно, но слова прозвучали до обидного уничижительно. — Ты что ли новости не читаешь на доске объявлений?

Марори вдруг захотелось что есть силы треснуть себя чем-то тяжелым по башке. Конечно, она читает объявления на доске! Каждый день туда заглядывает. Но именно сегодня — забыла. Причин для этого было предостаточно, и каждая тянула на стопроцентное оправдание, но легче от этого не становилось.

— Девчонкам сказали собраться здесь. Наверняка в этом всем и нам найдется посильная задача. Надеюсь, не выхаживать раненых и не бальзамировать мертвых. Бррр, — Ястина с отвращением поморщилась, — ненавижу это. Хватит с меня и того, что я занималась тремя небеснорожденными засранцами. Темные, когда подымают, либо превращаются в пепел, либо превращаются в мумии. Ну, за редкими исключениями. А знаешь, что происходит с тушками небеснорожденных? Они, мать их так, гниют! Точно так же, как и вы, простокровные.

— Я больше не простокровка, — машинально поправила Марори, но вряд ли суккуба придала значение ее словам. — То есть, нам тоже найдут занятие?

В голове не укладывалось, как возможно, что Даган, Эашу, Ниваль, Кулгард и Крэйл будут рисковать жизнью, а она в это время будет здесь непонятно чем заниматься. Что-то в этом уравнении не сходилось. Точнее говоря, было абсолютно и полностью абсурдным.

— А Ним — тоже поехал? — Она отчаянно нуждалась хоть в ком-то, кто бы был таким же беспомощным перед происходящим, как и она сама. Выражаясь словами суккубы, эльф тоже «не полноценный Адепт», его должны были оставить.

— Без понятия. — На этот раз плечами пожалала Ястина. — Мы вчера повздорили. Надеюсь, этот засранец достаточно сообразителен, чтобы не попадаться мне на пути. Первый раз с таким сталкиваюсь: сначала за мной по пятам ходят, а потом просто так берут — и просят не торопиться. Как будто я ему предложила стать парочкой, а не простой секс.

Марори непроизвольно икнула. Простой секс. Ну да, у темных свои понятия о том. Что такое «запросто», а что «серьезно и ответственно».

— Я слышала, ты у нас теперь Шаэдис. — Только теперь в голосе Ястины появилось что-то похожее на заинтересованность. — Крэйл тебя удочерил? — Она охотно посмеялась над своей же шуткой. — Ты в курсе, сколько врагов себе нажила, вот так запросто получив доступ к телу нашего Принца?

— Не знаю и знать не хочу.

— Я думала, ты умнее, — разочарованно протянула суккуба.

Кажется, она всерьез собиралась разродиться как-то длинной речью, но, к счастью, появление самого Магистра Дамиана мгновенно умирало ее пыл.

Марори непроизвольно прижала блокнот к груди. Несмотря на то, что ее общение с Магистром неизменно заканчивалось чем-то скорее позитивным, чем негативным, его присутствие всегда заставляло нервничать. Возможно из-за того, что все их редкие встречи были вызваны крайне неприятными обстоятельствами.

— Я так понимаю, все уже знают о произошедшем в Авергардских пустошах, — без

прелюдии начал Магистр. — Но на всякий случай, чтобы разом пресечь все абсурдные сплетни, я все-таки разьясню: произошел стихий всплеск Плетения. Такое случалось и раньше, но в меньших масштабах. Государственная служба обратилась ко мне с просьбой распространить эту новость между студентами. Чтобы желающие, исключительно добровольно, могли оказать посильную помощь Рассекателям.

При этом его взгляд зачем-то устремился именно на Марори. Как будто он нарочно подчеркивал, что ее не уведомили по понятным причинам. Ну вот, выходит, она рано радовалась тому, что стала своей. И ее инициации, выходит, ничего не изменила. Во всяком случае, в глазах окружающих.

— Их непредусмотренное учебными планами отсутствие будет засчитано в счет отработки зимней полевой практики, с возможным увеличением каникулярного периода. И чтобы как-то уравновесить учебный процесс, мы с деканами приняли решение, провести полевую практику для тех студентов, которые остались в Дра'Море.

Практика? Но до нее еще почти месяц.

— Вас поделили на группы, списки уже вывесили на доске в Красном холле. До обеда вы должны собрать все необходимое и быть готовыми отъезжать. Ваша практика продлится десять дней, начиная с завтрашнего. Возможно. — Магистр нахмурился, — она будет продлена на неопределенный срок. Кроме того, я попрошу воздержаться от распространения информации об инциденте в социальных сетях и прочих ресурсах, куда вы обычно пишете всякую чушь. Речь идет о государственной безопасности, а бессмысленная паника может привести к непредвиденным последствиям. Можете поверить мне на слово, что любую утечку будут тщательно отслеживать, и как только первоисточник будет найден — ему крайне не поздоровиться. Имейте в виду, что немедленное исключение без права восстановления и негативная характеристика — самые незначительные неприятности из тех, что последуют в ответ на подобную глупость.

Марори не сомневалась, что говоря это, Магистр значительно смягчил действительную степень наказания. Если даже в нейтральном Ирвуде за любой слив информации государственной важности человека могли запросто сгноить в тюрьме без следа и следствия, то что говорить о куда более радикальном и жестком Марабаре?

— Готов выслушать ваши вопросы.

— Почему меня не уведомили о возможности добровольно помогать Рассекателям? — Марори было стыдно, что она понятия не имеет, кто это такие, но она не нашла ни единой причины промолчать. Даже зная, что наверняка поднимает себя нас мех.

На этот раз взгляд Дамина был как никогда тяжелым. Почти наверняка он не ожидал ни подобного вопроса, ни что его задаст девчонка, по воле глупого случая попавшая в Дра'Мор. Хотя — теперь Марори это знала — случай был не таким уж «случайным».

— Потому что, айра Шаэдис, — он нарочно сделал ударение на ее новой фамилии, чем вызвал вспышку громкого шепота над головами собравшихся, — ваши однокурсники решили, что вы слишком неподготовлены для подобного мероприятия. Оставить вас в Дра'Море — их просьба. И я счел ее разумной. Поймать Сатиса вовсе не означает стать полноправным Потрошителем, айра. В бою ваши товарищи могут рассчитывать лишь на крепкое и надежное плечо стоящего рядом. Вы же таковым ни являетесь. По крайней мере — пока. Надеюсь, вы как следует подумаете над моими словами и сделаете соответствующие выводы.

Марори поняла, что краснеет и поспешила опустить взгляд.

Вот же дура.

С чего она, в самом деле, решила, что теперь на нее можно положиться? Что теперь ей можно доверить свою жизнь? Да ей еще даже не представилось шанса потренироваться с Сатисом, а ведь именно приручение пойманного фэлфаэра было едва ли ни таким же сложным и опасным делом, как и сама ловля. Без стабильного источника силы она то самое слабое звено, о котором принято говорить с насмешкой и отвращением. Спасибо, Магистр Дамиан за еще одну науку.

Следующие пара-тройка вопросов были уточняющего характера, и не заняли больше пяти минут.

— Вы все подписали устав и знаете, что на Третьем круге с вами никто не станет цацкаться, тем более во время полевой практики. Вместе с вами будут студенты Эльхайма. Той из вас, которая затеет конфликт, я лично вырву хребет. Это достаточно ясно высказанная позиция?

Молчание было достаточно убедительным.

— Выезжаете в полдень. Для тех, кто по какой-то, мне плевать какой, причине опоздает на автобус, у меня уже припасен приказ об отчислении. И ваши «пять минут припудривала нос и красила ноготь» меня не разжалобят. Время пошло.

Марори нарочно задержалась, чтобы выйти последней. Она рассеянно озиралась, зачем-то вспоминая, на каких местах во время лекций Эйлены обычно сидели ее однокурсники. Даган садился прямо в центре первого ряда, потому что, хоть он в этом и не признавался, молоденькая преподавательница его привлекала не сколько тем, что говорила, сколько своим хорошеньким аккуратным ртом. Ниваль, всегда садился куда придется. Он вообще во всем пестовал беспорядок, будто то содержимое его сумки или тетрадей с письменными заданиями. За что регулярно получал практически от всех преподавателей. Кулгарл всегда садился на третье место во втором ряду: доставал тетради и прилежно все записывал. Марори как-то довелось увидеть его почерк: аккуратные, каллиграфические буквы, словно выведенные под трафарет. Вот у кого каждый шаг в жизни был четко спланирован. Эашу обычно сидел возле нее и не упускал случая то приобнять, то шепнуть на ухо какую-то откровенную, граничащую с пошлостью шутку. А Крэйл вообще был известным прогульщиком.

Ее близкие люди.

Марори грустно улыбнулась. Самые близкие люди. Те, благодаря кому она научилась быть сильнее и, в некоторых вещах, намного мудрее. Пока она тут сидит и ждет неизвестно чего, они непонятно где рискуют жизнями, защищая не только Марабар, но и весь мир от вторжения Хаоса. Какая-то полнейшая чушь, в которую ее разум отказывался верить.

— Считаете, что вас мое предупреждение не касается, айра Шаэдис? — неожиданно громыхнул голос Магистра.

Марори вскинулась, наспех затолкала вещи в сумку и бросилась к двери. Однако слова Магистра ее задержали.

— Вы же понимаете, что Потрошители Третьего Круга просто оберегают вас от того, к чему вы не готовы? — Его голос звучал с сомнением. — Надеюсь, что понимаете.

— Понимаю, Магистр.

— В таком случае сделайте что-то с вашим кислым лицом, айра Шаэдис, иначе я буду крепко разочарован, что ради вас ввязался в авантюру, которая может стоить мне должности.

Она кивнула — и со всех ног понеслась в библиотеку. Если ее не будет в Дра'Море по

меньшей мере всю следующую неделю, нужно взять хотя бы часть книг, которые она занесла в список обязательного чтения. Две трети из них были на тему древних артефактов, а две целиком посвящены одушевленным предметам — тамакатам.

Правдами и неправдами, но она все-таки уговорила библиотекаря — темную эльфийку со скверным характером и близорукостью — выдать ей на руки пару книг. Среди которых самыми важными были вожделенные тома об артефактах. Правда, вместе с книгами темная посулила ей на голову гром и молнию, если пропадет хоть полстраницы. Марори охотно согласилась на наказание, потому что ей и ей была невыносима мысль о порче драгоценных единичных экземпляров.

Кое-как доковыляв до комнаты с увесистой стопкой в руках, Марори бережно переложила книги на стол, а сама еще раз проверила содержимое своего рюкзака. Все, как будто, на месте. Оставалось уведомить хозяина Кусаки о ее временном вынужденном отсутствии.

Когда она уладила все вопросы и сложила минимум необходимых на десять дней вещей, до полудня оставалось чуть меньше часа. Слишком мало времени, чтобы вздремнуть и слишком много, чтобы плевать в потолок. После короткого спора с собой, Марори все-таки отважилась набрать Эашу сначала в «БиМ»'е, а потом, когда сообщение пятнадцать минут провисело со статусом «Не просмотрено», чего за инкубом раньше в жизни не водилось, прямо на мобильный. Электронный безучастный голос на том конце связи сообщил, что на данный момент абонент не может ответить, но обязательно получит уведомление о звонке, как только окажется в зоне действия. То же самое голос сообщил и при попытке дозвониться до Кулгарда. А Ним просто не брал трубку. Что немного обнадеживало. Возможно, эльф все же остался не у дел, как и она, и как раз занят чем-то достаточно важным, чтобы не отвлекаться на звонки. На всякий случай Марори все же написала ему в «БиМ»: «Уехала на полевую практику, пока не знаю куда. Напишу, как только что-нибудь выясню. Надеюсь, у тебя все в порядке? Напиши мне, когда появится время». Через пару минут в статусе сообщения о прочтении, появилась отметка «Просмотрено», но ни через пять минут, ни через десять, Ним так и не дал о себе знать.

Чтобы не изводить себя тревожным предчувствием, Марори забрала рюкзак и до неприличия тощую дорожную сумку, и спустилась в Красный зал. Толчая около списков стухла, и она легко нашла свою, теперь уже новую фамилию, в одном из них. И почему-то совсем не удивилась, увидев рядышком имя Ястины. Их и еще десятерых студентов определили в место под названием Хардис. Быстрый поиск через телефон выдал небольшой городок в трехстах километрах от Дра'Мора. Чем именно им предстояло там заниматься в списках не уточнялось. Марори успела заметить, что некоторая таинственность была чем-то вроде визитной карточки Дра'Мора: студентов редко посвящали в детали тех или иных практических занятий, чтобы — так думала Марори — научить их быть готовыми к любым неожиданностям.

«Кто бы сомневался, что я приду первой», — подумала Марори, оглядывая пустой салон массивного черного автобуса. И тут же порадовалась, что отхватила возможность выбрать место по своему вкусу. Она устроилась около окна, сумку забросила на верхнюю полку, а рюкзак поставила под ноги.

Угроза Магистра подействовала, потому что все двенадцать студентов были на местах за десять минут до истечения срока. Ровно в двенадцать в салоне появилась Ирри Данва. Вот уж кого Марори ожидала увидеть меньше всего. Сначала она решила, что горгулью

определил в качестве медсестры на время поездки, но когда та выразительно, привлекая внимание, откашлялась в кулак. Марори поняла, что поспешила с выводами.

— На время практики я буду вашим Наставником, — в непривычной для себя строгой и сдержанной манере, сказала она, как только в салоне стихли все прочие голоса. — И предвидя возможные недопонимания, довожу до вашего сведения, что я являюсь Мастером Плетения и в свободное от лечения ваших ран и запоров время, служу агентом при Ордене тишины. Полагаю, нет нужды объяснять, что это за орден?

Марори снова почувствовала себя слепой мышью, вынужденной идти на ощупь там, где другие спокойно идут с распахнутыми глазами. Еще и Ирри как нарочно смотрела прямо на нее, лишая возможности воспользоваться помощью всезнающего интернета.

— В Хардисе находится один из филиалов концерна «Возрождение», — продолжала Ирри Данва. В строгом темно-сером костюме вместо привычного халата она в самом деле выглядела, как агент из фильма про супер-людей. — По имеющейся у нас информации неподалеку от лаборатории зафиксировано неконтролируемое возмущение Плетения. Достаточно неприятное, чтобы досаждать местным и мешать сотруднику лаборатории нормально и полноценно выполнять свою работу, но при том не настолько оформленное, чтобы представлять для вас реальную угрозу. Однако это не означает, что можно расслабиться. Поверьте, что и простой перелом руки в двух местах может заставить вас молить о смерти. Кроме того, я терпеть не могу бессмысленное геройство и безрассудный альтруизм, а так как именно я решаю, что писать в ваши характеристики, не советую меня провоцировать подобными выходкам.

Она по достоинству оценила гробовую тишину в салоне автобуса.

— Все подробности узнаете по приезду.

Она подала знак водителю и автобус, заняв место в веренице еще пяти таких же, выехал за внешние ворота Дра'Мора.

Марори не смогла удержаться от желания обернуться. Как странно. С момента поступления этот мрачный, окруженный странными кровавыми деревьями, скалами и гейзерами замок казался ей то убежищем, то клеткой, а то и тюрьмой. А теперь в груди появилось странное щемящее чувство, как будто она надолго покидает родной дом.

— Я — Изара, — сказал над ухом приятный девичий голосок. — Можно просто Иза.

Марори с удивлением обнаружила, что место около нее уже не свободно, и там сидит симпатичная девушка с короткими, украшенными колечками рогами и странной прической из, наверное, тысячи кожаных шнурков и косичек.

Марори представилась и выждала время, пока девушка что-то активно выискивала в своей необъятной сумке.

— Ух, а я думала, что забыла его. — Она, со счастливым видом, продемонстрировала находку: какую-то потертую желтую косточку на цепочке. При близком рассмотрении, оказалось, что это какой-то видевший виды сустав какого-то животного.

— Талисман? — догадалась Марори.

— Угу, — кивнула девушка, — все, что осталось от мамы. — С этими словами она накинула цепочку на шею, спрятала талисман за пазуху и легонько похлопала себя по груди. — Так она всегда со мной.

Марори предпочла не комментировать такое проявление любви. Судя по виду, девушка была дьяволицей, но с какой-то разбавленной кровью, потому что кроме рогов и странного золотисто-красного цвета волос, ничто не выдавало в ней проклятую кровь. У дьяволов не

было принято хоронить свою родню, напротив, они всячески порицали «низменное гниение костей». Возможно, таким образом девушка Иза отдавала дань памяти матери. Или просто у нее были не все дома.

— Нам все врут, — сказала странная соседка, как только Ирри Данва отвернулась. — Везут нас на заклятие, как овец.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда же, откуда и все, — ответила Иза с таким видом, будто Марори спросила что-то до невозможности бессмысленное. — В Дра'Море глаза и уши есть не только у стен. — Она выдержала паузу, давая собеседнице сказать-то в ответ, а когда поняла, что его не будет, пригнулась к уху Марори. — Там огромный разрыв. Говорят, от концерна камня на камне не осталось. Десять возмущений Плетения за последние сутки. Рассекателей бросили в мясорубку, и наших парней заодно, чтобы помогали удерживать периметр. А нами заткнут дырки поменьше.

Ее слова были бы актуальны, не будь за плечами у Марори разорванного Круга и порождений Хаоса, которые шатались по всему Дра'Мору. Ясное дело, что в приграничных землях они будут в прямом контакте со смертельной опасностью, вот только Марори уж столько раз смотрела ей в лицо, что при встрече собиралась сказать «Привет» и справиться, как дела.

Кроме того, все сказанное сильно смахивало на бред. Разве могут студентов подвергать таким рискам? Вопрос родился сам собой: могут, еще как могут. Для этого-то всех их и готовят: стать теми, кто в случае опасности первым примет на себя удар. Именно об этом говорила Магстресса Эльхайма: Потрошители — не просто громкое название, они — стена, которая, если потребует, заградит собою тех, кто не может сам о себе позаботиться. И не только Потрошители — все драморцы. И она в том числе.

— Тогда нам лучше повторить все заклинания, — сказала Марори, как только мысли улеглись.

— Кстати, да, — на удивление быстро согласилась девчонка — и тут же уткнулась носом в потрепанную книгу под названием «Третья эпоха войны». Вряд ли там было хоть слово о том, как вести себя в случае лобового столкновения с парой десятков порождений Хаоса.

В свою очередь, Марори выудила книгу, достала тетрадь, куда прилежно вносила все более-менее ценные заметки, включила плеер — и отгородилась музыкой симфонического металла от жужжащих соседей. Ехать часов пять, так чего время зря терять?

Попытки выудить хоть что-нибудь о своей тамакате нельзя было назвать совсем уж бесплотными, но и пользы от найденного было чуть. К своему удивлению, Марори почти сразу нашла свою Энигму — более дурацкого имени и не придумать, но оно прицепилось как банный лист — в старом талмуде «Хроники Преисподней». Коса была собственностью Баатеца, Шестого Лорда-демона, а он, в свою очередь, получил ее в подарок от жены по случаю их брачного союза. В книге говорилось, что Баатез так и не смог покорить тамакату и вскоре сошел с ума, и, впоследствии, его нашли совершенно обезумевшим, вырезавшим собственную семью и часть стражи, которая, увидев буйство господина, попыталась вмешаться. Разъяренные родственники жены усмотрели в произошедшем повод разворошить какую-то старую вражду. В результате клан Шестого Лорда-демона стерли с лица земли, а его самого подвергли жестоким пыткам. О дальнейшей судьбе как виновника, так и его зловещего оружия, книга умалчивала. Как умалчивала она и о том, с какого перепугу клан

Второго Лорда-демона Асмэя опустил до столь невыгодного брака, да еще и одарил не слишком презентабельного жениха столь ценным подарком. Каким образом Энигма попала в руки Асмэя «Хроники Преисподней» умалчивали. Не нашлось ее и в первом томе справочника по артефактам. Потому Марори взяла в поездку и второй, а заодно толстенную и тяжеленную «Летопись Андар-да-крун-Асмаэт», описывающую становление одного из самых жестокий и беспощадных кланов Преисподней. Если верить «Хроникам Преисподней», Второй Лорд-демон Асмэй был выходцем из Андар-да-крун-Асмаэт, и Марори полагала, что найдет подсказку именно в этих летописях.

Тем временем Ястина перебралась на сиденье перед Марори. Автобус, рассчитанный на большее количество студентов, ехал полупустым. Суккуба выудила наушник из ее уха, бесцеремонно задрала книгу, чтобы прочитать название.

— Ну и мудотня, — изрекла она, и по-свойски захлопнула толстенный талмуд. — Зачем оно тебе?

— Я должна знать, откуда взялось мое оружие. — Марори бережно вложила закладку между страницами, положила том на колени. — Не люблю быть мартышкой с гранатой в руке. Кроме того, если я узнаю, кем был ее прежний владелец, я, возможно, узнаю, почему он решил. отдать ее мне.

— Ты же ее приручила, что еще? Ну узнаешь, чье оно — и что? Какую часть твоей реальности изменит это знание?

— Например ту, в которой я не свихнусь, не слечу с катушек и не пойду в разнос.

— Все равно не о том думаешь. Нас вот-вот затолкают в мясорубку, где твоя железка может стать единственным способом выцарапать жизнь у смерти. И будь у меня такая же игрушка — я бы чувствовала себя в куда большей безопасности, чем с простыми игрушками по двадцать монет за штуку. — В подтверждение своих слов Ястина выудила из сумки ножны, из достала из чехла кинжал: в самом деле простой, фабричный. — Представь, что у тебя — вот такая же зубочистка. Представила? А теперь вспомни марового слизня.

Марори успела подумать, что не припоминает, чтобы сильно распространялась на тему своего «поединка с неравным противником», но вовремя вспомнила Эашу, который пообещал сделать все, чтобы эта новость облетела весь Дра'Мор и повысила к пришедшей простокровке градус общей любви. По его измышлениям, это должно было благоприятно сказаться на их тотализаторе. Вспоминать об этом сейчас было до судорог больно где-то в области сердца.

— Выбрось ты всякую дурь из головы, — как-то слишком подкупающе искренне посоветовала Ястина, — по крайней мере пока мы здесь будем выковыривать собственные останки из зубов Хаоса.

Через несколько часов автобус сделал остановку в поселении шахтеров. Воздух здесь был красным от пыли, глаза щипало и постоянно хотелось чихнуть. Местные, большей частью люди, смотрели с неприкрытым интересом, но матери на всякий случай быстро загнали ребятню в дома.

Еще через пару часов автобус въехал в Хардис. Марори все-таки выкроила время поинтересоваться что это за место и чем знаменито. Все путеводители на перебой называли его раем для любителей острых ощущений. Хардис располагался вокруг запечатанного вулкана, из которого добывали массу полезных, редких материалов и эссенций. И филиал «Возрождения», специализирующегося на генной инженерии, занимался их непосредственной очисткой, разложением на составляющие и, попутно обеспечивал

бесперебойный поток бесценных компонентов для дорогостоящих опытов.

— Что это там? — выкрикнула какая-то из девушек, и студенты прильнули к окнам.

В нескольких кварталах севернее над домами рваными облаками стелился густой черный дым. Практически сразу автобус остановили люди в военной форме: часть из них выглядела как спецназ из футуристических шутеров, остальные, судя по форменным нашивкам на одежде, были из специального корпуса «Мясники». Все одного роста, здоровенные лбы с бритыми головами и оголенным оружием, преимущественно мечами и топорами.

От группы спецназовцев отделился человек, постучал кулаком в дверь автобуса.

— Без моего разрешения никому не выходить, — предупредила Ирри Данва и вышла.

Несколько минут они о чем-то беседовали. Горгулья показала увесистую кипу бумаг, военный долго и неторопливо перечитывал каждую, потом вернул стопку собеседнице. Они обменялись еще парой фраз, одна из студенток, что почти прилипла к окну, громким шепотом передала соседке услышанное, а та передала по цепочке одно-единственное слово: «Теракт».

Марори обеспокоено заерзала в кресле.

— Так, драморцы, — без предисловия начала вернувшаяся через пятнадцать минут Ирри Данва, — пока мы добирались, ситуация немного усложнилась. Времени на раскачку нет. Совсем нет. Придется помочь местным прижучить клоповник. Место нашего полевого лагеря сейчас непригодно для использования его по назначению. Но нам пообещали выделить целый корпус на базе «Мясников».

Студентки встретили новость совсем не по девичьи громким радостным улюлюканьем.

Автобус тронулся.

В паре кварталов ниже располагалась мобильная военная база, где драморцев встретил тощий пожилой коротышка. Нашивка на правом рукаве его мундира указывала на ранг полковника.

— Драморцы — это хорошо, — шепелявил он, разглядывая неожиданное пополнение. — Девчонки зеленые — это срань. Десять минут на расквартирование.

Лагерь кишмя-кишел от наводнивших его дознавателей, канцелярских работников Лиги, государственных Мастеров Плетения и Материалистов специального назначения. Военным раздавали разнарядки, бригады медиков встречали новые порции раненых. На глаза Марори попался хирург с повязкой некроманта высшей категории, с окровавленными по локоть руками и перевязью на глазу. Перед ним на носилках лежал только-что принесенный военный с оторванными до колен ногами. Хирург смазанным движением проверил пульс, мотнул головой и мертвеца скоренько застегнули в пластиковый мешок.

— Я же говорила, что нас ведут на убой, — с выражением триумфа сказала поравнявшаяся с Марори Иза.

— Они сказали, что это — теракт. И что все случилось пока мы были в дороге.

— Ага, а целую мобильную армию вот прямо только что достали из пресловутой шляпы фокусника, — прокомментировала вынырнувшая из-за ее правого плеча Ястина.

— Ссышь, мелкота? — подковырнула идущая впереди рыжая адептка Плетения, кажется, с Пятого круга.

— Уйди, болезная, пока рога не посшибала, — отмахнулся Ястина, хотя на долю секунды в ее глазах блеснула самая настоящая жажда крови.

Ирри Данва провел их до квартирмейстера, который тут же окрысился, что ему и

военных некуда расселять, не то, что «желторотиков» и кому они вообще на хрен сдались, и что он будет писать докладные, пока наверху не опомнятся и не пришлют кого-то с головой, а не жопой на плечах. Военные вообще не стеснялись в выражениях, и зачастую самых крепких. После получения ударной дозы ругани, Марори стала воспринимать их как должное. В конце концов, не институт благородных девиц же, в самом деле.

В конце концов, квартирмейстер вызвал Материалиста и перепоручил ему устройство «желторотиков». Тот не преминул поворчать, потом пересчитал пополнение по головам и сказал следовать за ним.

— Давно это началось? — напрямую спросила Ирри Данва.

— Ночью случился всплеск. Остальное. за пару часов до вашего прибытия.

— Остальное? — Марори не ожидала, что задаст вопрос вслух. — Теракт?

Вместо ответа Материалист потер переносицу. Кожа под очками вспотела и покраснела, да и от самого чиновника запах стоял весьма характерный.

— Я не уполномочен отвечать на такие вопросы. Послушайте совета — не задавайте его никому. Все, что вам нужно знать — вы узнаете от официальных лиц.

— Айра Шаэдис, — строго прикрикнула на Марори горгулья, — надеюсь, вы сделаете соответствующие выводы и будете держать язык на поводке.

— Я прошу прощения. Подобное больше не повторится.

— Шаэдис? — вклинился в их короткий диалог Материалист. — Из последних?

— Я. — Начала было Марори, но Ирри Данва ответила за нее.

— Приемная, — коротко сказала горгулья.

Ее объяснение не избавило Марори от странно-пытливого взгляда мужчины, после чего он едва слышно, но вполне отчетливо пробормотал: «Многовато Шаэдисов что-то», после чего уже громче продолжил:

— У нас мало материалов, бюрократические проволочки, чтоб их мать за ногу. Поэтому про первый класс забудьте. — Он оглянулся, снова пересчитал студентов и снова потер переносицу. — В общем, и про второй тоже.

Он вышли на расчищенную бульдозером поляну, огороженную защитной лентой. Материалист предупредил, что если какому-то любопытному идиоту захочется ее пересечь, пусть потом не удивляется, если он ненароком замурует его в туалет. Мужчина запросто расчертил круг, используя для этого жезл с лазерным наконечником, который буквально выжег на земле рунный орнамент. Используя материальное перемещение, положил в центр круга стальной куб, спрессованные деревянные бруски, мешки с песком. Марори замерла, восхищенная процессом. Вот оно, совершенное творение, манипуляции с плотью мироздания. Материалист начал преобразование легко и непринужденно, как человек, выполняющий повседневную рутинную работу. Каждый жест отточен, каждый взмах выверен. Материалы растворились, земля под ними вспучилась, и все это превратилось в полыхающую клокочущую субстанцию. Минут десять Материалист лепил из нее конструкцию: пол, стены, крышу, внутренние перегородки, отделку, окна. Когда он закончил, на месте пустыря стояла типовая казарменная конструкция. Он выдохнул, потер затекшие плечи.

— Милости прошу.

Внутри оглушительно воняло дымом, пыль стояла столбом. Ирри со знанием дела быстро расселила студенток. Получилось по трое в комнате. Марори не знала, радоваться ей или нет, что соседками по комнате стали Ястина и Иза. С одной стороны, обе были куда

более положительными кандидатурами, чем те, с которыми она и словом за время не обмолвилась. С другой стороны — компания Ястины почему-то заставляла нервничать.

Ирри «смилоствилась» и дала им на сборы целых двадцать минут. Не успела Марори переступить порог, как в кармане «ожил» телефон. Высветившийся на дисплее номер был ей незнаком.

— Скажи мне, где ты сейчас находишься? — раздался на том конце знакомый грубый голос.

— Только что приехали в Хардис.

Крэйл выразительно и довольно громко зарычал. Несколько долгих мгновений на том конце связи было тихо. Марори поймала себя на том, что теребит шнурок, на котором к телефону был прицеплен крохотный не огащенный лунный камень.

— Слушай внимательно, что я тебе буду говорить. И не вздумай перебивать.

— Угу.

— Что-то происходит, Марори Шаэдис. Что-то до задницы мутное. И оно происходит повсюду. Я надеялся, что в Дра'Море ты будешь в безопасности, но вас все равно поволокли в мясорубку.

— Здесь все не так уж плохо, — зачем-то сказала она, хотя понятия не имела, во что им еще только предстоит сунуться.

— Вот этого я и опасался, — раздраженно сказал Крэйл. — Ты слишком наивно смотришь по сторонам. Жаль, что я не успел выбить из тебя эту дурь. Поэтому слушай и запоминай: не геройствуй, не бросайся в драку очертя голову и не забывай о Сатисе.

— Я с ним даже не успела потренироваться. Понятия не имею, что делать?

В ответ на эту реплику Ястина нарочито громко хохотнула. Иза все это время, вместо того, чтобы распаковывать вещи, с умиленной физиономией следила за ее разговором. Марори вышла за дверь и убедилась, что та надежно закрыта.

— Ты нильфешни, Марори Шаэдис, он уже тебе подчинился. Без фэлфаэра ты будешь куда слабее и беспомощнее. Какого дьявола тебя вообще взяли?! Ты же ни черта не умеешь.

— Это должно было быть обычной практикой. Никто не знал, что будет такое.

— И самое главное. — Она слышала, что Крэйл с шумом втянул воздух, а потом так же шумно выдохнул. — Если увидишь Шаэдиса-старшего — не дай ему к тебе приблизиться.

— Твоего отца? Откуда ты знаешь.

— Знаю, — перебил он. — Пообещай, что не дашь ему подойти ближе, чем за сто шагов. А лучше вообще не геройствуй и беги со всех ног.

Марори не представляла, что должно произойти, чтобы она бросила своих товарищей и побежала, но благоразумно не стала говорить об этом Крэйлу.

— Я даже не знаю, как он выглядит.

— Лучше бы и не узнала. Но поверь мне — ты поймешь. Пообещай.

— Я постараюсь не встречать в неприятности. — Такой ответ казался наиболее мягко завуалированным враньем.

Судя по его разочарованному чертыханью, Крэйл ни на секунду не поверил.

— И еще одно, Марори Шаэдис. Ты теперь — часть семьи. Официально. Если со мной что-то случится, ты должна будешь позаботиться о доме и взять на себя все финансовые дела. С тобой свяжется человек, которому я полностью доверяю, ты тоже можешь на него положиться. Крепко-накрепко вбей эту мысль себе в голову, поняла? Твоя глупая скромность никому не нужна. И хватит уже отмалчиваться.

А что ему сказать? Что она оказалась полностью не готова к такому своеобразному прощанию? Что все это больше смахивает на сцену из дешевого фильма, где герой, уходя на войну, говорит героине: «Найди себе кого-нибудь, если я погибну, и не оплакивай меня». И что в конце концов, все заканчивается его могилой.

— Это не телефонный разговор, ископаемый шанатар. — Слова прозвучали на удивление спокойно и взвешенно. Как будто ее саму не колотила обжигающая лихорадка. — И, знаешь, это не самый подходящий случай намекнуть своей подружке, что ты парень с определенным финансовым положением. Я поняла об этом во время демонстрации твоего автопарка. Лучше возьми-ка я с тебя обещание, что ты возьмешь пару уроков хороших манер.

Удивительно, но он рассмеялся. Тем самым заливистым смехом, который превращал его из невозможного грубого шанатара — в парня с самой очаровательной улыбкой на свете.

— Будь осторожна, кусака, — неожиданно мягко, как будто шепотом, попросил он. — Не дай мне повод стать до чертиков унылым засранцем.

— Буду, — так же шепотом ответила она. — Береги себя, клыкастый.

Она еще долго смотрела на потухший экран телефона, пытаясь запечатлеть в памяти ноту тепла в его голосе. И одновременно разгоняя все тяжелые предостережения.

К тому времени, как Марори вернулась в комнату, соседки заканчивали раскладывать вещи. Ястина делала это с толком, сортируя одежду по предназначению. Иза выудила из сумки мятый ворох до невозможности ярких цветов и, не разматывая, затолкала все на полку.

Марори досталась кровать около двери, и шкаф около нее. Она быстро разложила свой небольшой запас одежды на полки и снова переделалась в новенькую форму, заранее зная, что ее, скорее всего, постигнет участь предыдущей. Быстро проверила, чтобы все ремни были подтянуты, и напоследок приладила капюшон. Потом так же наспех собрала волосы в пучок.

— Ну надо же, у кого-то тут появились вкус и деньги, — тут же откомментировала ее внешний вид Ястина. — Я уже и надеяться перестала, что ты когда-нибудь выберешься из своего тряпья.

— Ага, — дружелюбно улыбнулась Марори, расчехлила оружие и вышла в коридор. Девушки вышли за ней.

Глава тринадцатая

Через пару минут дра'морцев собрал горгул с изуродованным шрамами лицом. На нем была форменная одежда сотрудника корпуса «Мясников»: темно-красная спецовка с нашивкой на рукаве в виде окровавленного топора и тремя каплями крови над ними, что указывало на его майорский чин.

Он коротко ввел в курс дела: ночью произошло возмущение Плетения. Ничего из ряда вон выходящего, штатная ситуация, если бы не одно «но». Подобные всплески были зафиксированы сразу в нескольких местах.

— Несколько часов назад произошел взрыв в исследовательской лаборатории научного центра, — нехотя, то и дело сплевывая на землю, прибавил горгул. — Достаточно сильный, чтобы к чертям разнесло несколько близлежащих кварталов. Наши Адепты говорят, что причина не в самом взрыве, а в том, что он разрушил массив крупных кристалльных кластеров, заряженных по самое не хочу. О, а вот и подкрепление посерьезнее.

Марори вместе с другими дра'морками оглянулась на причину, которая заставила военного выдохнуть.

Прямо к ним подошла группа небеснорожденных. Человек десять, преимущественно парни лет двадцати, но была среди них и пара девушек. Девушки были рослыми и крепкими, значительно выше своих сверстниц-дра'морок. Марори так вообще ощущала себя коротышкой.

Среди парней только двое выглядели чистокровными небеснорожденными: близнецы, которые и стояли во главе группы. У обоих была характерная для эрэлимов серебристая кожа, серебряные глаза и выразительный «живой» орнамент всюду, где тело было неприкрыто одеждой. Правый — Марори мысленно окрестила его «бунтарем» — выглядел так, будто его притащили прямо с концерта панк-группы — еще взъерошенный, с черными разводами по лицу, точно плохо смыл какой-то грим. Его брат был одет в самые обычные джинсы и простую белую футболку без всяких опознавательных знаков.

Появление небеснорожденных вызвало среди дра'морок неоднозначную реакцию. Некоторые потихоньку шушукались, но подавляющее большинство тут же стало нарываться на драку, ничуть не стесняясь в выражениях. Ирри Данва взяла ситуацию в свои руки и громким криком разом закрыла все рты.

— Мне напомнить обещание Магистра? — строго осматривая виновниц, спросила она. — Или кто-то желает на собственной спине ощутить, какая тяжелая рука у *меня*?

— Интересно, они и в туалет серебряными слитками ходят? — на ухо Марори зашептала Ястина. И сама же похихила над собственной шуткой. — Предлагаю начать делать ставки, в каком порядке их будут потрошить порождения Хаоса. Вот эта, — она ткнула пальцем в одну из девушек, — будет первой. У нее коровьи глаза.

Марори услышала негромкие смешки поддержки, а следом — громкую оплеуху, которой Ирри «поучила» непослушную студентку. К чести своей Ястина смогла устоять на ногах, хоть ее заметно качнуло. Что и говорить: рука у горгульи оказалась в самом деле тяжелой.

Небеснорожденные никак не отреагировали на ужимки в свой адрес. Они вообще выглядели так, словно не видели никого и ничего, кроме человека, в чье распоряжение поступили. И такое поведение Марори считала показательным.

Последним появился крепкий мужчина лет сорока с тусклым нимбом над головой, хоть в остальном он мало чем отличался от простокровок.

— Пополнение из Эльхайма, — сказал он низким уставшим голосом. — Магистресса просила передать, что основные силы заняты выполнением другой задачи. Я же лично ручаюсь за каждого из этих ребят и уверяю, что с ними проблем не будет. Братья Альрики уже проявили себя в прошлом году во время Прорыва.

Марори помнила тот случай, потому что он стал причиной гибели многих гражданских, которым не повезло оказаться поблизости от места, где Хаос нашел лазейку в реальный мир. Самым ужасным было то, что голодные порождения в первую очередь разделались с самым большим «лакомством»: двумя сотнями школьников, которые в тот день пришли на экскурсию в музей.

— Надеюсь, парни, вы покажете этим «желторотикам», что такое дисциплина и профессионализм.

Эрелимы промолчали, но «бунтарь» окинул дра'морок оценивающим взглядом.

— Ни одна из незаконных группировок не взяла на себя ответственность за взрыв, — чеканил слова майор. — Радиус поражения — три километра от эпицентра. Учитывая то, что центр взрыва оказался в непосредственной близости к точке возмущения Плетения, теперь там творится черт знает что.

Кто-то присвистнул.

— Мы оцепили периметр, но степень поражения слишком высока. Специалисты уже начали зачистку, но дело продвигается слишком медленно. По данным разведки там восемь крупных объектов, три массивных. — Он осмотрел студентов изучающим взглядом. — И есть информация о некоторой доли Темной материи. До уточнения не могу делать прогнозов, но доля равна примерно тридцати процентам.

Светлые помогите, там что, один из Не-Названных? Или, упаси боги, кто-то из Темных?

— Мы ждем прибытия уполномоченного представителя Совета для санкционирования опечатывания, — продолжал мужчина. — С оглядкой на радиус поражения под опечатывание могут попасть гражданские из прилегающих районов. Их нужно вывести, не привлекая внимания. По возможности избегать контакта с противником, если схватка неизбежна — свести к минимуму потери среди гражданских. Полагаю, посильная для вас задача.

Марори подумала, что даже если бы она была непосильной, никто из присутствующих не озвучил бы своих опасений вслух. Потому что их готовили именно для этого.

— Кроме того, пропала одна из наших мобильных групп. В последний раз сеанс связи был запеленгован из этого квадрата, — он очертил пальцем внушительный круг на карте. Студенты окружили майора, высматривая место, куда им предстоит вот-вот отправиться. — Нужно проверить данные.

— Более точных координат нет? — донесся вопрос «мягкой» версии близнецов.

— В очаге поражения слишком сильные электромагнитные помехи, там вся техника сбоит. У нас нет точной уверенности, что пеленг достаточно точен, так как велика вероятность наведенных искажений, но других данных нет. С группой есть гражданские: медик и комиссар из Лиги.

— Зачем медик? — вопрос из толпы.

— С самого начала была информация о выживших ученых. Медика взяли на случай оказания реанимационных мероприятий.

— То есть нужно вывести еще и ученых? — На этот раз встряла Ястина.

— Нет, — жестко отбрил горул, — информация о выживших сотрудниках лаборатории не подтвердилась. Никто из них до сих пор не вышел на связь. Даже если там были выжившие, учитывая обстоятельства и потери, которые мы несем из-за неверного информирования, командование не считает целесообразным снаряжать еще одну спасательную группу. Ваша задача — обеспечить безопасность гражданских, которые попали в зону поражения, и проверить координаты пропавшей группы.

— Когда они в последний раз выходили на связь? — еще один безымянный вопрос.

— Семьдесят восемь минут назад.

— Какова вероятность что-то кто-то из них выжил? — спросила Иза.

Майор наградил ее жестким взглядом, потому что даже глухой бы услышал очевидный подтекст: «А не будем ли мы рисковать жизнями ради мертвецов?»

— Группа специального реагирования обучена на случай критических ситуаций. В случае невозможности самостоятельно покинуть опасную зону, они должны найти подходящее укрытие, занять оборону и дожидаться подмоги. Если больше нет вопросов, собирайтесь. Лучше разбиться на группы для более эффективного охвата территории.

Так и сделали. Получилось десять групп по четыре человека: два дра'морца и два студента Эльхайма. Марори оказалась в связке с близнецами и Изой. И хоть признаваться в этом было стыдно даже себе самой, она радовалась такой компании. Братья одним своим видом внушали уверенность, что в случае критической ситуации смогут организовать их с Изой неопытность.

Им раздали карты, снабдили рациями для связи.

Марори тяжело переваривала происходящее. Конечно, в рамках курса «Экстренного реагирования» они проходили основы мероприятий на случай подобной ситуации и ничего нового изуродованный майор не сказал. Но все равно происходящее продолжало казаться дурацким сценарием. Может, это просто проверка? Слишком странные обстоятельства, как ни крути. Теракт? В мире, где Лига и Хранители контролируют каждый чих, где тебя могут усмирить даже за крамольные мысли, где дознаватели могут казнить без следа и следствия — теракт?

— Всю жизнь мечтала покататься на такой тачке, — восхищенно разглядывая внутреннее убранство военного бронированного транспорта, с придыханием прошептала Иза. Она казалась заинтересованной и радовалась почти как ребенок, которому дали долгожданный леденец. — Дома в обморок упадут, когда узнают, что я реально ездил на военной машине.

А потом она не придумала ничего лучше, чем достать телефон и сделать пару «селфи». И через минуту пожаловаться, что «сеть не ловит». Марори мысленно вздохнула: похоже, Иза была не из тех, кто не утруждал себя внимательным слушанием всех указаний.

— Я — Марроу, — представился «мягкая» версия близнецов. — Моего брата зовут Тинд.

Марори понимала, что рано или поздно наступит момент, когда им придется познакомиться, но была почти уверена, что это будет лишь ее инициатива. О разногласиях между светлыми и темными знали все. И то, что эти разногласия порой приобретают очень кровавые формы не говорили разве что в программах новостей.

— Марори, — назвалась она и улыбкой ответила на дружелюбие. По крайней мере этот эрэллим не выражал агрессии. Но ухо все равно следовало держать остро.

— Четвертый Круг, Адепт Светлого плетения.

— Я. ммм. Третий Круг, Потрошитель.

Наблюдать за тем, как округлились его серебряные глаза было неприлично весело, но Марори не смогла сдержать смешок.

— Выглядишь не как Потрошитель, — вставил свое мнение куда менее дружелюбно настроенный «бунтарь» по имени Тинд. — Те полные придурки.

Марори сразу расхотелось улыбаться. Марроу боднул брата плечом и попросил заткнуться.

Чем ближе они подъезжали к месту назначения, тем жестче из реальности проступали последствия катастрофы. Выбитые ударной войной окна, поваленные деревья, свернутые в неестественные формы бигборды, оборванные провода. Военных было много, в пунктах оказания первой помощи толпились гражданские.

Не город, а иллюстрация апокалипсиса местного разлива.

— Приехали.

Молодежь высыпала из транспортников. Скоординировав действия, группы разбрелись по периметру. Марроу сразу взял на себя роль главного. Им предстояло прочесать три квартала, несколько жилых массивов, два супермаркета и настигованную офисами высотку.

Они прошли квартал, осмотрели дома. Последствия взрыва превратили их в бетонные скелеты, пронизанные безжизненными, изредка искрящимися нервами проводки и костями водопроводных труб. Все было мертво настолько, что с трудом верилось, будто еще несколько дней назад здесь кипела городская жизнь. Однажды Тинд заметил какое-то шевеление, и когда его брат чуть ли не спустил их с цепи, оказалось, что это всего лишь забытая хозяевами кошка. Несчастное животное забилося под обломки, шипело и смотрело на чужаков голодными злыми глазами. Там ее и оставили.

Часом позже, когда они обследовали половину отведенной зоны, раздался крик о помощи. В подвале рухнувшего здания пряталась семья: пожилая женщина и двое маленьких детей.

— Осторожно, — Марроу придержал Марори за локоть. — Лучше не трогать ее до того, как вытащим людей из-под обломков.

Рядом, буквально в паре метрах от завала, висел Разрыв. Марори впервые собственными глазами видела аномалию и ловила себя на мысли, что разочарована. Он походил на радужную пленку, которая образуется, если капнуть на воду чем-нибудь горючим и маслянистым. Разве что пленка висела прямо в воздухе, и была видна лишь под определенным углом.

— Лучше стойте, где стоите. — Марроу шагнул к Разрыву.

Он не сделал ни единого жеста, даже пальцем не пошевелил, но по его одежде стремительно побежали красноватые искры, как будто кто-то пропускал через эрэлима ток. Не успела Марори и глазом моргнуть, как поверх джинсов материализовались две ладно пристроенных кобуры. Ничего сверхъестественного в них не было: черная, порядком потертая кожа, с затертым лейблом бренда. И рукояти торчащих пистолетов выглядели тоже вполне обычными. Не считая того, что одна была белоснежной, а другая — черной.

— Хорошая идея, — прокомментировала произошедшее Иза и в свою очередь потеребила браслет на правом запястье.

Насколько Марори помнила, такие браслеты были чем-то вроде оберегов у неспособных к атакующим манипуляциям Анатомов. Их изготавливали на заказ и вкладывали в них не

больше и не меньше — заряженную Хаосом кристалльную пыль. В случае открытого противостояния, каждая атака порождения в первую очередь ударит по нему самому. Правда, больше пары ударов такая «игрушка» вряд ли выдержит.

— Надо освободить людей, — сказала Марори, изо всех сил стараясь держать лицо, когда три пары глаз уставились на нее, предвкушая демонстрацию ее личного фэлфаэра. — Раз уж все спокойно.

Пока Тинд с помощью Плетения отодвигал в сторону самые крупные куски бетонных конструкций, остальные вручную убрали обломки поменьше.

Первой достали девочку. Она выглядела такой же перепуганной, как и оставленная пару кварталов назад кошка. Ее брат ни в какую не хотел покидать руки бабушки и голосил за десятерых. Тинд скрипел зубами и метал в пацана злые взгляды. И было за что: Разрыв, до того спокойный, начал мелко дрожать и пульсировать.

— Если он не заткнется, то первым пойдет на корм той твари, которая вылезет из той дыры. — Тинд мотнул головой в сторону Разрыва.

— Он всегда такой? — Марори все-таки оторвала мальчишку от бабушки и передала на поруки Изы, которая как раз закончила осмотр его старшей сестры.

Марроу выдохнул, потом набрал в грудь побольше воздуха и одним сильным рывком приподнял плиту, которая мешала женщине выбраться из каменной ловушки. Одновременно с этим Марори что есть силы потянула ее на себя. Через мгновение та была свободна. И тут же принялась плакать, хоть до этого держалась, будто подобные происшествия чуть ли не часть ее повседневности.

— Обычно он просто говнюк, это сегодня что-то нежничает и слова подбирает, — ответил небеснорожденный, с грохотом отпустив плиту, чем поднял тучу пыли.

— Совсем как братик Шаэдис, правда, Мар?

Иза подмигнула и переключила внимание на пожилую женщину, которая, хоть и была свободна, сидела на земле, не в силах передвигаться самостоятельно.

— Братик Шаэдис? — прищурился Тинд и его лицо вдруг стало непроницаемым.

Марори захотелось выпросить у Светлых или Темных возможность повернуть время вспять и клеить напарнице рот чем-нибудь достаточно крепким, чтобы та хорошенько подумала, за что ей такое возмездие.

— Братик? Шаэдис? — не унимался «бунтарь».

— Я — Марори Шаэдис, — ответила она. Остальное, как сказал Крэйл, люди придумают сами.

— Срань какая-то, ты не шанатарка, — как-то неестественно хрипло произнес Марроу. От милого парня не осталось и следа, и сейчас небеснорожденный выглядел куда менее дружелюбно своего озлобленного брата.

— Ты вообще не похожа на проклятокровную и.

Остальную фразу проглотил ритмичный нарастающий гул. Все как по команде обернулись на Разрыв. Толчки шли с его обратной стороны — из глубины. С каждой секундой они становились все сильнее, бились все чаще, радужная пленка вспучивалась, на ее поверхности поднимались и опадали полупрозрачные волны, пока вся поверхность не превратилась в настоящий штормовой океан.

— Иза, отведи их в безопасное место, — попросила Марори.

Слава Светлым, дра'морку не пришлось просить дважды. Должно быть, девчонка была неплоха в своем деле, потому что даже ее коротких манипуляций над раненой женщиной

хватило, чтобы та по крайней мере могла идти самостоятельно, хоть и сильно хромая.

— Предлагаю оставить разговор на потом, — озвучил предложение Тинд. — Эй, Мар, оторви ей башку, если меня прикончат. Но только если прикончат. В противном случае сам это сделаю.

«Надо же, у нас имена похожи», — только теперь зачем-то подумала Марори за секунду до того, как на кипевшей глади Разрыва появилась первая трещина.

Звук был такой, словно ушные перепонки насквозь прокололи ржавым прутом. Захотелось поддаться соблазну, бросить Энигму и закрыть голову руками, иначе она вот-вот треснет. А еще лучше развернуться и просто сбежать, спрятаться где-нибудь в развалинах. Но какой же она тогда Потрошитель? В голове возник осуждающий образ Кулгарда, который однажды сказал, что не учил ее защитной стойке «я сижу на заднице».

Трещина увеличилась и сквозь прореху потекла мутная шипящая жижа, больше похожая на гниль.

— Я не смогу запечатать Разлом сейчас! — силясь перекрыть шум, предупредил Тинд. — Что бы не лезло с той стороны, оно слишком крутое и большое. Прежде придется его грохнуть.

Марроу по-звериному оскалился. Неужели недавно он в самом деле казался ей милым? Марори начала всерьез сомневаться, кого опасаться больше: голодное порождения Хаоса или этого стремительно теряющего человечность небеснорожденного?

Когда из Разрыва показалась покрытая нарывами лапа, стало ясно, что Хаос подготовил «свежему мясу» достойный прием. Светлые, если у него одна рука такая, то он сам, должно быть, размером с телеграфный столб.

«Ты — нильфешни, ты подчинила его.»

— Сатис. — одними губами беззвучно позвала Марори.

И слышала предназначенный лишь для нее шакалий вой пополам с гудящим: «Я с тобой — до конца».

В книгах ничего не пишут о том, как именно прирученное порождение Хаоса является на зов своего хозяина, а из разговоров однокурсников Марори смогла сделать лишь один вывод — у всех по-разному. Ниваль частенько жаловался, что его «Стрекоза» (странное прозвище для здоровенной летающей твари с полуметровым жалом, наполненным смертельным ядом) частенько отказывается являться в истинном обличи, предпочитая более миролюбивое и значительно более жалкое, вроде огромной зеленой бабочки с огромными выпученными глазами. А Кулград в минуту ностальгии поделился рассказом о том, как его порождение вздумало явиться в компании мелких галдящих тварей, которые, хоть и не представляли опасности, но порядочно подпортили ему нервы.

Марори не знала, как именно явится Сатис, но почему-то не сомневалась, что материализация такой громадины должна быть по меньшей мере необычной. Сначала по земле потянулись черные нити, которые начали медленно сворачиваться в маленький смерч, который рос и расширялся прямо на глазах. Что ж, похоже, Сатис не отличался особой оригинальностью и использовал тот же трюк, что и в знаменательный день их встречи.

Когда массивная фигура материализовалась и встала у нее за спиной, трещина расширилась настолько, что тварь с обратной стороны протиснулась почти на половину. И ее размеры ужасали.

— Охренеть. Что б меня. Да ну нафиг! — попеременно глядя то на призванного фэлфаэра, то на порождение, которое неудержимо лезло в мир живых, выкрикивал Тинд.

Он так увлекся, что совершенно забыл о своей роли в их маленькой вот-вот грозившей начаться войне. А когда Сатис встал у Марори за спиной, ей отчего-то остро захотелось натравить фэлфаэра на этого умника и вырвать его поганый язык, которым он — минуты не прошло! — бахвалился, что оторвет ей голову.

Разлом, наконец, не выдержал и треснул сверху вниз, как спелый арбуз. Им в лица ударил настолько крепкий гнилостный смрад, что Марори едва не сшибло с ног. К счастью, Тинд все-таки справился с растерянностью и прикрыл их защитным барьером.

Тварь была поистине огромной. Этакая гора с двумя парами рук, мощным, покрытым слизью телом и полным отсутствием головы. В том месте, где ей полагалось быть, торчал фонтан извивающихся, больше похожих на языки щупалец.

Порождение вывалилось на землю, затрясло щупальцами, которые на несколько секунд вытянулись в струнку, а затем снова ожили, заметались. Именно они заменяли созданию глаза, именно ими оно слышало и воспринимало малейшее движение, именно с помощью них питалось.

Угурд — мерзкий пожиратель гнилой плоти. Марори помнила, как на одну из своих лекций профессор Дохляк принес его забальзамированное щупальце и как долго дотошно рассказывал, насколько оно опасно даже в забальзамированном виде, несколько месяцев спустя после того, как его отсекали от тела. Одной капли токсина с такого щупальца достаточно, чтобы жертву парализовало. Но и это не самое страшное. Что может быть неприятнее паралича в непосредственной близости от недружелюбной твари из Хаоса? Только вся гамма чувств, рожденная активным гниением собственных внутренних органов. Потому что Угурд был тем еще гурманом и предпочитал всасывать жертву уже в переваренном виде.

— Сейчас будет больно! — с каким-то веселым азартом закричал Тинд. Выставленный им барьер налился золотистым сиянием, побежал густой рябью, которая быстро оформилась правильной сеткой из шестигранников.

Марроу неспешно вытащил пистолеты.

Громко выдохнув, будто разгневанный кит, тварь сорвалась с места и понеслась на двуногую добычу.

Грянули выстрелы. Пули беспрепятственно прошивали барьер Тинда и клевали тело создания из Хаоса. Клевали — самое подходящее слово. Опметки плоти и крови, что неизменно разлетались в стороны после каждого попадания, несколько не смущали и не задерживали чудовище. Похоже, оно вообще не особенно замечало, что находится под прямым обстрелом.

Не заметило и барьер. Тот разлетелся с приятным мелодичным звоном — будто сотню колокольчиков тронул порыв ветра. Впрочем, топот набегающей твари оказался куда громче. Последние несколько метров та и вовсе преодолела за мгновение и на всем ходу налетела на Марроу. Тот то ли не успел, то ли не посчитал нужным увернуться, а потому подлетел над землей, отброшенный словно мяч. Тинд бросил взгляд на Марори (ей даже показалось, что небеснорожденный в извинении повел плечами) и метнулся брату на помощь.

Вот и вся поддержка.

«Нам нужно убить порождение, Сатис», — мысленно приказала фэлфаэру Марори. Интуиция подсказывала, что он все слышит и понимает. И беспрекословно исполнит все, что бы она ни приказала.

Не успела она пожелать, а Сатис уже рванулся вперед, к противнику — и за мгновение

до того, как щупальца впились в беззащитного Тинда, только что принявшего брата в мягкие объятия Плетения, снес Угурда, словно прущий на всех парах локомотив.

Они сцепились.

Воздух наполнился звуками хлестких ударов, рычанием, воем.

Маррори лишь бросила на невредимых небеснорожденных кислый взгляд, затем подхватив Энигму и поспешила спасти своего фэлфаэра. Попытка Крэйла убедить ее не совать нос в неприятности болталась где-то на задворках сознания, как назойливое сообщение, которое нельзя убрать, но можно попытаться игнорировать. Она знала, если выживет — совесть сожрет ее по кусочкам. Но разве может она стоять в стороне, когда Сатис так отчаянно выгрызает для своей хозяйки каждый вздох?

Наверное, смогла бы. Смогла бы, если б до сих пор оставалась той простокровкой, какой приехала в Дра'Мор. Но не теперь, когда ее кровь обрела новую силу. Нет, не теперь, когда тело наполнилось раскаленным желанием. убивать. Она — сильная, она — боец. Она — Потрошитель!

В голове зашумело так сильно, что Маррори не сразу поняла, что именно произошло. Не сбавляя шага, она бросила взгляд на Энигму и увидела, что око смотрит на нее. с покорностью. А ее собственные пальцы на древке стали странно вытянутыми и узловатыми. В горле так неожиданно и сильно пересохло, что она едва не поддавалась искушению бросить оружие и расцарапать глотку.

Светлые, что происходит?!

Девушка даже ненадолго выпала из реального мира, неосознанно замедлилась. Наверное, так себя чувствуют после самого сильного похмелья, но с чего бы это случилось с ней? Что она вчера пила?

Из оцепенения ее вывела громкая ругань Марроу и вслед за ней — отрывистая пушечная стрельба. Эрелим очухался и снова вступил в схватку: стоял довольно далеко от рвущих друг друга чудовищ и методично стрелял с двух рук, не боясь промахнуться.

Какого черта он творит, этот мерзкий небеснорожденный ублюдок?! Хочет попасть в ее с таким трудом пойманного фэлфаэра?

Маррори круто развернулась — и вместо того, чтобы атаковать Угурда, выбрала новую цель. Она хотела его убить, расчленив, превратить в восхитительно кровавую гору мяса.

Той частью сознания, что еще была в состоянии анализировать происходящие метаморфозы, Маррори вспомнила, что даже и тогда, впервые взяв в руки косу и чуть не поддавшись ее одержимости, она не испытывала такой жажды убийства.

Не просто убийства — изощренного расчленения.

Но теперь Энигма не имела к этим чувствам никакого отношения. И Маррори точно знала, что именно сейчас коса покорна ей, как никогда.

За секунду до того, как она размахнулась для смертельного удара, ее руку перехватил поток направленного Плетения. Девушку резко дернуло вверх, словно тряпичную куклу подняло над бетонными развалинами. Самым краем сознания Маррори посмотрела на себя со стороны: злую, шипящую какие-то непонятые слова, полностью бесконтрольную для себя самой.

А еще через секунду Сатис оторвался от своего противника, наострил уши, как гончая — и издал низкий предупредительный рык.

«Нет! Стой!»

Порядком потрепанный Угурд воспользовался замешательством протвиника — и

повалил Сатиса на спину. Шакал оскалился и, не колеблясь, впился в гнилую плоть почти возле самого «соцветия», откуда змеились щупальца-языки.

— Отпусти ее! — заорал на брата Марроу.

В следующее Мгновение Марори грохнулась на побитый шрапнелью каменной крошки бетон. Один крепкий удар головой — и сознание прояснилось. Зато потемнело перед глазами. Мир вокруг расплылся до состояния грязного пятна, в котором люди были всего лишь хаотично движущимися точками.

Марори поднялась на колени, слепо пошарила вокруг, сомкнула пальцы на древке.

Моргнула. Раз, другой, третий. До тех пор, пока предметы не вернули свой истинный вид и форму.

Она снова могла соображать. Мысли снова стали привычными, избавились от неудержимой жажды убийства.

Над развалинами взвился и резко опал отрывистый крик. Тут же за ним еще один и еще. Девушка бросила взгляд в сторону разрыва — из мерцающей дыры между мирами лезли новые твари. Не такие крупные, как Угурд, но вряд ли менее голодные и охочие до поживы. Передвигались они на четырех кривых ногах и походили на бескрылых комаров с огромными длинными жалами, способными проколоть человека насквозь. Быстрые и проворные, они вполне могли оказаться силой, почище одного громилы Угурда. А уж если навалятся целой кучей — уже и не сбежать.

К счастью, Марроу сразу переключил свое внимание на них. И на этот раз его оружие и меткость показали себя с отменной стороны — каждый выстрел разваливал новую носатую тварь чуть не надвое, буквально взрывая ее внутренности. А братец помогал ему, замедляя то или иное наиболее проворное порождение Хаоса, не давая ему подобраться слишком близко.

Марори не стала ни помогать им, ни наблюдать за схваткой. У нее свой бой. Развернувшись, быстрым шагом преодолела расстояние до своеобразной арены, на которой боролись два неравных противника. Просто удивительно, как Сатис смог продержаться до сих пор.

«Прости, клыкастый, кажется, я не могу иначе».

Жажда вернулась. Такая же сильная, но на этот раз полностью подконтрольная ее воле. И теперь Марори знала, в какое русло ее направить.

То, что к врагу подоспело подкрепление, Угурду явно не понравилось. Он как раз начал вмолачивать Сатиса в бетон, когда с громким отчаянным криком его атаковала глупая малявка.

Каждое движение, которое Марори делала, она видела наперед. Каждый шаг, пирует, атаку.

Она и не помышляла о защите.

Она пришла, чтобы убить — и никак иначе. Сегодня, сейчас, она не будет жертвой.

Почувяв, что ему пришли на помощь, Сатис воспрянул духом и поддержал намерение хозяйки протяжным воем.

Она чувствовал его. чувствовал его боль, его ярость, его предвкушение хорошей схватки. Неожиданно для себя Марори поняла, что нащупала ту тонкую нить их связи, о которой и помыслить не могла — эмоциональный контакт. Они как будто оказались за гранью общепринятых между Потрошителем и его стражем законов и порядков, они создали свои собственные правила, в которых были не хозяином и рабом, а полноценными напарниками.

Еще одно открытие, о котором не пишут в книгах и не рассказывают на лекциях.

Интересно, если она расскажет об этом ребятам — они посчитают ее выдумщицей или сумасшедшей?

Ее внезапная атака глубоко располосовала заднюю поверхность бедра Угурда, заставила его отвлечься от Сатиса, даже попятиться, уже чуть прихрамывая. Фэлфаэр тут же извернулся на месте, рычащим комком откатился в сторону. Угурд затрубил, разбрызгивая вокруг себя слюну, и отчаянно затопал ногами. Наверное, это должно было испугать, заставить подумать об отступлении, чтобы занять более выгодную для защиты позицию, но Марори и не думала останавливаться. Тем более, что за спиной топчущегося в бессильной злобе порождения уже мелькнула эбонитовая фигура Сатиса.

Серпы по очереди, стремительно и хлестко сверкнули алыми отблесками над змеистыми отростками. Весь пучок мягко и до противного скользко свалился прямо к ногам Марори. Угурд повалился на колени, а на шакальей морде мелькнуло некое злое подобие улыбки.

Марори хотелось разделить триумф своего напарника.

Именно так, напарника.

«Спасибо!» — глядя в его налитые кровавой злостью глаза, мысленно шепнула она, и Сатис как-то по-собачьи склонил голову на бок.

«Я — твой, до остатка».

Марори скорее почувствовала, чем увидела неясную возню за спиной, но не рискнула отвлекаться от порождения, которое, хоть и стояло на коленях, до сих пор могло убить один хорошим ударом руки. Какая-то крохотная часть ее души хотела подарить твари милостивую смерть, но девушка не смогла противиться алчной жажде крови.

В горле снова встал сухой ком, на языке появился отчетливый пряный вкус собственной крови. Марори скользнула языком по вспухшим деснам, снова опустила взгляд на руки: пальцы вытянулись еще сильнее: от ногтей, вниз по ладони, тянулся странный красно-черный орнамент, как будто выжженный рукой неведомого художника.

Яркая вспышка боли — и в голове снова зашумело.

Она занесла Энигму для удара, изоощренно выбирая, какую же часть тела отсечь первой.

Сатис охотно присоединился к ее «веселью»: пока она с отчаянным удовольствием превращала Угурда в нарезку, шакал по-звериному рвал его на куски.

Когда она насытилась, от порождения осталась та сама куча зловонного быстро разлагающегося мяса, в которую она недавно мечтала превратить небеснорожденного.

Сзади кого-то безудержно рвало.

Марори медленно повернулась, предвкушая триумф, отраженный в непонимающих взглядах близнецов. Она хотела увидеть, как оба будут в страхе пятиться. Пожалуй, будет достаточно, если обделается только Тинд.

— Твою мать! — громко выругался Маррой и наставил на нее оба пистолета. — Кто ты такая?! Марори открыла рот, чтобы ответить — и поняла, что что-то не так.

Совсем не так.

Настолько иначе, что кровожадная часть охотно уступила место обычной Марори: той, которая до сих пор так ничего и не понимала.

«Ты укусила меня.» — всплыли в памяти слова Крэйла одновременно с тем, как кончик языка наткнулся на неестественно длинный клык. Легкое касание к нему стоило раны на нежной слизистой.

Светлые, Темные и Неназванные, у нее что — клыки?!

— Пристрелили ее, ну же, — подстрекал брата Тинд. Похоже, рвало именно его.

Оба небеснорожденных выглядели порядком потрепанными, и Марори только теперь увидела внушительный урожай мертвых порождений Хаоса. Что ж, братья действительно неплохо поработали — десятка два, не меньше, длинноносых кровопийц буквально устилали своими внутренностями окружающие развалины.

А вот разорванный изуродованный Разлом продолжал колыхаться. Он потускнел, обуглился в тех местах, где его коснулся Хаос и сейчас больше напоминал ожег на теле мироздания. Марори почему-то больше волновала причина, по которой Тинд до сих пор его не запечатал, чем два наставленные прямо ей в лицо ствола.

Сатис наострил уши и чуть пригнулся. Взведенная пружина, готовая в любой момент распрямиться, а заодно кого-нибудь выпотрошить.

— Кто ты? — упрямо повторил вопрос Марроу. На его лбу запеклась рана, кровь залила правую часть лица.

— Я убью вас обоих, если вы прямо сейчас не перестанете вести себя как придурки. До чего же неудобно говорить!

До чего же притягателен этот алый узор на его серебряной коже.

Марори попыталась сглотнуть комок, но тщетно. Пришлось просто выплюнуть его под ноги.

— Если этого не сделаешь ты — сделаю я.

Тинд вытянул из Плетения пару огненных нитей, свил комок огня размером с футбольный мяч. Ничто в его взгляде не заставляло сомневаться, что он не отступить от своей бестолковой идеи.

— Сатис. — Марори сказала это почти шепотом, но во внезапной тишине слова прозвучал оглушающей угрозой, — фас.

Фэлфаэр бросился вперед.

Секунда — и эрэлим очутился на земле. Плетение развеялось, оставив по себе тусклое облачко дыма, но и его скоро не стало.

— Не убивай, — остановила фэлфаэра Марори за миг до того, как тот перекусил бы Тинду шею. Сатис недовольно зарычал. — Пожалуйста.

Шакал нехотя, но подчинился и отпустил жертву. Правда, не удержался и напоследок щелкнул челюстями у него перед самым носом. Нужно отдать небеснорожденному должное, но он не выглядел слишком испуганным. Скорее, разочарованным, что не нашел ничего достойного в ответ на унижение.

— Запечатая Разлом, — подчеркнуто вежливо попросила Марори. — Пока оттуда не полезли новые неприятности.

— Запечатал бы, если б мог, — зло бросил тот, оперся на руку брата и тяжело поднялся с земли. Его заметно водило из стороны в сторону. Должно быть, не рассчитал свои силы, когда использовал Плетение. — Что-то держит его с обратной стороны.

— Что-то?

— Наверное, этот милый парень имеет в виду меня, — последовал ответ мелодичного девичьего голоса. И время остановилось.

Марори поняла это по тому, каким вязким и тяжелым стал воздух, по застывшему с занесенной для шага ногой Тинда, по зависшей в воздухе невесть откуда взявшейся искре.

Но сама она, кажется, была полностью свободна в этом мертвом царстве. Чтобы подтвердить догадку, сжала и расслабила пальцы на древке косы. Глубоко вздохнула,

повернулась на голос.

— Ну, здравствуй, Уснувшая, — сказала незнакомка и посмотрела на Марори. ее собственными глазами. — Или мне лучше назвать тебя Темная?

Темная?

— Ох, боги, перестань делать такое лицо, как будто узнала, что солнце встает на западе, а садится на востоке.

Девушка прошлась из стороны в сторону, как бы приглашая собеседницу рассмотреть себя внимательнее.

И это. словно смотреть на себя в зеркало.

Тот же рост, те же черты лица. Полное, ужасающее в своей идеальности совпадение. Даже близнецы эрэлимы не были так похожи, как они с этой незнакомкой.

Хотя, различия были, и они разительно бросались в глаза: красные, как огонь волосы, черные глаза без зрачков, как будто впитавшие в себя всю боль Мироздания. И главное — тяжелые, увитые алыми пульсирующими жилами эбонитовые рога, растущие от ушей и загибающиеся куда-то за спину. Просто удивительно, как незнакомка в состоянии держать голову ровно под таким весом.

— Я была уверена, что близость Хаоса заставит тебя пробудиться, — с неприкрытым раздражением сказала рогатая. — Сколько можно прятать голову в песок, сестренка?

— Я не знаю.

Что именно она не знала, Марори не закончила. Потому что из всего огромного списка вопросов в голове не было ни одного хоть сколько-нибудь рационального.

Это невозможно. То, что происходит здесь и сейчас — какой-то абсурд. Жестокая шутка. Слишком жестокая и оттого невозможная.

— Как тяжело-то. — Девушка сокрушенно покачала головой, отчего алые всполохи на ее рогах запульсировали с новой силой. Казалось, внутри них живет первозданный огонь, и лишь прихоть невероятной силы удерживала его в заточении. — Она предупреждала, что с тобой будет тяжелее всего.

— Кто ты такая?

— Твоя сестра, разве я не сказала этого секунду назад?

— У меня нет сестры.

— У тебя нет памяти, — поправила незнакомка. Она подошла к застывшему в прыжке Сатису, погладила лоснящуюся окровавленную шкуру на его боку. — Ну и как тебе мой подарочек? Не то, чтобы я ждала «спасибо», но ты могла хотя бы из вежливости вынуть голову из задницы и начать, наконец, вспоминать, ради чего мы тебя освободили.

— Я впервые тебя вижу. — Но что-то в глубине души кольнуло и заставило усомниться в собственных словах. Как это возможно: говорить правду — и самой себе не верить?

— Допустим, я тебе поверю, — не слишком охотно, но согласилась девушка. — Но ты должна помнить хоть что-нибудь. Лабораторию? Все те ужасные трубки и иглы, которые в нас совали ублюдки в чистеньких халатах. И этот противный голос: «Образец номер семь. Проба сто сорок пятая». К счастью, я уже давно не нуждаюсь во сне и меня больше не преследуют кошмары.

Марори открыла рот, чтобы сказать, что до сих пор не понимает ни слова — и услышала. Громкий щелчок, как будто кто-то сорвал защитную пломбу с ее воспоминаний, и те начали медленно просачиваться наружу.

— Образец номер тринадцать, — шепотом, не узнавая собственный голос, сказала

она. — Проба первая.

Рогатая широко улыбнулась, демонстрируя острые и мелкие, как у пираньи, зубы. От одного вида этой улыбки хотелось упасть замертво. Марори не понимала, как до сих пор не сошла с ума, как вообще владеет собой после всего увиденного и услышанного.

— Ну вот, значит, ты по чуть-чуть начинаешь просыпаться. Жаль, что слишком медленно. У нас были другие планы. — Незнакомка сделала неопределенный жест рукой и посмотрела как будто сквозь Марори. — К сожалению, у меня совсем нет времени на болтовню. Я и так нарываюсь на неприятности. Надеюсь, когда мы увидимся в следующий раз, ты все вспомнишь, сестричка, и будешь готова сыграть свою роль в нашем маленьком представлении.

— Как ты сделала это?

Марори подалась к знакомке, схватила ее за руку, пытаясь остановить.

В следующую секунду ее словно разорвало изнутри. Безудержная волна огня разлилась по венам, выжигая даже самую крохотную способность к сопротивлению. Что-то рвалось наружу, что-то убийственное в своей откровенности. То, что так долго пряталось за замками ее беспамятства, теперь рвалось наружу, насколько не заботясь, выдержит ли хрупкая оболочка такой напор.

— Ты можешь больше, — как-то подчеркнуто зловеще прошипела ее рогатая копия. — Просыпайся, Уснувшая. Просыпайся, сестренка Тринадцатая, потому что обратный отсчет уже пошел.

Она легко, соблазнительно покачивая бедрами, шагнула в сторону Разлома, но прежде чем скрыться в неряшливо разорванном Мироздании, обернулась, подмигнула — и послала теряющей сознание Марори воздушный поцелуй.

— До скорой встречи, сестренка.

Она исчезла, а Разлом начал медленно затягиваться.

Когда время пустилось галопом, Марори поняла, что валяется на земле и не может пошевелиться. Как будто в наказание за то, что могла двигаться, пока все остальные превратились в замороженные статуи.

«Образец номер тринадцать. Проба первая».

Зацикленная фраза вертелась в голове, становясь все громче и громче.

Перед гаснущим взглядом замельтешили неясные тени. Сквозь монотонную череду слов прорвались звуки громкой ругани, перепалка мужских голосов. Потом чьи-то крепкие руки подняли ее, прижали к груди.

— Не шевелись, — предупредил Марроу как-то слишком обеспокоенно. — Все будет хорошо, малышка.

— Что случилось? — Она едва держалась за реальность, но чувствовала, что неумолимо соскальзывает в холодную и бесконечную пропасть. Пошарила языком во рту и беззвучно застонала, когда поняла, что клыки никуда не делись.

Эрэлим что-то ответил, но слов Марори уже не расслышала.

Глава четырнадцатая

— Я тебе кажется уже сказал, чтобы ноги твоей здесь не было, урод небеснорожденный.

— А я тебе сказал, что никуда не пойду, пока не удостоверюсь, что с ней все в порядке. Хочешь меня прикончить, тварь? Валяй, попробуй.

— Даже не представляешь, с каким наслаждением я бы собственными руками разорвал тебе плотку, если б не был уверен, что в итоге ты сдохнешь, а мне снова придется отдуваться за очередного небеснорожденного дохляка.

Марори медленно подняла до боли тяжелы веки. Тусклый свет мягко растекся по зрачкам, вытравливая из темноты серые оттенки.

— Крэйл? — Она не могла ошибиться, хотя его присутствие здесь было бы такой же фантастикой, как и явление рогатой девчонки.

Перепалка оборвалась. Перед глазами замаячила расплывчатая тень. Кровать прогнулась под тяжестью.

— Привет, кусака.

Она несколько раз моргнула, пока его лицо не приобрело знакомые черты.

— Ох, Светлые. — Она попыталась поднять руку, чтобы прикоснуться к длинному темно-красному шраму, рассекающему его переносицу от самого лба, но ничего не вышло. — Больно?

— Ерунда.

Его рука нащупала ее ладонь, сжала.

— Чувствую себя, как труп, которому не дают отправиться в мир иной. — Она сглотнула, повернула голову туда, откуда ее затылок жег пристальный взгляд.

Марроу, скрестив руки на груди, подпирал стену. Несколько секунд он безмолвно ощупывал взглядом ее лицо. Потом с облегчением выдохнул.

— Я подожду за дверью, — сказал он, потом покосился на Крэйла. — Если этот гмм. твой брат хоть пальцем тебя тронет — кричи.

Ей очень хотелось спросить, в чем причина такой резкой смены отношения, но эрэлим успел выйти раньше.

— Я думал, что придется свернуть ему башку, — проворчал Крэйл, поднялся и отошел к окну. — Как себя чувствуешь?

— Как будто по мне проехали катком. В обе стороны.

Она осмотрелась. Ох, Светлые, однажды она точно так же очнулась неизвестно где и узнала, что умерла — и воскресла другой. Теперешнее пробуждение было настолько похожим, что от страха перед неизвестностью захотелось сунуть голову под подушку.

— Откуда ты здесь?

— Здесь — это в Дра'Море?

— Боги, я снова провалялась без памяти несколько дней?

— Десять, Марори Шаэдис. Десять. Чертовых. Дней.

Она издала нервный смешок. Чтобы не сойти с ума оставалось только насмехаться над очередным «подарком» судьбы.

— А что здесь делает небеснорожденный? Разве им не запрещено появляться в Мараабаре?

— Запрещено, — сквозь зубы процедил Крэйл и прошелся пятерней по волосам. Егс

правая рука была перебинтована от локтя до самого плеча. — Но он, видишь ли, на особом счету. И Магистр сделал исключение.

— Зачем?

Крэйл в пол-оборота оглянулся на нее, вздохнул.

— Сможешь подняться?

— Если ты поможешь.

Он подставил плечо, приобнял ее за талию.

— У меня клыки, Крэйл, — сказала она ему на ухо. Голос предательски дрогнул, ноги подкосились, и если бы не поддержка шанатар, она бы неминуемо свалилась на пол.

— Я знаю, кусака. И боюсь, это не самый неприятный сюрприз, который тебя ждет.

— Там была девушка. В точности такая, как я. Но. какая-то другая. Я вспомнила. Я — номер Тринадцать.

— Марори.

— Что со мной происходит?

Вместо ответа Крэйл подвел ее к зеркалу на стене. Достаточно большому, чтобы она могла рассмотреть себя почти в полный рост.

Она была уверена, что закричит. Но вопль застрял где-то в районе груди, лишая возможности дышать.

За ее спиной висели призрачные серебристо-белые крылья.

— Что со мной происходит, Крэйл?

— Я не знаю, Марори Шаэдис.

Он подхватил ее за секунду до того, как девушка потеряла сознание.

* * *

— Я надеюсь, вы понимаете, что подобные. метаморфозы ни я, ни Флоранция не можем оставить без внимания, айра Шаэдис.

Она просто кивнула.

В кабинете Магистра было холодно. Хотя, после очередного «изменения» Марори мерзла почти постоянно. К счастью, дело шло к зиме и на общем фоне сменивших гардероб студентов она, в теплой толстовке и мешковатых штанах, смотрелась почти нормально. Правда, после появления крыльев, любое появление среда дра'морцев теперь сопровождалось неизменным шипением в спину. Как и не было Инициации, после которой она, пусть и ненадолго, стала «своей». Магистр запретил ей покидать комнату без сопровождения кого-то из однокурсников.

Кого-то.

Марори сглотнула. Кулгард вернулся без руки.

Даган до сих пор лежал на вытяжке с переломанной спиной.

Эашу «отделался» обожженными ладонями.

Крэйл чуть не лишился глаза и шрам на его лице останется на всю жизнь.

Ниваль. пропал без вести.

А Ним так и не вышел на связь.

Хардис опечатали. Проще говоря — стерли с лица земли. Хардис. и еще три городка, которые никак нельзя было спасти.

Счет жертвам шел на тысячи. Сегодняшняя сводка новостей подбила итог: одиннадцать с половиной тысяч погибших. Семнадцать тысяч значились пропавшими.

«Просыпайся, сестренка Тринадцатая, потому что обратный отсчет уже пошел».

В кабинет постучали. После приглашения Магистра войти раздались уверенные тяжелые шаги. Марори подняла взгляд на посетителя и почему-то ни капли не удивилась, увидев Марроу.

Эрэлим сел в кресло напротив, положил на колени пухлый бумажный пакет, который принес с собой.

— Как твое самочувствие, нильфешни? — участливо поинтересовался он.

— Хочется сдохнуть, — честно ответила она.

Он нахмурился. В строгом черном свитере-водолазке и простых черных же джинсах Марроу меньше всех небеснорожденных на свете походил на студента. Скорее уж, на молодого преподавателя. В его растрепанных черных волосах Марори рассмотрела пару серебристых прядей.

— Наверное, у тебя есть причина быть здесь, — сказала она, обращаясь скорее к самой себе.

— И достаточно веская, — не стал отпираться он.

— Агент Альрик, глаза и уши Теневого гвардии, — с нескрываемым отвращением представил гостя Магистр.

— Понятия не имею, кто это, — отозвалась Марори.

— Что-то вроде группы «Альфа» у простокровок, — небрежно бросил эрэлим. — Не суть важно.

— И давно среди студентов Эльхайма водятся тайные агенты?

— Не дольше, чем они появились среди дра'морцев, — спокойно ответил Марроу.

— Теперь ясно, почему ты здесь, а не за воротами. Жаль, я надеялась, что тебя как минимум пинками вытолкают после того, как ты чуть меня не пристрелил.

В ответ на ее нарочитую грубость Марроу добродушно улыбнулся.

— Вынужденное притворство. Надеюсь, ты не будешь помнить это. долго.

— Имеешь ввиду, смогу ли я когда-то забыть? Вот уж вряд ли.

— Я сделал это в надежде спровоцировать Шаэдиса.

— Крэйла.

— Его отца, — перебил Марроу. — Вандрика Шаэдиса. Психопата, убийцу и вечного борца за право проклятокровных повелевать миром.

В памяти Марори живо всплыл телефонный разговор с Крэйлом, в котором он без видимой причины предупредил о возможной встрече с его родителем.

— Я сожалею, что не сказал сразу. Просто ввиду того, что ты так же назвалась одной из Шаэдиов, а меня никто не предупредил о других шанатарах с этой фамилией. Пришлось действовать на свой страх и риск, вынудить тебя раскрыться, а не наблюдать за происходящим со стороны.

«Ну да, заливай.»

Так она и поверила, что эрэлим намеренно подставился под удар Угурда.

— В целях вашей безопасности, айра Шаэдис, я рассказал обо всех нюансах. — Магистра определенно тяготила компания небеснорожденного, но Марроу вел себя сдержанно и не давал повода сорвать на себе злость. Дамиан поднялся, нервно постучал пяткой трости об пол. — Полагаю, прежде, чем агент Альрик введет вас в курс дела, —

мужчины обменялись тяжелыми взглядами, — я должен предупредить, что вы вольны не вступать ни в какой контакт и не отвечать ни на какие вопросы, так как ваша фамилия, айра Шаэдис, дает вам полное право игнорировать любые попытки заставить вас говорить против своей воли. Единственная причина, по которой я согласился устроить эту линию встречу, — Магистр снова припечатал небеснорожденного тяжелым взглядом, — мое лично желание помочь вам поскорее разобраться с чертовщиной, которая вокруг вас творится. Иначе этого молодого человека здесь бы не было.

— Спасибо за эту подачку, Магистр, — мягко ответил Марроу.

Интересно, он в самом деле не испытывает желания ответить чем-то едким или просто хорошо притворяется? Марори вспомнила взгляд, с которым он наставил пистолеты ей в лицо. Вспомнила, как он шурился и закусывал губы. Ей бы и в голову не пришло заподозрить притворство. Кажется, Крэйл не так уж неправ, когда говорил, что от небеснорожденных стоит ожидать, чего угодно.

— Ты действительно знаешь, что я такое? — спросила девушка.

Марори поморщилась от острой боли в спине. С тех пор, как у нее появились эти два нелепых полупрозрачных отростка, каждый размером с нее, боль стала ее неразлучным спутником. И хоть крылья оказались эфирной не материальной формой, боль и тяжесть от их присутствия постоянно давали о себе знать. «Ну хоть одежду не придется перешивать, — заключил Кулгард, когда она впервые навестила его в лазарете. — Кто-то находит, а кто-то, — он как-то безразлично потряс культией, — теряет. Круговорот равновесия». И хоть Кул наверняка не помышлял уколоть ее, Марори не могла отделаться от чувства вины.

— К сожалению, я знаю не так много, как хотелось бы. По правде говоря, я был почти уверен, что ты прольешь свет на ситуацию. Потому что до этого нам попадались только мертвые копии.

Мертвые. Копии.

Она почти не удивилась, что восприняла услышанное как данность.

Марроу вынул из конверта стопку фотографий и передал их собеседнице.

— Это номер два, — прокомментировал он первый снимок, на котором Марори не рассмотрела ничего, кроме странно вывернутых босых грязных ступней. — Ее нашли первой. Она выпала из Хаоса во время инцидента с Прорывом. Точнее говоря — она его и создала. Двойка была у нее вот здесь, — он ткнул куда-то в область собственного затылка.

Марори перевела взгляд с грязных ступней на эрэлима.

— Это там вы с братом отличились?

— Сейчас это не имеет никакого значения, — уклончиво ответил эрэлим.

— Она — порождение Хаоса?

Вместо ответа Марроу взглядом предложил пролистать снимки дальше. Следующая вообще мало походила на человека — скорее на то, что останется от человека, если отдать его на съедение ленивым червям.

— Номер четыре. — На этот раз небеснорожденный указал на запястье, и Марори невольно посмотрела на свое, с полумесяцем белесого шрама. — Попыталась завладеть артефактом, ворвалась в музей с небольшой армией марионеток из гражданских. В итоге не справилась — и они же ее и загрызли.

На следующем снимке был обгоревший до черноты труп. Марори в глаза бросились неестественно оголенные зубы: обычные, ровные. Ни намека на клыки.

— Номер одиннадцать. Сторела у меня на глазах.

На последнем фото девушка выглядела вполне живой, если бы не одно но: она лежала в какой-то полупрозрачной жиже и была мертвецки синюшной. Трубки и шнуры тянулись из ее тела, словно черви и змеи, голова была абсолютно лысой.

— Номер двенадцать, — сказал Марроу за миг до того, как Марори увидела эту цифру у девчонки под левой грудью.

— Что с ней? Она жива?

— Она и не была жива. Собственность одного из филиалов «Возрождения», хранилась под грифом «совершенно секретно» и едва не сгорела во время взрыва три дня назад.

— Эти взрывы — они ведь не просто так, да?

— Умница, — как будто искренне похвалил Марроу. — Хозяин замечает следы.

Они несколько минут молча смотрели друг другу в глаза. Она знала, что хочет спросить, и знала ответ на свой вопрос, а небеснорожденный, угадав ее мысли, выжидал, давая время свыкнуться с отталкивающей действительностью.

— «Возрождением» владеет Вандрик Шаэдис, — четко проговаривая каждое слово, ответил эрэлим на ее так и не заданный вопрос. — Доказать это было тяжело, потому что псих очень хорошо запутал следы и обеспечил своей адской машине первоклассное прикрытие, прячась за спинами безнадежно больных людей. А по факту занимался тем, что порицается и небеснорожденными, и проклятокровными: создавал человека.

— Я. не человек?

— Я надеялся, что ты мне ответишь на этот вопрос. — Марроу осторожно забрал снимки из ее трясущихся пальцев.

— Вы переходите черту дозволенного, молодой человек! Я дал согласие на разговор с айрой Шаэдис, а не на ваши уничижительные теории в адрес ее происхождения.

Голос разгневанного Магистра вывел Марори из оцепенения. Образы со снимков продолжали хороводить перед глазами, но постепенно стали тусклее, и она почти могла их контролировать.

— Прошу прощения, Магистр. Я буду более осторожен в словах. Кстати, почему Шаэдис?

— Это. долгая история, — бросила Марори и мысленно поклялась себе, что лучше откусит язык, чем расскажет этому небеснорожденному хоть что-то.

Спина снова адски заныла. Она зажмурилась, когда обжигающая вспышка боли резанула по позвоночнику, отдалась в копчик так, что Марори с трудом смогла усидеть на месте.

— Обычно у серафимов крылья прорезаются до полового созревания, — как будто прочитав ее мысли, сказал Марроу. Ей показалось, что еще мгновение — и эрэлим подается к ней, протянут руку. — Чем старше серафим — тем более болезненный процесс. По-хорошему, тебя нужно в лазарет и под присмотр сведущего в этих делах врача.

— Имеешь ввиду в кандалы и в карцер?

Марроу устало помассировал переносицу. Он действительно выглядел неважно, и морщины в уголках его глаз выдавали не одну и не две бессонные ночи.

— Прости, я. сама не своя. — Она не собиралась просить прощения, но слова родились сами, как будто другая, теперь уже «окрыленная» часть ее крови небеснорожденных испытывала к эрэлиму родственные чувства. — Как только мне начинает казаться, что я понемногу осознаю происходящее — все снова переворачивается с ног на голову. А ты, знаешь ли, последний человек на свете, чьи советы для меня что-то значат.

— Очень правильная позиция, — неожиданно охотно поддержал Марроу. — Можешь не верить, но я бы никогда в тебя не выстрелил и Тинду не позволил бы причинить тебе вред.

— То есть он действительно собирался меня прикончить? Разве вы не.

— Мой другой род деятельности известен очень ограниченному кругу людей, и брата среди них нет. Уверен, у нас будет предостаточно времени, чтобы обсудить эти факты моей биографии. А сейчас, если не возражаешь.

— То есть после всего услышанного, мне не сотрут память? Не сбросят с крыши и не посадят в чан с формальдегидом?

— Кто-то здесь определенно пересмотрел боевиков, — Марроу снисходительно улыбнулся. — Ладно, давай начнем с самого начала. Надеюсь, Магистр, вы найдете для меня еще немного терпения.

— Как будто у меня есть выбор.

Он сел в кресло, но от Марори не укрылась ни его явная заинтересованность, ни огненная вспышка азарта во взгляде.

— Первая девушка, как ты точно угадала, и была причиной Прорыва. Первого из двух официально озвученных. И порядка десяти тех, которые выдали за теракты, аварии и природные катаклизмы. Совет полагает, и здесь я в кои-то веки согласен с этими пугливыми бюрократами, что излишняя огласка только приведет к панике и увеличению градуса неприязни между небеснорожденными и проклятокровными. Некоторые Прорыв происходили при непосредственном участии этих девушек, — он постучал о ладонь уголком пачки фотографий, — причины возникновения других до сих пор изучаются. Но если кому-то интересно мое мнение, то я почти уверен, что каждый катаклизм такого масштаба не обошелся без прямого, либо косвенного участия остальных «номеров». Просто им повезло не убиться о собственные таланты и не попасться Серым в руки. — Он кашлем прочистил горло, выждал пузу, как будто рассчитывал на предложенный хотя бы из вежливости стакан воды, и, не дождавшись, продолжил. — Где-то полгода назад Серым удалось взломать одну из лабораторий «Возрождения». После бегства Шаэдиса-старшего большая часть подпольной деятельности притихла, а тех немногих сведений, которыми мы располагали, было недостаточно, чтобы напасть на след. Он хитро придумал, распределив настоящие и ширмовые комплексы вперемешку с генетическими лабораториями. Периодически до нас доходили сведения о том, что его видели то там, то здесь, но каждая наводка в итоге оканчивалась очередным пшиком. Будь на его месте зверь помельче, засранца давно бы скрутили в бараний рог. Но Шанатары ведут род от одного из Темных, и до сих пор владеют Плетением совершенно иного порядка. Для того, чтобы открыть портал, ему не нужны ни заряженные кластеры, ни порошок. Он может сделать портал даже со связанными руками и заткнутым ртом. Ловить такого, не имея приличного опыта или хотя бы мало-мальски подготовленной ловушки, — все равно, что носить воду решетом.

— Принц-из-Тени, — повторила Марори титул Крэйла, который до сегодняшнего дня считала чем-то игрушечным и ненастоящим, как пришитый на обычную куртку лейбл более дорого бренда.

— Принц-из-Тени, Лорд крови и, как бы абсурдно это ни звучало, один из двух доживших до нашего времени Темных.

— А второй — Крэйл?

— Именно. — Марроу разговор определенно начал развлекать, потому что в его глазах вспыхнул интерес совсем иного толка: он определенно знал, какой эффект производят его

слова, и наслаждался эффектом, который производит каждая разоблачающая фраза. — Я думал, что ты тоже. Но когда присмотрелся, сообразил, что в этой игре ты всего лишь пешка. Понимаешь теперь, почему я так отчаянно блефовал?

— Потому что не был уверен, не заодно ли я с Шаэдисом-старшим.

— И младшим тоже, — поправил эрэлим.

— Крэйл не причастен к поступкам своего отца, — сквозь зубы процедил Магистр. А Марори, практически в унисон ему, сказала:

— Он ничего не знает об отце.

Небеснорожденный нарочито издевательски хмыкнул.

— Вы оба заблуждаетесь. Серые считают, что все это время Крэйл поддерживает связь со своим отцом. Более того, в тех документах, которые нам удалось заполучить вместе с капсулой с эмбрионом, Крэйл Шаэдис фигурирует как первое и единственное ответственное лицо. А теперь вопрос: стали бы вы передавать детище своей жизни в руки человека, не способного ни по достоинству его оценить, ни развить в нужном ключе?

Тут веселость Марроу спала, будто и не было, а сам он воткнул в собеседницу испытывающий взгляд.

— У нас есть все основания полагать, что отец занимался лишь подготовительным этапом создания эмбриона. Но потом, когда его объявили вне закона, и он даже физически не смог бы мониторить процесс, бразды управления перешли в руки его сына. У меня предостаточно документов, подтверждающих эту гипотезу: подписи, печати, финансовые отчеты по закупкам, колоссальные выплаты семьям «случайно погибших». Это вот такая кипа бумаг, — Марроу поднял руку над полом, — невозможно подделать столько документов. Да и зачем? Чтобы обвинить во всем единственного сына? — Небеснорожденный с любопытством посмотрел на Магистра. — Или, быть может, я заблуждаюсь и подобное в семьях проклятокровных почитают за некий элемент обязательного взросления?

— Вопросы к моей студентке закончены? — вопросом на вопрос ответил магистр.

Марроу и бровью не повел. Интересно, он вообще догадывается, что испытывает терпение проклятокровного, который может запросто испепелить его по щелчку пальцев?

— Могу я быть свободна, Магистр? — Марори опустила взгляд на сцепленные на коленях пальцы, покорно дожидаясь вердикта. Как бы там ни было, но он всегда становился на ее сторону даже в тех случаях, когда ее поступки носили неоднозначный характер. Сейчас, когда вся ее вина сводится к какому-то абсурду, Магистр не может не разрешить ей эту завуалированную просьбу о побеге.

— Полагаю, у агента Альрика больше нет причин надоедать вам своим обществом, айра Шаэдис. А вы, молодой человек, зарубите себе на носу, что впредь я не разрешаю беспокоить моих студентов по какому бы то ни было вопросу без официальных на то разрешений и предписаний. И мне плевать, сколько времени займет бумажная волокита.

— Разумеется, в стенах Дра'Мора ваше слово — закон.

Эрэлим поднялся, протянул Марори руку, но она проигнорировала помощь. Хотя, конечно, крепкое плечо было бы очень кстати, потому что крылья становились с каждым часом все тяжелее. И ей все чаще казалось, что рано или поздно позвоночник сдастся, и она просто переломится надвое.

— Я надеюсь, Марори, в следующую нашу встречу ты будешь чувствовать себя лучше.

— А я надеюсь, что больше тебя не увижу. — Она не видела причины разыгрывать

показушную вежливость.

— Не надейся, — запросто ответил он, достал из заднего кармана брюк еще пару снимков и уверенно вложил их девушке в ладонь. — Держись подальше от этого психа, Марори. И можешь собирать вещи.

Она не стала ничего спрашивать, просто пулей вылетела за дверь, где почти сразу угодила в охалку к Эашу. Инкуб делано поморщился, когда она ошутимо рванулась из его хватки, но пальцев не разжал. С тех пор, как она дала согласие Крэйлу, у них с Эашу так и не представилось случая переговорить обо всем наедине. После ее пробуждения в лазарете Крэйл снова исчез, правда, на этот раз у него была веская причина — он собирался раздобыть хороший имплантат, чтобы вернуть Кулгарду возможность вести привычный для демона образ жизни. Тот даже не скрывал, что отсутствие руки волнует его лишь в контексте невозможности таскать любимое «железо».

Крэйл не звонил, а первой начинать разговор Марори до сих пор стеснялась.

Похоже, Эашу оказался около кабинета Магистра совсем не случайно.

— Пожалуйста, если это не что-то срочное. — взмолилась она, но инкуб твердо взял ее за руку. Марори быстро сунула снимки во внутренний карман форменного пиджака. Что бы ни дал ей небеснорожденный «агент» она не будет относиться к этому серьезно. Она просто возьмет — и вычеркнет из памяти все услышанное. Какое ей дело до слов человека, который едва не пустил ей пулю в лоб? — Эашу, что стряслось?

— Это ты меня спрашиваешь? — спросил инкуб и зрачки его змеиных глаз стали тоньше лезвия ножа. — У нас был договор, а тут я узнаю, что ты уже подружка Крэйла. Не считаешь, что прежде, чем так быстро переходить из рук в руки, можно было бы сначала посоветоваться со своим парнем?

— Фиктивным парнем, — поправила она. Сил на спор не было совсем. И потом — это же Эашу, он как всегда валяет дурака с этой своей неиссякаемой потребностью по случаю и без напускать туману. — Прости, Крэйл сказал, что он сам поговорит с тобой. Я сплупила, мне очень жаль, что подвела и не выполнила свою часть сделки.

— Знаешь, что я сейчас слышу, Марори? — Несмотря на перебинтованные ладони, инкуб еще крепче сжал ее пальцы. — Я слышу: «Да отцепись ты уже от меня, на тебе пачку бессмысленных пустых слов — и вали!»

Ого, кажется Эашу был действительно зол.

— Ты же видишь, что я еле на ногах стою. Что я должна сделать, чтобы доказать, что действительно сожалею?

Вместо ответа инкуб поволок ее куда-то в сторону лестницы. Туда, где ютилась невзрачная дверь с табличкой «Служебное помещение». Ни слова ни говоря, он завел ее внутрь. Там оказалось довольно тесно от книжных полок, заставленных толстыми папками и учетными книгами. Марори осмотрелась и вопросительно уставилась на Эашу.

— Это не смешно, — бросила устало. Лопатки снова хлестнула боль и на этот раз девушка не смогла ей сопротивляться. Заплакала. Навалилась плечом на стену. — Он сказал, что я вообще не человек. Что меня вырастили в банке. Как какого-то червяка! Что я какой-то чертов эксперимент Шаэдисов!

Она медленно сползла по стенке, чувствуя, как призрачные крылья наваливаются на плечи всей своей тяжестью.

— Я какой-то урод. Я ничто, пустое место. Что-то такое, чему лучше было бы сдохнуть.

— Что-то слишком рано сдалась моя цыпочка, м?

Голос Эашу сделался прежним. Инкуб опустился рядом с ней, подставил плечо, на которое Марори с немой благодарностью положила голову. Его рука приобняла ее за плечи, пальцы забрались в волосы.

— Марори?

— Что?

— Когда ты пила кровь последний раз?

Она всхлипнула, вытерла слезы рукавом.

— Я не пила кровь. Клыки — ничего не значат. Это просто. какая-то ошибка.

— Надеешься, что они исчезнут? — В его голосе звучала мягкая издевка. Ну конечно, это же Эашу: он будет не он, ели не найдет повода для насмешки даже на развалинах мироздания. — Не хочу тебя огорчать, цыпочка, но ты выглядишь — краше в гроб кладут. И меня бесит, что Крэйл оставил тебя одну в такой момент.

— Ты же знаешь, что он делает для Кула.

— Знаю. Но разве. А, ладно.

Он спустил форменный пиджак с одного плеча, расстегнул ворот рубашки.

— Считай, это твой долг за то, что кинула меня как какого-то прыщавого подростка. — С этими слова Эашу уверенно подтолкнул ее голову к своей шее.

Марори дернулась, попыталась освободиться, но хватка инкуба была железной.

— Поверь мне, я знаю, что такое ломка у клыкастых. Крэйл не рассказывал, кто я в его прошлый его «залет» таскал ему живую кровь? Вот засранец. Боится конкуренции.

— Я не могу, Эашу.

— Можешь. Закрой глаза.

Она послушалась.

— Была у меня одна вампирочка, — сказал он убаюкивающе тихим голосом. — Она говорила, что первый укус — это почти, как первый секс, а первый глоток крови — все равно, что первый оргазм. У меня самые что ни на есть корыстные помыслы, цыпочка. — Марори скорее почувствовала, чем поняла, что он улыбнулся. — Привяжу тебя к себе, а Шаэдису мы скажем, что ты не смогла устоять против моей бездны обаяния.

Его слова расслабляли. Непостижимым образом проникали в ту часть души, которая была намертво закрыта даже для нее самой. Эашу осторожно, но твердо вторгся в ее боль и отчаяние, разбавил их одним своим присутствием.

Она распахнула глаза, чувствуя, как ноздри щекочет сумасшедше притягательный аромат крови. Во рту собралась слюна. Марори жадно сглотнула — и Эашу низким смехом обозначил, что в курсе ее реакции.

— Хватит ломаться, цыпочка, иначе мне придется изменить обещанию не воздействовать на тебя своими врожденными талантами. А мне, поверь, до смерти надоело делать вид, что я тебя не хочу.

Она едва слышала его слова. Артерия под кожей инкуба притягательно подрагивала от каждого удара сердца. Он сам вдруг превратился в нечто настолько желанное, что тело буквально взорвалось от острой необходимости завладеть хоть малой частью столь щедрого подарка.

Не вполне понимая, что делает, Марори разомкнула зубы, мягко прикоснулась ими к теплой коже, словно какая-то крохотная часть ее продолжала отчаянно сопротивляться открытию новой грани неизвестного.

«Я не хочу быть пустотой из набора хромосом».

— Смелее, цыпочка. Поверь, от одного укуса я не протяну ноги. Инстинкт выполнил свое предназначение.

Клыки жестко вонзились в теплую плоть, кровь потекла по языку, обжигая своей внезапной одурманивающей сладостью. От первого глотка в голове зашумело, от второго под кожей растекся танцующий огонь. Она словно вышла за пределы самой себя, поднялась куда-то туда, где не было места ничему, кроме безграничной свободы.

— Моя цыпочка. — донесся до нее шепот Эашу. — Я же говорил, что ты поймаешь кайф.

Какая-то часть ее сознания понимала, что сейчас самое время остановиться. Что она слишком близко подошла к той черте, переступив за которую уже не сможет себя контролировать и, вполне возможно, станет чудовищем, от осознания которого самой станет противно. Но все происходящее было таким притягательным и манящим, запретным и порочным, как будто сам первозданный грех. И мир за пределами комнаты казался бессмысленным. Там, за этой дверью, она снова становилась Марори-без-роду-и-племени. Та, за дверью, у нее не было никого на всем белом свете. И тот единственный человек, которому она искренне захотела довериться вся без остатка, был слишком далеко, чтобы до нее доносились отголоски его признания.

— Не плач, — Эашу мягко перебирал израненными пальцами ее волосы. — Хочешь, я этого небеснорожденного придурка убью? Вырву ему сердце и скормлю твоему Сатису.

Она все-таки справилась с жаждой, оторвалась от его артерии и долго-долго, не мигая, смотрела на две кровоточащих ранки. Ее личная метка. Потом рассеянно мазнула тыльной стороной ладони по губам, лизнула кровавую дорожку на коже.

— Черт, цыпочка, нельзя же так с инкубом, — хрипло и как-то непривычно зло пробормотал он.

Она едва поняла, как оказалась на полу, прижатая к прохладному камню, с заведенными за голову руками, которые инкуб недвусмысленно крепко сжал в своих ладонях. Его глаза полыхали каким-то ядовито-томным желтым пламенем, колена скользнуло между ее бедрами.

— Я слишком долго притворялся. Так долго, что и сам поверил, будто ты всего лишь леденец в красивой обертке, который стоит ровно столько же, сколько и другие. — Он прижался лбом к ее лбу, вымученно застонал. — Знаешь, почему так притягательно играть в кошки-мышки со смертью? Только глядя ей в глаза, понимаешь, что действительно важно. Видишь сквозь мишуру, что болит больше всего. Я чуть не сдох в проклятых Пустошах. Был уверен, что не вернусь. Черт, я хотел там сдохнуть. Потому что представить не мог, что Крэйл заберет то, что я не боялся потерять. Мне даже в голову не могло прийти, что вы.

Он все-таки отпустил ее руки, провел перебинтованными пальцами по виску, по шее, большим пальцем очертил контур губ.

— Я не могу быть моногамным. Сраная природа. — Он криво усмехнулся. — Но я хочу быть твоим. Хочу, чтобы моя цыпочка была вот такой для меня: раскованной, жадной. Я дурею от тебя, Марори.

— Кажется, я впервые слышу от тебя столько искренности за раз, — тихо сказала она.

— Кажется, я тоже. Я люблю твою проклятую кровь. Я люблю твой взгляд сейчас: когда ты не пытаешься сбежать. Я люблю тебя. И ради Темных, не говори ничего, потому что я знаю, что у тебя нет ничего взамен.

Она обняла его лицо ладонями. Внутренний порыв, которому не могла — и не хотела —

противиться. Его взгляд как-то обреченно сцепился с ее взглядом, ладонь опустилась на шею, скользнула за ворот рубашки, пальцы мягко прочертили дорожку по ключице.

— Я нарываюсь на неприятности, но плевать. Я бы никогда не бросил тебя одну. Могу повторять это Крэйлу в рожу, пока он не выколотит из меня дух. И сделаю это, как только он появится на горизонте.

— Даже если я попрошу этого не делать?

— Тебе я не в состоянии отказать, tiana'ly.

— Что это значит?

— Не уверен, что смогу дословно перевести. — Он мягко и невесомо прижался губами к ее виску, приблизился к уху и прошептал: — Порочный ангел.

Она не смогла сдержать выдох. Из груди вырвался стон: отчаяние, замешанное на боли, на обиде, на потребности ощущать себя живой. В голове шумело от только что выпитой крови, пары глотков которой хватило, чтобы ее тело обрело новые силы и впитало в себя неизведанные ранее желания и потребности.

Нужно остановиться. Прямо сейчас. В эту самую секунду. Эашу не будет противиться, теперь она это знала.

Он жадно впился губами ей в шею, в том самом месте, где у него самого была отметина ее укуса.

— Пожалуйста. — почти беззвучно взмолилась она.

— Один поцелуй, tiana'ly, всего один поцелуй — и пусть проклятый шанатар делает со мной все, что ему вздумается. Не могу уйти сейчас.

Он снова навис над ней: непривычно серьезный. С полыхающим румянцем на щеках и всклоченными рыжими волосами.

— Не говори мне «нет».

«Нет», — сказала она мысленно, но в реальности ее тело подалось вперед.

Он был необходим ей, как глоток веры и жизни.

Их губы встретились: его неожиданно несмелые, и ее соленые от крови и слез.

— Моя tiana'ly...

Треск распахнувшейся двери разорвал наваждение.

Первым вскинулся Эашу. Буквально взвился на ноги, зарычал.

— Какого хрена ты творишь, срань проклятокровная?! Марори узнала голос Марроу.

В следующую секунду Эашу саданул обидчика по рожу. Удар вышел резким и отрывистым, но несильным. Эрелим отступил, но только для того, чтобы вернуть сопернику той же монетой. Только гораздо более увесистой.

Они сцепились, как сцепляются голодные псы — рыча, выхаркивая проклятия. Звуки глухих ударов колотились в голове Марори, точно драка происходила внутри ее черепа. девушка кое-как села, заткнул уши руками, замотала головой.

Эрелим явно был сильнее. Что-то громко выкрикнув, он плечом толкнул инкуба в грудь, да так сильно, что тот буквально вылетел за дверь, спиной распахнув ее настежь. Марроу ринулся следом, но Эашу успел сориентироваться, ловко отклонился, из-за чего небеснорожденный чуть было не пролетел мимо.

Снова сцепились.

Вид избитого Эашу заставлял кровь кипеть. Жажда вмешаться была настолько сильной, что Марори едва ли могла ее контролировать. Она хотела увидеть, как небеснорожденный превратиться в бесформенную гору плоти, как его лицо навсегда исчезнет из этой

реальности и как он.

— Хватит!

Короткий хлопок — и между противниками выросла невидимая преграда, в которую оба с размаху врезались лбами. Эашу тяжело дышал, из его рта и носа текла кровь, повязки на руках пропитались алым. Его пиджак был безнадежно испорчен, и инкуб зло сорвал его с плеч, бросил под ноги. Впрочем, эрэлиму тоже досталось: его выхоленное лицо стремительно отекало, верхняя губа распухла.

В конце коридора Марори увидела магистрессу Флоранцию. Та стояла возле раскрытой двери в кабинет магистра и, судя по выражению красивого лица, была, мягко сказать, недовольна увиденным.

— Дамиан, — бросила она за спину, — я вынуждена принести извинения за своего студента.

Ее появление не стало для Марори сюрпризом. Магистр упоминал ее имя, а раньше это всегда сопровождалось ее визитом. Вот и сейчас Флоранция быстро преодолела часть коридора и остановилась около своего воспитанника, который как раз вытирал кровь оторванным рукавом своей рубашки. Следом из кабинета возникла рогатая массивная фигура Дамиана. И он разве что не метал взглядом огонь.

— Я же сказал вам идти к себе, айра Шаэдис, — пророкотал он.

— Это из-за меня она задержалась, — вмешался Эашу, хоть в присутствии двух ректоров разумнее было бы молчать.

— Он ее поймать хотел, — прошипел Марроу. — Тварь проклятокровная, девчонка без сознания валялась!

Марори не успела даже подумать, чтобы сказать за себя самой, когда Флоранция совсем не по светлому выругалась и приказала спорщикам закрыть рты. Не сразу, но парни успокоились. Эашу покосился на Марори — и подмигнул. Правда, тут же и поморщился.

— Айра Шаэдис, у меня для вас хорошие новости.

Марори это внезапно свалившееся счастье совсем не понравилось. Наверное, потому что разило от него очередной неприятностью.

— Учитывая вашу неподчиненную небесную кровь и последствия халатного к ней отношения, — взгляд Флоранции указал на крылья за спиной девушки, — мы с Дамианом приняли единственно правильное решение. Вы едите в Эльхайм.

— Я же говорил, чтобы собирала вещи, — неожиданно хищно и зло выплюнул Марроу.

Глава пятнадцатая

— Я понимаю, что тебе тяжело смириться с этим после всего, что ты пережила. — Флоранция поморщилась, как будто собиралась чихнуть, но раздумала. — Поверь, мне самой не по душе, что тебя приходится забирать теперь, после стольких потраченных сил и после всего того, что сделало с тобой это место.

Магистресса мягко, как будто мать, погладила ее по изуродованной шрамом щеке.

— Вряд ли тебя это утешит, но в Эльхайме тебя сделают прежней.

Марори едва не поддалась накотившему желанию отбросить ее жалость вместе с рукой, но она справилась с чувствами.

После того, как ее окатили «хорошей новостью», Магистр, с молчаливого одобрения Флоранции, затолкал парней к себе в кабинет. Магистресса Эльхайма предложила Марори прогуляться и остудить голову, чтобы поговорить обо всем случившемся трезво и без эмоций. Она вообще любила все сводить к эмоциям, как бы в пику Дамиану, у которого абсолютно на все трудности был один ответ — нужно просто больше работать и меньше спать.

— До сих пор не могу привыкнуть, что здесь все так. мрачно, — с грустью сказала магистресса, когда они прошли мимо заброшенного фонтана со стоячей водой, полной опавших листьев. В воздухе пахло зимой, и ее приход был так же неизбежен, как тающий с каждым днем последний осенний месяц. — Ты знаешь, что я тоже когда-то была нильфешни?

Марори отрицательно махнула головой, и выразительно посмотрела на ее роскошные, белые как снег крылья. То, чему она так безмерно завидовала всю свою жизнь.

Почти всю.

До те пор, как на ее спине не появились призрачные крылья серафима. Правда, в отличие от крыльев Флоранции, ее собственные были эфирными, хоть их тяжесть Марори ощущала с каждым шагом.

— Не пойми меня не правильно, но ты стала нильфешни будучи простокровкой, а я — дочь самого чистого небеснокровного рода, вдруг стала испорченной проклятой кровью нильфешни. Моя жизнь рухнула с такой высоты, что от надежд на благополучное будущее не осталось и следа. Я стала изгоем среди своих. Превратилась во что-то настолько гадкое и омерзительное, что сама себе была противна. У меня не осталось друзей, от меня отвернулись все родственники. Я оглянуться не успела, как оказалась на улице.

Марори недоверчив покосилась на свою собеседницу. Как для столь драматической истории, Флоранция выглядела слишком умиротворенной. Или, может быть, должность вынудила ее научиться притворяться?

— Я поехала в Мараабар. Села на первый же попавшийся экспресс — и к концу дня уже была среди проклятокровных. Я была полна решимости во что бы то ни стало занять среди своих новых братьев и сестер причитающееся мне место. И знаешь, что получилось в итоге? Я была чужой. Никого из проклятокровных не интересовала моя личная драма, они видели мои белые крылья — и готовы были растащить их по перышку, на трофеи. Никто не собирался протягивать мне руку помощи. Хотя, один благородный рыцарь на эту братию все же нашелся. — Она мягко улыбнулась, как будто на мгновение переместилась в прошлое, и увидела там то, что всколыхнуло приятные воспоминания. — Дамиан за меня вступился.

Если бы не он, мне бы не выбраться из Марабара живой. По правде говоря, я была уверена, что он вырвал меня из рук мучителей только чтобы в итоге надругаться самому, но я рада, что ошиблась.

— Я думала, вы не слишком-то ладите, — рискнула высказаться Марори.

— Так и есть. Потому что так велит нам наша кровь. Ему следует быть властным и непреклонным, а мне — дипломатичной и комфортной. Никому не говори, но почти каждая небеснорожденная девушка мечтает о таком рыцаре. — Флоранция озорно ей подмигнула — и снова стала серьезной и задумчивой. — Именно Дамиан втолковал мне, что никто не вправе решать за меня, темная я или светлая. Что кровь — это только кровь. Мы сами решаем, быть ли нам небеснорожденными с каплей темной крови или наоборот. Нас определяют наши поступки, а не наша родословная.

— У меня вообще ее нет, — бросила Марори и поняла, что снова опасно балансирует на грани с отчаянием.

Флоранция остановилась около черного, обожженного дерева и приподняла ее лицо за подбородок. Несколько минут она пытливо изучала лицо Марори.

— Я вижу перед собой уверенную девушку, которая немного растеряна, но не готова идти на попятную перед новой порцией трудностей. Ты — это ты. Марори Милс или Марори Шаэдис, простокорвка или нильфешни. Не важно, кем ты в итоге решишь стать, потому что выбор все равно за тобой. Знаешь, почему Дамиан не дал Ложе заграбастать тебя?

— Нет.

— Потому что он увидел в тебе то же, что и я — желание выгрызть у жизни каждый кусок. Если бы он не разглядел этого, ты бы давно была в лапах этих фанатиков. А теперь я говорю тебе, что ты должна поехать в Эльхайм. Не для того, чтобы снова стать чужой в стане врага. И уж точно не потому, что нам с Дамианом позарез нужно тебя сломать. Ты — что-то большее, чем мы в состоянии понять. И точно так же, как проклятая кровь нуждается в подчинении и контроле, светлую сторону тоже нужно уметь контролировать и подчинять, иначе она погубит тебя. И тех, кто тебе дорог. Я была уверена, что продолжение обучения в Дра'Море заглушит твою небесную кровь, точно так же, как Эльхайм когда-то убил во мне темное. Я редко ошибаюсь, и тем больше мне смотреть на то, что с тобой произошло.

— А как же вот это?! — Марори зло оскалилась, чтобы Магистресса увидела клыки.

Та отреагировала ледяным спокойствием.

— Это лишь подтверждает мое мнение о том, что тебе нужно научиться себя усмирять. Чтобы, когда придет время, выбрать свою сторону. Как только какая-то часть твоей сущности начинает брать верх, другая делает ответный шаг. Знаешь, почему небеснорожденным и проклятокровными нельзя быть вместе?

— Потому что это против природы, — неуверенно ответила Марори.

— Потому что плод такого союза может разорвать Мироздание на куски — и не поморщиться. Потому что огонь и ветер по отдельности — это просто две стихии. А вместе они превращаются в огненное торнадо, которое сметает все на своем пути. И если ты не хочешь превратиться во что-то подобное — тебе рано или поздно придется сделать выбор. А пока тебе нужно научиться контролировать обе части себя. Надеюсь, ты не станешь винить нас с Дамианом за то, что мы в который раз решили за тебя. Я бы хотела сказать, что у тебя есть выбор, но я не хочу врать.

— А я не хочу врать и говорить, что меня не достали ваши попытки использовать меня в

качестве мячика для пинг-понга.

— Я погляжу, Дра'Мор пошел тебе на пользу — ты научилась огрызаться.

— Я многому научилась. У меня здесь семья, мои друзья и мой дом. Я никуда не поеду только потому, что вам вздумалось щелкнуть пальцами.

Она круто развернулась на пятках и пошла прочь. С каждым шагом проклинала себя за слабость, за то, что позволила дать себя зацепить. Хоть вряд ли Флоранция преследовала такую цель.

— Крэйл попросил меня забрать тебя, — догнал ее негромкий окрик Магистрессы. Марори остановилась.

— Так вот, значит, где он искал помощь для Кула, — прошептала рассеянно.

— Я думаю, он лучше меня объяснит причины своей просьбы. Кроме того, как не неприятно ворошить эту тему, но Лига не оставит тебя в покое, а Серым — я надеюсь, ты это понимаешь — никто не указ.

— Разве вы не можете повлиять на них?

— Что? Я? — Флоранция издала нервный смешок. — То, что среди моих студентов есть один из этих поборников какой-то им одной понятной извращенной справедливости, говорит как раз об обратном — меня никто не спрашивал, хочу ли я такое «счастье». К стыду своему, я узнала об этом только через два года, когда мальчишка был вынужден вскрыться по независящим от него причинам. И хоть Серая гвардия совсем не в ладу с Ложей, в сущности, что те, что другие, исповедуют одну религию — свалить все беды Мироздания на проклятокровных. Увы, но те сами виноваты, потому что за все время перемирия никто из небеснорожденных не посягнул на Равновесие. А вот проклятокровные делают это регулярно.

— И отец Крэйла в этом преуспел?

— Крэйл не имеет никакого отношения к тому, что творил и продолжает творить его отец. Крэйл просто запутался, потому что как любому сыну, ему хочется равняться на отца и его поступки, а как любому трезвомыслящему человеку ему очевидно, что поступки Шаэдиса-старшего не несут ничего, кроме неприятностей окружающим. В любом случае, тебе лучше поговорить с ним лично. Пока есть время.

— И сколько его у меня?

— До завтра.

Марори не удержалась от горького вздоха. Это «до завтра» прозвучало как приговор.

К счастью, Флоранция не стала ее догонять. Марори была уверена, что на сегодня ее личный лимит терпения «счастливых сюрпризов» исчерпан до конца.

Прежде, чем вернуться в комнату, она решила заглянуть в лазарет. Если Флоранция права и ничего нельзя поделать, и если. Марори отшвырнула эти мысли туда. Где они превратились в пепел. Ничего еще не решено. Больше ничего не будет так, как раньше. Возможно, даже если все вокруг правы и в Эльхайм она должна ехать ради безопасности окружающих, то это решение — только ее. На задворках маячила назойливая идея собрать вещи — благо, для этого было достаточно просто взять свой рюкзак — и сбежать. Страусиная позиция, от которой она давным-давно пообещала отказаться, но так она, по крайней мере, не станет чьим-то подопытным зверьком.

Шаэдисы.

Рука сама потянулась к карману, куда она спрятала фотографии.

«Я не буду смотреть. Это провокация. Это просто попытка заставить меня

сомневаться.»

Снимки были не слишком хорошего качества, но достаточно четкими, чтобы без труда рассмотреть лица. Место Марори было не знакомо: какая-то улица на заднем фоне, белоснежные небоскребы, неоновые вывески. Но главными на фотографиях были люди. Крэйла Марори узнала сразу, невзирая на нахлобученный капюшон. На одном из трех ракурсов он стоял в полоборота и она без труда угадала очертания тяжелого подбородка и знакомый хмурый взгляд.

Второго человека она видела впервые.

Но сразу поняла, что это и есть прокливаемый всем и вся Вандрик Шаэдис. Даже несмотря на то, что выглядел он едва старше тридцати.

И в их с Крэйлом чертах было столько общего, что при некотором освещении и ракурсе, они сошли бы за близнецов. Одного роста, оба беловолосые и широкоплечие. Только в отличие от сына, Вандрик был одет с лоском: белоснежная сорочка, темные брюки, очки-«авиаторы». Некоторую расхлябанность образу добавляли разве что закатанные до локтя рукава. Марори присмотрела: тот же орнамент, что и у Крэйла. Не татуировка, а как будто родимое пятно размеров на всю руку.

Не было похоже, чтобы они спорили. Или прятались. Люди на снимках выглядели как обычные отец и сын на прогулке. Разве что отец выглядел скорее старшим братом.

Марори потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

Крэйл сказал, что они с отцом не видятся. Или он сказал, что должен узнать, почему его отец сошел с ума?

О нет, Фандрик Шаэдис не был сумасшедшим.

Непонятно откуда. Но она знала это совершенно ясно. Как будто. он лично доказал обратное.

Марори спрятала снимки обратно, взяла себя в руки — и зашла в палату.

Позже, она тысячу раз выругала себя за такую опрометчивость. Даган в целом выглядел получше, чем на днях, а Кул как раз готовился к выписке. Он придиричиво оценил ее внешний вид и сказал, что все проблемы в жизни от дурной башки, хоть Марори ни словом не заикнулась о случившемся. Даган, хоть и силился казаться бодрячком, выдал пару вымученных шуток и, ссылаясь на то, что «до чертиков утомился лежать и ничего не делать», улегся спать. Кулгард нехотя рассказал, что у дьявола мало шансом снова ходить самостоятельно.

Марори малодушно не нашла сил сказать, что скоро оставит их. Либо потому, что поступит правильно, либо потому что сбежит.

Предстояло сделать еще пару тяжелых вещей.

Поговорить с Крэйлом.

Посмотреть ему в глаза — и услышать все объяснения. Надеяться на это было слишком малодушно, Марори верила, что распознает ложь. Хотя бы потому, что до сих пор наивно верила, что в тот вечер он говорил правду. Ведь, если он соврал об отце, то и всему остальному — грош цена.

Она несколько минут гипнотизировала взглядом телефон.

Нет, так не пойдет. Сейчас она позвонит, начнет заикаться, нести всякую чушь. Нужно сжечь все мосты. И для этого в ее распоряжении был всего один доступный способ. В конце концов, Крэйл сказал, что его дом — теперь и ее дом тоже. Если это правда — ее не вытолкают взащей. Если нет, тогда. и жалеть не о чем.

Вопрос «чем доехать» разрешился сразу, когда она вышла в коридор и наткнулась на Лолу. Та сначала окатила ее ушатом свежих «сплетен» на тему крыльев и клыков, и даже расписала ставки на то, как быстро она свихнется. Марори выслушала в пол уха, а когда сплетница выговорилась, попросила ее подвести. Лола хитро подмигнула и спросила, будут ли взамен какие-то пикантные подробности их «родства». Пришлось пообещать, что обо всем она узнает первой.

Всю дорогу до дома Крэйла Марори мысленно раз за разом прокручивала их диалог. Что она скажет ему, что он ответит. Пыталась предугадать его реакцию на ее появление. И фантазии были одна тяжелее другой. Зачем она только посмотрела снимки, будь они неладны?

От всего этого хоть как-то отвлекала неиссякаемая болтовня Лолы. Она знала буквально все обо всех. И, как всякая порядочная драморка, обожала тотализаторы. Оказалось, что на этом деле она успела самостоятельно накопить приличную сумму, и остаток пути Марори выслушивала, на что именно Лола ее потратит.

«А что я вижу в будущем?»

В воображении всплывали то пустой холод белоснежных лабораторий, то Армагеддон.

— Не забывай, что все подробности — эксклюзивом для меня, — высадив ее неподалеку от ворот, напомнила Лола. — Я на вас озолочусь, родственнички-голубки. Уверена, что тебя не нужно подождать?

— Абсолютно.

Пошлый смешок драморки потерялся в реве двигателя.

Марори еще раз мысленно пожелала себе удачи и поднялась на крыльцо. Уже даже потянулась к звонку, когда поняла, что дверь не заперта. Крэйл явно не относился к числу людей, которых можно назвать радушными хозяевами, но мало ли что?

Она потихоньку, чувствуя себя едва ли не воровкой, юркнула внутрь.

В ноздри ударил кислый запах алкоголя.

Марори поморщилась, прошла вглубь гостиной, осмотрелась, пытаясь понять, что же здесь произошло. Или этот бедлам — последствия той вечеринки? Если сопоставить время, что их вырвали на практику почти сразу после гулянки. Но ведь у Крэйла был целый штат големов, разве они не должны были хотя бы создать видимость порядка?

— Крэйл? — позвала она, осторожно ступая между опрокинутыми креслами, разбитыми статуями и разбитыми бутылками. Нога угодила в огромное мокрое пятно на ковре. — Крэйл, хватит от меня прятаться. И, знаешь, напиваться, это так не по-мужски.

— Еще как знаю, Мар.

Она так резко повернулась, что не сразу увидела идущего прямо на нее. Нима.

— Ним? Что ты.

Он зло улыбнулся — и в следующую секунду что-то тяжелое с треском обрушилось ей на голову.

Возвращение в реальность было болезненным и тошнотворным. Голова раскалывалась, во рту стоял противный горький привкус, как будто все это время кто-то заталкивал ей в рот уличную грязь. Марори слабо охнула, когда попытка открыть глаза превратилась в раскаленную вспышку боли.

— Напиваться — это очень не по-мужски, Мар, — раздался откуда-то справа голос Нима. — Но, видишь ли, я не хренов красавчик Шаэдис, так что мне плевать, будешь ты за мной таскаться или нет.

Значит, это все-таки не плод ее воспаленного воображения.

— Ним?

— Типа того, — был короткий ответ.

Она попыталась пошевелиться — и не смогла. Несколько секунд ушло на то, чтобы сообразить: она сидит на стуле, со связанными за его спинкой руками. И едва в состоянии шевелить кистями.

Ним стоял в паре метров от нее: початая бутылка вина в одной руке, и тонкий, как жало, кинжал в другой.

Он сделал несколько жадных глотков и зашвырнул бутылку куда-то за спину.

— У этих потрошителей целый подвал такого добра. Каждая бутылка стоит больше чем моя гребаная жизнь!

— В доказательство своих слов, эльф наугад взял новую бутылку из пар десятков тех, что стояли на столе, скovyрнул пробку простейшим заклинанием. — За дохлого Крэйла Шаэдиса и его ублюдочную девку!

Он пафосно и нарочито театрально отсалютовал ей — и сделал глоток, нисколько не заботясь, что вино льется мимо рта прямо ему за шиворот.

«Сатис.»

Тишина.

Марори позвала еще раз, и не сразу поняла, что сделала это вслух.

— Что, зовешь свою шавку, проклятокровная тварь?

Ним в два счета оказался около нее, нацелил острее кинжала прямо в правый глаз. Не было похоже, чтобы количество выпитого сказалось на его способности быстро двигаться.

Марори невольно зажмурилась.

— Я бы с огромным наслаждением выковырял тебе глаз прямо сейчас, но это будет и в половину не так интересно, если этого не увидит братец Крэйл. — Он с неохотой убрал кинжал от лица своей пленницы, ногой подвинул соседний стул и оседлал его. Теперь их разделяло меньше полуметра. — Ну-ка, что там у тебя?

Ним попытался открыть ей рот, но Марори изловчилась и с неожиданной даже для себя яростью, впилась зубами ему в ладонь.

Эльф завыл от боли, попытался выдернуть руку, но Марори скорее дала бы проткнуть себе глаз, чем разжала челюсть. В следующую секунду Ним наотмашь съездил кулаком ей по лицу. Голова откинулась назад, хрустнули шейные позвонки.

— Ах ты.!

Он снова и снова лупил ее по лицу, пока Марори не провалилась в пустоту.

Из блаженного беспамятства ее выдернул поток льющейся на голову воды.

— Клыки, твою мать, — зло шипел Ним. — Я был уверен, что это долбаное вранье.

Марори нарочно зло оскалилась. Во рту еще стоял вкус его крови. Противный, словно гниль. Она с удовольствием выплюнула его эльфу в лицо. Вопреки ожиданиям, Ним не стал ее колотить. Громко заматерился, утерся.

— Ну что, Мар, позовем братишку Кэйла на ужин при свечах с феерическим трахом?

Он поводил перед носом Марори ее же телефоном.

— На что он клюнет, как думаешь? «Приходи, я вся мокрая» или «Давай перепихнемся»?

— Крэйл тебя на куски разорвет, — прорычала в ответ Марори. — Если раньше этого не сделаю я.

— И как же ты, интересно, это сделаешь со связанными руками и когда здесь повсюду стоят мои печати?

— Ним на секунду отвлекся от телефона, куда методично вколачивал пальцами сообщение. — Может быть, забросаешь меня страшными угрозами про братца Крэйла?

Он ухмыльнулся, нажал финальную клавишу и присвистнул. После этого бросил телефон на пол и с наслаждением его растоптал.

— Ну вот, можно засекаать время.

Марори сглотнула.

Печати? В голове вертелось что-то до боли знакомое.

— А теперь, пока мы ждем в гости братца, давай-ка я развлеку тебя интересной историей. — Он стал неожиданно серьезным, повертел кинжал в пальцах, да так ловко, что Марори сделалось дурно от одной мысли, что еще он может сделать. — И так, жил был простой эльф. Ну, не совсем простой, а из приличной проклятокровной семьи, с хорошей родословной. И вот однажды, на празднике Равновесия, когда темные и светлые сходятся на нейтральной территории и делают вид, что не ненавидят друг друга, эльф познакомился с прекрасной, как само Совершенство девушкой. Илией. — Ним с такой силой сжал спинку стула, что побелели костяшки пальцев. — И представляешь, они полюбили друг друга. Светлая и я. Мы полюбили друг друга, и плевать нам было на все запреты! Мы хотели быть вместе.

— Причем тут я и Крэйла?

— Заткнись — и может быть доживешь до финала. — Ним сделал глубокий вдох, запрокинул голову, как будто окунался в дни прошлого, а когда вынырнул — взгляд у него стал совершенно безумным. — Илия была очень смелой. Настоящей фурией. Она никого не боялась. И ради меня она была готова на все. Например, заполучить сердце шанатара.

Светлые.

— Что-то ты побледнела, Мар? — Ним поддался вперед. Окатила ее кислым запахом перебродившего алкоголя. — Я не знал, зачем оно ей понадобилось, я даже не знал, что она задумала. Она сказала, что идет на это ради нас. А потом я узнал, что Крэйл оторвал ей голову!

Из Нима окончательно выветрились остатки самообладания, он сорвался с места и принялся неистово крушить все вокруг. Марори слепо наблюдала за его болью и пыталась переварить услышанное. Крэйл сам сказал, что убил трех небеснорожденных. Потому что они пришли убить его. Потому что он просто защищался. Крэйл сказал, что плохой парень, и она приняла его таким. Приняла — и поняла, что убить ради самозащиты совсем не то же самое, что убить просто так.

И что сама она, если бы ее руки были свободны и Ним не оставил ей выбора.

— Ним, послушай.

Он не дал ей даже начать.

— Ради Темных, Мар, лучше ничего не говори, иначе я сделаю тебе еще большее.

На миг ей показалось, что он снова стал прежними Нимом, тем, который протянул ей руку помощи, который всегда поддерживал ее в минуту отчаяния, находил подбадривающее слово и теплую улыбку. Как же он мог так притворяться?

— И как давно ты планировал меня убить? — в лоб спросила она. Попытки высунуть руки из веревки ни к чему не привели, разве что кожа на запястьях стала влажной от крови и ощутимо болела.

— Я не собирался тебя убивать, — бросил он через плечо.

Его плечи опустились, спина ссутулилась, а сам эльф стал похож на приговоренного к жертвоприношению: сломленного духом, растоптанного реальностью мальчишку, который не сумел сопротивляться горю, и не придумал ничего лучше, чем пойти у него на поводу. Потому что так было проще.

— Я увидел тебя на том вокзале и сразу решил, что мы подружимся. Что ты такая же, как и я: отличаешься от проклятокровных хотя бы тем, что видишь насквозь их порченные души.

— Ты же сам такой, — рискнула напомнить она.

— И ненавижу себя за это! — взвыл он. Вцепился в волосы, отчаянно замотал головой. — Я думал, ты поймешь меня. Я был почти готов тебе открыться. Это было таким долбаным везением, что Крэйл сразу в тебя вцепился!

— И поэтому ты решил во что бы то ни стало уговорить меня на дурацкое пари, — неожиданно даже для себя, вспомнила Марори. Так и есть. Именно Ним рассказал ей о том, кто такой шанатар и окольными путями, так и эдак, пытался заставить ее поверить, будто договор с Шаэдсом — ее единственный шанс задержаться в Дра'Море и остаться живой. Почему она сразу этого не поняла?

«Потому что наивная дура, — охотно подсказал внутренний голос. — Потому что не видишь дальше своего носа и готова раскрыться каждому, кто почешет за ухом. Может быть, ту же самую ошибку, ты совершила и с Крэйлом?»

— Я боялся, что если скажу тебе сразу — ты не поймешь. Помнишь день, когда мы пошли гулять и на тебя напали ахасы? Я собирался все рассказать тебе. Хотел сделать своей союзницей, помочь заманить шанатара в ловушку и сделать с ним то же самое, что он сделал с Илией — разорвать на части, как старую игрушку! Но в тебе пробудилась проклятая кровь. Ты, — он указал в нее кончиком кинжала, глядя так, будто видел перед собой самое большое зло Хаоса, — стала такой же, как они.

— Как ты, — напомнила Марори.

— Я всегда ненавидел эту часть себя. Если бы я только мог вытравить из себя все проклятое Темное наследие, если бы только мог быть простым человеком! А ты — ты так обрадовалась! Ты бы видела себя со стороны: ребенок, получивший заветную игрушку. Смотрите все, я теперь проклятокровная срань, такая же как и вы. — Ним пафосно раскланялся перед несуществующей публикой. — В тебе была и кровь небеснорожденных. Ты получила настоящий дар, то, что дается единицам. И распорядилась им как какая-то дешевка из борделя, с которой расплатились сотенной банкнотой за посредственный минет, а она, на радостях, продула ее в рулетку.

— Я сделала свой выбор, и он не имеет никакого отношения к твоей личной драме, — парировала она. Мысленно снова и снова звала Сатиса, но это было равносильно воплю с пустыне: ей отвечало только эхо собственных слов. — А ты еще можешь остановиться. Можешь стать не таким, как твоя подружка.

Он в два прыжка оказался около Марори, с силой вжал палец ей в губы.

— Нет-нет-нет, Марори Шаэдис, даже не вздумай марать ее имя своим поганым языком, иначе мне придется его отрезать.

Чутье подсказывало, что элфу лучше не перечить. Он был достаточно взвинчен, чтоб привести угрозу в исполнение даже вопреки своим планам устроить показательную пытку.

— Ну и как оно — быть подстилкой шанатара?

— Лучше, чем фальшивой подругой эльфа.

— Я видел, как вы целовались, — огорошил еще одним признанием Ним. — Видел, как он совал язык тебе в рот, и слышал, как ты стонала, будто какая-то потаскуха. Неужели у тебя нет ни капли гордости и уважения?! Он хотел сожрать тебя!

— Ты сам сказал — я иду на поводу у своей проклятой крови. — Она не видела смысла что-то ему доказывать. Правда медленно, но неумолимо выныривала из периферии в реальность: Ним давно все спланировал и взывать к его чувству человечности было глупо с самого начала. Но что ж, она хотя бы попробовала. Если повезет еще раз вырваться живой из лап смерти, ей не за что будет себя винить.

— Ты была моим самым большим разочарованием, Мар, — признался он с подкупающей искренностью.

— А ты — моим. Я думала, мы друзья.

— Все твои проблемы, Марори Шаэдис, что ты думаешь о том, о чем лучше не задумываться, и даже не пытаешься поразмышлять над действительно серьезными вещами. Например над тем, что скажешь своему ненаглядному упырю перед тем, как я перережу тебе глотку. Поверь, потом у тебя не будет времени, чтобы подготовить речь.

Понимая, что вот теперь точно заступает на самый тонкий лед, Марори мысленно выдохнула, и со всей спокойной уверенностью, на которую была способна, глядя прямо ему в глаза, сказала:

— Поверь, что сегодня не мой день, чтобы умереть. И кем бы ты себя не мнил, какие-бы печати не ставил, все это — лишь бравада. Потому что тебе чертовски страшно. Потому что вся твоя любовь сводится лишь к пафосным словам. А поступков — кот наплакал. Мне жаль, что твоей девчонке оторвали голову, но она получила то, что заслуживала. И ты, в конечном итоге, получишь свое.

Ее голос не успел стихнуть, как внезапную тишину нарушили нарочито медленные театральные аплодисменты.

— Узнаю свою девочку, — мягко, с расслабленной ленцой, похвалил мужской голос.

Ним взвился, выставил кинжал, другой рукой накручивая на кулак огненную нить Плетения.

Он вышел из-за колонны: расслабленный, вальяжный. Вандрик Шаэис собственной персоной.

В белоснежной сорочке с закатанными до локтя рукавами, идеально наглаженных брюках и начищенных до блеска туфлях. Хронограф на его смуглой мускулистой руке стоил, наверное, целое состояние.

— Ну и бардак ты тут устроил, эльфеныш, — беззлобно сказал он, озираясь на царящий хаос. Достал пачку сигарет из кармана брюк, похлопал по несуществующим карманам рубашки, разочарованно хмыкнул — и выудил из пальцев искру.

Ним сделал шаг назад.

Вандрик поджег сигарету, медленно, с наслаждением втянул табачный дым — и с удовольствием выпустил сизую струйку через сложенные трубочкой губы.

— Что, эльфеныш, разочарован, что твои печати — обычная паутина?

Марори была уверена, что Ним найдет хоть пару слов в ответ, но эльфа словно подменили: он лишь топтался на месте и дергал то одной, то другой рукой. Его глаза рассеянно шарили по полу. Марори только теперь обратила внимание на тонкое призрачное плетение, которое то становилось ярче, то затухало.

— Этим ты даже Крэйла как следует не удержишь, а уж с последним Темным такими детскими шалостями не справишься. Но я сегодня добрый. — Он прошел мимо оцепеневшего эльфа, присел перед Марори — и она поняла, что веревка больше не перетягивает запястья. — Ты в порядке, Марори?

— Вандрик. — сказала она, хотя не помышляла назвать его по имени. Взгляд постоянно опускался на его серебристо-черные часы. Она видела их множество раз. Видела эти руки, слышала этот убаюкивающий голос. — Вандрик.

— Что же, по крайней мере ты не шарахаешься от меня, Тринадцатая. — Он расслабленно улыбнулся, осторожно, погладил ее по щеке и почти не касаясь губами, поцеловал ее в висок. — Моя идеальная Тринадцатая. Никуда не девайся, хорошо? Я выпотрошу этого эльфеныша и мы уйдем до того, как появится Крэйл. Я, знаешь ли, устал гоняться за тобой.

Часы.

— Сиди здесь, — Вандрик шутливо погрозил ей пальцем, поднялся. — Эй, эльфеныш, тебя, никак, парализовало? Вот незадача.

Ним действительно выглядел, как подвешенная кое-как балаганная кукла: слабые попытки освободиться из невидимых пут скорее походили на предсмертную агонию несчастливой мухи, которой не повезло попасть в паутину и которая уже видела лениво ползущего на пышный пир паука.

Вандрик поравнялся с ним, но, чтобы заглянуть эльфу в глаза, ему пришлось нагнуться.

— Слушай, выглядишь каким-то разочарованным. — Его наигранное беспокойство звучало правдоподобно. Но Марори не сомневалась — Шаэдис-старший уже вынес мальчишке приговор.

И, что беспокоило ее куда больше — ей было не жаль своего незадачливого «друга».

Часы. На смуглой руке. И мягкий убаюкивающий голос, настолько знакомый, что от одного его тембра по венам растекалась странная будоражащая сознание меланхолия. Она отчаянно ныряла в глубь воспоминаний, пыталась выудить оттуда хоть что-нибудь, путеводную нить, которая распутает этот непонятный клубок. Должно же быть хоть что-то, заусеница на идеально вылизанном прошлом маленькой девочки, которая знала отца и мать, и сестру, и брата. И продолжала верить в фальшивые воспоминание, потому что лишь цепляясь за них могла продолжать считать себя, немножко нормальной.

— Ты ударил ее, — тихо сказал Вандрик, глядя куда-то в лицо Ниму. Тот странно повел плечами, и даже так-сяк мотнул головой. Значило ли это попытку оправдаться или горделивый жест — оставалось лишь гадать. — Ударил мою Тринадцатую. За одно это тебя стоит превратить в кучу свиного дерьма. Ты вломился в мой дом, и заливал свою паршивую глотку моими винами, ты испортил мой чертов ковер, которому двести с лишним лет. Ты просто мелкий паразит, которого следует прихлопнуть.

Он сделал едва уловимый жест рукой — и глаза Нима наполнились кровью.

Марори закрыла глаза. Он заслужил. Он сам сделал свой выбор. Но слышать его истошные вопли было все же слишком. Она знала, что пройдет много, очень много времени, прежде чем неизбежность забвения прошлого начнет стирать с них краски. Как знала и то, что они останутся с ней на всю жизнь.

Когда крики Нима стихли, она рискнула открыть глаза.

Вандрик, как ни в чем не бывало, продолжал курить, стоя в луже крови. Его рубашка осталась белоснежной, но на лице Марори различила пару алых брызг. Он вытер их рукавом,

повернулся.

— Нужно было заставить его мучиться дольше, но времени почти нет.

Марори рискнула встать. Тяжесть крыльев, к которой она до сих пор не могла привыкнуть, тянула назад, но она все же отошла на несколько шагов. Прозрачные нити печатей таяли прямо на глазах.

— Откуда ты знаешь меня? — В лоб спросила она.

— Оттуда же, откуда ты знаешь, кто я такой.

— Ты — отец Крэйла.

— Это — наиболее поверхностное знание, — разочарованно бросил он. — Я был уверен, что ты пробудилась окончательно. Что ты помнишь, Марори?

— Тебя. Твой голос. Часы на твоей руке. Их. помню больше всего.

Он молча снял часы, передал ей.

На внутренней крышке, тонкой гравировкой были нанесены всего два слова: «От Тринадцатой». Часы вывалились из ее ослабевших пальцев.

— Ты и мой отец — что вас связывало?

— Идиот Милс не был тебе отцом, — поспешил развенчать ее уверенность Вандрик.

— Потому что меня вырастили, как какое-то растение у тебя на фабрике? — Произнеси это вслух оказалось намного сложнее, чем казалось.

Вандрик поравнялся с ней, приподнял лицо за подбородок. Глядя на него сверху вниз Марори не могла отделаться от мысли, как же сильно он похож на Крэйла. Те же глаза, те же нахмуренные брови, та же жесткая линия подбородка.

— Я тебя создал, Марори, — уверенно и безапелляционно заявил он, одновременно гипнотизируя «жертву» взглядом. — Милс был лишь придурком, которого мне пришлось использовать. Я не вездесущ, к сожалению. И есть области, в которых даже мой глубокий познаний в устройстве человеческого тела недостаточно. Я знаю — вижу — как устроено Мироздание, как бьется его невидимое сердце, как вены накачивают его кровью проклятых и вознесшихся. Но я вижу лишь следствие, а не причину. Если бы не я, Милс так и остался бы лишь практиком. Я дал ему шанс пощупать тонкие материи — но и только. Все ради того, чтобы увидеть, как ты расцветешь.

— Я. и другие.

— Нет-нет, другие — это только выбраковка. Шелуха, которую нужно сбросить, чтобы добраться до ядра. Одна получилась слишком темной, другая — слишком светлой. Безумная, слабая, пустышка. — Вандрик отмахнулся от них, как будто говорил о чем-то ничтожном, незначительном. — Ты — Тринадцатая. Идеальная. Проклятокровная и Небеснорожденная. Сердце Равновесия, в которое я вдохнул жизнь.

— Зачем? — Она не хотела знать ответ, но понимала, что иначе нельзя.

— Чтобы ты помогла мне уничтожить мир в том омерзительном виде, в котором он агонирует уже столько лет, конечно же, — с обезоруживающей улыбкой, признался он. — И мы значительно продвинулись в этом, пока не вмешался чертов Милс. К счастью, мне даже не пришлось марать руки, потому что моя идеальная девочка все сделала сама.

— Заткнись. — сухо бросила она.

— Зачем? Чтобы ты и дальше пряталась в выдуманном прошлом, в выдуманном мире, которого никогда не существовало? Продолжала играть в милую и несчастную Марори Милс, которая может затеряться в толпе — и сбежать от своего предназначения? То, что ты не помнишь, не означает, что другой тебя не существовало. Очень даже существовала, и,

смею тебя уверить, ты была счастлива. Со мной.

— Нет.

— О да, — усмехнулся он.

— Я хочу быть с Крэйлом потому что он заставляет мое сердце биться чаще, — ответила она — и поняла, что только что призналась в этом самой себе. И от этого внезапного откровения захотелось смеяться и плакать одновременно. — А ты просто псих и подонок.

— Причина, по которой ты вцепилась в Крэйла, совершенно очевидна: он ведь так похож на меня. В придуманной тобою реальности придуманная девчонка не может таскаться за мужиком, который лет на двести старше ее. Но очень даже может втрескаться с двадцатилетнего мальчишку. — Он продолжал поглаживать ее подбородок, и попытка избавиться от его пальцев привела лишь к тому, что они крепче впились в кожу. — Я могу рассказать тебе, что на самом деле ты создана из того, что куда древнее меня, но для подобных бесед не самое подходящее время и место. Сейчас тебе лучше перестать брыкаться и последовать за мной, как в старые-добрые времена. Хотя. — Он разочарованно глянул куда-то ей через плечо, — кажется, уже поздно.

Марори проследила его взгляд.

На пороге комнаты, вооруженный обнаженными красными клинками, стоял Крэйл.

— Ты пришел, — выдохнула она.

— Привет, Крэйл, — осклабился Шаэдис-старший.

— Убери от нее руки, Вандрик, иначе будешь собирать на полу свои пальцы, — без прелюдии предупредил Крэйл и прошел в гостиную.

— Крэйл, не валяй дурака.

— В качестве альтернативы готов извалить тебя в твоих же кишках, Вандрик.

— Я тебе не по зубам, мальчишка.

— Слышу это каждый день с тех пор, как родился. Одна сплошная болтовня о том, что Вандрика Шаэдиса никому не достать и не подвинуть с пьедестала. И знаешь что, Вандрик? — Крэйл сделал еще шаг вперед. — Это все хрень собачья. Сам же говорил, что кровь — не вода. Я — часть тебя, значит, такой же ублюдочный засранец. Но я хотя бы не мечтаю разрушать все, к чему прикасаюсь.

Шаэдис-старший сокрушенно покачал головой, зыркнул в сторону Марори. Воспользовавшись свободой, она метнулась к Крэйлу, встала рядом.

— Прости, что задержался, — бросил он, не сводя глаз с отца. — И я все слышал.

— Ну раз слышал, то не смей даже думать, чтобы умереть, — так же бросила она.

— Я тут подумал. Когда разберемся со всей этой ерундой — пойдешь со мной на свидание?

— С радостью, — стараясь подавить внезапный приступ отчаяния, согласилась Марори.

— Кажется, я безнадежно втрескался в свою кусачую крылатую подружку.

— Это ты еще не видел меня в коротеньких шортах, — вопреки дурному предчувствию пыталась шутить она.

— Не хотелось бы вас прерывать, — тактично откашлялся Шаэдис-старший, — но придется. Крэйл, ты можешь не верить, но я всегда считал тебя достаточно разумным, чтобы не делать опрометчивых и глупых шагов. Сейчас у тебя есть последний шанс уйти.

— Только вместе с Марори.

— Жаль.

Вандрик нарочито громко вздохнул, по его лицу скользнуло разочарование, но минуло мгновение, и идеальное лицо окаменело, черты заострились. В пронзительных глазах полыхнула тьма.

Что-то случилось. поначалу почти незаметное, будто мелькнуло что-то и исчезло. Марори мотнула головой, сморгнула. Так и есть — вдоль стен гостиной колыхалось почти прозрачное марево.

— Не хочу, чтобы кто-нибудь помешал нашему разговору, — проговорил Шаэдис-старший. Его голос стал низким, глухим.

— Не вздумай помогать мне, — сказал Крэйл. На миг он все же посмотрел на Марори. Уверенный в себе, в своих силах, в своей правоте. Но почему-то грустный, будто знал нечто такое, чего не успел или не захотел сказать ей.

Но как она может оставить его одного?

Между тем Вандрик вытянул руки перед собой, и в них тут же материализовался огромный двуручный меч. Черная сталь без намека на украшения источала черный же туман.

— Обойдемся без фокусов, — сказал Шаэдис-старший. — Иди сюда, щенок. Только ты и я. А чтобы нам никто не мешал.

Он взревел так, что впору осыпаться всем стеклам в окнах. Легко взмахнул мечом, крутанул его в руках и с силой вогнал в пол. Мир задрожал, потянуло нестерпимым холодом и вонью застарелой мертвечины. В стороны от пробившего пол меча расползлись змеящиеся трещины, источающие все тот же черный туман. Казалось, они пронизали всю гостиную. Аккомпанемент заунывного воя — и трещины исчезли, а прямо за спинами Марори и Крэйла набух и раскрылся переливчатый портал Разрыва.

— Задержи их, хорошо? — улыбнулся Крэйл и сорвался с места.

Он атаковал отца с такой яростью и напором, что девушке даже показалось, будто схватка закончится, даже не начавшись. Красные клинки двигались с такой скоростью, что уследить за ними она просто не могла.

Но сталь встретилась со сталью. Двуручный меч — не лучшее оружие для небольшого помещения, да и против более легкого и быстрого противника лучше выбрать нечто иное. так думала Марори ровно до того момента, пока Вандрик не доказала ей обратное. Он орудовал мечом с такой легкостью и непринужденностью, будто тот ничего не весил. Сначала только оборонялся и даже выглядел озадаченным, но потом на его лице мелькнула злая ухмылка — и Шаэдис-старший перешел в контратаку.

Девушка даже дышать перестала, заозиралась — как же плохо, что она сама осталась без оружия. Вдвоем бы они точно справились. И пусть бы потом Крэйл ругал ее. Это было бы потом — и он был бы жив.

Нет! Она не безоружна.

«Сатис», — потянулась к своему фэлфаэру, когда Разрыв исторг из себя первую тварь — не-живой. Он походил на человека, с которого сначала содрали кожу, затем основательно поджарили, а для верности оставили на солнце в компании мясных мух. И те, конечно же, не преминули воспользоваться подвернувшейся возможностью заселить предоставленное тело своими личинками.

«Сатис! — почти закричала Марори. — Мне нужна твоя помощь!»

За первым не-живым показался второй, третий. Твари помедлили, будто принюхивались, а затем неторопливо направились к девушке. Один из них припадал на ногу, сильно вывернутую в колене. Другой все время разевал усыпанную длинными клыками

пасть, в которой, будто змея, дергался длинный язык.

В ушах отозвался уже знакомый шакалий вой.

«Я с тобой — до конца».

Порождение Хаоса встало за ее спиной, хищно кляцнуло челюстями.

Не-живые замерли.

Сатис бросился в драку.

Марори успела заметить, как серп надвое раскроил не-живого с поврежденной ногой. Тело еще не успело распасться надвое, как шакал сбил с ног второго противника, с садистской радостью на морде наступил ему на голову — послышался хруст костей.

Сатис задрал башку, завыл.

А из Разрыва все лезли новые твари.

Марори бросила взгляд на Крэйла с отцом. Там все было очень и очень нехорошо. Шаэдис-старший уверенно теснил сына, раз даже саданул его эфесом меча в грудь. Девушка невольно вскрикнула, но Крэйл только отпрянул, тем самым заработав мгновение передышки. Всего лишь короткое мгновение.

«Кинжал!»

Ним же был вооружен. Где его кинжал?

Марори чувствовал себя самой большой обузой в мире — бесполезная малявка, не способная о себе позаботиться. Она бросилась к тому месту, где Шаэдис-старший расправился с незадачливым эльфом. Кровь-кровь, какие-то кучки плоти, остатки одежды.

Вот он!

Девушка схватила длинный тонкий кинжал, не раздумывая, вытерла мокрую рукоять свитером. Теперь она может сражаться.

Крэйл провел удачную атаку, пинком ноги метнул в отца небольшой столик, а затем, когда родитель ненадолго потерял равновесие, в прыжке полоснул его наотмашь. Немного не дотянулся. Сталь прочертила тонкую кровавую черту на белоснежной сорочке. Вандрик молниеносно сместился в сторону и кулаком поймал сына на противоход, зарядив тому в лицо. Крэйл опрокинулся, ударился затылком об пол.

Марори, не помня себя от страха, бросилась на помощь.

«Сатис, помоги!»

Но преданный шакал отбивался разом от десятка, а то и больше, не-живых. Завывающие твари буквально облепили его, повисли на руках и ногах, тянулись клыками вцепиться в плоть. И некоторым это удалось.

Вандрик занес меч и резко опустил его на Крэйла, целясь тому в грудь. Марори показалось, что черная сталь пробилась ее саму — прошла навывлет, перерубила все ребра, рассекла внутренности.

Девушка даже закричать не смогла — настолько заледенела изнутри. А может, напротив, выгорела за то мгновение, что дымящийся меч прокладывал себе путь через непозволительно податливый воздух.

Но Крэйл не потерял сознания, не сдался — рванулся в сторону, успел откатиться. Меч отца рубанул каменный пол, высек из него мелкую шрапнель.

Марори уже почти налетела на Вандрика со спины, уже предвкушала, как острая сталь пронзит его тело, когда что-то мелькнуло на периферии зрения — и ее сбilo с ног. Еще падая, девчонка поняла, в чьи объятия попала. Не-живой крепко обхватил ее тонкими руками, покрытыми белесыми комками застывшей слизи, широко раскрыл зубастую пасть.

Вместе они покатались по полу, что-то роняя по пути. От создания Хаоса воняло так, что Марори едва дышала. Огромные глаза без век уставились на нее зеленовато-красными белками.

Не-живой оказался невероятно тяжелым, а потому после падения оказался сверху. Победно заворчав, он полоснул добычу когтистой рукой. Тело Марори среагировало на автомате, свободная рука блокировала нацеленные в лицо кривые иглы. Новый удар — она перехватило отвратительно скользкую руку в запястье. Не-живой ощерился, навалился всем телом. Из его пасти вытянулся змеящийся язык, покрытый толстыми белыми личинками. Вот уж когда Марори со всей искренностью возблагодарила профессора «мертвяка». Без его занятий ее бы наверняка вывернуло — и тогда голодная тварь легко бы с ней расправилась.

Всего пару секунд девушка противилась натиску не-живого, а затем резко, насколько могла, сместилась в сторону, прекратила сопротивляться. Когти противника вонзились в мягкий ковер у самой головы. Не-живой рухнул на нее, припечатал всем телом, но именно этого и добивалась девчонка — противник больше не мог ее бить. А укусить не успел. Клинком Нима, который умудрилась не выпустить из пальцев при падении, не глядя ударила тварь в висок. Сталь легко прошла полугнилой череп, вышла с другой стороны. Больше Марори не смогла сдерживаться. Закричав от разрывающих ее эмоций, она что было сил дернула рукоять на себя и вниз. Мысль, что сталь может не выдержать, пришла слишком поздно. Не-живой попытался откинуться назад, его руки взметнулись к голове, но лишь затем, чтобы поймать в ладони куски трухлявых, изъеденных червями костей черепа и остатки студенистого мозга.

Едва сдерживая неумолимый приступ тошноты, девчонка вывернулась из-под твари, отползла прочь. Ее бил озноб, но в груди пылало обжигающее пламя. Страх, ярость, брезгливость, жажда убивать. невероятный клубок чувств рвался наружу, требовал выхода. И Марори позволила себе отключиться от реальности. Снова слиться со своим фэлфаэром в безумии схватки.

«Сатис, убей их всех! — прошипела сквозь зубы. — Я с тобой!»

Шакал отозвался протяжным воем, полным иссушающей злобы. Разом скинул с себя несколько не-живых, одного тут же поймал на серп, размахнулся и метнул тварь через всю гостиную.

Порождения Хаоса отпрянули, но не отступили, закружились рядом, точно стая волков, выжидая подходящего момента для атаки. Несколько бросились к Марори. Девушка встретила их кровожадной ухмылкой, шагнула навстречу.

Краем глаза она видела, как стремительно изменилась ситуация в схватке Крэйла с отцом. Младший Шаэдис забрал инициативу в свои руки. Оба выглядели порядком потрепанными: сорочка Вандрика стала красной от крови, липла к телу, с лица сползла самодовольная улыбка; лицо же Крэйла походило на разбитую маску, с подбородка обильно текла кровь, но в глазах пылала решимость.

Следующие минуты почти полностью стерлись из памяти Марори. Она знала, что убивала. Много и разнообразно. С радостью и нетерпением принимала схватку. Вскоре на полу гостиной неподвижно валялись многочисленные тела не-живых. Вкупе со своим фэлфаэром девчонка сеяла опустошение в рядах безмозглых тварей. И вскоре их число начало уменьшаться. Разрыв еще выталкивал из себя новых созданий, но уже как бы нехотя, словно где-то там, на той стороне, иссяк темный источник.

Из кровавого безумства Марори вырвал грохот. Она резко остановилась, обернулась на

звук. Отступая, Шаэдис-старший опрокинул старинный шкаф с антикварной посудой, отскочил назад, разрывая расстояние с сыном. Он тяжело дышал и немного сутулился, черный меч в его руках уже не порхал с прежней легкостью. Крэйл сплюнул на пол, двинулся к родителю.

— А ты хорош. — Марори показалось, что в голосе Вандрика звучит уважение. — Я приму это к сведению, когда мы встретимся в следующий раз.

Шаэдис-старший снова крутанул меч, вонзил его в пол. С надрывным стоном рушащегося моста меч вспыхнул и исчез. Во все стороны ударила незримая волна. Марори подхватило и метнуло прочь. Мир кувыркнулся, в спину и плечо что-то врезалось — и девушка грохнулась на пол. Сквозь дрожащее перед глазами марево она видела, как на месте исчезнувшего меча появился новый Разрыв. Крэйл уже поднимался, явно не желая отпускать отца.

— Я вернусь за тобой, Тринадцатая! — крикнул тот и шагнул в Разрыв.

Марори с трудом поднялась. Все тело болело, точно ее долго и методично били палками.

«Что же будет завтра?»

Пожалуй, она и с постели не встанет.

Но это неважно. Теперь неважно. Они победили.

Только почему так напряжен Крэйл? Неужели переживает, что не убил отца? Да, плохо. Наверное. Но ведь не последуешь за ним.

Марори направилась к младшему Шаэдису, подспудно чувствуя странное беспокойство. Что-то было не так. Никто не атаковал, исчезло силовое поле, не позволяющее покинуть гостиную. Вроде бы никакой опасности, кроме нового Разлома. Крэйл почувствовал что-то в нем?

— Эй. — позвала она неуверенно.

Он обернулся. Бледный и испуганный?

Нет! Конечно же нет! Показалось.

— Уходи, — прошептал одними губами. И тут же закричал: — Уходи! Спрячься в самый дальний угол!

Марори остановилась.

Теперь видела и она: гладкая поверхность Разлома вспучилась, по ней пролегла паутина трещин, наружу потекли струйки густого серого тумана.

Гостиная погрузилась в глухую осязаемую тишину, сквозь которую звучали далекие шаги. Даже свет сделался тусклым и болезненно желтым, по стенам поползли изломанные тени. Девушка могла поклясться, что тени были живыми — они кривлялись, потрясали когтистыми лапами, что-то беззвучно выкрикивали.

Даже Сатис, стоящий рядом со своей хозяйкой, прижал уши и настороженно следил за происходящим. После схватки с не-живыми выглядел он откровенно паршиво — весь в крови, покусанный и порванный, со свалывшейся в колтуны грязной шерстью.

Крэйл снова что-то выкрикнул, но его слова потонули в звуке гулких шагов.

«Как будто сваи вбивают.»

А потом Разлом буквально разорвало некой необузданной силой. По гостиной прокатился сонм причитающих голосов, тени разом вскинулись и опали. Свет задрожал, в воздухе появились какие-то размытые грязные пятна.

Звон бесконечно далекого колокола буквально раскрыл реальность, разодрал ее на

части, втиснул в нее нечто чуждое и страшное.

На месте исчезнувшего Разлома стояло существо ростом под самый потолок. Ключья серого тумана стекали по тем лохмотьям, что служили ему одеждой. Лица, отчего-то скрытого в тених, как бы создание ни повернулось, рассмотреть не удавалось. Зато глаза. Они горели даже не огнем — жаром самой Преисподней.

В руках пришелец сжимал длинное копье, у самого наконечника которого висела связка человеческих черепов.

Марори захотелось не просто бежать, а нестись прочь на всех парах. Лучше, если на одной из спортивных машин Крэйла. Но до гаража надо еще добраться, а младший Шаэдис, судя по всему, никуда не торопился.

В голове само собой родилось знание: Неназванный.

Пришедший из Хаоса ничего не делал, просто стоял и смотрел на мелких живых, немного поводя острием копья. Но секунды текли, а внутри девушки рос клубок не страха — ужаса. Она слышала голоса, слышала крики, слышала шепот. Множество слов на незнакомых языках, множество слов, призывающих опуститься на колени, склониться в поклоне. Зачем бежать? Куда торопиться? Время не имеет смысла — его течение можно изменять по желанию. по ЕГО желанию. На глаза навернулись непрошенные слезы, руки дрожали так, что пальцы едва удерживали бесполезный кинжал. Зачем он нужен? Марори позволила бесполезному оружию упасть на пол. Сталь зазвенела о камень.

Вот так правильно. Теперь на колени.

Девушка не хотела подчиняться голосам и в то же время желала этого больше всего в жизни. Возможно, если бы не усталость и опустошенность, она бы смогла сопротивляться. Но только не теперь.

Ужас и покорность — страшная комбинация, загоняющее сознание в самый потаенный угол разума. Спрятаться, скрыться, будто ничего и не происходит.

Марори почувствовала, как подгибаются ноги, как пол ударяет в колени. Она слабая, она подчинится. Рядом тоскливо завыл Сатис, толкнул ее в плечо. Зачем? Что ему нужно?

«Уходи», — прошептала из сгущающейся вокруг темноты.

«Я с тобой — до конца».

«Уходи. Ты мне не нужен.»

В темноте так хорошо прятаться. Нет теней, почти не слышно голосов. Главное вести себя тихо, затаиться. Так хорошо. Хорошо.

Только зачем кто-то кричит? Зачем этот невообразимый рев?

Оставьте! Здесь нельзя шуметь!

Но кто-то снова взревел.

Марори нехотя открыла глаза. Не сразу, но разглядела движение. Двое кружились вокруг третьего. Крэйл и Сатис?

Вопрос «зачем» так и остался висеть в стылom воздухе. Они дрались за нее. За нее! За мелкую дуру, развесившую соплю!

Марори кое как поднялась на ноги. Создавалось ощущение, что на коленях она простояла не меньше часа. Ноги затекли и едва ворочались.

Неназванный внешне неторопливо повел копьем. Но то ли девушку подводило зрение, то ли случилось нечто странное: копье будто размножилось, его древко распалось призрачным веером. Впрочем, не призрачным. Одно из копий вроде бы несильно задело Сатиса по плечу. Шакал же щепкой отлетел в сторону, врезался в стену, заскулил, ворочаясь

возле нее бесформенной кучей. Крэйлу повезло больше, он сумел увернуться от странного оружия, но подойти ближе к противнику не смог — будто на невидимую преграду наткнулся, выругался, отпрыгнул обратно.

«Почему он не вызвал своего фэлфаэра?»

Когда еще, если не сейчас? Чего он медлит?

Марори наклонилась, подняла кинжал. С трудом соображающая, что делает, поплелась к сражающимся. «Надо забрать Крэйла. Надо уходить — он же сам так ей сказал. А одна она не уйдет!»

Наверное, в этот раз младший Шаэдис превзошел себя. Девушка не успевала следить за его местонахождением. Крэйл исчезал из виду и тут же появлялся в другом месте. Каждый раз атаковал, каждый раз пытался найти уязвимое место порождения Хаоса. Но все тщетно.

Сатис медленно приходил в себя, даже поднялся, но стоял все еще неуверенно.

Только бы чем-то отвлечь Неназванного. Он большой. Если быстро бежать и успеть прошмыгнуть в дверь, затем по коридору и вниз, то вполне может получиться. Тварь слишком велика, чтобы протиснуться следом. Если сумеет — пусть прокладывает себе путь сквозь каменные стены. В любом случае, на это потребуется время.

Крэйл взвился в воздух. Исчезнув в прыжке у окна, он неожиданно появился уже у самой стены, метрах в двух над полом, оттолкнулся от нее ногами и обрушился на голову Неназванного. Пара клинков полоснула там, где полагалось быть лицу, но сверкали лишь огненные глаза. Раздался такой вой, что девушку оглушило, почти физически прибило к полу. Она будто на дне океана оказалась, под многометровым гнетом над головой.

«У него получилось!» — вспыхнула радостная мысль.

Эту тварь можно ранить! А значит, можно и.

Крэйл сделал обратный кульбит и, кажется, завис в воздухе.

Неназванный отпрянул, покачнулся, точно неуверенно стоял на ногах, а затем резко выбросил копье. Гул стонущих и просящих голосов в одно мгновение поднялся до нестерпимого гвалта, древко копья распалось на призрачные составляющие — настоящим частоколом. Воздух задрожал и раскололся.

Частокол копий сорвался с места.

Крэйла прошило насквозь.

Толстенное древко прошло сквозь него и улетело куда-то дальше. Тело шанатара рухнуло на пол.

«Нет!» — Марори не слышала собственного крика или, скорее, воя. Она не слышала ничего. Да и не видела. Только его — распластанного и неподвижного. Бросилась на помощь.

Крэйл выдохнул.

Беззвучно.

Она поняла это только по движению его губ и тонкой алой струйке, которая потекла из уголка рта.

Марори подхватила Крэйла за миг до того, как силы оставили его.

Под тяжестью тела шанатара и собственного отчаяния девушка пригнулась, повалилась на колени.

«Сатис, помоги!»

Шакал метнулся к ней. Из последних сил, порванный, окровавленный, с ощеренной пастью, но преданный до последнего.

— Крэйл, пожалуйста. — зачем-то шептала она.

Неназванный явно собирался с силами. Копье в его руке было почти прозрачным, но постепенно становилось все плотнее. Единственный уцелевший глаз смотрел с ненавистью и яростью. Там, за бушевавшим в нем пламени, гнездилась такая злоба, какой просто не может существовать в мире. Не должно существовать.

Марори рванула шанатара на себя, встала. Она не оставит его здесь, не даст твари из Хаоса закончить начатое. Помог Сатис — он с легкостью поднял тело Крэйла и припустил прочь. Девчонка едва поспевала.

Дальше! Дальше! В темноту, в самый глухой угол. По лестнице, по коридору.

Глова не работала совершенно. Наверное, надо было бежать к гаражу, но Марори просто не помнила, как до него добраться.

Они остановились в какой-то тесной коморке — пыльной и грязной.

Не смотреть.

Не опускать взгляд.

Не видеть.

Светлые, Темные, за что?!

В груди Крэйла зияла дыра. Огромная. Размером с кулак. Кровь стремительно вытекала из него. Марори сделала немощую попытку закрыть рану ладонью — и поняла, что в этом нет никакого смысла. Но продолжала из последних сил вдавливать руку в окровавленные ошметки ткани, кожи и плоти.

— Не закрывай глаза. — как заклинание шептала она.

«Не реви! Не реви!!!»

Слезы текли из глаз, обжигали кожу.

Где-то над головой рычал и стонал Неназванный. Сколько ему понадобится, чтобы спуститься и закончить свою кровавую работу?

Отчего-то сомнений в том, что тварь Хаоса не оставит их в покое, не было.

Плевать!

Белые ресницы Крэйла, все в алых каплях крови, дрогнули.

— Смотри на меня, — Марори обхватила его лицо ладонями. — Не смей закрывать глаза. Дыши.

— Прости, — шепнул он вымученно, — придется поверить тебе. на слово. что в шортиках ты.

Он не закончил, кашлянул.

Марори понимала, что он до сих пор жив только благодаря своему рождению. Но такая рана уложит и Темного.

В голове метнулась мысль.

Дикая. Сумасшедшая. Совершенно бредовая.

— Крэйл, ты должен меня укусить.

Он приоткрыл глаза, сделал попытку улыбнуться — и снова закашлялся. На этот раз сухо, хрипло. На его правой щеке появилась темная паутина трещин — тонких, будто росчерк пера. Но они все темнели и темнели, становились шире и глубже.

— Ты сразу станешь злым, сразу заживешь и наваляешь этому страшилищу. — Она фальшиво улыбнулась и даже попыталась скорчить уверенную мину. Напрасно. Из глаз снова потекло. — Крэйл, ты должен.

— Я стану монстром, — прошелестел он.

— Я не знаю никого настолько человеческого, как ты, — прошептала она в ответ, — и такого же упрямого. Трещины стремительно и неумолимо расползались по его лицу.

Марори больше не мешкала, не убеждала.

Яростно впиалась клыками в собственное запястье — то самое, где была тонкая метка прошлого. Того, которое она забыла. В котором была Тринадцатой.

Собственная кровь отчего-то горчила на языке. Марори набрала полный рот. Последние силы ушли на то, чтобы приподнять его.

Рев Неназванного становился все яростнее. Теперь его сопровождал грохот рушащихся стен. Пол то и дело вздрагивал. И чем дальше, тем сильнее. Будто землетрясение — и с каждым мгновением его эпицентр приближался.

Сколько времени у них осталось?

В голове неожиданно прояснилось.

Если сейчас ничего не получится — они умрут вместе. И последнее, что она будет помнить перед смертью — затуманенный взгляд Крэйла, его лицо и щемящее сердце счастье от того, что у них была капля нежности. Хотя почему помнить? Видеть — конечно же, видеть!

Марори прижалась губами к его губам, разомкнула их в настойчивой попытке протолкнуть в него свою кровь. Он застонал, поддался.

Г лоток.

Еще один.

Поцелуй, полный боли, страха и неведения.

Крэйл дернулся, как будто его тело прошибло током. Через секунду он брыкнулся так, что девочка едва не опрокинулась. Голова Крэйла с каким-то нечеловеческим хрустом откинулась назад, мышцы напряглись, словно стальные канаты — того и гляди порвутся. Он снова вскинулся, оскалился. Клыки стали. больше.

Страшная рана начала затягиваться.

В груди Крэйла родился низкий клокочущий рык.

Над головой грохотнуло, что-то упало — с потолка посыпалась густая пыль.

Марори закашлялась.

Сатис метался по коморке. Ему явно не нравилось поведение хозяйки.

С грохотом совсем рядом в пол вонзилось треклятое копьё Неназываемого. Оно пробило потолок и глубоко вошло в пол. А потом потолок начал рушиться.

Марори как могла накрыла собой Крэйла. Обняла, заслоняя от падающих камней и рушащихся перекрытий. Она уже ничего не видела и ни на что не надеялась. Напоследок только отозвала Сатиса — верный фэлфаэр сделал все, на что был способен. Жаль, что у его незадачливой хозяйки оказалось слишком много проблем.

Что происходило с Крэйлом, она не видела, но отлично чувствовала. Его ломало и коржило. Шанатар рычал так, будто его рвали на части. Волей-неволей в голову закрадывалось сомнение — а не зря ли не послушала его?

Потолок рухнул весь разом.

Марори зажмурилась и. ее не раздавило.

Вокруг вообще творилось что-то странное: камни и как минимум одна толстая доска висели прямо над головой, но отчего-то не падали. Не по всей коморке, а лишь в самом ее центре. Девушка опустила взгляд — и увидела пылающие алым глаза. Вскрикнув, отшатнулась. По спине побежали мурашки. Нечто темное всколыхнулось с пола, одним

взмахом разбросало в стороны каменный мусор.

Девушку обдало морозным холодом.

Это был Крэйл. И он изменился. Теперь шанатар больше походил на призрака: раздавшееся в размерах тело, тем не менее, не имело четких очертаний. Воздух вокруг его головы дрожал и пульсировал, точно от сильного жара, черты лица терялись за чернильной дымкой. Но раскаленные угли глаз смотрели ясно и уверенно. В них не было безумия. В них был Крэйл.

Ощерившись, что стали видны острые белые клыки, младший Шаэдис взмыл вверх — прямо к заглянувшему в коморку Неназванному. Вернее — прямо в тварь из Хаоса. Сбил того с ног, взвился под потолок и рухнул вниз.

Марори несколько секунд сидела и тупо хлопала глазами. Там, над головой, шла жестокая схватка, а она все еще не могла понять, кем же стал шанатар. Но вот так, сидя на заднице, и не узнает. Резко смахнув с глаз все еще не подсохшие слезы, бросилась к лестнице. Она, без сомнения, дура, раз не залезла в глубокую нору и не пережидает там, но сегодня такой день — принимать дурацкие решения.

Она застала схватку во всем ее яростном апогее. Среди боевой площадки, в которую превратилась добрая часть разрушенного этажа, бушевали двое. Неназванный пятился и отмахивался обломанным древком копья. Его лохмотья во многих местах дымились и тлели. А Крэйл наступал, практически не заботясь об обороне. Он делал стремительные выпады, бил и тут же смещался в сторону. Кружил вокруг. Подпрыгивал и черным размытым вихрем атаковал сверху. Каждый его удар сопровождался короткой огненной вспышкой и ответным воем твари из Хаоса. Воем боли и бессильной злобы.

Потолок, стены — не стало ничего. Над головами противников обрушилась крыша и в звездное небо улетали редкие искры, рожденные атаками Крэйла.

В конце концов шанатар вырвал обломок древка из рук Неназванного и, повалив того на спину, что было сил вогнал древко в единственный уцелевший глаз. Тварь огласила окрестности оглушительным воем, забилась в таких конвульсиях, что впору рухнуть и уцелевшей части дома. Но Крэйл не позволил ему вырваться. Надавил сверху ногой, прижал и молча наблюдал за агонией. Минуло не менее нескольких минут, прежде чем Неназванный стих.

На несколько секунд в комнате повисла настолько густая звенящая тишина, что Марори захотелось закрыть уши руками, чтобы не сойти с ума. Казалось, весь окружающий мир за разваленными стенами провалился в пустоту, и они остались одни на всем белом свете: яростный Крэйл, она — и дохлая гора мяса, которая минуту назад чуть не отправила на тот свет их самих.

Шанатар в один прыжок спустился с поверженного врага, повел плечами. Было в этом движении что-то отвратительно-хищное, нечеловеческое. Раздался мягкий хруст позвонков — и дистанция между Марори и Крэйлом стала короче еще на два шага.

Она была уверена, что ей не хвати смелости устоять на месте.

Но она устояла.

В горящем взгляде Крэйла тлела жажда убийства и новой крови. Он был словно охотник, который убил зайца, и не собирался довольствоваться таким ничтожным трофеем.

— Крэйл. — позвала она.

Шанатар остановился, склонил голову на бок, словно размышлял, стоит ли игра свеч. Его взгляд отнюдь не был безумен, но от прежнего Крэйла там осталось пугающе мало.

— Пожалуйста, вернись ко мне.

Собственный голос превратился в треск стекла под тяжелыми подошвами. Мысли путались, сновали между желанием немедленно убраться на край света и дать ему время прийти в себя, и необходимостью остаться с ним до конца. Он предупреждал, что станет монстром, и верить, что его удастся остановить по щелчку пальцев, было слишком наивно даже для нее.

А что, если он больше никогда не станет прежним Крэйлом? Что, если в прошлый раз он выкарабкался из порожденного ее кровью безумия лишь по счастливой случайности? Что, если она совершила самую большую ошибку в своей жизни, пытаясь спастись любой ценой?

Он подошел еще на два шага, и теперь легко мог дотянуться до нее рукой. Кровь стекала по его приоткрытым губам, и он с жадностью, по-звериному облизнулся.

— Вернись ко мне, — повторила она.

Крэйл рванулся вперед, схватил ее ладонью за горло и мягко сжал пальцы. Его лицо оказалось так близко, что Марори слышала его хриплое, пахнущее кровью и смертью дыхание даже сквозь расплывчатую завесу черного морока.

— Я знаю, что ты там, — продолжала шептать она, — я знаю, что кем бы ты ни стал, что бы не случилось — ты никогда не причинишь мне боль. Возвращайся к своей кусаке, клыкастый. Потому что мне сейчас очень страшно.

Пальцы сжались сильнее и на этот раз у Марори не осталось шанса даже вздохнуть.

Он придвинулся ближе, вплотную.

Хрипло, обреченно выдохнул.

И прижался лбом к ее плечу.

Хватка ослабла, дрожащая рука обвила ее за плечи.

— Прости меня, — голосом Крэйла Шадиса сказала кровожадная химера, и Марори обхватила его трясущимися руками. — Я чуть было не убил тебя. во второй раз.

Глава шестнадцатая

Марори последний раз окинула взглядом комнату и свою скудную поклажу.

Она не заберет из Дра'Мора ни книг, ни тетрадей. Только фэлфаэра, который намертво привязан к ней и Энигму, которую еще только предстоит разгадать.

И множество воспоминаний.

Клеймо Аситаро, которое послужило первым уроком и испытанием.

Пробуждение проклятой и небесной крови.

Смерть и внезапное воскрешение.

Сатис, который сперва чуть не убил ее, а потом до последнего, вопреки приказам, сражался за свою хозяйку не на жизнь, а на смерть.

Проклятокровные увальни, Потрошители, которые стали единственными в жизни друзьями, которым она не задумываясь доверила бы свою жизнь.

Открытая улыбка Нима, которая множество раз спасала ее от отчаяния — и которая стала едва ли не ее худим кошмаром.

Клыки и крылья, первый глоток крови.

Крэйл.

Она опустилась на постель и какое-то время гипнотизировала взглядом тощую спортивную сумку, которую держала наготове на случай побега. И вот, когда она оказалась кстати, Марори меньше всего на свете хотелось покидать это место.

Потому что именно здесь она впервые почувствовала себя живой. Это место будто очистило ее от прошлого, которое она забыла, но которое продолжало преследовать ее. Сколько времени пройдет прежде, чем они с Вандриком снова схлестнутся? Год? Полгода? Месяц? Один день или, может быть, он уже стоит по ту сторону Хаоса и готовится сделать новую рану в Материи, чтобы забрать то, что считает своим по праву?

В дверь и правда постучали.

Марори вскинулась, перевела дух и разрешила войти.

В комнату проскользнул Эашу.

— Уже собралась? Ничего не забыла? Зарядила телефон в дорогу? — Он была непривычно серьезен и в кои-то веки отказался от своих ужимок. Инкуб прошелся пятерней по волосам, едва не сбросив на пол сидящие на макушке очки. Потом долго разглядывал вторую, до сих пор перебинтованную ладонь. — Никогда не умел собираться. Вечно в последнюю минуту наталкиваю в чемодан всякую бесполезную хрень и срываюсь с места.

— Почему я не удивлена? — попыталась пошутить она, но слова лишь усугубили общее гнетущее настроение.

— Пора выходить, — с той же напускной беззаботностью напомнил он и, ничего не говоря, вышел.

Марори прицепила за спину чехол с косой, подтянула петли и забросила на плечо сумку.

Последний раз осмотрела комнату — и вышла следом.

Эашу вызвался отвезти ее на вокзал. По злой иронии — тот самый, на перроне которого несколько месяцев назад началась ее собственная путанная и загадочная история. Которая, несмотря на огромное количество черных страниц, была едва ли не самым светлым событием за все ее семнадцать лет.

Она запнулась, когда увидела возле красной спортивной машины Эашу. пустоту.

— Они ждут на вокзале, — пояснил инкуб, взял у нее сумку и забросил в багажник.

Потом галантно открыл дверцу, помог сесть и лично пристегнул ее ремнем безопасности. — Надеюсь, эта пафосная тачка не станет апогеем моего образа беспросветного идиота?

— Боюсь, этот образ сформировался давным-давно, и я была абсолютно уверена, что ты едешь именно на таком красном ведре.

— Ну знаешь, — Эашу все-таки растянул губы в улыбке, — про ведро — это был удар ниже пояса.

Они покидали Дра'Мор каким-то путанными лабиринтами накатанных проселочных дорог, пока на одном из поворотов Эашу не свернул вправо и вскоре они не выехали на широкую магистраль.

— Дознавателями весь Дра'Мор кишит, — сказал Эашу, одновременно настраивая радио на какую-то волну, и управляясь с рулем одной рукой. — Видела бы ты Магистра — он отбивался как мог. Надеюсь, дело выгорит и завтра ты будешь так далеко, что этим засранцам останется только самим себе навалить по задницам. У Крэйла, наверное, десятка два сидит, не меньше. Суют нос под каждый камень.

Как быстро. Сколько времени прошло? Сутки, вряд ли больше.

— Я уже говорил, как ты чертовски привлекательна с этими крыльями и клыками? — Он сделал неумовимое движение головой — и солнцезащитные очки сползли с макушки прямо ему на нос. — И что тот эпизод не закончен. Я просто нажал на «паузу». И пока ты не начала говорить какую-то невнятную чушь про то, что с Шаэдисом, напомню, что я в курсе этого нелепой случайности.

Его слова не звучали ни зло, ни ехидно. Скорее всего, они даже не шли вразрез с тем, что Эашу считал Крэйла своим другом.

— Я сказал ему, что люблю тебя. Вчера вечером, после того, как вас закончили пытаться допросами. Как видишь — цел и невредим.

Он одной рукой достал сигарету, прикурил и выпустил дым в окно.

— Вижу, что ты снова задаешься, — в шутку пожурила она.

— Не спросишь, что он сказал в ответ?

— Зачем?

Кажется, ее вопрос застал инкуба врасплох. После пары жадных затяжек он выбросил сигарету в окно, прибавил громкости — и дал по газам.

Они ждали ее на вокзале. Кулгард, на радостях от новенького черного протеза обнял ее так крепко, что у Марори всерьез поверила, что он ломает ей ребра и раздавит сердце. Даган сидел в инвалидной коляске и делал вид, что все эти «нежности» на прощанье ему глубоко противны. И все-таки, когда Марори присела и обхватила его за шею, похлопал ее по спине, приговаривая: «Заревешь — убью».

Она шныряла взглядом между редкими пассажирами и теми, кто пришел их провести, все еще надеясь, что он придет сказать ей хотя бы «Пока» на прощанье, хоть и знала, что Крэйла среди них нет.

— Мы тут подумали. — Кулгард кашлянул в кулак, выжывая из-за пазухи маленькую картонную коробку, перевязанную фиолетовой лентой с принтом в виде корчащих рожи черепов. — Это чтобы ты не забывала.

Невероятно, но она впервые видела Кулгарда таким смущенным. Он даже покраснел, и чтобы хоть как-то скрыть чувства, то и дело откашливался в стальной кулак новенькой руки

и выразительно зыркал на товарищей в поисках поддержки. Эашу даже пришлось применить силу и настойчивость, чтобы забрать коробку из его стиснутых пальцев.

— Открывай.

Марори бережно потянула за хвостики ленты и та, словно по волшебству, опала вниз.

Внутри, на бархатной подушке, лежала подвеска из «живого» лавового камня. Шесть инициалов, сплетенные в причудливый орнамент из округлых черных лент, по которым, словно кровь по венам, струился пульсирующий огонь.

К.Д.К.Э.Н.М.

Она погладила вензеля: горячие, раскаленные, но не обжигают.

— Кто-нибудь поможет мне с застежкой? — сиплым от нахлынувшей тоски и боли голосом, попросила она. Эашу исполнил ее просьбу.

Марори чувствовала тепло тяжелого украшения даже сквозь толстую ткань свитера.

— Ну, надеюсь, что если она молчит и шмыгает носом, то наша выдумка ей понравилась, — делано ворчливо заметил Даган.

Марори охотно кивнула. Раз и еще раз.

А потом плюнула на их попытки казаться серьезными и обняла каждого по очереди. Так крепко, как только могла.

— Я скинул тебе файл в электронку со всеми нашими контактами и номерами телефонов, — сказал Эашу, когда пришел его черед получить свою порцию дружеских объятий. — Как только будешь на месте — напиши. Иначе мы поедем в долбаный Эльхайм, чтобы лично убедиться, что с нашей простокровкой все в порядке.

Она знала, что инкуб нарочно назвал ее так именно сейчас. Чтобы приободрить.

Марори деланно стукнула его в плечо.

— И купи телефон первым делом, — прибавил к наставлениям Эашу Кулгард.

— Так и сделаю. Я люблю вас всех, — сказала на прощанье, ни капли не сомневаясь, что ее вид под стать сопливому же голову. — Спасибо, что научили меня многим вещам.

Даган улыбнулся, изображая кинозвезду на вручении самой главной кинопремии года.

— Я еще и не начинал тебя учить, — верный своему характеру и своей природе, промурлыкал Эашу и подтолкнул ее в сторону прибывшего экспресса. — Помогу занести сумку, — сказал в ответ на ее вопросительный взгляд.

Когда экспресс начал медленно набирать скорость, Марори буквально прилипла к окну, стараясь хорошо запомнить лица тех, без кого она бы так и осталась сопливой девчонкой. Да, они по-прежнему будут общаться письмами и обмениваться телефонными звонками и даже, скорее всего, наладят видеосвязь. Но разве может все это заменить нормальную дружбу? Спонтанные шутки. Истории из жизни, которые каждый присваивает себя и рассказывает на новый лад?

Из размышлений ее вырвал шорох раздвижной двери.

Она повернулась — и напоролась взглядом на Крэйла.

Шанатар прикрыл за собой дверь и, ни слова ни говоря, уселся на диванчик, напротив Марори.

— Разве он не должен был исчезнуть совсем? — чувствуя себя неловко из-за этой странной тишины, спросила Марори.

— Я убил такую, как ты, — игнорируя ее вопрос, ответил он.

Пробежался пальцами по темно-красной ленте рубца на переносице, потом причесал пятерней порядком отросшие волосы. Теперь белоснежная грива доходила ему до самых

плеч.

Он говорит об этом уже второй раз.

Вчера, после того, как Крэйл едва не отправился на тот свет, Марор сочла его признание неверно высказанной мыслью, и не придавала большого значения. Тем более, что в двери дома Крэйла — развалинах, что когда-то было домом — уже практически ломились журналисты, дознаватели и другие любители навалиться первым на горячее.

Сейчас же Крэйл меньше всего походил на человека, который не в состоянии контролировать каждое свое слово. Как раз наоборот — скорее всего, он тщательно подготовился к этому разговору. И Марори знала, что он будет не из легких.

К счастью, Крэйл не стал дожидаться ее реакции на это признание и, без предупреждения, продолжил:

— В проклятых Пустошах, кусака, — глухо, жестко подцепив ее взгляд своими, сказал он. — Мы были там целых пять дней. И именно мне, чертовому счастливику, ты решила показать, что тоже можешь быть жестокой. Я смотрел в ее перекошенное благоговейным и незамутненным праведным гневом лицо, смотрел на ее белоснежные крылья небеснорожденный — и видел только тебя. Ты-Она, выбралась прямо из Разлома. Прошла без труда, как раскаленный нож через масло. Я знал, что Ты-Она пришла убивать, и я — единственный, кто стоит между фурией и миром проклятокровных. Знал — и не мог пошевелиться. Потому что я не хотел убивать тебя, даже если от тебя в той оболочке была лишь песчинка.

Марори, как и в первое их объяснение, хотелось заставить его замолчать. От бессилия она беззвучно заскребла ногтями по бархатной подкладке.

— Я позволил Ей превратить моего фэлфаэра в кусок дерьма, который бултыхается в собственных кишках без надежды на спасение. Я как последний придурок пытался заставить ее передумать и уйти. Разве что на колени не встал. А Она рассмеялась мне в рожу, словно я какой-то клоун. — Последние слова Крэйл едва ли не выплюнул. — И сказала, что ее все равно не остановить, что она — долбаный ангел мщения, и что единственное, на что она готова обменять это такое веселье — зрелище моего самоубийства. В ответ мне пришлось убить Ее. Тебя. Поверить не могу, что я сделал это. Но, кусака, — Крэйл поднял взгляд, и его боль резко и без подготовки полоснула Марори по обнаженным натянутым нервам, — я сделал это для всех нас. Вот только теперь, глядя на тебя, я каждый раз заново переживаю те минуты. И мне хочется сдохнуть.

Он откинулся на спинку дивана, закрыл глаза рукавом куртки, как будто его ослепляло болезненно яркое солнце.

— Я тоже встретила одну из сестер, — сказала Марори, вопреки всем запретам Марроу и его попыткам запугать ее любой ценой. — Вот только она не пыталась меня убить или обратить.

— Сестра? — Крэйл издал нервный смешок. — Ты шутишь?

— Она назвала меня так, — пожала плечами Марори, — и я не вижу ни единой причины не звать ее так же в ответ. В конце концов, мы все игрушки твоего отца.

— Он просто безумный гений, — без особого фанатизма вступился за отца Крэйл.

— А ты просто знал обо всех его «лабораториях», контролировал процесс — и теперь просто делаешь вид, что все это тебе в новинку. Ведь знал же? — на всякий случай в лоб спросила она.

— Знал, — спокойно сознался Крэйл. — Потому что мне в печенках сидит мир, в

котором таких, как я, хотят убить только из-за самого факта нашего существования. Я каждый день выгрызаю у жизни право быть таким, как я есть. Я такое же существо, как и остальные. И меня тошнит от небеснорожденных, которые пытаются убедить меня, будто все беды Мироздания от парочки шанатаров. Мы просто хотели выжить, Марори Шаэдис. Выжить в мире, который когда-то был нашим, а теперь превратился в чужую арену для насаждения справедливости.

— Ты же сказал...

— Вандрик начал свои опыты, чтобы спасти своего немощного сына — меня. Я понятия не имел, что именно он собирается сделать, но знал, что Вандрик не позволит издохнуть собственному наследнику. В то вечер, когда ты меня укусила, я видел тебя впервые. Я не знал, что ты такое. — Он поддался вперёд, посмотрел ей в глаза. — Теперь знаю.

— И что же я такое, Крэйл?

В памяти разом, словно стая спугнутых птиц, взвились обрывки признаний Вандрика. Он говорил, что она — его ключ к уничтожению теперешнего порядка. Что она создана для того, чтобы принести боль. Ужасная правда, которую Марори хотелось вышвырнуть в сам Хаос, и сделать вид, что тех слов — всей той встречи — просто не было.

— Ты — Марори Шаэдис миол Морна, — уверенно и твердо сказал Крэйл. — Вандрик создал тебя, значит, ты в некоторой степени.

Тут Крэйл скривился, словно лизнул соляной ком. С таким неприкрытым раздражением он сразу стал похож на себя прежнего: белобрысого парня с целой кучей тараканов в голове, полным отсутствием чувства юмора и невыносимым характером.

— Лучше пусть мне язык отрежут, чем я скажу это вслух, — наконец, сказал он, без интересе разглядываю пейзаж за окном. А потом посмотрел на нее, глаза в глаза. — Мне невыносима мысль о том, чтобы причинить тебе боль. Меня тошнит от тех воспоминаний. Я не могу смотреть на тебя — и не думать о том, что своими же руками разрезал это лицо на куски, лишь бы сделать его неузнаваемым. Лишь бы стереть вашу долбаную похожесть. А когда я приехал и увидел у тебя эти. крылья. Я был уверен, что мне придется тебя убить. Поэтому я просто сбежал. Как последняя трусливая тварь. — Он горько улыбнулся. — Поверить не могу, что ты сидишь во мне так глубоко.

— И поэтому попросил Флоранцию забрать меня? — догадалась она. Крэйл кивнул.

— Я знаю, кем ты можешь стать, Марори Шаэдис. Ты научилась защищаться от темной части себя и использовать ее, чтобы стать сильнее. Теперь ты должна подчинить и светлую. Меня мутит от мысли, что ты окажешься одна среди небеснорожденных сволочей, но я верю в свою кусаку.

— У меня появились еще и клыки, и при необходимости, я точно знаю, как ими воспользоваться. — Она нарочно широко улыбнулась, надеясь, что хотя бы этой глупостью разрядит гнетущую атмосферу их странного разговора. — И эти крылья — они просто есть. Я все еще зануда и тихоня, и плакса, и. — Ее взгляд упал на запястье: на нитку шрама, на рваные следы от собственных клыков. — И еще боги знают кто. Но мне нравится быть Марори Шаэдис. Я не знаю, не помню себя другой.

— Ну раз нравится. — Он выудил из-за пазухи пухлый конверт, положил на стол, который отделял их друг от друга, и взглядом предложил ей изучить его содержимое.

Марори сорвала клейкую ленту, выудила толстую пачку каких-то бумаг.

— Это все, что мне удалось вытащить из закрытого проекта. Большую часть Вандрик очень оперативно уничтожил. Почитаешь, когда приедешь в Эльхайм. — Крэйл снова

поморщился.

Она отложила бумаги и вытряхнула на ладонь черно-красную пластиковую карту. Марори повертела ее в руках.

— Это банковская карта, — сказала просто чтобы не молчать.

— На ней твое имя.

— Зачем мне банковская карта?

— Затем, что ты — Шаэдис. Эти небеснокровные придурки ждут как минимум чертов ураган, а не девочку в потрепанных джинсах и с купленными за полцены старыми учебниками. Извини, Марори Шаэдис, но именно так ты и выглядела, когда появилась в Дра'Море.

— И, помнится, ты сказал, что с первого взгляда хотел меня поцеловать, — краснея, напомнила она.

— Именно поэтому я настаиваю, чтобы ты использовала возможности своей семьи на всю катушку. Мне, знаешь ли, хватает одного повернутого на тебе на всю катушку инкуба. С небеснокровными тварями я не буду так снисходителен, если кому-то из них захочется приударить за моей подружкой.

— Крэйл, я не могу.

— Можешь, — безапелляционно перебил он. — Считай, что я, как ты там говорила? — Он сделал вид, что задумался, потом осклабился, и откинулся на спинку дивана. — Нашел подходящий повод намекнуть своей подружке, что я — парень с определенным финансовым положением. Кроме того, в «Кроучерс» есть ячейка на твое имя. Посмотришь, что там. Предупреждаю, что это — плата за то, что из-за тебя я иногда становлюсь невыносимо сентиментальным придурком. И чтобы прекратить твои попытки корчить скромность — поцелуй меня, кусака.

Она сама не поняла, как взобралась прямо на стол, а оттуда — на него. Оседлала, словно амазонка. Пальцы сами нырнули ему в волосы, взгляд скользнул по лицу, пытливо изучая каждую морщинку в уголке глаз, каждый оттенок его ртутных глаз, выпуклую линию шрама. Руки Крэйла переместились ей на бедра, с силой сжали, вдавливая в свое тело так яростно, что она невольно замерла, наслаждаясь этой странной минутой незамутненной близости. Она мягко поцеловала его в уголок рта, наслаждаясь тем, как это простое касание отозвалось волной дрожью в их телах. Как же она могла думать, что он не достаточно красив?

— Кусака, я просил простой поцелуй. — Он скроил хищную улыбку.

Она сжала волосы Крэйла в кулаке, оттянула голову назад и, наслаждаясь тем, как сбилось его дыхание, прихватила зубами его нижнюю губу.

— За простыми, клыкастый, это не ко мне.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мараабар — место, где живут проклятокровные, огромный город с пригородами.

Тин — приложение для обмена короткими текстовыми и видеосообщениями, а также мультимедийными файлами.